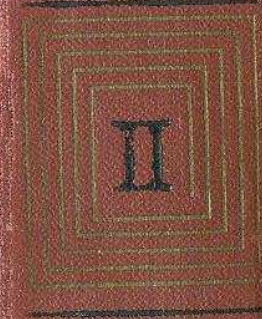

83.3(0)

Д-36.

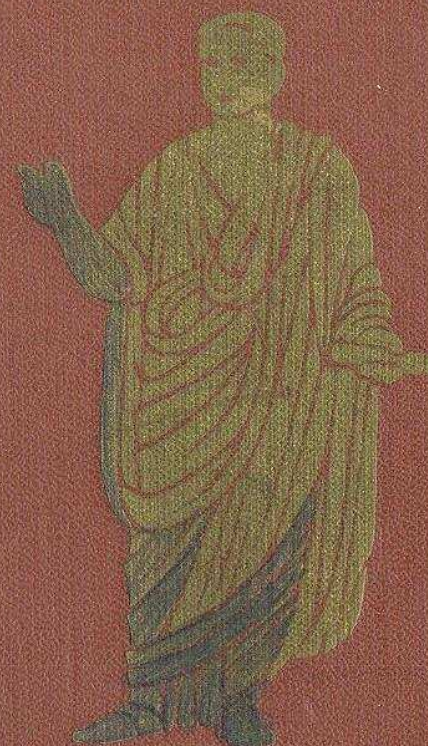
ХРЕСТОМАТИЯ
ПО АНТИЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

II

РГМ

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО АНТИЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО
АНТИЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ДЛЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ

ТОМ

II

МОСКВА • 1965

83,3(0)
Д36 Н.Ф.ДЕРАТАНИ, Н.А.ТИМОФЕЕВА

РИМСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

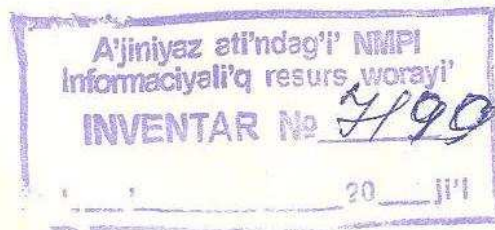

ИЗДАТЕЛЬСТВО
> ПРОСВЕЩЕНИЕ <

Настоящее, шестое издание второго тома «Хрестоматии по античной литературе» выходит с некоторыми изменениями: вновь отредактированы и несколько перестроены вступительные статьи к тем или иным авторам, значительно расширен список библиографии.

Иллюстрированный материал подобран доцентом Н. М. Черемухиной.

Доцент Н. А. Тимофеева

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА О РИМСКОЙ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЕ

К. МАРКС О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В ДРЕВНЕМ РИМЕ И ОБ ОТНОШЕНИИ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА К ДЕЯТЕЛЯМ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Несколько времени тому назад я снова прошел римскую (древнюю) историю до эпохи Августа. Внутреннюю историю можно целиком свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется, вводя те модификации, которые обуславливаются существованием рабства. Задолженность, играющая такую большую роль с самого начала римской истории, является лишь естественным последствием мелкой земельной собственности.

Письмо к Ф. Энгельсу от 8 марта 1855 г.
(Сочинения, т. XXII, стр. 89.)

Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь... Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и глашатаев в Сэях, Кузенах, Руайе-Колларах, Бенжаменах Констанах и Гизо; его настоящие полководцы сидели за конторскими столами, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное созданием богатства и мирной конкурентной борьбой, оно уже не вспоминало, что его колыбель охраняли древнеримские призраки... В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии.

(Сочинения, т. 8, стр. 120.)

Ф. ЭНГЕЛЬС О РИМСКОМ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ СПОСОБЕ
ПРОИЗВОДСТВА

Там, где *рабство* является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец (Рим), не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства.

(Сочинения, т. XIV, стр. 450.)

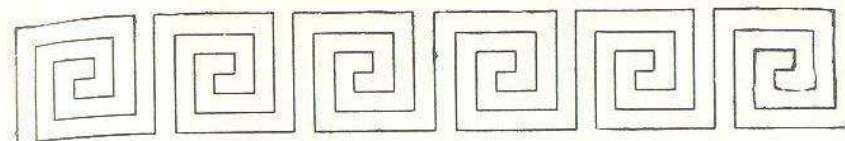
Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в презрении свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое *уже* не могло, второй *еще* не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция.

(Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 127.)

ДРЕВНЕЙШАЯ
РИМСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ФОЛЬКЛОР

Некоторые римские деятели, например Цицерон (Тускул. Беседы, I, 3), категорически утверждали, что в течение первых пяти столетий в Риме поэзии не было. Но такое утверждение не соответствует действительности. Римляне были земледельцами, пастухами и воинами. Их общественная и частная жизнь вызвала необходимость, как и у других народов, поэтически выражать свои чувства, впечатления и желания; у них, несомненно, были песни, воодушевляющие ритмику труда¹, и другие песни — то веселые, связанные с пляской, то грустные; существовали застольные песни о героях, религиозные гимны, молитвы, заплачки, заклинания, поговорки.

ЗАПЛАЧКИ

(НЕНИИ)

Это были причитания на похоронах знатных или прославившихся римлян, исполнявшиеся наемными плакальщицами. Их вопли вызвали протест, и уже закон 12 таблиц говорит: «Женам щек не царапать и воя на похоронах не поднимать». Но, видимо, эти архаические песни печали и славословия кое-где, особенно в провинции, сохранились; они переходили и в стихотворные эпитафии, например:

Мать свою покинула
В горе, в плаче, во стенании.
Злая смерть тебя похитила:
Девой чистой и несчастною,
Светик мой, ты мать оставила².

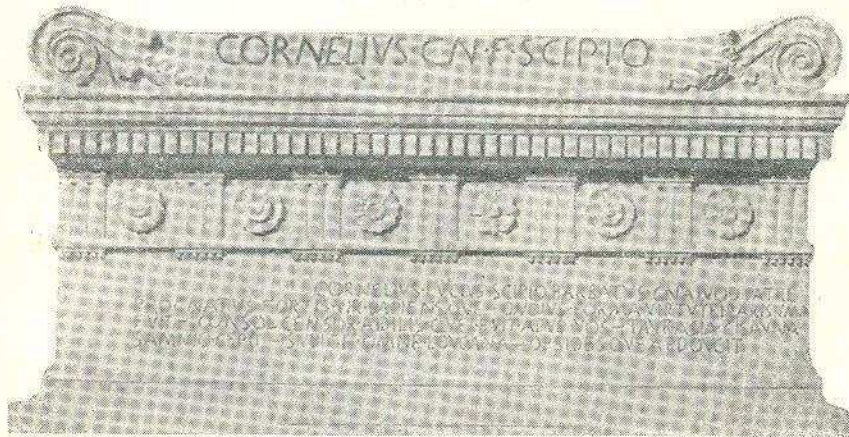
¹ См. в конце хрестоматии позднюю «Песню гребцов».

² Corp. inscrip. Lat.

Заплачка-восхваление, перейдя впоследствии в надгробную речь (laudatio funebris), отразилась в надгробных надписях на могиле Сципионов.

Корнелий Люций Сципион Брадатый¹
Гнеем он отцом рожденный, храбрый муж и мудрый,
Внешностью своей он равен был блестящим доблестям;
Тот, что был у вас и консулом, и цензором, эдилом,
Взял в самнитской он земле Таврасию, Цисавну,
Подчинил он всю Луканию,
И заложников оттуда вывел он.

В одном согласны все римляне —
Был на войне он лучшим мужем,
Люций Сципион, сын Бородатого;
Он был у вас и консулом, и цензором, и эдилом.

Саркофаг Люция Корнелия Сципиона. Барбата. Рим. II в. до н. э.

Он взял войною Корсику, Алерию; а в городе
Он Бурям храм воздвиг, обещанный за помощь².

Эти надписи написаны древнейшим стихом римской литературы — «сатурновым стихом». Он был назван так в честь древнейшего божества Сатурна, которого его сын Юпитер, согласно мифам, изгнал с неба и сделал царем Италии. Написанный в размере народного творчества, он был гибок и разнообразен по своей структуре (как доказал акад. Ф. Е. Корш) и приближался к былинным стихам других народов. Он не укладывался в рамки позднейших строгих метрических законов, поэтому постепенно был забыт.

¹ Консул 298 г. до н. э.; его сын (см. ниже) — консул 259 г.

² В память того, что флот карфагенян был потоплен бурей, Сципион воздвиг в Риме храм Бурям.

Надгробная стела семьи Люция Вибия. Рим. III в. до н. э.

ПЕСНИ-ЗАКЛИНАНИЯ

1) При заключении мира:¹

Слушай, Юпитер!
Слушайте, земли!
Слушай, божий закон!²

Я, римского вестник народа, послом
Законно богохранимый пришел,
Да будет словам моим вера!

2) Заклинания против подагры:

Я тебя здесь называю, помоги моим ногам:
Пусть земля возьмет все боли, здесь останется здоровье.

¹ Включены в рассказ Ливия (I, 32, 6).

² Тройное воззвание характерно для древнейшей итальянской поэзии.

3) Заклинание от болезни в горле:

Выйди, выйди, выйди, если ты сегодня, если раньше
родилась,
Если ты сегодня появилась, если раньше сотворилась.

АРВАЛЬСКИЙ ГИМН¹

Его чтение, равно и перевод, представляют большие трудности. Праздник «арвальских братьев» падал на май. Приблизительный смысл этого ритмического гимна таков:

Будьте нам на помощь, лары!²
Не позволь заразе, ты, о Мар-мар³ — Марс могучий, —
нам поля губить и наш народ.
(За себя, за них плачу я этими бобами!) Будь же ими
сыт ты, Марс жестокий!
Влага, брызжи, стой, тепло! Справа, слева всех зови
Семонов⁴ семя сеять!
Нам же, Мар-мар, будь на помощь! Ну, скачи!

МОЛИТВА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ БОГУ МАРСУ

Марс-отец, молюсь тебе и прошу тебя, буди благ и милостив ко мне, к дому и к домочадцам моим: сего ради повелея я обойти шествием вокруг поля, земли и имения моего, да запретишь, защитишь и отворишь болезни зримые и незримые, недород и голод, бури и ненастье; да пошлешь рост и благоденствие злакам, хлебу, лозам и посадкам; да сохранишь здоровыми и невредимыми пастухов и скот; да пошлешь здравие и преуспеяние мне, дому и домочадцам нашим. Сего ради и ради очищения имения, земли и поля моего и свершения очищения, как я сказал, почтен буди сими животными-сосунками. Марс-отец, сего дела ради буди почтен сими животными-сосунками⁵.

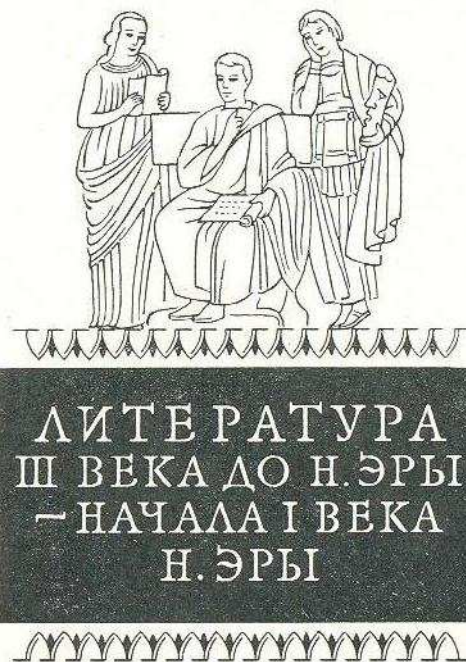
¹ Происходит от древнеримского слова «агуа» — пахотное поле; песня братьев-пахарей. Они составляли религиозное братство, функцией которого было моление богам плодородия.

² Боги — покровители домашнего очага.

³ Мар-мар (удвоение слога или слова увеличивает его силу) — сильный, могучий Марс.

⁴ Древние божества посевов.

⁵ Эта молитва приводится Катонем Старшим в его трактате «О земледелии», I, 41.

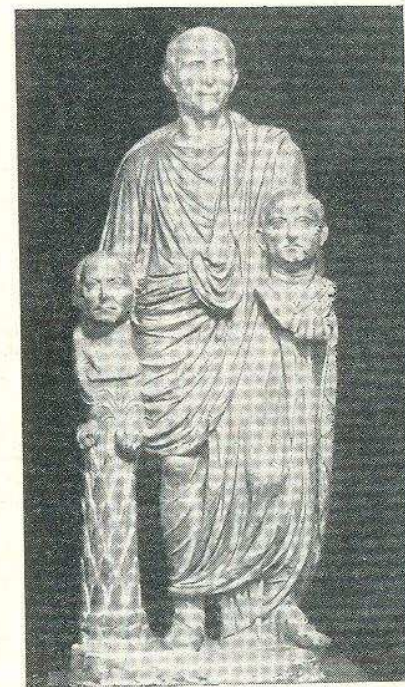

ЛИТЕРАТУРА III ВЕКА И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ВЕКА ДО Н. Э.

В III—II вв. до н. э. в Италии происходят большие социальные перемены. Втягивание рабов в производство при наличии еще многочисленных свободных мелких тружеников содействует окончательному формированию классов рабов и рабовладельцев. Потребность в расширении земельных наделов имела своим следствием покорение Римом Италии, а развитие торговли, погоня за рабами как орудием производства вызвали широкую экспансию в бассейн Средиземного моря (завоевание северной Африки и Греции). Передовые рабовладельцы, преодолевая сопротивление консервативных патрицианских слоев во главе с Катон Старшим, стремятся освоить греческую культуру, которая уже со времени покорения «Великой Греции» (греческих колоний на юге Италии и в Сицилии) стала проникать в Рим.

Культурное влияние Греции содействовало развитию римской литературы. Уже в III в. появляется плеяда поэтов, которые переделывают для римской сцены греческую трагедию и комедию, некоторые из них поэтизируют римскую старину в своих произведениях.

Первым поэтом, познакомившим римлян с греческой литературой, был Ливий Андроник. Он перевел «сатуриовым» стихом «Одиссею» Гомера, а в 240 г. до н. э. поставил на римской сцене переведенные на латинский язык греческие комедии и трагедии, от которых сохранились лишь отдельные стихи и заглавия.

Статуя знатного римлянина с масками предков. Рим, II в. до н. э.

НЕВИЙ

(274—201 гг. до н. э.)

Другим значительным поэтом этого периода был Невий (Gn. Naevius). Родом он был, по-видимому, из Кампании, служил в римской армии во время первой Пунической войны, которую впоследствии описал в своем эпосе. Невий враждебно относился к агрессивной политике римской аристократии, осо-

Капитолийская волчица.
Бронза. VI в. до н. э. Рим
(фигуры Ромула и Рема сде-
ланы в XV в. нашей эры).

бенно резко выступал он против дома Метеллов. Он обличал их язвительными стихами: «На горе Риму в нем Метеллы консулы».

Метеллы отвечали Невию тоже стихом: «Накажут вот Метеллы Невия-поэта». Но этого было мало. Разгневанная знать на основании закона 12 таблиц «о диффамации» посадила Невия в тюрьму, и только благодаря вмешательству народных трибунов поэт был освобожден. Невий вынужден был бежать от грозивших ему новых репрессий: он уехал в Африку, в город Утику, где и умер.

Свою литературную деятельность Невий начал с комедий и трагедий. Наряду с трагедиями, сюжеты которых заимствованы из греческой литературы, Невий создал и национальную трагедию (fabula praetextata). Но славу он заслужил своей поэмой о первой Пунической войне (Bellum Punicum); Невий начинает свое повествование с первых дней римской истории; он первый закрепил в литературе миф о происхождении латинян от троянцев, описав бегство Энея из Трои с отцом Анхисом, его пребывание у Дидоны и т. д. (см. ниже «Энеиду» Вергилия). Поэма пользовалась большой любовью у римлян; даже во II в. н. э. ею увлекались император Марк Аврелий и его учитель Фронтон. До нас дошли лишь ничтожные ее отрывки, написанные «сатурновым» стихом, который Невий сделал более гибким и изящным. Начало этой поэмы:

Я буду петь сынов земли Латинской, силу
Пунийцев и коварство смело сокрушивших.

Изображая один из эпизодов неудачного для римлян сражения, Невий пишет:

Им лучше хочется погибнуть, силе уступая,
Чем, опозоривши себя, домой вернуться.

греческой бытовой комедии приобретали известную актуальность и в Риме. Плавт, как и другие драматурги III—II вв., начиная с Ливия Андроника, использует для римской сцены сюжеты греческой бытовой комедии (Филемона, Дифила, отчасти Менандра). Он сохраняет греческие названия городов, местностей, персонажей: даже «Великую Грецию» (юг Италии и Сицилию) он называет с точки зрения грека «Graecia exotica» (Менехмы, 236), т. е. внешняя, иноземная Греция. Но он выбирает греческие сюжеты и образы, созвучные римской действительности его времени, творчески использует их и создает яркие комедии, проникнутые духом широких плебейских масс.

Однако III—II вв. для Рима не были, как в Греции, эпохой упадка; это был период развития общественно-политической жизни, период усиления плебейских слоев. Характер эпохи отразился в динамике развития действия и в том оптимизме, который присущ комедии Плавта.

Приспосабливая сюжеты греческих комедий ко вкусам широких слоев римского общества, поэт, по примеру драматурга Невия, контаминирует, т. е. присоединяет, к своему основному греческому оригиналу сцены из других, схожих по сюжету греческих комедий; этим он придает большую живость действию; при этом всюду вносит свой бодрый смех и яркую буффонаду.

Комизм Плавта тесно связан с народной буффонадой итальянской ателланы (см. ниже), он близок и к Аристофану. Комедия Плавта более демократична, чем греческая бытовая комедия. Плавт иногда прорывает чуждую его комедиям греческую оболочку, делая экскурсы в римский быт, прибегая к римской терминологии (особенно юридической). В отличие от авторов греческой бытовой комедии он проявляет больший интерес к современной ему политической действительности.

Язык Плавта соответствует характеру его комедий. Его литературная речь (таков в основном язык рабов в его комедиях) близка к разговорному, народному языку. Плавт несколько дифференцирует язык своих персонажей: пословицы, поговорки, аллитерации, ассонансы, иногда грубые каламбуры особенно часто употребляют рабы и другие демократические персонажи.

С живостью и виртуозностью языка гармонирует и метрика комедий, отличающаяся большим, чем в греческой комедии, разнообразием стихотворных размеров, особенно в «кантиках» (вокальных частях комедий). В Риме буффонада Плавта продолжала жить в ателлане и мимах. Комедия Плавта творчески была использована в европейской драматургии, в особенности Мольером (комедии «Скупой», «Амфитрион», образы слуг в комедиях «Прodelки Скапена», «Дон Жуан» и т. д.), а также Шекспиром («Комедия ошибок»).

Перевод всех комедий Плавта сделан А. В. Артюшковым, изд. «Академия», т. I, 1933; т. II, 1935; т. III, 1937.

КОМЕДИЯ О ГОРШКЕ

(Aulularia)¹

По своей фабуле эта комедия близка к греческим менандровским комедиям; существует мнение, что сюжет ее и взят из комедии Менандра.

Старик Евклион нашел горшок с золотом. За дочь Евклиона сватается богатый сосед Мегадор; дочь же Евклиона еще раньше была соблазнена племянником Мегадора Ликонидом. Во время свадебных приготовлений у дочери Евклиона наступают роды; тогда Ликонид признается Евклиону, что он

¹ Точнее «Горшечная комедия»; в русских переводах она называется то «Клад», то «Кубышка».

соблазнил его дочь. Раб Стробил похищает у Евклиона найденный им горшок с золотом. Евклион в отчаянии. Конец комедии до нас не дошел.

Главный образ пьесы — Евклион, который все время дрожит за целостность найденного и спрятанного им горшка с золотом.

Комедия ставит проблему богатства, ярко отражает антагонизм богатых и бедных, начинавший обостряться в Риме во II в. до н. э. Мольер в комедии «L'avare» («Скупой»), рисуя образ скупца Гарпагона, творчески использует некоторые ситуации и сцены из комедии Плавта «Горшок» (см. примечания).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лар — бог домашнего очага.

Евклион — старик.

Стафила — старуха, служанка Евклиона.

Мегадор — богатый старик, сосед Евклиона.

Евномия — мать Ликонида, сестра Мегадора.

Ликонид — юноша, сын Евномии.

Стробил — раб.

Анфрак

Конгрион } повара.

Пифодик — раб.

Федра — девушка, дочь Евклиона.

Улица с двумя соседними домами, Евклиона и Мегадора. Храм богини Верности; перед ним жертвенник.

ПРОЛОГ¹

Лар

Не знаете, кто я? Скажу вам коротко:

Я Лар домашний из дому вот этого,

Откуда, как вы видите, я вышел. Здесь

Уж много лет живу, был покровителем

Отцу и деду нового хозяина.

Мне дед его с мольбою вверил золота

Сокрытый клад: в середине очага его

Зарыл, оберегать его меня молил.

И умер он: настолько жаден был в душе,

¹⁰ Что сыну не хотел его показывать,

Предпочитал его оставить в бедности,

Лишь только б не указывать сокровища.

Земли ему оставил небольшой клочок,

Пускай живет в труде большом и

бедствует.

¹ У Плавта пролог иногда вкладывается в уста не человека, а какой-нибудь аллегорической фигуры; в комедии «Trinummus» («Три монеты») пролог произносит Luxuria (Роскошь), в комедии «Rudens» («Канат») — звезда Арктур, в комедии «Cistellaria» («Ларчик») — Auxilium (богиня Помощи).

Когда он умер, клад мне тот доверивши,
Присматриваться стал я, не окажет ли

Мне сын почета больше, чем отец его,

Но он все меньше, меньше почитал меня,

Все меньше мне даров почетных даривал.

²⁰ И я к нему отнесся соответственно.

Но вот и он скончался, и остался сын,

Вот этот, в доме он теперь хозяином,

Такой же точно нравом, как отец и дед.

С ним дочь живет, она мне каждодневно

в дар

Вино приносит, ладан или что-нибудь

Подобное, венки кладет. Так в честь ее

Дозволил Евклиону я тот клад найти,

Чтоб легче мог он выдать замуж дочь

свою.

Свершил над нею некий знатный юноша

³⁰ Насилие: ему известно, кто она,

Она ж его не знает, как и сам отец

Не знает про насилие над дочерью¹.

Я сделаю, что этот вот старик сосед

Ее себе попросит в жены, все затем,

Чтоб легче замуж взял ее тот юноша.

Старик тот, что на ней жениться думает,

Он юноше, который осрамил ее

В Церерин праздник², дядею приходится,

Но вот уже кричит старик: всегда он так.

⁴⁰ Старуху гонит, тайну б не проведала.

На золото взглянуть он хочет, цело ли.

АКТ I

СЦЕНА 1-я

Евклион, Стафила

Евклион

Вон! Вон отсюда! Прочь! За дверь! Проваливай!
Подглядывать, глазами шнырять тебе!

Стафила

За что меня, несчастную, колотишь ты?

¹ Мотив насилия, служащий особенно для развязки действия, — частый элемент фабулы бытовой комедии.

² В честь Цереры (Деметры) — богини земледелия и плодородия.

Евклион

Чтоб и на деле ты была несчастна, дрянь,
Дрянную жизнь вела б, тебя достойную.

Стафила

Сейчас меня за что ты выгнал из дому?

Евклион

Тебе, что ль, колотушке, отдавать отчет?
Ступай от двери! Прочь отсюда! Гляньте, как
Ступает! А ты знаешь, до чего дойдет?
Возьму сейчас веревку или палку я
И ею удлиню твой черепаший шаг!

Стафила

⁵⁰ На виселицу лучше б дали боги мне
Попасть, чем так вот у тебя на службе быть.

Евклион

Вишь, про себя бормочет что-то, подлая!
Постой ты, тварь! Глаза, ей-богу, выдеру!
Подсматривать за мною я не дам тебе.
Прочь! Прочь! Еще, еще! Вот так теперь. Эге,
Там стой! А если с этого мне места чуть,
На пальчик, ноготочек, пододвинешься,
Оглянешься, покуда не позволю я,
Сейчас же палачу отдам на выучку!
⁶⁰ Подлей старухи этой я не видывал.
Вовеки! Право, очень я боюсь ее:
Враспloh ко мне нечаянно подкрадется,
Пронюхает, где золото запрятано!
Глаза и на затылке есть у бестии ¹.

Стафила

⁸⁰ Как не так!
Мне сторожить? Что, разве дом утащит кто?

¹ Латинская пословица (in occipitio quo-que habet oculos) вполне совпадает с русской. Как было указано, рабы и более демократические персонажи у Плавта часто употребляют пословицы, поговорки, смелые метафоры, грубые каламбуры; ср. ст. 125 (см. вступительную статью).

Ворам у нас поживы никакой другой, —
Все пустотой полно и паутиною ¹.

Евклион

Уж не тебе ль в угоду, ведьма, должен бы
Меня Юпитер сделать богачом, царем
Филиппом или Дарием? ² Хочу, чтоб ты
Мне эту паутину караулила.
Я беден, да. Терплю! То воля божия!
Входи, запри там двери. Я сейчас вернусь,
⁹⁰ С чужими осторожней, не пускать никак.
Придут за огонечком — потуши тотчас,
Чтоб не было причины приставать к тебе.
Найду огонь — тебе притушку сделаю.
Воды попросят — ты скажи: ушла вода.
Соседи вечно клянчат: то посуды им,
То ножик, то топорик, пестик, ступочку.
Скажи, что были воры, утащили все,
Ну, словом, кто б там ни был, без меня не смей
Впускать! Запомни твердо: не пускать никак,
Хотя б сама Фортуна ³ посетила нас.

Стафила

Наверно, ей самой не очень хочется
Быть впущенной; ни разу к дому нашему
Не подошла, хотя бы и вблизи была.

Евклион

¹⁰⁰ Молчи! Иди!

Стафила

Молчу. Иду.

Евклион

Запри совсем
Двойным засовом двери! Я сейчас вернусь.

¹ Евклиона все считают бедняком; он и сам себя называет так (стихи 88, 227); бедняком считает его и сосед Мегадор (ст. 171). Стафила говорит со свойственной рабам конкретностью выражения: «дом наполнен пустотой».

² Филипп, царь Македонский (IV в. до н. э.), и Дарий I, персидский царь (521—486), были обладателями огромного богатства; их имена у греков стали нарицательными для обозначения богачей.

³ Богиня судьбы, счастья.

(Стафила уходит.)

Измучился! Уйти мне нужно из дому!
Ох, как идти не хочется, а дело есть.
Сказал нам старшина из нашей курии¹,
Что деньги раздаваться будут. Если я
За ними не явлюся, заподозрят все
Тотчас, что я припрятал дома золото:
110 Возможное ли дело, чтоб иной бедняк
Получкой пренебрег, хоть и грошевою?
Уж как от всех скрываю я старательно,
А чудится, что всем известно: все меня
Приветствуют любезнее, чем до сих пор!
Подходят, останавливают, руки жмут,
Расспрашивают, как дела, здоровье как?
Пойду, куда направился. А там — домой.
К себе назад, скорее по возможности. (Уходит.)

АКТ II

СЦЕНА 1-я

Евномия, Мегадор

Евномия

120 Поверишь ли, брат, эти речи исходят
От чистого сердца, в твоих интересах:
Иное родной бы сестре не пристало,
Нас, женщин, не любят, чего обольщаться, —
Считают болтливými и не напрасно,
И есть поговорка: из женщин немая
Еще не встречалась вовеки ни разу.
Однако же, брат, об одном поразмысли:
Тебе я близка, как и ты мне взаимно,
130 Так должно о деле обоим подумать,
Советом взаимным вдвоем поделиться.
Не надо таиться, не надо страшиться
И душу открыть в обоюдной беседе.
Тебя позвала я сюда по секрету —
О деле семейном твоём перемолвить.

Мегадор

Лучшая из женщин, дай мне руку.

¹ Так на римский лад (курии были в Риме) передает Плавт греческое понятие «дем» — округ; старшины демонов раздавали вспомоществование бедным гражданам.

Евномия

Кто? Где лучшая?

Мегадор

Ты.

Евномия

Я?

Мегадор

Нет — так нет.

Евномия

Но правду говорить же следует.

140 Не найдешь нигде ты лучшей, — хуже, брат, одна другой.

Мегадор

Я с тобой согласен в этом, возражать не думаю.

Евномия

Выслушай меня, прошу я.

Мегадор

Слушаю. К твоим услугам.

Евномия

Я тебе пришла совет дать,
Для тебя же дело важно.

Мегадор

На тебя оно похоже.

Евномия

Хорошо, чтоб так случилось.

Мегадор

В чем же дело, сестра?

Евномия

Благо вечное, брат,
Для тебя пусть наступит в потомстве.

Мегадор

Да свершится!

Евномия

Хочу, чтоб взял ты жену.

Мегадор

150 Ой, убила!

Евномия

Но чем?

Мегадор

Выбиваешь мне мозг
Ты, сестра: не слова это — камни.

Евномия

Но послушай, последуй совету сестры.

Мегадор

Нет охоты.

Евномия

Тебе же на пользу.

Мегадор

Я скорей умереть соглашусь, чем женюсь.
Впрочем, если такую предложишь,
Чтобы завтра пришла, послезавтра ж ее
В двери вынесли, то я согласен,
Вот на этом условии свадьбу готовь.

Евномия

160 Указать тебе могу я женщину с приданым,
Но не первой молодости, средних лет она уж,
Я могу тебе посватать, если ты согласен.

Мегадор

Мне один вопрос позволишь?

Евномия

Спрашивай, пожалуйста.

Мегадор

Сам в летах, жену умно ли выбрать в среднем возрасте?
Вдруг у старика ребенок — с этою старухой;
Разве избежать он может прозвища «последыша».
А сейчас сниму с тебя я бремя, облегчу тебя.
Волею богов, трудами предков я вполне богат.
Что мне чванство, тьма клиентов, пышное приданое,
Крик, капризы, приказанье, пурпур, кость слоновая
На повозках, одеянье женское — да что мне в них?
Нравы эти обращают всех мужей в невольников¹.

Евномия

Ну, скажи, кого ты хочешь замуж взять?

Мегадор

170

Скажу сейчас.
Евклиона, старика, ты знаешь? Наш сосед, бедняк.

Евномия

Как же, знаю, человек он неплохой.

Мегадор

Я дочь его,
Девушку, хочу посватать. Нет, не возражай, сестра,
Бедная, я знаю, скажешь: бедная, да нравится.

¹ Изображая разрушение старых патриархальных устоев семьи и немалое значение в этом силы денег, бытовая комедия особенно подчеркивает вред приносимого женами приданого; приданницы требуют на себя больших трат и обращают мужей в невольников (см. дальше монолог Мегадора, стихи 505—520). Здесь Плавт дает картину нравов современного ему Рима и показывает свое отрицательное отношение к роскоши римских матрон. Это подтверждается упоминанием повозок, украшенных слоновой костью, на которых ездили женщины в Риме. Повозки упоминаются и дальше, в ст. 505. Известно, что консерватор цензор Катон Старший резко восставал в 195 г. до н. э. против отмены закона Оппия, запрещавшего женщинам ездить в повозках, украшенных слоновой костью. У Мегадора эпикурейские вкусы; он заботится лишь о своем спокойствии.

Евномия
Что ж, на счастье.

Мегадор
Я надеюсь.

Евномия
Что еще?

Мегадор

Прощай!

Евномия

Прощай! (*Уходит.*)

Мегадор

Повидаю Евклиона, если только дома он,
Вот и он: домой обратно он идет откуда-то.

СЦЕНА 2-я

Евклион, Мегадор

Евклион

Сердцем чуял, что напрасно ухожу я из дому.
Вот как не хотел! Пришел я — никого из курии
¹⁸⁰ Нет и старшины, и самой денежной раздачи нет.
Ну, скорей, скорей домой! Сам тут, а дома вся душа.

Мегадор

Евклион, тебе привет мой, счастлив будь, всегда здоров.

Евклион

Здравствуй, Мегадор!

Мегадор

Ну что ты, как дела, здоровье как?

Евклион (*в сторону*)

Не случайно, что богатый этак липнет к бедному:
Золото мое пронюхал, вот и подольщается.

Мегадор

Как здоров ты?

Евклион

Сносно, только вот с деньгами...

Мегадор

Э, да что!

Был бы только дух спокоен, а на жизнь достаточно.

Евклион (*в сторону*)

Ясно, это старушонка донесла про золото.
Вот вернусь, язык отрежу прочь! Глаза ей выколю!

Мегадор

Что ты про себя там шепчешь?

Евклион

Все на бедность жалуюсь.

¹⁹⁰ Дочь на возрасте: как выдать замуж без приданого?
Где взять жениха?

Мегадор

Молчи уж, Евклион, бодрее будь!
Помогу тебе в приданом. В чем нужда? Выкладывай!

Евклион (*в сторону*)

Шарит, тут же обещая: пасть раскрыл на золото!
Кажет хлеб одной рукою, камень у него в другой.
Веры нет, когда богатый слишком ласков к бедному.
Руку дружелюбно жмет и тут же кончит пакостью.
Знаю я полипов этих; тронут чуть и держат уж.

Мегадор

Евклион, чуть-чуть вниманья. Коротко сказать тебе
Я хочу о деле нашем общем.

Евклион (*в сторону*)

Ой, беда моя!

²⁰⁰ Золото стащили дома, и теперь он, знаю я,
В дележе сойтись со мною хочет. Нет, домой — взгляну!

Мегадор
Ты куда?

Евклион
Вернусь я тотчас. Дома кой на что взглянуть. *(Уходит.)*¹

Мегадор
Чуть скажу ему, уверен, я про сватовство свое
К дочери его, решит он: это издевательство.
Не видал, кто был бы столь же скуп, как он, от бедности.

Евклион *(возвращается)*
Цело, слава богу: если что не гибнет, цело то.
Подходя, уж так боялся: просто захватило дух!
Мегадор, я тут. В чем дело?

Мегадор
Я весьма признателен.
210 Не побрезгай дать ответ мне, что я у тебя спрошу.

Евклион
Что ты спросишь? На иное отвечать охоты нет.

Мегадор
Вот что: как ты полагаешь, род хорош мой?

Евклион
Да, хорош.

Мегадор
Слава не худая?

Евклион
Нисколько.

Мегадор
Как поступи?

¹ В комедии Мольера «Скупой» Гарпагон тоже постоянно беспокоится за свое золото и ходит посмотреть, цело ли оно (см. действие I, сц. 7).

Евклион
Честные.

Мегадор
Знаешь возраст мой?

Евклион
Немалый, так же как и денежки.

Мегадор
Точно так же для меня ты безупречным был всегда
Гражданином, как и ныне.

Евклион *(в сторону)*
Чует запах золота.
В чем же дело?

Мегадор
Если вот как друг на друга смотрим мы,
То тебе и мне на счастье и на счастье дочери
За меня се ты выдай. Отвечай: да будет так!

Евклион
Ах, ах, Мегадор! Так делать недостойно дел твоих.
Перед тобой бедняк невинен: что же ты смеешься так?
Ни словами, ни делами я не заслужил того.

Мегадор
Не смеюсь я, и смеяться над тобой причины нет.

Евклион
Так зачем тогда к моей ты сватаешься дочери?

Мегадор
Положение улущу ваше я, а вы — мое.

Евклион
Вот что мне на ум приходит. Человек богатый ты
И влиятельный, равно как я из бедняков бедняк.

Дочь вот за тебя я выдам (мне приходит в голову):
Ты — что бык, а я — что ослик. Нас ли запрягать вдвоем?
230 Груза не снести мне вровень: ослик в грязь упал, лежит —
Бык не обернется, точно ослика на свете нет.
Ты мне станешь недругом, свои все засмеют меня,
Стойла нет ни там, ни здесь мне, если так разлад пойдет.
Изорвут ослы зубами, принажмет рогами бык.
От ослов к быкам уйти мне — очень это риск большой.

Мегадор

Породниться с честными — вот дело наилучшее.
Слушай-ка, прими мое ты это предложение,
За меня ее просватай.

Евклион

Но ведь нет приданого!

Мегадор

Пусть! Будет добрый нрав — довольно этого приданого.

Евклион

Я к тому, чтоб ты не думал, что я клад нашел какой.

Мегадор

Знаю, не учи. Согласен?

Евклион

Пусть. Юпитер! Смерть моя!

Мегадор

Что с тобою?

Евклион

Что? Как будто лязг железа, вот сейчас.
(Убегает.)

Мегадор

У себя велел копать я сад. Однако где же он?
Скрылся, не сказав ни слова! Как он мною брезгает!
Видит, с ним ищу я дружбы, делает, как все у нас:

Если подружиться с бедным вздумает иной богач, —
Бедный подойти боится, страхом портит дело все,
А когда упущен случай — хочет сам, да поздно уж.

Евклион (говорит, обернувшись к дому)

230 Если не отдам язык твой с корнем вовсе вырезать, —
Ты меня кому угодно сдай, пускай кастрируют.

Мегадор

Для насмешки человека, вижу, подходящего
Ты искал постарше, но ведь я не заслужил того.

Евклион

Мегадор, я не смеялся. Если бы и хотел, не мог.

Мегадор

Что же, выдать дочь согласен?

Евклион

Да, на тех условиях,
С тем приданым, как сказал я.

Мегадор

Выдаешь?

Евклион

Да, выдаю.

Мегадор

Дай бог счастья!

Евклион

Дай бог счастья! Но ты помни все-таки:
Мы сошлись на том, что выдал дочь я без приданого.

Мегадор

Помню.

Евклион

200 Я ведь знаю, как вы путаницу любите:
Было — не было решения, сладились — не сладились,
Лишь по-вашему бы вышло.

Мегадор

Спора никакого я
Не предвижу. Что до свадьбы, почему бы нынче же
Нам ее не справить?

Евклион

Очень хорошо.

Мегадор

Ну, стало быть,
Я готовиться отправлюсь. Все ли?

Евклион

Все.

Мегадор

Иду. Прощай! (Уходя.)
Эй, Стробил, за мной на рынок поспешай проворнее!

Евклион

Он ушел отсюда. Боги! Что за сила в золоте!
Думаю, уж он прослышал, что я в доме клад держу,
Оттого и пасть разинул, на родство упорно шел.

СЦЕНА 3-я

Евклион, Стафила

Евклион

Эй, да где же ты? Разболтала всем соседям, будто я
Дам приданое за дочкой! Эй, Стафила! Слышишь, что ль?
Я тебя зову. Посуду чисти, мой скорей. Я дочь
Сговорил. За Мегадора нынче выдаю ее.

Стафила

Дай бог счастья! Но ведь это невозможно: сразу вдруг.

Евклион

Ты молчи! Ступай! Все сделай, как вернусь я с площади,
Дверь запри. Вернусь я скоро. (Уходит.)

Стафила

Что же делать мне теперь?
Вот когда пришел конец нам, мне с хозяйской дочерью!
Скрыть нельзя позора! Роды близки, и не скроешь их!
Было до сих пор все шито-крыто, а теперь нельзя.
Ну, пойду. К его приходу сделаю, что он велел.
Горя пополам с бедою нам-таки хлебнуть, боюсь! (Уходит.)

СЦЕНА 4-я

Стробил¹, Анфрак, Конгрион²

Стробил

На рынке наш хозяин поваров нанял
И флейтщиц этих. Сделавши покупки все,
Велел их на две части разделить потом...

Анфрак

Чью дочь берет?

Стробил

Соседа Евклиона, старика. Ему
Покупок половину отделить велел,
И повара и флейтщицу одну из двух.

Анфрак

Ему, вишь, половину, половину вам?

Стробил

Вот именно.

Конгрион

Но, стало быть, не мог старик
На свой счет свадьбу дочери отпраздновать?

Стробил

Э!

¹ Любимый Плавтом образ ловкого раба.

² У Плавта самые имена указывают на профессию: Анфрак — уголь,
Конгрион — морской угорь (рыба).

Конгрион

В чем же дело?

Стробил

Дело в чем? Какой вопрос!
Сухарь — старик наш, суше пемзы...

Анфрак

Ну-у?

Стробил

Да-да,
300 Я говорю. Подумай сам: кричит, богов,
Людей зовет в свидетели немедленно,
Что он погиб, под корень срезан, чуть дымок
Под чугуном его наружу вылетит!
А спать идет — повяжет рот мешком.

Анфрак

Зачем?

Стробил

А чтоб во сне не упустить дыхания...

Анфрак

А как он с нижним горлом? Затыкает, что ль,
Чтоб тоже не ушло дыханье случаем?¹

Стробил

Ну, тут на веру. Ты мне верь, как я тебе.

Анфрак

Охотно верю.

Стробил

Знаешь ли, он как еще?
Чуть умываться — плачет: воду жаль пролить!

¹ Повара в бытовой комедии — обычно грубые остряки. Эти остроты сближают Плавта с Аристофаном.

Анфрак

У старика нельзя ли денег выпросить
310 С талант¹ — да на свободу откупиться?

Стробил

Да!

Хоть голода займы проси, и то не даст.
Обрезал как-то ногти у цирюльника:
Собрал, унес с собою все обрезочки.

Анфрак

Как видно, скряга-скрягой человек твой.

Стробил

Подумай, до чего он скуп и скареден!
Недавно коршун кашу у него унес:
Идет, рыдая, к претору² и с плачем там,
И с воем просит, чтобы с поручительством
К суду привлечь ему бы дали коршуна³.
320 В досуг бы рассказал бы сотни случаев.
Скажите, кто из вас попрытче?

Анфрак

Я.

И много лучше.

Стробил

Повара, не вора мне⁴.

Анфрак

Ну да, я повар.

Стробил (Конгриону)

Ты что скажешь?

¹ Около 1500 серебряных рублей.

² Плавт часто приводит, имея в виду своих зрителей, названия римских магистратур; здесь, кроме того, говорится о римском суде «с поручителями».

³ У Мольера, по словам Жака, Гарпагон привлек к суду соседнюю кошку за то, что она съела у него остаток бараньего жира.

⁴ Стробил считает всех поваров ворами. Он принимает приткость Анфрак за склонность к воровству. Повар даже клянется богиней воров (ст. 445).

Конгрион

Весь я тут.

Анфрак

Он повар поминальный, на девятый день
Зовут его¹.

Конгрион

Трехбуквенное прозвище!²
Меня бранить? Ты вор и вор и трижды вор.

Стробил

Молчи ты там! Ягненок пожирней один...

Анфрак

Ну да.

Стробил

Ты забирай-ка, Конгрион, того
И в дом иди туда вон. Ну, и вы за ним,
А остальные к нам сюда.

Конгрион

Неправильно
Дележ идет. Барашка им жирнее дал.

Стробил

Зато тебе жирнее дам я флейтщицу.
Эй, Фригия, ты с ним иди. Элевсия,
Сюда, к нам!

(Анфрак, часть поварят и одна флейтистка уходят в дом Мегадора.)

Конгрион

О Стробил коварный, как же так?
К кому меня загнал ты? К скряге старому!
Чего с него возьмешь? Хоть до осиплости
Кричи.

¹ Анфрак хочет сказать, что Конгрион — плохой повар, которого приглашают лишь стряпать на поминках, когда блюда подавались не особенно изысканные.

² Слово «вор», которое и в латинском языке состоит из трех букв (iur).

Стробил

Ты глуп, не знаешь благодарности.

Конгрион

Как так?

Стробил

А так. Во-первых, в доме здесь тебе
340 Не будет шумно. В чем нужда, сам из дому
Несешь: на просьбы не потратишь времени.
У нас и шум, и давка, и народ везде,
Посуда, серебро, ковры и золото.
Пропало что (я знаю, что выдержан ты
Весьма, пока что не попало под руку),
И скажут: «Повара украли! Эй, хватай,
Вяжи! Лупи! Сажай в подвал!» А там с тобой
Никак того не будет, так как нечего
Стащить тебе. За мной сюда иди.

Конгрион

Иду.

СЦЕНА 5-я

Стробил, Стафила, Конгрион

Стробил (стучит)

350 Эй, ты, Стафила! Дверь открой. Эй-эй!

Стафила

Кто там?

Стробил

Стробил.

Стафила

Что надо?

Стробил

Этих поваров бери
И флейтщицу. А вот съестное. К свадьбе все
Послать в дом Евклиона Мегадор велел.

Стафила

Церерину, что ль, свадьбу будем праздновать?¹

Стробил

А что?

Стафила

Да ничего не вижу винного².

Стробил

Уж принесут, как с рынка возвратится сам.

Стафила

Да нет у нас и дров совсем

Конгрион

А доски есть?

Стробил

Есть.

Конгрион

Вот они, дрова-то! Не искать ходить.

Стафила

Ах, мразь, хоть и слуга Вулканов³. Как тебя
360 Огонь не чистит? Что ж, из-за обеда мы,
Из-за твоей ли плахи дом спалить должны?

Конгрион

Не надо.

¹ Разумеется пост в честь богини Цереры, установленный в Риме в 191 г. до н. э. (это упоминание указывает год, после которого написана комедия); Стафила хочет сказать, что на этой свадьбе у Евклиона будет такое же «пышное» угощение, как постом.

² Старухи служанки в бытовой комедии отличаются большим пристрастием к вину, на что указывает и самое имя Стафила, означающее «виноградная лоза».

³ Вулкан — бог всеочищающего огня, с которым имеет дело повар.

Стробил

В дом ведем их.

Стафила

Эй, сюда, за мной! (Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Пифодик

Старайтесь! Поваров пойду проведу.
За ними нужен глаз да глаз. Не лучше ли
Заставить их обед готовить в погребе,
Готовое же кверху в коробах таскать?
А вдруг что наготовят, то внизу сожрут?
Вверху все без обеда, а внизу обед!
Но что ж я разболтался, будто дела нет,
370 А в доме столько набралось грабителей. (Уходит.)

СЦЕНА 7-я

Евклион, Конгрион

Евклион

Хотел я подбодрить себя, свой дух поднять
Сегодня к свадьбе дочери: отправился
На рынок: рыбы спрашиваю — дорого.
Баранина, говядина, телятина,
Тунец, свинина — что ни взять, все дорого
И тем еще дороже: денег не было.
Ушел с досадой, не на что купить совсем.
Вот так-то миновал я рук разбойничьих.
Дорогой сам с собою так раздумался:
380 «Расщедришься ты в праздник нерасчетливо,
Придет нехватка в будни», — и отчетливо
Я сердцу и желудку эту подал мысль,
И дух мой на мое пошел решение,
Как свадьбу справить с меньшими расходами.
Венки купил вот эти и курения,
Возложим на алтарь их Лару нашему,
Пускай дарует счастье браку дочери!
Но это что? Открыта в нашем доме дверь,
И шум внутри. Беда моя! Не грабят ли?

Конгрион (в доме)

390 Горшок спроси побольше у соседей: мал
Твой этот, не вмещает.

Евклион

Горе, я пропал!
Ей-ей! Горшок мой ищут! Тащат золото!
Спаси меня! На помощь, Аполлон! Срази
Стрелой вора моего сокровища:
Ты раньше помогал иным в таких делах.
Но что ж я медлю? В дом скорей, не то погиб!

(Бежит в дом.)

СЦЕНА 8-я

Анфрак (выходит из дома Мегадора)

Дромон, очисти рыбу. Ты, Махерион,
Мурене и угрю хребет повыскобли.
Пока вернусь, все от костей очисти.
400 Я сковородку тут спрошу поблизости
У Конгриона. Петуха очисти ты,
Чтоб стал он глаже, чем актер ошипанный¹.
Но что за крик поднялся у соседей? Э,
Тут повара, как видно, дело делают.
Вернись-ка в дом! И тут бы не поднялся шум.

(Уходит обратно в дом.)

АКТ III

СЦЕНА 1-я

Конгрион (выбегает из дома Евклиона)

Граждане, свои, чужие! И соседи, и пришельцы,
Дайте место, где бежать мне! Улицы освободите!
Первый раз попал к вакханкам поваром для
вакханалий!
410 Мальчики и сам я, бедный, сильно палками избиты!
Всюду боль, совсем конец мой! Так по мне старик
работал!

¹ Римские актеры не брили, а выщипывали себе волосы.

Я еще дубья такого никогда не видывал.
Палкою исколотил нас, за двери повышвырнул.
Ай, пропал! Дверь открывает бешеный! Да вот и он
Гонится! Я знаю, что мне делать! Научил он сам¹.

СЦЕНА 2-я

Евклион, Конгрион

Евклион

Назад! Куда бежишь? Стой, стой!

Конгрион

Чего, дурак, горланишь?

Евклион

В охрану на тебя донос подам!

Конгрион

За что такое?

Евклион

Да ты с ножом.

Конгрион

Так повару и надо.

Евклион

Ты грозил мне.

Конгрион

Одно я сделал плохо: в бок ножом тебя хватить бы.

Евклион

420 Злодей какой! Да этаких на свете не бывало!
С охотой превеликою тебе еще бы всыпал!

¹ Любимая Плавтом живая сцена бега из дома — тоже наследие аристофановского театра (см., например, «Облака», стихи 1321—1325, где побитый Стрелсиад выбегает приблизительно с такими же восклицаниями).

Конгрион

Хоть бы молчал! На деле ведь и так все было ясно.
От палок весь измяк я, как изнеженный распутник.
Чего вцепился, нищий, в нас?

Евклион

Чего? Что за вопрос!
Неужто мало вас трепал? Желаете прибавки?

Конгрион

Постой уж! И тебе влетит! Цела еще башка-то!

Евклион

Что будет после, поглядим. Пока башке попало.
Тебе какое дело тут? Чего в мой дом забрался
Без спросу, чуть я из дому ушел? Скажи?

Конгрион

Отстань ты!
Поварничать на свадьбу мы пришли.

Евклион

Ах ты поганец!
Тебе-то что: сырым ли я, вареным ли питаюсь?
Ты что за опекун такой?

Конгрион

Скажи, однако, прямо:
-430 Ты дашь сегодня или нет обед нам приготовить?

Евклион

А ты скажи, добро мое останется ли цело?

Конгрион

Свое бы унести добро, и то уж буду счастлив.
Своим доволен, на твое не льщусь.

Евклион

Отлично знаю,
Уж не учи.

Конгрион

С чего ты стал мешать готовке нашей?
Что сделали тебе не так? Сказали что неладно?

Евклион

Разбойник ты! что за вопрос? Не вы ль перемutilили
Весь дом и в каждой комнате малейший уголок?
Торчал бы у огня себе, при деле, и была бы
-440 Башка твоя без трещины. И поделом досталось!
Узнать мое решение не терпится? Узнаешь.
Чуть-чуть подвинься к двери, вот сюда, без позволения, —
Тебя сейчас же сделаю несчастнейшим из смертных.
Так понял ты, чего хочу? (Уходит в дом.)

Конгрион

Назад! Куда уходишь?
Богиней всех воров клянусь, Лаверной: если ты мне
Посуду не отдашь мою, под собственным же домом
Тебя я изведу в конец отменнейшею бранью!
Что делать мне? Не в добрый час попал сюда я, видно!
Две драхмы — плата: лекарю заплатишь много больше!

СЦЕНА 3-я

Евклион, Конгрион

Евклион

(выходит из дому, ощупывая горшок с золотом)

Здесь, при мне! Куда ни тронусь, понесу с собой теперь.
-450 Уж его я не оставлю в такой опасности!
В дом хоть все теперь идите, повара и флейтщицы,
И с собой вводи, пожалуй, даже целый полк рабов.
Жарьте спешно и варите, сколько вам захочется.

Конгрион

Вовремя: сначала палкой продырявил голову.

Евклион

В дом иди: ты на работу нанят, а не вздор болтать.

Конгрион

Эй, **старик**! Сдеру с тебя я штраф за избиение!
Да, **варить**, а не побои получать был нанят я.

Евклион

Ну, **судись** со мной, да только отвяжись. Готовь обед
Иль **уходи** от дома прочь к свиньям.

Конгрион

(Уходит.) Ты сам ступай.

СЦЕНА 4-я

Евклион

460 Он ушел отсюда. Боги! Много нужно смелости,
Чтобы бедняку связаться с богачом. Вот Мегадор:
Как на все лады пытается он меня, несчастного!
Будто для почета мне он повара прислал сюда.
Также и петух тот в доме, собственность старухина.
Как, подлец, подвел! Почти что вовсе погубил меня!
Где оно зарыто было, стал когтями рыть кругом.
Что тут говорить! Великим гневом распалился я,
Палку взял; готов петух мой, вор, воришка пойманный!
470 Поварами он подкуплен, в этом нет сомнения,
Клад мой обнаружить: вырвал я из рук оружие!
Мегадор идет, однако, с площади, мой родственник.
Миновать его нельзя мне, дай-ка потолкую с ним.

СЦЕНА 5-я

Мегадор, Евклион

Мегадор

Друзьям своим рассказывал про эту мысль —
На дочери жениться Евклионовой.
Все хвалят: дело умное, хорошее.
По-моему, когда бы все так делали
480 Богатые: женились без приданого
На бедных, — среди граждан больше было бы

Согласия¹; гораздо меньше знали бы
Мы зависти. А как сейчас завидуем!
И жены в большем страхе пребывали бы,
И наши бы расходы поубавились.
Для большинства гораздо лучше было бы,
Лишь с меньшинством борьба пошла бы, с жадными,
Их жадности и полной ненасытности
Закона и предела положить нельзя.
Но, скажут, если право бедным отдано,
490 Богатым и с приданым за кого ж идти?
Их дело, лишь бы только без приданого.
Будь это так, с собою нравы лучшие
В семью внесут, чем ныне это делают,
И мулы, что дороже лошадей сейчас,
Тогда дешевле станут галльских мерингов.

Евклион (в сторону)

С каким я это слышу удовольствием!
Отлично говорит о бережливости!

Мегадор

Не скажет ни одна из них: приданое
Мое побольше, чем твое имущество.
500 Давай за это пурпура и золота,
Служанок, провожатых, мулов, возчиков,
Посыльных, экипажей для катанья мне.

Евклион

Матрон и их проделки знает славно он —
Хороший бы блюститель женских прав был.

Мегадор

Теперь куда ни сунься, — возле дома, глянь,
Повозок больше, чем в ином имении!
Но это хорошо еще сравнительно
С другими всевозможными расходами.
510 Суконщик, ювелир стоит и вышивщик,
Бордюрики, портные, завивальщики,
Бельевщики, рукавщики, мазильщики,
Красильщики: темнильщики, желтильщики,

¹ Характерно замечание, что с уничтожением приданого «граждане будут жить в большем согласии», т. е., что деньги вносят раздор и нарушают патриархальную жизнь. «Согласие» (homonoia) — философско-политический термин греческой философии, оказавшей влияние на бытовую комедию.

Торговцы полотняные, башмачники,
Сапожных дел искусники, ботинщики,
Сандальщики торчат, торчат чистильщики,
Суконщики кричат, кричат чинильщики,
Корсетчики торчат, торчат покровщики.
Ну, кажется, рассчитаны: на место их
Другим числа нет; стражей обступают дом
Шерстильщики, бахромщики, сундучники,
И им расчет. Подумаешь, отпущены —
Нахлынули красильщики, шафранщики,
520 И дрянь всегда какая-то чего-то ждет ¹.

Евклион (в сторону)

Окликнул бы, да жалко: оборвет он свой
Рассказ о женских нравах. Пусть прибавит, пусть!

Мегадор

С бездельниками все расчеты кончены.
Придет голодный воин, денег требует ².
Идут к меняле, с ним расчеты сводятся.
Не евши ждет вояка, на получку все
Надеется. Сведен расчет с менялою,
530 И долгу за самим еще окажется,
А воин обнадежен до другого дня.
И много неприятностей других и трат
Несноснейших с большим приданым связано.
Во власти мужа полной бесприданница;
Жена с приданым — мужу разорение.
А, родственник у двери, Евклион. Ну, что?

СЦЕНА 6-я

Те же

Евклион

Твоею речью прямо упивался я.

Мегадор

Слыхал?

¹ Вероятно, некоторые профессии ремесленников здесь выдуманы для комизма; сохраненная в переводе рифма в названиях этих профессий (в подлиннике с окончанием — arii) еще усиливает комический эффект. К тому же все это место произносилось актером, вероятно, без передышки, т. е. это был *pnigos* (удушье) — комический актерский прием, наследие аристофановского театра.
² Имеется в виду какой-то военный налог.

Евклион

Все от начала до конца.

Мегадор

А мне,
Однако, было б несколько приятнее,
540 Когда б ты приоделся к свадьбе дочери.

Евклион

Кто славу по достатку, а по средствам блеск
Имеет, о своем происхождении
Пусть помнит. Ведь и я, как и другой бедняк,
Достатка не имею в доме большего,
Чем люди ждут от нас.

Мегадор

Ну нет! И боги пусть
Хранят и все растят твоё имущество.

Евклион (в сторону)

Противные слова — «твое имущество».
Он о моем добре не хуже, чем я сам,
Осведомлен: старуха разболтала все.

Мегадор

Зачем ты от беседы отклоняешься?

Евклион

550 Подумывал я, как бы побранить тебя.

Мегадор

За что?

Евклион

За что? Ворами уголки ты все
В моем наполнил доме! Поваров пятьсот
Нагнал ко мне, с шестью руками каждого.
Уж истинно потомство Герионово ¹.

¹ Мифический царь, у которого было три тела и, следовательно, шесть рук.

Следи за ними Аргус¹, весь в глазах кругом.
Юноной к Ио сторожем приставленный,
И то не уследил бы. Там и флейтщица:
Уж эта, если б водный ток вином потек,
И то сполна бы выпила источник весь,
Пирену, что в Коринфе протекает. Да,
Еще припасы...

Мегадор

Хватит их на целый полк!
Прислал тебе барашка.

Евклион

И барашек же!
Заморыша такого я не видывал.

Мегадор

Заморыша? Скажите! Это как же так?

Евклион

Под кожей кости: весь тут! Изведен вконец!
Живой еще, а внутренности сквозь видны,
Просвечивает, как фонарь пунический².

Мегадор

Купил, чтоб резать.

Евклион

Лучше хоронить отдай
Скорее. Я так думаю, уж он подох.

Мегадор

Что, выьем нынче?

Евклион

Право, я не стал бы пить.

¹ По мифу, многоглазый Аргус из ревности был приставлен Юноной, женой Юпитера, для наблюдения за дочерью аргосского царя Ио.

² Т. е. сделанный финикийцами, которым приписывали изобретение стекла.

Мегадор

570 А то я от себя бы принести велел
Вина бочонок старого.

Евклион

Не хочется.
Решил пить только воду.

Мегадор

Только воду пьешь?
А все ж сегодня славно подпою тебя!

Евклион (в сторону)

Куда нацелил! Знаю! Чтоб вином свалить,
К тому дорожку строит! После ж этого
Мое добро изменит местожительство.
Поберегусь и клад из дома вынесу:
Пускай вино и труд потратит попусту.

Мегадор

Пойду омыться к жертвоприношению.
Прощай! (Уходит.)

Евклион

580 Горшочек! Много у тебя врагов!
На золото глядят, в тебе сокрытое.
Решил я вот что сделать: унесу тебя
В храм Верности, там лучше будет спрятано,
Меня ты знаешь, Верность, я — тебя. Смотри,
Не измени же имени, когда тебе
Добро свое доверю! Я к тебе иду,
В твоей, богиня, верности уверенный!

АКТ IV

СЦЕНА 1-я

Стробил

590 Если дельный раб ты, делай то, что я вот делаю.
Без задержки, без досады, исполняй, что велено.
Службу ли свою желаешь сослужить по совести,

О хозяине сначала думай, о себе потом,
Если спишь, то и во сне ты твердо помни, что ты раб.
Изучать старайся волю господина своего.
600 Лоб его чего захочет, знать должны глаза твои,
Приказал, — быстрее быстрой колесницы к делу мчись.
Если будешь ты заботлив, — плетки не отведаешь;
По своей вине до блеска не натрешь оков тогда.
Господин мой любит дочку Евклиона бедного,
Весть узнал: за Мегадора замуж выдают ее.
Он меня послал разведать, что тут за дела идут.
Чтоб не вызвать подозренья, сяду тут на жертвенник,
Высмотреть смогу, что творится тут и там.

СЦЕНА 2-я

Евклион, Стробил

Евклион

Ты лишь воздержись, богиня, указать кому-либо
Золото мое, что вверил я тебе. А сам никто
Не найдет его, не страшно: хорошо запрятано.
610 Славная была б добыча, если б кто нашел его,
Клад тот золотой! Богиня Верности, не дай того!
Ну, теперь пойду омоюсь к жертвоприношению,
Чтоб не задерживать мне зятя, не мешать ему,
Чуть придет он, в дом, не медля, дочь мою к себе ввести.
Верность! Заклинаю снова, снова, сбереги мой клад:
Золото тебе я вверил, в роше храма скрыл его. (Уходит.)

Стробил

Что я слышу! Что сказал он, боги! Полный золота
Скрыл горшок во храме! Верность, будь же мне не менее
Верной, чем ему! Отец той девушки, в которую
Мой влюблен хозяин, надо думать. Я войду сюда.
620 Внутрь, во храм, и перешарю все там, не найду ли где
Золото, пока он занят. Сыщется — так Верности
Посвящу вина я меру полную и верную.
Посвящу тебе, а кончив дело, выпью сам себе.

(Входит в храм.)

СЦЕНА 3-я

Евклион (возвращается)

Ох, недаром крикнул слева ворон, не к добру. Беда!
Скреб когтями землю он и каркал громким голосом.

Сердце, как танцор искусный, тотчас же запрыгало,
В грудь колотится. Но что же я стою? Скорей бежать!

(Входит в храм.)

СЦЕНА 4-я

Евклион, Стробил

Евклион

Вон, червяк! Из-под земли ты выполз, видно, только что!
Вовсе не был виден раньше: выполз и погиб теперь.
630 Так отделаю жестоко я тебя, мошенника!

Стробил

Что за бес в тебя вселился? Что ко мне пристал, старик?
Что меня толкаешь, тащишь и меня колотишь так?

Евклион

Морда битая! Еще и спрашиваешь, вор-развор!

Стробил

Что я взял?

Евклион

Отдай обратно!

Стробил

Что тебе отдать?

Евклион

Давай!

Стробил

У тебя не брал я.

Евклион

Дай мне то, что для себя забрал.
Ну, давай!

Стробил

Что дать?

Евклион
Не стащишь, не удастся.

Стробил

Что тебе?

Евклион

Дай, что сзади.

Стробил

Ты, я вижу, любишь сзади действовать.

Евклион

Дай вот это, брось увертки! Вовсе не шучу теперь!

Стробил

Что давать? Скажи яснее, назови по имени.
Ничего не брал, не трогал.

Евклион

Руки покажи сюда¹.

Стробил

Вот.

Евклион

Еще!

Стробил

Вот обе.

Евклион

Вижу. Третью подавай сюда!

Стробил

Спятил старец! Одержим он, видно, злыми духами.
Это ль не обидно?

¹ Эта сцена использована Мольером в комедии «Скупой» при изображении допроса Лефлеша Гарпагоном.

Евклион

Очень, раз ты не висишь еще,
Но и это будет, если не сознаешься.

Стробил

Да в чем?

Евклион

Что стащил отсюда?

Стробил

Сгинь я, если что твое я брал.
Вовсе даже и не думал.

Евклион

Стой-ка, потряси-ка плащ.

Стробил

Вот, потряс.

Евклион

А там, под нижним, ничего нет?

Стробил

Щупай сам.

Евклион

Ах, разбойник, как охотно позволяет он себя
Щупать, чтоб не подумал я, что он мое унес!
Знаю эти штуки. Руку снова покажи сюда.
Правую!

Стробил

Вот.

Евклион

Левую!

Стробил

Уж лучше обе на тебе!

Евклион
Кончу обыск. Отдавай же!

Стробил
Что отдать?

Евклион
Оставь свой вздор.
Крал ведь?

Стробил
Что крал?

Евклион
Не скажу я. Все услышать хочется!
Что стащил мое, отдай.

Стробил
Ты спятил: обыскал всего,
Как хотелось; не нашел ведь вовсе ничего на мне.

Евклион
Стой, стой! Кто другой с тобою был там? Где сообщник
твой?
Я пропал! Внутри тот шарит. Этого пустить — уйдет.
Впрочем, он уже обыскан. Ничего с ним нет. Пошел!

Стробил
Провались ты!

Евклион
Благодарность недурна. Войду туда,
Затяну покрепче горло твоему товарищу.
Прочь ты! С глаз долой!

Стробил
Иду уж.

Евклион
И не попадайся впредь!
(Входит в храм.)

СЦЕНА 5-я

Стробил
Готов погибнуть смертью злою, только бы
В ловушку старика поймать. Едва ли он
Решится там же снова спрятать золото.
Возьмет, конечно, сыщет место новое.
А, дверь скрипит. Старик выносит золото.
От двери отойду сюда легонечко. (Прячется.)

СЦЕНА 6-я

Евклион
Вот Верности я оказать доверие
Хотел: она едва мне не утерла нос.
Когда б не помощь ворона, погиб бы я,
670 Бедняк! Пускай бы ворон тот пришел ко мне,
Что знак мне подал! Добрым словом встретил бы.
Еды бы не дал: зря к чему же тратиться!
Теперь куда подальше это спрятать мне?
Сильвана¹ роща за городом есть в глуши,
Кустарник частый, там я место выберу.
Сильвану лучше веру дать, чем Верности. (Уходит.)

Стробил
Вот это славно! Боги мне спасенье шлют!
Бегу вперед и влезу там на дерево.
Увижу, где старик запрячет золото.
680 Велел хозяин, правда, оставаться здесь:
Пускай! Побьют, зато я буду с выгодой.

СЦЕНА 7-я

Ликонид, Евномия, Федра (за сценой)

Ликонид
Я все сказал. Ты, так же как и я, теперь
О дочери все знаешь Евклионовой.

¹ Римский бог лесов.

Прошу и вновь прошу тебя о том же, мать,
О чем уже недавно я просил тебя;
Поговори об этом деле с дядею.

Евномия

Ты знаешь сам, насколько я всегда хочу
Твоим желаньям видеть исполнение.
Надеюсь, что добьюсь от брата этого,
И дело справедливо, если верно, что,
Напившись, обесчестил ты ту девушку.

Ликонид

690 Перед тобою разве я могу солгать?

Федра (за сценой)

О, няня, няня! Смерть моя! Какая боль!
Юнона, помоги мне!

Ликонид

Вот, ты слышишь ли?
Кричит, родит уж! Дело всяких слов ясней.

Евномия

Войди сюда со мною вместе к брату, сын,
Чтоб от него добиться нам согласия. (Уходит.)

Ликонид

Иди, я за тобою. Удивительно,
Куда Стробил девался, раб мой? Тут ему
Велел я ждать. А впрочем, если для меня
Старается он, то сердиться не на что.
700 Пойду туда, там жизнь моя решается. (Уходит.)

¹ Крик рожицы, доносящийся из дома, — обычная сцена в новоаттической, особенно менаандровской, комедии.

СЦЕНА 8-я

Стробил

В горах золотоносных птицы дятлы есть:
Я их один богаче. Что цари мне все?
О них и говорить не стоит — нищие!
Я царь Филипп, не меньше. О чудесный день!
Уйдя тогда отсюда, много раньше был
На месте я и там залез на дерево,
Смотрю, куда старик запрячет золото.
Когда ушел он, я слезаю с дерева,
Выкапываю клад, бегу оттуда, глядь, —
710 Старик вернулся, но меня не видит он:
С дороги я свернул немного в сторону.
А вот и он тут. Спрячу это дома я. (Уходит.)

СЦЕНА 9-я

Евклион

Я пропал! Я погиб! Я убит. Ой, куда
Мне бежать и куда не бежать? Стой, держи!
Кто? Кого? Я не знаю, не вижу, я слеп!
Но куда мне идти? Где же я? Кто же я?
Не могу я понять! Помогите, молю.
Укажите того, кто ее утащил!
Что сказал ты? Тебе я поверить готов,
Человек ты хороший, видать по лицу.
Это что? Вы смеетесь? Всех вас знаю я.
Большинство из вас — воры, сомнения нет.
Набеленной¹ одеждой прикрылись, сидят,
Будто честные люди. Из этих никто
720 Не унес? Ох, убил ты меня! Ну, скажи:
Кто забрал? Ты не знаешь? Несчастье мое!
Как я жалко погиб! До беды доведен!
Столько стона и злейшей печали принес
Этот день мне — и голод, и с ним нищету!
Самый жалкий, потерянный я человек
На земле! Что мне жизнь? Столько золота я
Потерял, а уж как я его охранял!
Обокрал я себя самого, и теперь

¹ Т. е. тогой, вычищенной мелом, как обычно делали несостоятельные граждане, не имевшие возможности надеть новую тогу.

Радые все моему разоренью и злу.
Претерпеть это мне не под силу¹.

СЦЕНА 10-я

Ликонид, Евклион

Ликонид

730 Кто тут перед нашим домом так рыдает, причитает?
Это Евклион, я вижу! Я пропал! Раскрыто дело!
Он уже узнал про роды дочери своей, конечно!
Как мне быть? Уйти ль? Остаться ль? Подойти к нему?
Бежать?

Евклион

Кто тут?

Ликонид

Это я, несчастный.

Евклион

Нет, несчастен я, погиб!
Столько зла свалилось, горя на меня!

Ликонид

Спокойней будь!

Евклион

Как могу я!

Ликонид

Тот поступок, что твой растревожил дух,
Сознаюсь, я сделал.

Евклион

Что я слышу от тебя!

¹ См. у Мольера в комедии «Скупой» близкий к плавтовскому монолог Гарпагона. Анапестический размер этого «каптика» (вокальной части комедии) хорошо выражает волнение Евклиона.

Ликонид

Да, я.

Это правда.

Евклион

Чем же это я тебя обидел так?
Почему меня решил ты погубить, детей моих?

Ликонид

Бог меня толкнул на это, он привлек меня к ней.

Евклион

Как?

Ликонид

Признаю я свой поступок, всю свою ответственность,
И просить тебя пришел я; от души прости меня!

Евклион

740 Как же это до чужого ты посмел дотронуться?

Ликонид

Как же быть? Так вышло дело. Не вернешь никак назад.
Боги так хотели, видно, не без них то сделалось.

Евклион

Нет, хотели боги, чтоб я на цепи сморил тебя!

Ликонид

Нет, не говори так!

Евклион

Трогать как ты смел добро мое.

Без меня?

Ликонид

Вино повинно и любовь.

Евклион

Бессовестный!

С этими словами смел ты подойти ко мне, наглец!
Если этим извиняться вправе ты, тогда пойдем,
С женщин золото открыто посорвем средь бела дня.
750 Схватят — повинимся: спьяна, по любви то сделано.
Дешевы вино с любовью станут, только делать дай,
Что хотят, без наказания пьяным и влюбившимся.

Ликонид

Сделав глупость, сам пришел я и прошу прощения.

Евклион

Не люблю, кто, сделав дурно, ищет оправдания.
Не твоя она, знал ведь: трогать и не надо бы.

Ликонид

Раз, однако, тронул, лучше пусть уж и останется
У меня¹.

Евклион

Без разрешенья моего — моя?

Ликонид

Да нет,
Почему без разрешения? Но моей должна же быть,
Евклион, и сам найдешь то: быть моей должна она!

Евклион

К претору стащу тебя я! Жалобу подам, клянусь,
Если не вернешь.

Ликонид

Вернуть мне? Что?

Евклион

А что украл мое.

Ликонид

Я? Украл твое? Откуда? Что такое?

Евклион

Пусть тебя
Бог сразит, коль ты не знаешь.

Ликонид

Нет, скажи, что ищешь ты?

Евклион

Золото мое, в кубышке. Сам сознался ты, что взял.

Ликонид

Нет, не говорил, не брал я.

Евклион

Как! Ты отпираешься?

Ликонид

Знать не знаю ни кубышки я твоей, ни золота.

Евклион

Ту кубышку, что из роши ты стащил Сильвановой,
Возврати, прошу. Поделим. Половину дам тебе.
Ты хоть мне и вор, не буду надоедлив. Так — верни!

Ликонид

Вор я? Евклион, ты, видно, не вполне здоров сейчас.
Я же думал, про другое дело ты доведалься,
770 Важное такое дело и меня касается.
Ежели досуг, о нем бы я поговорил с тобой.

Евклион

А скажи по совести, ты золота не крал?

Ликонид

Не крал.

¹ См. у Мольера воспроизведение этого диалога, основанного на комическом взаимном непонимании.

Евклион

И кто взял, не знаешь?

Ликонид

Тоже нет.

Евклион

Узнаешь, на него

Мне покажешь?

Ликонид

Да.

Евклион

780 Не станешь части с вора требовать?
Кто б он ни был, не покроешь вора?

Ликонид

Нет.

Евклион

А если лжешь?

Ликонид

Пусть меня тогда Юпитер разразит.

Евклион

Достаточно.

Говори теперь, что хочешь.

Ликонид

Может быть, не знаешь ты,
Кто я, из какого рода. Мегадор мне дядею,
Антилох отец был, сам я Ликонид по имени,
Мать — Евномия.

Евклион

Я знаю род ваш. Говори теперь,
Что угодно.

Ликонид

У тебя есть дочь.

Евклион

Да, дома, здесь.

Ликонид

И ты

Выдасшь ее за дядю моего?

Евклион

Все так и есть.

Ликонид

Ну, так вот, через меня он шлет тебе отказ сейчас.

Евклион

Как отказ, когда для свадьбы все готово, слажено?
Пусть все боги и богини разразят его! Да я
Потерял из-за него же нынче столько золота,
Горемычный!

Ликонид

Будь спокоен, не спеши с проклятьями.
Пусть на благо и на счастье и тебе и дочери
Обратится это дело! Говори: да будет так!

Евклион

Да устроят это боги.

Ликонид

790 Да устроят так и мне!
Слушай же! Кто, провинившись, ни стыда, ни совести
Не имеет, как ничтожен человек такой! Молю,
Евклион, перед тобою, пред твоею дочерью
В чем невольно провинился я, прости мне и меня
Сочетай законным браком с ней. Я признаюсь тебе,
Дочери твоей обиду я нанес в Церерин день:
Действию вина и пылу юности поддался я.

Евклион

Горе мне! Какой поступок! Что я слышу!

Ликонид

Что стонать?

То ль беда, что дедом стал ты прямо к свадьбе дочери?
Сам сочти десятый месяц с праздника Церерина,
Оттого из-за меня мой дядя и прислал отказ.
В дом войди, узнай, все это правда ль.

Евклион

Это просто смерти!

За одной бедой другие прямо так и валяются.
В дом пойду узнать, насколько верно это.

(Уходит.)

Ликонид

Следом я.

Кажется, я с этим делом выбрался из пропасти.
Одного не понимаю, где сейчас Стробил, мой раб.
Подожду его немного здесь, потом туда пойду.
Евклиону дам я время расспросить кормилицу
О моем поступке точно. Дело все известно ей.

[Акт V. Сцена 1-я. Стробил хвастает перед Ликонидом тем, что он нашел золото, и просит отпустить его на волю. Ликонид требует возврата золота. Окончание комедии не сохранилось, но, по некоторым косвенным указаниям, горшок с золотом в конце комедии возвращается Евклиону, который отдает золото в приданое за дочерью; и из пролога видно, что клад должен был облегчить выдачу замуж дочери Евклиона и достаться ей за ее благочестие.]

ХВАСТЛИВЫЙ ВОИН

(Miles gloriosus)

(Отрывок)

[Комедия замечательна по яркой обрисовке образа богатого воина — хвастуна и ловеласа. Этот образ в обстановке непрерывных войн времени Плавта приобретал большую актуальность в Риме. Осмеивая воспальщика, развратника, хвастуна Пиргополиника, Плавт отражает ненависть широких народных масс к привилегированной верхушке общества. Комедия Плавта кончается полным посрамлением этого «Венерина внука» (как он сам себя называет): он попадает в ловушку, и его быют за приставание к чужим женам. В последующем развитии западноевропейской драмы создаются образы, во многом близкие плавтовскому хвастливому воину (в итальянской комедии дель-арте XVI—XVII вв., Фальстаф в комедиях Шекспира и т. д.).

Характеристика воина разворачивается уже в первой сцене, в которой вместе с тем рисуется и «искусство» паразита, прихлебателя и лстеца.]

АКТ I

СЦЕНА 1-я

Пиргополиник, Артотрог¹, оруженосцы

Пиргополиник (к слугам)

Почистите мне щит. Блестит пусть ярче он,
Чем солнце в день безоблачный. Придет нужда,
Сойдемся рукопашным боем — пусть врагам
В глаза сверкнет, притупит зренье острое.
Утешить мне хотелось бы свой верный меч,
Не дать ему тужить, впадать в отчаянье,
Что праздным я ношу его давным-давно,
Когда в окрошку рвется он крошить врагов.
Где ж Артотрог?

Артотрог

А вот он, близ тебя стоит,
Счастливый храбрый муж, осанки царственной!
С воителем подобным Марс бы даже сам
Никак не смел сравнить себя по доблести.

Пиргополиник

¹⁰ Не тот ли это самый, что спасен был мной
В полях Червивых, где был предводителем
Бомбомахид Клитоместоридисархид²,
Нептуна внук?

Артотрог

Да, помню, как же, говоришь
О том, конечно, в золотом оружии,
Чьи легионы сдунул ты дыханьем,
Как ветер листья или же солому с крыш!

Пиргополиник

Да это мелочь.

¹ Комические имена, указывающие специальность персонажа: Пиргополиник — победитель крепостей и городов; правда, здесь это имя употребляется Плавтом в ироническом смысле; Артотрог — хлебогряз.
² Вымышленные комические имена.

Артотрог

Мелочь, разумеется. *(В сторону.)*

²⁰ В сравнение с тем, чего совсем не делал ты!
Ну уж и лгун! Кто видывал подобного
Пустого хвастунишку, пусть владеет мной,
Я сам пойду в рабы к нему! Одно мне жаль:
Ужасно вкусен винегрет у воина!

Пиргополиник

Ты где?

Артотрог

Я здесь. *(А то еще ты в Индии
Одним ударом руку перебил слону.)*

Пиргополиник

Как руку?

Артотрог

То есть ляшку, я хотел сказать.

Пиргополиник

А слабо как ударил!

Артотрог

Да уж если бы
Чуть приналег, — через кишки и голову
³⁰ Слона наружу вышла бы рука твоя.

Пиргополиник

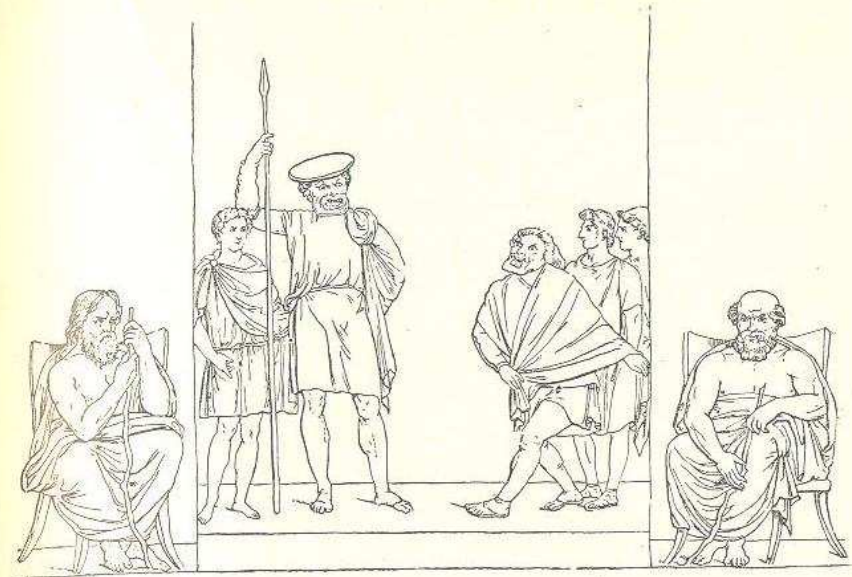
Ну, что об этом!

Артотрог

Верно! Не тебе же ведь
Твердить про то! Твои я знаю подвиги. *(В сторону.)*
Желудок — вот причина масты такой:
Ушами слушай, зубы чтоб не лязгали.
Заврется он, а ты во всем поддакивай.

Пиргополиник

А что, бишь, я хотел сказать...

Сцена из комедии Плавта «Хвастливый воин». Рим.

Артотрог

Да знаю уж,
Я помню, так и было.

Пиргополиник

Что?

Артотрог

Что б ни было.

Пиргополиник

С тобой...

Артотрог

Таблички? Да, со мной. И грифель¹ есть.

Пиргополиник

Как ловко ты ко мне приноровляешься!

Артотрог

⁴⁰ Характер твой пора мне изучить насквозь,
Стараться предвосхитить все, что хочешь ты.

¹ Вернее — стил, палочка для письма, которой писали на навощенных дощечках.

Пиргополиник

Ты помнишь...

Артотрог

Помню. Сотни с половиною
В Киликии, да сто в Скифолатронии¹.
Полсотни македонцев, тридцать в Сардах, — да,
Вот что народу ты убил в единый день.

Пиргополиник

А в сумме что?

Артотрог

Семь тысяч в общей сложности.

Пиргополиник

Должно быть, столько. Счет ведешь ты правильно.

Артотрог

И хоть бы что записывал! Все помню так...

Пиргополиник

Вот память-то!

Артотрог

Подачки надоумили!

Пиргополиник

⁵⁰ Всегда так делай — будешь постоянно сыт,
Всегда получишь место за столом моим.

Артотрог

А как ты в Каппадокии? Убил бы раз
Пятьсот одним ударом: жалко, меч был туп!

Пиргополиник

То шваль была, пехота! А! Пускай живут!

¹ Вымышленные комические имена.

Артотрог

А впрочем, что я! Весь про это знает мир!
Пиргополиник! В мире ты единственный
И доблестью, и дивной красотой своей,
И в подвигах тебе не сыщешь равного!
Тебя все любят женщины — и правильно,
Ты так красив! Вот, например, вчера меня
За плащ остановили...

Пиргополиник

Ну, и что ж они?

Артотрог

Одна из них спросила, не Ахилл ли ты.
«Нет, брат его». Другая же: «Как он красив,
Как он изящен. Кудри так идут к нему!
Уж подлинно счастливы те, кто спят с ним!»

Пиргополиник

Так и сказали?

Артотрог

Да, и мало этого:
С мольбой ко мне пристали обе, чтобы я
Провел тебя, как чудо, нынче мимо них.

Пиргополиник

Ужасное несчастье красивым быть!

Артотрог

⁷⁰ Надсоедают, просят, молят всячески,
Нельзя ли увидеть тебя, к себе зовут,
Подумать не дают мне о делах твоих!

Пиргополиник

Пора, однако, трогаться нам к площади.
В табличках здесь записаны наемники,
Им жалование надо заплатить теперь.
Ведь царь Селевк² просил меня настойчиво

¹ Пародирует высокий стиль эпитафий и хвалебных речей.

² Один из восточных царей, преемников Александра Македонского.

Набрать и принанять ему наемников.
Царю уж, видно, посвящу я этот день.

Артотрог

Ну что ж, идем!

Пиргополиник

За мной, телохранители!

ОБРАЗ РАБА-ИНТРИГАНА

[Зародившийся в комедии Аристофана и отчасти у Еврипида образ хитрого и изворотливого раба стал особенно любимым персонажем Плавта. Этот образ явился предшественником изворотливого слуги итальянской комедии дель-арте и французской драмы (Мольер, Бомарше). Яркий образ такого раба мы находим уже в комедии «Хвастливый воин». В комедии же «Псевдол» («Обманщик») фигура ловкого раба является центральной: он сравнивает себя то с поэтом, на которого внезапно находит вдохновение, то с полководцем, берущим приступом город. Благодаря своему уму, изворотливости, находчивости Псевдол устраивает судьбу своего молодого хозяина. Он поспорил со стариком хозяином, что на его же деньги купит гетеру, в которую влюблен хозяйский сын, и вопреки воле отца устроит брак влюбленных.]

ПСЕВДОЛ

АКТ I

СЦЕНА I-я

Псевдол

Ты теперь один, Псевдол!
Ну, что затеешь? Щедр на обещанья
Ты был, а как-то выйдет с исполненьем?
Где план твой? Никакого. Деньги? Тоже нет
Ни капли. Что мне делать, сам не знаю я.
Откуда я узоры вышивать начну,
Где кончу, неизвестно. Так поэт берет
Таблички и не знает сам, что будет в них
Писать; найдет, однако же, и сделает
Правдоподобной собственную выдумку.
И я поэтом стану: эти двадцать мин,
Которых нет нигде, найду я все-таки.

АКТ II

СЦЕНА I-я

Псевдол

До чего все затеи, Юпитер, мои
Хорошо удаются и счастливо мне!
Ни сомнения, ни страха не ведаю я.
Да, великий подвиг глупо вверить сердцу робкому!
Дело тем верней свершишь,
Чем важней его считаешь. Я вот наперед собрал
Силы все в душе своей:
И вдвойне и втройне все коварство, обман,
Чтобы всюду, где я повстречаю врага
(На доблестных предков¹ своих полагаясь),
Стараньем своим и коварством злохитрым
Мог легко поразить и доспехов лишить
Вероломно противников всех боевых.
Баллиона² из баллисты³ (он мне с вами общий враг)
Застрелю сейчас: следите только повнимательней.
Приступом хочу я этот город взять сегодня же.
И сюда поведу легионы свои.
Завоюю — то будет для граждан успех,
А потом против крепости древней пойду
В тот же миг со своими войсками,
И себя и своих соучастников всех
Нагружу, переполню добычею я,
Устрашу, прогоню я противников: пусть
Знают все, как похож я на предков.
Вот какого я рода! Дано мне свершить
Величайшие подвиги, славу дадут
Мне они долговечную после.

КУРКУЛИОН

(Отрывок)

[Единственный у Плавта образец «песни у запертой двери» (paraclausithygon), исполняемой молодым человеком, вызывающим свою возлюбленную. У Плавта эта песня пародирует эллинистическую лирику. Написана эта песня кретикиами (— — —)]

¹ Раб считался не имеющим предков. Здесь упоминание предков Псевдола дано для комизма.

² Имя сводника, которого готовится надуть Псевдол.

³ Военный метательный снаряд.

АКТ I

СЦЕНА 2-я

Федром (поет)

Эй, замки, вам, замки, мой привет от души!
Вас люблю, вас хочу, вас зову, вас молю!
Вы краса всех замков, в час любви к вам мольба:
Вместо вас, вместо всех пусть шуты пляшут здесь,
Спрыгну вниз, я молю, дайте ей выйти вон:
Той, что кровь пьет мою, бедный я, страсти раб!
Ах, смотри, горе мне, крепким сном спят замки,
В помощь мне, нет, нейдут, нет и нет жизни в них!
Но я вижу, сейчас ничего для меня не желаете вовсе
Тише, тише, прошу! вы делать.

МЕНЕХМЫ

(Menechmi)

(Близнецы. Отрывки).

[«Менехмы» — одна из самых веселых и богатых движением комедий Плавта. Основа ее интриги — мотив двойника, чрезвычайное сходство братьев-близнецов — Менехмов; это дает возможность Плавту создавать самые неожиданные комические ситуации и столкновения. Эта комедия легла в основу пьесы Шекспира «Комедия ошибок», где, однако, действие усложняется тем, что, помимо сходства близнецов-господ, выведена и другая пара — близнецов-слуг; это приближает комедию Шекспира к плавтовской комедии «Амфитрион».

У одного торговца в Сиракузах было два сына-близнеца. Когда отец поехал с одним из сыновей торговать в Тарент, мальчик потерялся в толпе, и его увез с собой другой торговец в город Эпидамы. Отец пропавшего мальчика от огорчения умер. Тогда дел дал оставшемуся близнецу Сосиклу имя его брата Менехма; выросши, он поехал с рабом Мессенионом разыскивать своего брата и, наконец, приехал в Эпидамы, где и происходит действие. Торговец, привезший первого Менехма в Эпидамы, усыновил его, дал ему жену с приданым и сделал его своим наследником. Однако брак не был счастливым. Менехм сошелся с гетерой Эротией, которая заставила его стащить у жены накидку и подарить ей. Эротия приготовила закуску для своего любовника, но вместо Менехма появляется приезжий Менехм-Сосикл.]

АКТ II

СЦЕНА 3-я

Эротия, Менехм-Сосикл, Мессенион

Эротия

³⁵¹ Дверь оставь, уходи. Не хочу запирасть.
А дома жарь, готовь, смотри,

Чтобы все было сделано. Ложе постлать
И куренье зажечь поскорей. Чистота —
Для влюбленного сердца приманка.
Любовнику опрятность — зло, нам выгода.
Где же он? У дверей, будто, повар сказал. Вот, однако,
и он, вижу, тут.

Польза мне! Величайший приросток ты мой!
И я все сделаю, чтоб был он первым в нашем доме!
Подойду и к нему обращусь.
Мой дружок дорогой! Станным кажется мне,
Что за дверью стоишь! Дверь открыта тебе.
Этот дом больше твой, чем твой собственный дом.
Все готово уже (загляни же ко мне),
Как ты сам приказал, как ты сам пожелал.
Никакой нет задержки за мною.
Приготовлен дома ужин, сядь за стол, когда угодно.

Сосикл

С кем же разговор у этой женщины?

Эротия

С тобой.

Сосикл

Со мной?

У тебя со мной какое ж дело было или есть?

Эротия

³⁷⁰ Оттого, что мне Венера повелела почитать
Одного тебя превыше всех — не без заслуг твоих.
Ты единый благодетель щедростью своею мне.

Сосикл

Эта женщина безумна или же пьяна, что так
С незнакомым человеком вольно обращается.

Мессенион

Ну, не говорил я разве, что обыкновенное
Дело это тут? Покуда, вишь, цветочки, а потом,
Как еще дня три пробудем, подойдут и ягодки.
Тут распутницы умеют денежки выманивать!
Дай-ка, я вступлюсь. Послушай, женщина!

Эротия

Чего тебе?

Мессенион

Где ты с ним встречалась?

Эротия

В Эпидамне.

Там же, где давно сама живу,

Мессенион

380 В Эпидамне? Здесь ведь, в этом городе,
И ноги его до сих пор не было.

Эротия

Ах, брось шутить.
Мой Менехм! Чего ж не входишь? Будет тут удобнее.

Сосикл

И она зовет меня по имени. Ведь вот, клянусь,
Очень странно, что такое!

Мессенион

Вот и все. Твой кошель пронюхала,

Сосикл

Напомнил кстати про кошель ты. Вот возьми.
Уж узнаю, мой кошель ли ей милей, иль я.

Эротия

Попируем.

Пойдем,

Сосикл

За любезность очень благодарен я.

Эротия

Так зачем обед готовить мне ты приказал тогда?

Сосикл

Я тебе велел?

Эротия

Конечно, параситу и тебе.

Сосикл

390 Параситу? Чтоб он лопнул! Не в своем уме она!

Эротия

Пеникулу — обтиралке...

Сосикл

Что за обтиралка там?
Обувь, что ли, ею чистят?

Эротия

Ах, да, разумеется, —
Только что с тобою был он, плащ ее принес ты мне
У жены его стащил ты.

Сосикл

Что? Тебе я плащ принес?
У жены стащил? В уме ты? Право, эта женщина,
Словно кляча, стоя, видит сны.

Эротия

Пришла охота же
Издеваться надо мною! Что ты запираешься?
Так и было дело.

Сосикл

Что я сделал? Запираюсь в чем?

Эротия

Женин плащ сегодня дал мне.

Сосикл

400 Нет, я и теперь скажу:
Я и не женат и не был никогда женат. Сюда,
Как родился, никогда к вам в город не ступал ногой
Я на корабле обедал; вышел — повстречал тебя.

Эротия

Горе мне! Какой корабль, ты говоришь!

Сосикл

Из дерева,
Сильно тертый, сильно битый, молотком сколоченный
Плотно, кол к колу, как шкурки в мастерской кожевника.

Эротия

Ну, шутить довольно, право. Вместе в дом пойдем со мной.

Сосикл

Ищешь ты кого, не знаю, только не меня, оставь.

Эротия

Мне ль тебя не знать? Менехм ты, Мосха сын, из Сиракуз,
Говоряг, из Сицилийских родом ты, где царствовал
410 Агафокл-тиран, а после Финтия, а третьим был
Липарон, он Гиерону отдал перед смертью власть¹,
Ныне Гиерон там царь.

Сосикл

Все правда это, женщина.

Мессенион

Что, она оттуда, что ли? Знает хорошо тебя.

Сосикл

Отказать ей невозможно.

Мессенион

Что ты! Нет, не делай так!
Ступишь за порог — пропал ты!

Сосикл

Только помолчи, постой!
Все прекрасно. Что ни скажешь, стану ей поддакивать,
Вот нам и прием радушный будет. (Эротии.) Возражал тебе

¹ Имена Финтия и Липарон вымышленные.

420 Я-таки не без расчета: вот его боялся я.
Мог про плащ и про обед он донести жене. Теперь
В дом пойдем, когда желаешь.

Эротия

Парасита уж не ждешь?

Сосикл

Ждать не стану, очень нужно! Если даже сам придет —
Не пускать.

Эротия

Со всей охотой, право, это сделаю.
Знаешь, что еще прошу я сделать?

Сосикл

Что? Приказывай.

Эротия

Плащ, который ты мне дал, ты снес бы вышивальщику,
Весь бы переделать, да расшить узоры новые.

Сосикл

Это верно. Невозможно станет уж признать его,
И жена не распознает, встретившись на улице.

Эротия

Уходя, возьми с собою, стало быть.

Сосикл

Тогда возьму.

Эротия

Что ж, идем.

Сосикл

Я за тобою. Кое-что ему скажу.
Эй, Мессенион, пойдика.

Мессенион

Что?

Сосикл

Подпрыгни вверх.

Мессенион

Зачем?

Сосикл

Надо! Знаю, что ты скажешь.

Мессенион

Тем ты и негоднее.

Сосикл

Здесь добыча! Я затеял дело! Поскорей ступай,
Их вот отведи в таверну тотчас близлежащую,
Сам за мною до заката возвратись.

Мессенион

Их, распутниц. Не знаешь ты

Сосикл

Помолчи ты! Делай, что приказано.
440 Женщина, я вижу, эта глупая, наивная,
Есть нам тут добыча! *(Уходит.)*

Мессенион

Горе! Ты уходишь? Он погиб!
Лодочку влечет в погибель тот корабль разбойничий!
Ну и глуп же я! Затеял управлять хозяином!
Им для послушанья куплен я, а не приказывать.
Ну, идем, чтоб мне вернуться вовремя, как велено.

(Уходит.)

АКТ IV

СЦЕНА 3-я

Эротия, Менехм

Эротия

Кто тут?

Менехм

Враг себе скорее, чем тебе.

Эротия

Ты, мой Менехм?
Что же у дверей стоишь тут? В дом войди!

Менехм

Постой. К тебе

Для чего пришел я — знаешь?

Эротия

Да, для удовольствия.

Менехм

Нет, верни, пожалуйста, мне плащ, который я тебе
680 Дал недавно. Дело вот в чем: все жена развела.
Я тебе дороже вдвое плащ куплю, и выбор твой.

Эротия

Я его дала, понес ты плащ тот к вышивальщику,
К золотильщику ж браслет мой, чтобы подновить его.

Менехм

Мне дала ты плащ с браслетом? Не было же этого!
Дал тебе его тогда я и ушел на форум сам.
В первый раз тебя я вижу!

Эротия

Вижу я, к чему ведешь!
Вещь доверенную хочешь у меня обманом взять!

Менехм

Да совсем не для обмана я прошу; жена про все
Разузнала.

Эротия

Не просила вовсе я дарить плаща,
690 Сам принес по доброй воле, сам ты подарил его,
А теперь обратно просишь? Пусть! Бери, неси, владей!
Ты ль, жена ль твоя! Не то хоть в шкаф заткните вы его!
Но уверен будь, отныне не войдешь ты в дом ко мне.
От меня привет ты видел, сам же издеваешься.
Деньги в руки, а иначе ты не проведешь меня.
Выйди себе другую и ее обманывай. (Уходит.)

Менехм

Вот как рассердилась! Стой ты, стой же, говорю тебе.
Ты еще стоишь? Не хочешь для меня вернуться? Нет?
Заперлась! Ушла! Теперь я прогнан ото всех дверей!
700 Ни подружка мне не верит больше, ни домашние.
Как тут быть? Пойду с друзьями, видно, посоветуюсь!
(Уходит.)

АКТ V

СЦЕНА 9-я

Менехм, Менехм-Сосикл, Мессенион

Менехм (говорит, обратившись к дому Эротии)

1060 Клянитесь хоть глазами, нет, ничем мне не докажете,
Что я у вас браслет и плащ сегодня взял, негодницы.

Мессенион

Что вижу? Боги!

Сосикл

Что?

Мессенион

Твое подобие, как в зеркале!

Сосикл

Что такое?

Мессенион

Весь твой облик! Можно ль так похожим быть?

Сосикл

Да, свою насколько знаю внешность, сходство есть-таки.

Менехм

Здравствуй, избавитель мой, кто б ни был ты.

Мессенион

Пожалуйста,
Юноша, скажи мне, если можно, как зовут тебя.

Менехм

Не того ты заслужил, чтоб в этом отказать тебе.
Я зовусь Менехмом.

Сосикл

Нет же! Так зовут меня, клянусь.

Менехм

Сицилиец, сиракузец.

Сосикл

Там и мне отечество.

Менехм

Что я слышу?

Сосикл

Это правда.

Мессенион (к Менехму)

1070 Знаю, вот хозяин мой.
Раб ему я, а поверил, право, будто этому!

Он, я думал, ты: наделал даже и хлопот ему!
Уж прости, коли сказал что глупо, по неведению.

Сосикл

Мне сдается, бредишь ты. Не помнишь разве, вместе мы
С корабля сошли сегодня?

Мессенион (к Сосиклу)

Верно, ты хозяин мой. (К Менехму.)
Ты ищи себе другого, да. (К Сосиклу.) Ты здравствуй.
(К Менехму.) Ты прощай.

Менехм

Нет, это я.

Сосикл

Ну что за выдумка!
Ты Менехм?

Менехм

Я, повторяю: Мосхом звался мой отец.

Сосикл

Моему отцу ты сыном?

Менехм

Нет, мой милый, своему.
1080 Твоего я не желаю отнимать и отбивать.

Мессенион

Вот неожиданную надежду, боги, подаете мне.
Если я не ошибаюсь, братья-близнецы они.
Так по их словам выходит: у обоих родина
И отец одни и те же. Отзову хозяина
В сторону. Менехм!

Менехм и Сосикл (вместе)

Чего ты хочешь?

Мессенион

Не двоих зову,
А того из вас, кто прибыл в корабле со мной.

Менехм

Не я.

Сосикл

Это я.

Мессенион

Мне ты и нужен. Подойди.

Сосикл

Я тут. Ну, что?

Мессенион

Вот что. Или он — обманщик, или же твой брат родной.
Сроду я такого сходства полного не видывал.
Лист с листом и капля с каплей не сходней, поверь ты мне,
Как ты с ним, а он с тобою. Наконец, и родину
И отца он называет тех же, как и ты, точь-в-точь.
Пойдем-ка да расспросим мы его потщательней.

Сосикл

Правильный совет мне дал ты, очень благодарен я.
Продолжай расспрос, прошу я. Если ты найдешь, что он
Брат мой, ты свободен будешь.

Мессенион

Я надеюсь.

Сосикл

Да, и я.

Мессенион (к Менехму)

Что ты говоришь? Менехмом ты себя назвал? Ведь так?

Менехм

Да.

Мессенион

Но и его Менехмом звать. Сказал, родился ты
В Сиракузах Сицилийских — родом он оттуда же.
Мосхом звал отца ты — так же звался и его отец.
Можете теперь вы оба мне помочь, да и себе.

Менехм

1100 Заслужил ты, чтобы просьбы все твои исполнил я,
Все желания: за деньги словно ты купил меня,
Раб твой буду я, свободный.

Мессенион

У меня надежда есть
Доказать, что вы родные братья, двое близнецов.
Вместе родились от той же матери, того ж отца.

Менехм

Это диво! Если б мог ты выполнить, что обещал.

Мессенион

Можно. Только отвечайте оба, что спрошу теперь.

Менехм

Спрашивай, на все отвечу, все скажу, что знаю я.

Мессенион

Звать тебя Менехмом?

Менехм

Верно.

Мессенион

Так же и тебя?

Сосикл

Да, так.

Мессенион

А отец твой Мосхом звался?

Менехм

Да.

Сосикл

И мой.

Мессенион

Из Сиракуз

Родом ты?

Менехм

Да, так.

Мессенион

А ты как?

Сосикл

Так и я.

Мессенион

1110 Все признаки
Сходятся пока отлично. Дальше постарайтесь.
Что всего ты дольше помнил из того, как дома жил?

Менехм

На Тарентский торг поехал я с отцом, в толпе потом
От отца отстал, оттуда после увезли меня.

Сосикл

О, спаси меня, Юпитер!

Мессенион

Что кричишь? Постой, молчи!
Сколько лет тебе минуло, как тебя отец увез?

Менехм

Семь. Впервые выпадали, помню, зубы у меня.
Так отца и не видал я с той поры.

Мессенион
А сколько вас
Было братьев?

Менехм
Ясно помню, как теперь, что двое.

Мессенион
Ты ли или брат был старше? Кто,

Менехм
Оба мы ровесники.

Мессенион
Это как же?

Менехм
Близнецами были.

Сосикл
1120 Милость божия!

Мессенион
Не перебивай, иначе замолчу.

Сосикл
Молчу.

Мессенион
Вы одноименны были? Скажи,

Менехм
Нет, Менехмом звался я.
Так, как и сейчас, а брата звали моего Сосикл.

Сосикл
Знаки я признал. Не в силах удержаться, не обнять!
Брат-близнец, родной мой, здравствуй! Я Сосикл.

Менехм
А как, скажи,
Стали звать тебя Менехмом после?

Сосикл
Как дошла до нас
Весть, что от отца отстал ты и похищен кем-то был,
А отец потом скончался, имя изменил мне дед,
И твое мне имя дал он.

Менехм
Верю, так и было все,
1130 Как ты говоришь, но вот что мне ответь ты.

Сосикл
Спрашивай.

Менехм
Нашу мать, скажи, как звали?

Сосикл
Тевксимарха.

Менехм
Сходится!
Здравствуй, брат нежданный! Через столько лет мы
свиделись!

Сосикл
Здравствуй! Что трудов и бедствий я понес, ища тебя!
Все-таки нашел. Какая радость!

Мессенион
Вот причина где,
Что звала тебя его вот именем прелестница:
Ведь, зовя тебя обедать, думала, что это он!

Менехм
Это я обед готовить приказал сегодня ей
От жены тайком: стащил я женин плащ и отдал ей.

Сосикл

А скажи, какой же это плащ? Не этот ли?

Менехм

Как же он тебе достался?

Он, он!

Сосикл

1140

На обед прелестница
Увела меня с собою, говорила, будто я
Дал ей плащ. Я пообедал славно, выпил — на одном
С нею ложе, плащ и это золото унес с собой.

Менехм

Рад я, что тебе доставил кое-что приятное:
За меня тебя считала, как звала к себе она.

Мессенион

Я-то как? Свободен, что ли? Нет к тому препятствия?

Менехм

Для меня исполни эту просьбу справедливую.

Сосикл

Будь свободен!

Менехм

Рад свободе я твоей, Мессенион!

Мессенион

1150 Чем-нибудь покрепче надо б закрепить свободу мне.

Сосикл

Брат, когда все это вышло, как хотелось нам, домой
Возвратимся вместе оба.

Менехм

Брат! Я так и сделаю.
Здесь аукцион устрою, все продам. Теперь пока
В дом войдем.

Сосикл

Войдем.

Мессенион

А что я попросить хочу у вас?

Менехм

Что?

Мессенион

Глашатаем позвольте быть.

Менехм

Изволь.

Мессенион

Я объявлю,

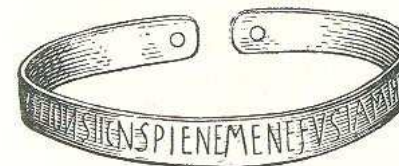
Значит, об аукционе.

Менехм

Через семь он будет дней.

Мессенион

1160 Через семь дней у Менехма назначаются торги;
Продаются люди, утварь, дом, земля — и это все
Продается (что ни стоит!) только за наличные!
Продается и супруга, если покупатель придет.
Но со всех торгов он вряд ли — пять миллионов выберет!
Зрители, теперь прощайте. Громко нам похлопайте!

Кольцо-ошейник, надевавшийся на шею раба. Рим.

ПЛЕННИКИ

(Отрывки)

[Эта комедия Плавта, как о том свидетельствуют пролог и заключительные слова труппы, отличается от других комедий: в ней отсутствуют вероломные сводники, коварные гетеры, хвастливые воины и т. д.; она приспособлена к целомудренным нравам (*ad pudicos mores*). Серьезный характер комедии разряжается лишь выступлением паразита Эргасила.

В современных Плавту исторических условиях эта комедия, вероятно, имела актуальное политическое значение; проблема рабства военнопленных в обстановке непрерывных войн стояла очень остро. Комедия показывает в рабе человека и призывает к гуманному обращению с пленными рабами (см. вступительную статью к переводу этой комедии в изд. «Academica», т. III).

Комедия вызвала многочисленные переделки в Западной Европе и неоднократно переводилась. Особенно восхищался ею Лессинг; он называл ее «лучшей пьесой, когда-либо появлявшейся на сцене», и видел в ней, как отчасти в комедии Плавта «Три монеты», прототип «слезной комедии» XVIII в.]

ПРОЛОГ

Пред вами двое пленников стоят. При них
И стража. Да, стоят, а не сидят они.
Что это правда, вы мне в том свидетели.
Старик, вот тут живущий, Гегион — отец
Вот этому. А как он стал рабом отцу,
Скажу сейчас об этом, только слушайте.
Имел двух сыновей старик. Один рабом
Был выкраден в четырехлетнем возрасте;
Бежа в Элиду, продал раб его отцу
Вот этого. Все поняли? Я очень рад...
А дальний тот — не понял. Ну, поближе сядь.
Нет места сесть? Так можешь уходить совсем.
Актера хочешь довести до нищенства!
Не думай, я не разорюсь из-за тебя.
А вы все, кто по цензу состоятелен,
Чтоб мне не быть в долгу, конец дослушайте.
Тот беглый раб, сказал я, продал мальчика
Господского потом отцу вот этого.
А он, купивши, сыну отдал в собственность,
Ему вот; были с ним они ровесники,
Теперь рабом он служит своему отцу,
Отец же и не знает. Да, действительно,
Людьми играют боги, точно мячиком.
Как сын один потерял был им, знаете,
А на войне Этолии с Элидою¹ —
Таков военный жребий — в плен другой был взят.
В Элиде, там же, врач Менарх купил его.
И стал отец скупать элидских пленников —

¹ Области в Греции.

Не сыщется ль такого, чтоб в обмен пошел
За сына; а что сын ему родной и тот,
Который в доме у него, не знает он.

И вот вчера, узнавши, что захвачен в плен
Элидский всадник знатный, состоятельный,
Жалея сына, денег он жалеть не стал:
Скорей бы лишь вернуть его, у квесторов
Купил обоих этих из добычи он.

Они ж пошли на хитрость и решили так:
Чтоб раб домой вернуться дал хозяину,
Одеждой поменялися и именем.

Вот Филократ, а этого Тиндаром звать,
Один в другого нынче превратился.

И он удачно хитрость разовьет свою:

Добьется и свободы для хозяина,
И брата тем же самым средством выручит,
Свободным возвратит его на родину
Невольню. Да и всюду так: нечаянно
Добра творится больше, чем сознательно.

Не ведая, к тому они направили
Обман свой весь и хитрую ту выдумку,
С таким расчетом свой тот план составили,
Что в рабстве у отца же сын останется,
И он не знает, что отцу рабом он стал.
Как слаб, ничтожен род людской, подумаешь.
Вот нам работа, вам же удовольствие.

Еще хочу вам кратко кое-что сказать.
Конечно, будет польза вам прислушаться
К комедии, она не трафаретная,
Составлена совсем не так, как прочие.
В ней сквернословных нет стихов, не стоящих
Произнесенья; нет и вероломного
Здесь сводника, коварной нет распутницы,
Ни воина хвастливого. Не бойтесь

И той войны Этолии с Элидою:
За сценою завяжутся сражения.
Совсем некстати было б нам трагедию
В костюмах вдруг начать играть комических.
А ждет кто битвы — пусть затеет драку сам.
Противника пускай бы посильней нашел
Да бой, по мне б, окончил не добром, а так,
Чтоб вовсе разохотился бои смотреть.
Иду. Прощайте, судьи справедливые,
А на войне воители отличные.

[Как видно из пролога, действие разыгрывается в связи с войной в Греции между этолийцами и элидцами.]

У этолийца Гегиона два сына. Один из них, Филоподем, попал в плен к элидцам; другого, Тиндара, еще в детстве похитил у отца раб Сталагма; он продал мальчика в Элиду, гражданину Феодоромеду, который сделал его рабом своего сына Филократа. Случилось так, что Филократ и его раб Тиндар попадают в плен к этолийцам и их покупает как раз Гегион, скупающий пленных, в надежде обменять на них своего сына Филоподема. Тогда Филократ, желая спастись, придумывает хитрость: он выдает себя за раба Тиндара, а Тиндара — за своего господина. Обманутый Гегион посылает мнимого раба Тиндара в Элиду, чтобы тот выкупил Филоподема. Филократ честно доставляет Гегиону не только сына, но и раба Сталагма, похитившего Тиндара. Гегион счастлив: оба сына теперь с ним.]

АКТ II

СЦЕНА 1-я

Филократ

220 Но прошу, больше так отойди ты, Тиндар,
Чтоб никто наших слов здесь не мог услышать
И для всех ввявь открыть этот наш весь обман.
Не хитра хитрость там, где совсем нет ума:
Зло несет лишь она, всплывши всем на глаза.
Ведь если ты мне господин, а я рабом прикинусь,
Все ж надо осторожным быть и дело без свидетелей
Вести аккуратно, разумно и с толком:
Ведь это не шутка, тут спать не годится.

Тиндар

Я сделаю все.

Филократ

Я надеюсь.

Тиндар

230 Ты видишь,
Своей головы не жалею нисколько,
Спасая твою драгоценную.

Филократ

Знаю.

Тиндар

Но этого не забывай, желанного добившись.
Ведь большей частью таковы уж люди: хороши они,
Пока стремятся к цели.

Но едва к ней придут, нет людей хуже их,
Нет лжецов, как они!

Филократ

Вот теперь ты таков, как хочу видеть я,
И совет мой тебе мог бы дать я отцу.
Да, клянусь, и отцом звать тебя я готов:
За отцом вслед отец первый мне ты сейчас.

Тиндар

Слушаю.

Филократ

240 И вот сильнее я тебе напоминаю:
Уж не господин тебе я, раб твой. Об одном прошу лишь:
Так как боги изъявили волю нам на то свою,
Чтоб я из господина сделался рабом твоим, —
Я приказывал по праву раньше, а теперь молю
Шаткостью судьбы неверной, добротой отца к тебе,
Рабством, нас постигшим вместе от руки врага, — молю,
Не оказывай такого больше мне почтения,
Как оказывал, когда ты у меня рабом служил.
Помни, кем ты был доньше, помни, кем ты стал теперь.

Тиндар

Знаю, что я стал тобою, ты же мною.

Филократ

250 Ну, так вот,
Твердо помни. Вся надежда наша в этой хитрости.

СЦЕНА 3-я

Гегион, Филократ, Тиндар

Гегион

На счастье мне и сыну моему, и вам,
Приказывает новый господин тебе,
Чтоб сослужил ты верно службу прежнему.
Дана тебе оценка мною в двадцать мин,
А он тебя к отцу отправить думает,
Чтоб выкупить оттуда сына; мы хотим
Размен устроить сыновьями нашими.

Филократ

Характер мой направлен в обе стороны —
К тебе ль, к нему ль, я словно колесо для вас.
370 Как велите, покачусь — туда, сюда.

Гегион

Характер твой тебе же очень выгоден,
Раз переносишь рабство ты как следует.
Ступай за мною. Вот тебе и он, твой раб.

Тиндар

Благодарю тебя за то, что ты даешь
Возможность мне послать его к родителям
С известием о том, что здесь случилось
Со мною и чего хочу добиться я.
Отцу доложит он все дело в точности.
Такое соглашение у нас, Тиндар:
Тебя к отцу в Элиду посылаю я,
380 А если не вернешься, за тебя плачу
Здесь двадцать мин.

Филократ

Вы сговорились правильно.
Известия отсюда ждет отец, со мной,
С другим ли с кем.

Тиндар

Пожалуйста, прислушайся,
О чем ты должен дома известить отца.

Филократ

Филократ, как до сих пор я делал, буду так и впредь
Делать только то, что прямо в пользу для тебя пойдет.
Всеми силами, всем сердцем, всей душой готов служить.

Тиндар

390 Поступаешь ты, как должно. А теперь прислушайся.
Передай привет, во-первых, мой отцу и матери,
И родным, и, если встретишь, всем благодетелям.
Я, скажи, здоров, служу здесь господину доброму:
Он меня высокой честью чтит всегда и чтит теперь.

Филократ

Мне ты этих наставлений не давай, все помню я.

Тиндар

Я себя свободным счел бы, стража только есть при мне.
Сообщи отцу, на чем мы с ним сошлись, про тот размен
С сыном.

Филократ

Помню. Что впустую мне напоминать о том!

Тиндар

Выкупит его пускай он и за нас в обмен пришлет.

Филократ

Помню.

Гегион

И скорее, — к нашей общей это выгоде.

Филократ

Ты не меньше хочешь видеть сына своего, чем он.

Гегион

Каждому свой дорог, мне — мой.

Филократ

Что еще сказать отцу?

Тиндар

400 Я, скажи, здоров и (смело это говори, Тиндар)
Не повздорили ни разу мы с тобой: ни разу ты
Предо мной не провинился, не перечил я тебе.
Нет, прекрасно господину ты в такой беде служил
И меня не оставлял ты верностью и помощью
В тяжких нуждах и в несчастье. Мой отец, узнав о том,
Как ты к сыну относился и к нему — не ведая
Алчности, тебе свободу даст из благодарности.
Если же вернусь отсюда, сам я поспособствую.
410 Ты стараньем и вниманьем, доблестью и разумом

Дал возможность возвратиться мне к моим родителям —
Тем, что знатность и богатство перед ним признал мой
И избавил господина от оков умом своим.

Филократ

Так, действительно, я сделал. Рад, что это помнишь ты.
От меня ты сам, однако, заслужил того вполне.
Если б стал перечислять я, что добра ты сделал мне,
Дня на это не хватило б. Ты, как раб, не иначе,
Был ко мне всегда услужлив.

Гегион

Милость божья! Что за дух
Благородный в них! Сумели прослезить они меня!
420 Да, меж них любовь от сердца. Превознес какой хвалой
Господина раб!

Филократ

Клянуся, что не расточает мне
Он и сотой даже доли той хвалы, что стоит сам.

Гегион

Верно ты служил, теперь же у тебя и случай есть
Увенчать услуги, честно порученье выполнив.

Филократ

Не хочу — горю желаньем делом проявить себя.
Знай же, пусть Юпитер вышний будет мне свидетелем:
Гегион, не перестану я Тиндару верным быть!

Гегион

Молодец!

Филократ

Служить ему я буду, словно сам себе.

Тиндар

Я хочу, чтоб ты и делом эти подтвердил слова.
Так как о тебе сказал я меньше, чем хотелось мне,
430 На мои слова вниманье обрати, пожалуйста,
Из-за них не обижайся на меня, не гневайся.

Не позабывай, прошу я, что домой сейчас тебя
Отпускают под оценку за моей порукою.
Здесь же за тебя залогом жизнь моя оставлена:
Помни обо мне, когда ты удалишься с глаз моих,
Что меня ты здесь оставил в рабстве, за тебя рабом.
Не считай себя свободным, здесь залог оставив, — нет,
Возвратить ему старайся сына за меня в обмен.
Знай, отсюда ты отпущен под оценку в двадцать мин.
Так и будь же верен вере, честью не играй своей.
440 Знаю, все отец исполнит, что исполнить должен он.
Сохрани во мне навеки друга, друга в нем найди.
Этою своей рукою, руку в ней твою держа,
Заклинаю, будь мне верен, как я верен был тебе.
Вот что помни: ты теперь мне господин, патрон, отец.
Я вручаю все надежды, всю мою судьбу тебе.

Филократ

Но довольно поручений. Удовлетворишься ли,
Если все, что ты сказал мне, я исполню?

Тиндар

Да, вполне.

Филократ

И вернусь, свои желанья — и твои — все выполнив!
Что еще?

Тиндар

Вернись скорее.

Филократ

Так и дело требует.

Гегион

Ну, пойдем к меняле, денег на дорогу дам тебе.
Взять у претора и пропуск надо.

Тиндар

Для чего? Какой?

Гегион

Предъявить его он должен в войске, разрешение
Получить к себе уехать. Ты теперь иди домой.

Тиндар

Путь счастливый.

Филократ

До свиданья!

Гегион

Хорошо дела свои

Я устроил, из добычи их купив у квесторов!
Если то богам угодно, сын из рабства выручен.
Я-то долго колебался — покупать их или нет.
Эй, рабы! Его внутри вы стерегите, чтобы он
Шагу не ступил без стражи. Я сейчас вернусь домой,
460 Только навещу у брата пленников других моих,
Может, знает кто, спрошу их, юношу вот этого.
Ты — со мной. Тебя отправлю, это дело первое.

[Филократ честно сдержал свое слово: он вернул Гегиону его сына Филопо-
лема и поймал раба Сталагма, который когда-то похитил у Гегиона его сына
Тиндара.]

АКТ V

СЦЕНА 1-я

Гегион, Филоподем, Филократ

Гегион

Богов и Юпитера благодарю я
За то, что тебя возвратили обратно
Отцу твоему и от горестей тяжких,
Меня истерзавших, когда я утратил
Тебя, избавление мне даровали;
За то, что мне предали в руки Сталагма
И пленник исполнил мне данное слово.

Филоподем

Много я болел душою, много мучился заботой.
О твоих слыхал я бедах, рассказал ты их при встрече.
К делу, впрочем!

Филократ

930

Я исполнил слово. Вот твой сын тебе.
Он свободен. Ну, а дальше?

Гегион

Филократ! Отныне век
Я воздать тебе не в силах должной благодарности
За добро, что ты нам сделал, сыну моему и мне.

Филоподем

Нет, отец, конечно, можешь, так же как и я могу.
Боги нам дадут возможность за добро воздать добром
И ответ наш по заслугам дать доброжелателю.
Ты ему, отец мой, можешь сделать очень многое.

Гегион

Что терять слова? Не в силах отказать язык ни в чем.

Филократ

Возврати того раба мне, что оставил я в залог
За себя: он думал больше обо мне, чем о себе.
940 За его заслуги должен я вознаградить его.

Гегион

Все, что требуешь, исполню я из благодарности.
И иное что попросишь, от меня получишь ты.
Не прогневайся, однако, если в раздражении
Поступил я с ним жестоко.

Филократ

Что ж такое сделал ты?

Гегион

Я его в каменоломню отослал закованным,
Как узнал, что был обманут.

Филократ

Горе мне, несчастному!
Лучший из людей страдает за мое спасенье!

Гегион

Но зато с тебя я платы за него не требую.
Отпущу его я даром.

Филократ

Ну, спасибо, Гегион.
Прикажи его, однако, к нам сюда позвать.

Гегион

Сейчас.

950 Где вы там? Тиндара мигом позовите к нам. А вы
В дом идите, я ж покамест расспрошу вот этого
Битого болвана, что он с младшим сыном сделал мне.
Вы пока омойтесь.

Филоподем

Следуй, Филократ, за мной.

Филократ

Иду.

СЦЕНА 2-я

Гегион, Сталагм

Гегион

Добрый человек, мой милый раб, пойдй сюда ко мне.

Сталагм

Если говорит неправду человек такой, как ты,
Мне что остается делать? Был красивым, милым я,
Добрым же, однако, дельным не был никогда вовек
И не буду, не надейся на мою порядочность.

Гегион

Ты, конечно, понимаешь, каковы дела твои.
Ежели правдивым будешь, к выгоде твоей пойдет.
Ты свою дурную участь несколько улучшишь так.
960 Правду истинную всю мне говори (хоть до сих пор
Никогда еще по правде поступать не думал ты)...
968 К делу перейдем. Эй ты!

Слушай и ответ мне точный дай на все слова мои.
Правду скажешь — так поправишь несколько дела твои.

Сталагм

Вздор какой! Чего я стою, думаешь, не знаю я?

Гегион

Кой-чего избежать можешь, если не всего.

Сталагм

970 Ну да,
Кой-чего избегну, знаю; предстоит же многое,
Да оно и по заслугам — и за то, что я сбежал,
И за то, что продал, выкрав, сына у тебя.

Гегион

Кому?

Сталагм

Полиплусий из Элиды Феодоромед купил
За шесть мин.

Гегион

О, боги! Это пленника того отец!

Сталагм

Он. Его я лучше знаю: чаще, чем тебя, видал.

Гегион

О, спаси, Юпитер вышний, и меня и сына мне!
Гением твоим молю я, выйди, Филократ, ко мне!

СЦЕНА 3-я

Филократ, Гегион, Сталагм

Филократ

Здесь я, Гегион. В чем дело?

Гегион

Сына моего вот он
Твоему отцу в Элиде продал будто за шесть мин.

Филократ

Как давно случилось это?

Сталагм

Да пошел двадцатый год.

Филократ

980 Лжет...

Сталагм

Один из нас. Тебе (ты четырех тогда был лет)
Отдал твой отец в подарок купленного мальчика.

Филократ

Если правду говоришь ты, — звали как его, скажи?

Сталагм

Пегнием, а вы Тиндаром назвали его потом.

Филократ

Как же я тебя не знаю?

Сталагм

Это людям свойственно —
Забывать, кого не ставим высоко в своих глазах.

Филократ

Это-то и был он самый — проданный тобой отцу,
Что мне отдан был в подарок?

Сталагм

Сын его.

Гегион

В живых ли он?

Сталагм

Деньги получил я, дальше мне и дела не было.

Гегион

Ты что скажешь?

Филократ

990 Несомненно, он и есть. Тиндар — твой сын.
Так из слов его выходит. С детства он со мною рос.
Был воспитан в добрых нравах честно он до юности.

Гегион

Я и счастлив и несчастен, если это правда все;
Тем несчастен, что ему я сделал зло, а он — мой сын.
Больше зла, добра же меньше сделал я, чем нужно бы.
Мучусь тем, что сделал зло. О, будь оно не сделано!
Вот и он. Несообразен вид с его достоинством!

СЦЕНА 4-я

Тиндар, Гегион, Филократ, Сталагм

Тиндар

1000 Муки Ахеронта часто видел на картинах я:
Ахеронт — ничто, однако, пред каменоломнями,
Где я был. Да, вот уж это место настоящее,
Где телесную усталость надо выгонять трудом!
Знатным детям для забавы дарят утку, галочку,
Перепела: точно так же, лишь туда явился я,
Дали этакую птичку¹ мне для услаждения.
Вот и господин у двери, и другой, вернулся он
Из Элиды.

Гегион

Здравствуй, сын мой дорогой!

Тиндар

Гм!.. Как так — сын?

А! Ты потому играешь в сына и отца со мной:
Так же даровал увидеть свет мне, как родители!

¹ Т. е. молот для работы в каменоломне.

Филократ

Мой привет, Тиндар.

Тиндар

Мой также. За тебя я мучусь тут.

Филократ

1010 Ты теперь свободен будешь и богат. Вот твой отец.
Этот раб четырехлетним у отца украл тебя,
За шесть мин потом он продал моему отцу, а он
Подарил тебя, ребенка, мне, ребенку, в собственность.

Тиндар

Как! Ему я сын?

Филократ

А в доме там еще твой брат родной.

Тиндар

Что ты? Возвратил ему ты, значит, сына пленного?

Филократ

В доме здесь он, повторяю.

Тиндар

Превосходно сделал ты.

Филократ

Вот отец твой, а вот это раб, тебя похитивший
Маленьким.

Тиндар

Теперь я взрослый, взрослого его предам
Палачу за кражу.

Филократ

Это им вполне заслужено.

Тиндар

1020 По заслугам и награду, стало быть, воздам ему,
Но скажи, однако, ты ли мой отец?

Гегион

Да, я, мой сын.

Тиндар

То-то мне, как поразмыслю, правда, вспоминается,
Точно сквозь туман, что звался Гегионом мой отец.

Гегион

Я и есть.

Филократ

Себе в угоду сына от оков теперь
Облегчи. Ему в угоду отягчи раба.

Гегион

Да, я

С этого начну. Пойдемте ж в дом, за кузнецом пошлю
Снять с тебя оковы эти, дать ему.

Сталагм

Что ж, хорошо!

Для того, кто не имеет ничего, и это дар.

Труппа

1030 Мы комедию вам дали нравственную, зрители,
Ни заигрываний нет в ней, ни любовных дел совсем,
Ни детей нигде подложных, ни обманов денежных,
Нет ни выкупа любовниц сына от отца тайком.
Да, таких комедий мало создано поэтами,
Чтобы нравы улучшали. Нравится ли вам она?
По душе ль и мы пришли к вам и не опротивели?
Так на деле покажите, кто из вас награду дать
Добродетели желает: те пускай похлопают.

(239—169 гг. до н. э.)

Квинт Энний (Quintus Ennius), выдающийся римский поэт, родился в италийском городе Рудиях в Калабрии, где наряду с латинским языком было широко распространено знание греческого. Энний, по-видимому, участвовал во второй Пунической войне с карфагенянами, где познакомился с Катоном Старшим, который привез его с собой в Рим.

Через любителей литературы Энний попал в кружок Сципионов. Это был кружок римской «служилой» знати, которая стояла за широкий захват рынков, грабеж провинций, но вместе с тем эта аристократия ставила просветительские цели — освоение греческой культуры, философии, красноречия, литературы. Энний, подобно Теренцию (см. ниже), пишет в духе этого кружка. Он переделывает для римского театра греческую трагедию, комедию, переводит философские поэмы.

В духе либеральных просветительских тенденций сципионовского кружка Энний написал не дошедшую до нас поэму «Эпихарм», в которой впервые познакомил римлян с греческой натурфилософией и рационалистически объяснял народную религию; он перевел «Священную записку» Евгемера, который доказывал, что народные боги — лишь обожествленные люди. Энний пишет «Сатурны» — произведения с разнообразной тематикой (см. ниже, Луцилия).

Но главное его произведение — это «Анналы» («Летопись») — историческая поэма, состоявшая из 18 книг (сохранилось около 600 стихов). Ее содержание — поэтическая история Рима с его основания до войн с Востоком. Тенденция поэмы — прославлять римские завоевания и полководцев из римской знати. Энния впоследствии называли «латинским Гомером». Поэма написана уже не старым «сатурновым» стихом, а заимствованным из Греции гомеровским дактилическим гекзаметром, который с этих пор прочно утвердился в римском эпосе. Энний дал толчок развитию латинского поэтического языка; он оказал влияние на язык последующего эпоса (например, на язык Лукреция, Вергилия). Энний так прославляет сам себя в приписываемой ему надгробной надписи:

Энния, старца поэта, здесь образ вы, граждане, зрите;
Славные он воспевае подвиги ваших отцов.
Плакать к чему ж обо мне? К чему же лить слезы напрасно?
Жив я в крылатом стихе: стих то у всех на устах.

АННАЛЫ

(Отрывки)

Музы, о вы, что Олимп попираете гулко стопами!
Музами греки вас называют — для нас вы Камены¹.
Песни мои широко по земле и средь дальних народов
Будут греметь.

[В первой книге своих «Анналов» Энний передает рассказ о легендарных основателях Рима — Ромуле и Реме — так, как впоследствии он был передан историком Ливием. Вот один из отрывков:

Дева Илия видит вещий сон, в котором ей свыше ниспосылается откровение об ее судьбе, сначала горестной, а затем славной, о двух ее сыновьях —

¹ Камены — богини песен.

Ромуле и Реме. Ужасен и загадочен этот пророческий сон. Илия просыпается и взволнованным голосом рассказывает о грозном видении:]

Встала старушка; внесла рукою дрожащей лампаду.
Илия с плачем ей молвит, виденьем испугана грозным:
«Выслушай, дочь Евридики! родителя милой супруги;
Страшен мой сон! Смертельной тоскою сжимается сердце.
Берег реки неизвестной, пышною ивой одетый,
Кто-то прекрасный меня увлекает... потом одиноко
Там я блуждаю, сестрица; стопою неверной дорогу
Тщетно пытаюсь найти, призываю тебя, но напрасно.
Замерло сердце... Не видно пути... Куда же идти мне?
Вдруг родителя голос — он имя мое называет:
«Милая дочь! Сулит тебе рок несчастье в грядущем,
Но из этой реки твоё счастье сугубо воспрянет».
Так он сказал мне, родная, и вдруг от глаз он сокрылся.
Сердцем стремлюсь я к нему, но увы! его нет предо мною.
В горе к лазурному небу не раз простирала я руки,
В слезной мольбе призывая отца, но напрасно молила...
Здесь я проснулась, в тревоге смертельной, покой свой
утратив.

[Далее, вероятно, идет все так, как изложено у Ливия, и первая книга кончалась славословием Ромула, в момент кончины ставшего богом:]

Сладкой тоскою их сердце пронзилось: царя славословят
Речью такой: «О Ромул божественный, Ромул — владыка,
Страх и блюститель отчизны, бессмертных славная отрасль.
Ты наш отец, ты родитель, божественной крови потомство,
Вывел на свет лучезарный ты нас из мрака забвенья.

[Там же (кн. I, ст. 55) Энний рассказывает о гадании Ромула и Рема, кому быть царем:]

Царскою властью прельстившись, безмерно престола желая,
Братья решают судьбу спросить пернатых полетом.
Вот на холме Палатинском¹ с вершин его наблюдает
Рем со вниманием жадным; крылатого вестника ждет он;
Ромул прекрасный тогда с высоты твердынь Авентинских¹
В той же надежде свой взор устремляет в безмолвное небо.
Ждет и народ напряженно, владыкой кто должен назваться.
Городу имя кто даст и будет он Рим иль Ремор.
Ждет он, подобно толпе, устремившей на консула взоры.
Знак он подаст — и мгновенно арены затворы цветные
Настежь — и в бой полетят колесницы к победе желанной.
Так и теперь, в ожиданье безмолвном толпа цепенеет.

¹ Палатинский и, ниже, Авентинский — два из семи холмов Рима.

Братский тут жребий решался, и царский венец был
наградой.

Тою порою низверглась в Аид колесница ночная.
Радостным утром блеснуло на тверди дневное светило,
И понеслись с небес величавым слева¹ полетом
Стаи пернатых, в лучах утопая сверкающих солнца.
Трижды четыре священных спустилось вестника с неба,
К счастливым быстро местам они устремились разом.
Видит Ромул, что стал он богам бессмертным любезен,
Царственный трон и земля — все ему уж готово достаться.

[В третьей книге рассказывается о войнах с Пирром², в уста которого вкладываются следующие слова, по выражению Цицерона, «истинно царские и достойные потомка Эакидов» («Об обязанностях», I, 12, 38). Римляне предложили разменяться пленными или получить за них выкуп. Пирр с достоинством отвечает:]

Злата не требую я, и выкупа мне не давайте:
Мы не торгуем, войну мы ведем, и жребий о жизни
Нам подобает железом решать, а не златом презренным.
Вас ли владыка-Судьба, меня ль пожелает возвысить.
Храбростью нашей решим. Теперь мое слово послушай:
Ваших героев, кого и счастье войны пощадило,
Должно и мне пощадить — я решил даровать им свободу:
В дар их примите, того и великие боги желают.

[Пирр предлагает римлянам мир, но его послам возражает цензор Аппий Клавдий Слепой, упрекая сенаторов, готовых было уступить:]

Где же рассудок у вас, что верной стезею доселе
Шествовал? О вы, безумцы! Зачем вы с дороги свернули?

[Война возобновляется, и римские воины-герои жертвуют собой за родину с восклицанием:]

В битве отважной за римский народ умереть я готовлюсь;
Я добровольно жертвой паду за отчизну святую!

[В книге XVIII «Анналов» Энний приближался уже к своим временам; он сам говорит:]

Ибо для нас недостаточно петь старинные войны...

[В рассказе об Истрийской войне³ он описывает храбрость одного трибуна:]

Словно как дождь на трибуна отвсюду сыплются стрелы,
Щит прокололи, звенит вместе с ним от вражеских копий

¹ Левая сторона у римлян считалась счастливой.

² Пирр, царь Эпира, ведший свой род от Ахиллеса (Эакид), пошел на помощь городу Таренту, но после ряда побед был разбит римлянами.

³ С жителями Истрии (на границе Иллирии).

Медный весь шлем, но не может никто поразить его тела;
Целые тучи он копий ломает и прочь сотрясает.
Тело все покрывается потом в трудах его тяжких,
Некогда даже вздохнуть: стремительно снова и снова
Истрияне стрелы бросают, ему не давая покоя.

[Энний во введении к главной части своей поэмы о Пунических войнах пишет:]

Писали другие поэты стихами
Теми, что Фавны когда-то и вещие люди сложили;
К музам они не взбирались в высокие дебри Парнаса,
В гладкий стих свою речь уложить до меня не старались¹.
Этой науки тайник мы первые вскрыли отныне.

ИЗ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

(Отрывки)

[Кроме эпических произведений, Энний переводил и греческие драмы, главным образом Еврипида. Но этот перевод был почти новым художественным произведением.

По драме Еврипида «Александр», из которой недавно найдены небольшие отрывки, Энний написал свою драму того же названия. Из нее сохранился фрагмент: предсказание Кассандры² в момент рождения Париса, виновника будущей гибели Трои:]

Гекуба

Что за неистовый взор? Откуда внезапный огонь в твоих очах!
Где твое благоразумие, скромность девичья твоя?

Кассандра

Мать! О лучшая из женщин, сколько их на свете есть!
Дух прорицанья мной овладел, я предсказания свои

начинаю:

Волею Феба³ я в исступление невольно грядущие судьбы
вещаю.

Сверстниц своих я стыжусь, стыдно родителя мне почтенного,
Стыдно себя! О моя дорогая! Тебя сожалею, себя же клянусь!
Честью послужит Приаму потомство твое, но не я... о горе
мне бедной!

Слава — всем прочим, мне же — бесславье! Послушны они,
строптивя лишь я!

¹ Судя по намеку Цицерона («Брут», 76), здесь Энний прежде всего указывает на поэта Невия, писавшего грубым «сатурновым» стихом про фавнов (демонов лесов).

² По преданию, Кассандра, старшая дочь Приама и Гекубы, с юных лет обладала даром предсказания; ей, однако, никто не верил.

³ Аполлон, любовь которого отвергла Кассандра, за что и была им наказана: ее предсказаниям не верили.

Вот он, вот зловещий факел, в зареве грозном кровью
облитый!
Сколько лет он был невидим!.. На помощь, о граждане,
пламя тушите!

Смотрите, смотрите!
Трех богинь судом¹ кто-то судит... и вот из Лакедемона
Фурией грозной идет к нам жена... тот суд нам на гибель и
смерть.

Уж в море снаряжен судов быстрой
Губительный строй... То — наша гибель!
На крыльях ветров к нам воителей грозных
Несется дружина, на землю родную!
Се светоч Пергама², о Гектор, родной мой!
Тебя ли я вижу поверженным в прах?
Твое ль так истерзано тело, несчастный?
И кто ж дерзновенный пред нашим лицом
Занес на тебя злодейскую руку?
Тяжкой стопой шагает
В твердыню Пергама тот конь³ роковой,
Оружьем чреватый: его порождение
Погубит отчизну, погубит и нас!

[По словам Цицерона («De divinatione», I, 31), эффект этого монолога с его
повышающимся трагическим пафосом был потрясающий.
Из «Андромахи-пленницы» сохранилась лирическая партия, своего рода
шедевр римской поэзии:]

Куда обратиться? Где помощь найти
В изгнании, в бегстве тяжелом?
Ни города нет, ни твердыни высокой —
Куда мне, сирой, главу преклонить?
Алтарей родных нет боле, в прах повержены они...
Храмы в пламени исчезли, стены лишь стоят одни
Безобразно и уныло на пожарище пустом...
Отчизна! Отец! Твердыня Приама!
Высокий чертог в горделивой красе!
Твоим я, бывало, богатством любуюсь,
И дивной резьбою, и костью слоновой,
И золота царственным блеском везде!

¹ Богини Гера, Афина и Афродита спорили о красоте; судьей ими был
выбран юный царевич Парис. Он присудил победу Афродите, которая обе-
щала ему в жены Елену. Раздраженные Гера и Афина решили уничтожить
Трою.

² Пергам — другое наименование Трои.

³ Греки построили огромного деревянного коня, посадили внутрь него
воинов, а сами якобы отплыли. Благодаря хитрости предателя — грека Синона
троянцы ввели этого коня в Трою; ночью воины вышли из чрева коня и от-
крыли ворота грекам.

Скорбела я тяжко, когда предо мной
В губительном пламени ты ниспровергся,
И пал от злодейской руки наш Приам,
И кровью алтарь обогрился Зевеса.

[Вспоминает Гектора и гибель сына:]

Утратить все, тебя, о Гектор мой, лишиться —
Какой несчастный день пришлось мне пережить!¹
И как могла снести я зрелище такое:
Влачится Гектор мой за вражьей колесницей,
Младенец сын его — низвержен со стены!

[Из двух «Ифигений» Еврипида Энний выбрал «Ифигению в Авлиде»
(см. «Хрестоматию», т. I, «Греческая литература»). Энний не столько пере-
водил, сколько перелагал греческий оригинал, внося в народном духе
аллитерации, лапономасии (близкие по звучанию слова), сентенции. Хор
эвбейских женщин Энний заменяет хором воинов:]

Как ведь хлопотно бывает, коль в безделье дела нет:
То ли дело, как есть дело — вся душа им занята.
Дайте войску, дайте дела, укажите, в чем нужда:
Всей душой тогда, всем сердцем мы за дело примемся;
А в безделье не придумать что и делать — никогда!
Хоть теперь: не то мы дома, а не то — мы на войне;
Из угла мы ходим в угол, бродим мы туда-сюда;
На душе уж так тоскливо, словно мы и не живем!

[Замечательное место у Еврипида — спор между Агамемноном и Менелаем
(стихи 327—396) — у Энния не переведено, а дано свободное подражание
с более резкими красками:]

Агамемнон

Кто из людей тебя бесстыдством превзошел когда-нибудь?

Менелай

А тебя кто выше злобой?

Агамемнон

Мне упрек от Менелая? В доме он моем хозяин.
Ты виновен — я ж страдаю. Мучусь я, а ты гречишь.
В дом вернется Елена-злодейка, дева ж невинная гибнуть
должна.
Ты ласкать супругу будешь, я ж свою зарежу дочь?!

¹ Андромаха, жена Гектора, после его смерти и взятия Трои была
как пленница отдана сыну Ахиллеса, Неоптолеу-Пирру.

[Перлом в венце трагедий Энния была «Медея», сюжет которой был широко распространен во всей античной литературе (Овидий, Сенека). Сохранился пролог этой драмы Энния:]

О, если б в дубраве Пелия¹, сраженный
Секирой, не упал на землю ствол могучий,
О, если б в корабль он не был превращен,
Что ныне именем зовется «Арго»:
Ведь в нем «Аргивян» строй, избранная дружина
Из дальних Колхов² к нам везла руно золотое,
Его похитив волей Пелия владыки,
Тогда бы не пришлось скиталице Медее
Покинуть отчий дом в терзаниях страсти злой...

[До нас дошла сатирическая характеристика парасита, знакомого нам по комедиям Плавта и Теренция (см. ниже):]

Когда приходишь ты, веселый, беззаботный,
Зубами щелкая и когти расправляя,
Насторожася чутко, словно волк голодный,
Чтоб разом проглотить чужое достоянье,
Как думаешь, что чувствует хозяин? — боже!
Еду он с плачем прячет, ты ж со смехом жрешь!..

ТЕРЕНЦИИ

(Приблизительно 183—158 гг. до н. э.)

Теренций (Terentius) родился в северной Африке; по своему происхождению был рабом. Его хозяин, сенатор Теренций Лукан, к которому он попал в Риме, дал ему возможность получить образование и отпустил на волю. В Риме Теренций сблизился с кружком римских просветителей, возглавлявшимся Сципионами (см. выше Энния). Около 158 г. Теренций уехал в Грецию, где и умер.

До нас дошло шесть комедий Теренция: «Андрианка» («Девушка с Андроса»), «Сам себе мстящий», «Евнух», «Формион», «Свекровь», «Братья». Сюжеты их взяты из греческой бытовой комедии, которую Теренций, подобно Плавту, иногда переделывал, прибегая к контаминации.

Но, в отличие от Плавта, Теренций, подобно Эннию, писал в духе утонченных вкусов сципионовского кружка нобилей, в зависимость от которого он попал. В его комедиях нет той живости действия, какая была свойственна Плавту, нет блестящей плавтовской буффонады, нет и гениального творческого размаха Плавта.

Большинство комедий Теренция относится к типу «смешанных» — полудинамичных-полустатичных. Теренций ближе воспроизводит греческий оригинал, чем Плавт; в четырех комедиях из шести он берет в основу комедии изящного Менандра. Язык комедий Теренция — разговорный язык образованного римского общества его времени.

¹ Царь Орхомена, пославший Ясона за золотым руном на корабле, названном «Арго».

² Колхи — Колхида, в нынешней Грузии.

Сохранилась меткая оценка творчества Теренция, данная Юлием Цезарем:

Полу-Менандр, ты считаешься также великим поэтом —
И справедливо: ты любишь беседовать чистою речью.

Если бы было возможно прибавить комической силы

К мягким созданьям твоим, чтоб мог ты в почете сравняться

С греками и чтоб и в этом не ниже последних считаться!

Этого только и нет у тебя — и мне больно, Теренций!

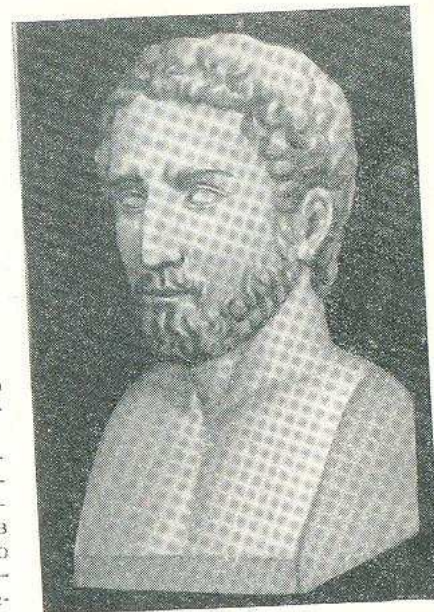
Для Теренция характерно изящество языка, хотя еще не свободного от архаизмов.

Теренций, как и многие члены сципионовского кружка, интересовался греческой философией и проводил в комедиях некоторые ее принципы. Так, в одной из комедий выражена мысль о сущности человеческой природы. Это — любимое К. Марксом изречение: «Я человек, и ничто человеческое не считаю для себя чуждым».

Комедии Теренция были популярны в Европе даже в средние века. В X в. германская монахиня Гросвита писала церковные драмы, в стиле которых чувствовалось влияние Теренция.

В эпоху Ренессанса гуманисты увлекались его изящным латинским языком; творчество Теренция оказало значительное влияние на развитие европейской драматургии; теоретики «слезной комедии» XVIII в. видели в комедии Теренция «Свекровь» (см. ниже) прототип этого жанра.

Полный перевод комедий Теренция — А. В. Артюшкова («Академия», 1934).

Теренций (так называемый) по античному бюсту. Рим.

АНДРИАНКА

(Отрывок)

ПРОЛОГ

[Пролог к этой самой ранней комедии Теренция (166 г. до н. э.) очень хорошо раскрывает литературную полемику, которая разгорелась между Теренцием и драматическими поэтами, противниками контаминации (соединения нескольких комедий или их частей в одну).]

Почувствовавши к творчеству влечение,
Поэт одну задачу положил себе,
Чтоб нравились его созданья публике;
Но видит, что совсем выходит иначе;
Он тратит на прологи все старание

Не с тем, чтоб содержание пьес рассказывать,
 Но с тем, чтобы на злобные ругательства
 Врагу, поэту старому¹, давать ответ.
 Что ставится в порок ему, послушайте.
 Сочинены Менандром две комедии:
 «Андросска» и «Перинфянка»; одну из них
 10 Узнаете — и обе знать вы будете:
 Они не так уж содержанием разнятся,
 Но сильно различаются в них стиль и речь.
 Поэт готов сознаться: из «Перинфянки»
 В «Андросску» перенес он подходящее,
 Воспользовался, как своим. Вот этим-то
 Его и попрекают, возражая так:
 Нельзя из двух одну сплавлять комедию²,
 Не слишком ли мудрят, до полной глупости³?
 Виня его, винят так Плавта, Невия
 И Энния, которых этот наш поэт
 Считает образцами и скорей готов
 20 Им подражать с их вольною небрежностью⁴.
 Пусть лучше успокоятся, оставят брань,
 Не то узнают, в чем порок их собственный.
 Послушайте спокойно, с благосклонностью⁵,
 Решите, можно ль вам и впредь надеяться,
 Что наш поэт создаст еще комедии,
 Которые бы стоили того, чтоб их
 Смотреть скорее, нежели со сцены гнать.

СВЕКРОВЬ

(Несуга)

(Отрывки)

[Комедию «Свекровь», в которой, как было указано, теоретики «слезной комедии» XVIII в. видели свой античный прототип, Теренцию удалось полностью поставить лишь в 160 г. до н. э.; два первых представления были сорваны.]

¹ Как указывает древний комментатор Теренция Донат, здесь разумеется поэт Лусций Ланувиц, глава враждебного Теренцию течения в драматургии.

² Т. е. противники Теренция обвиняли его в контаминации — составлении римской пьесы из двух греческих.

³ В подлиннике трудно передаваемая риторическая игра, вообще свойственная Теренцию как стилисту: «Не делают ли они своим пониманием (критиков), что ничего не понимают (как авторы)?»

⁴ На такое же обвинение в контаминации и с такой же ссылкой на других драматургов отвечает Теренций в прологе к комедии «Самоистязатель» («Сам себе мстящий», стихи 16—21).

⁵ Прологи Теренция имеют черты вступления ораторской речи: он старается возбудить внимание зрителей (ст. 7), вызвать их расположение к себе и познакомить с сущностью дела (ст. 23).

(ИЗ ПРОЛОГА)

Комедия «Свекровь» вторично ставится,
 Не мог ни разу в тишине сыграть ее:
 Такое приключилось с ней несчастье!
 Но ваше разумение смягчит беду,
 Придя на помощь нашему старанию.
 Когда впервые начал я играть ее,
 Бойцов известных слава (ожидали тут
 Канатных плясунов к тому ж), напор толпы,
 Шум, крики женщин — это все принудило
 Меня уйти со сцены раньше времени.
 Держусь привычки старой с новой вещью я:
 Пытаюсь ставить сызнова. И первый акт
 Понравился; внезапно слух разносится,
 Что будут гладиаторы; народ бежит,
 Шумят, кричат, дерутся за места вокруг.
 На сцене удержаться я не мог тогда.
 Теперь нет шума, тихо и спокойно все,
 Простор играть, а вам возможность полная
 Почтить вниманьем игры театральные.
 Не дайте ж этому искусству сделаться
 Уделом лишь немногих.

[Основной мотив этой комедии — насилие, совершенное юношей Памфилом над девушкой, впоследствии ставшей его женой. Молодой человек Памфил находился в связи с гетерой Вакхидой, а отец заставил его жениться на Филумене, дочери Фидиппа: это принудило Памфила постепенно порвать связь с гетерой. В то время как Памфил уехал по делам из Афин, Филумена, которая до брака была обещана одним юношей (впоследствии оказавшимся ее мужем), скрывая свою преждевременную беременность, уезжает в родительский дом под предлогом ссоры со своей свекровью Состратой. Лахет, муж Состраты, обвиняет во всем происшедшем свою жену.]

АКТ I

СЦЕНА I-я

Лахет

О боги! Что за род людской? И это что за заговор?
 В симпатиях все женщины равны и в антипатиях!
 От общего характера нет отклонения!
 Свекрови полагается питать к невестке ненависть,
 Всегда перечить мужу, на своем всегда настаивать!
 В одной и той же школе все учились злобе, кажется.
 Такая школа если есть, ты, верно, в ней наставница.

Сострата

Да в чем меня винишь ты? Я не знаю.

Лает

Не знаешь?

Нет?

Сострата

Нет. Поклясться я готова в том
Совместной нашей жизнью.

Лает

Да избавят боги нас от зла!

Сострата

Меня ты без вины бранишь, сам согласишься.

Лает

Без вины?

Для поведения твоего какие подобрать слова?
Меня, себя, семью срамишь, а сыну создаешь печаль.
Родных врагами делаешь, их, сына удостоивших
Того, чтобы детей своих ему доверить! Ты вдруг тут
Явилась и своим бесстыдством все нам взбаламутила!

Сострата

Я?!

Лает

Ты. Да не считай меня, прошу, совсем дубиною.
Живу в деревне — думаешь, не знаю я,
Какую здесь ведут жизнь? Поверь ты мне,
Здесьнее житье я знаю лучше жизни тамошней,
Деревенской, потому что именно от вашего
Поведения и слава обо мне самом идет.
Филумене, как давно я слышу, ненавистна ты —
И не удивительно: иное странно было бы.
Но настолько, чтобы весь наш дом возненавидеть, нет,
Я тому никак не верил! Если бы я это знал,
То скорей она б осталась тут, а ты бы вон ушла!
Огорчения такого я не заслужил совсем.

Жить ушел в деревню, место вам очистил, думал все
О доходах, чтобы наше вынесло имущество
Ваши траты и безделье, не жалел труда ничуть
Не по возрасту и свыше меры. И за то меня
Оградить от огорчений ты не позаботилась!

Сострата

Я ничем не виновата, не при чем.

Лает

Нет, ты, и как!

Ты одна здесь оставалась, на тебе и вся вина.
Ты должна была о здешних всех делах заботиться,
Раз я от других избавил вас забот. Не стыдно ли?
Право! Во вражде старуха с молодой женщиной!
Не она ль и виновата, скажешь!

Сострата

Я так не скажу.

Лает

Рад за сына. А тебе ведь нечего терять совсем,
Сколько б ты ни ошибалась, я уверен.

Сострата

Но, как знать,

Друг мой, если ненависть ее ко мне притворная,
Чтоб побольше с матерью побить?

Лает

Оставь! Не ясно ли?

Ты вчера наведалься, тебя не допустили к ней.

Сострата

Утомилась, мне сказали, вот и не пустили.

Лает

Так!

А скорей всего характер твой, вот тут болезнь ее.
А не в чем другом. И верно. Каждая из вас всегда
Хочет, чтобы сын женился, и лишь вам угодную

Партию он получает. Но как только за себя
По указке вашей замуж сыновья возьмут невест,
То по вашей же указке их же выгоняют вон.

[Вернувшийся Памфил, узнав о ссоре жены и свекрови, бросается в дом отца
Филумены Фидиппа и рассказывает, что он там узнал.]

СЦЕНА 3-я

Памфил

Подходящего начала не могу найти никак
Для рассказа о неожиданных для меня событиях,
И глазами и ушами мной сейчас воспринятых.
Еле жив и поскорее за двери я выбежал.
К ним я в дом пробрался робко и иной болезни ждал
У жены, чем я застал там. Горе! И едва меня
Там завидели служанки, тотчас все воскликнули
С радостью: «Приехал!» Так им мой приход неожиданным
был.

370 Но тотчас же, вижу, лица вдруг у них меняются,
До того нехстати вышло им мое прибытие.
Обо мне сказать помчалась раньше всех одна из них,
Я прямым путем за нею, увидеть стремясь жену.
Чуть вошел, узнал я сразу, чем больна была она:
Скрыть болезнь ведь совершенно времени ей не было,
Так стонала, как бывает в этом положении.
Увидав, «Скандал!» — кричу я и бегу оттуда прочь,
Со слезами, пораженный этим безобразием.
Мать за мной. Уж за порогом был я. И к ногам моим
Тут припала со слезами. Пожалел я, думая:
380 «Всех нас жизнь повергнуть может в гордость иль
униженность».

И ко мне она с такою речью обращается:
«Видишь сам, Памфил, причину, почему ушла она,
Негодяй ее какой-то обесчестил девушкой;
Чтобы роды от тебя и от других скрыть, к нам ушла.
Но, мольбу ту вспоминая, не могу сдержатъ я слез!
Той судьбою, что сегодня привела тебя сюда,
Обе молим мы, законом и людским и божеским,
Промолчи передо всеми, скрой ее несчастье!
Если от нее, Памфил, ты испытал привязанность,
390 Окажи ей эту милость, для тебя нетрудную.
Что до возвращения обратного жены к тебе,
Как тебе удобней будет, так и поступи, прошу.
Про нее один ты знаешь, что не от тебя родит.
Ведь сошлась она с тобою через два лишь месяца,

А как вышла замуж, месяц вот уже седьмой идет.
Ясно, что про это все ты знаешь. А теперь, Памфил,
Если можно — и об этом я стараюсь всячески, —
От отца бы надо роды скрыть и от других равно.
Если ж будет невозможно скрыть, чтоб не заметили,
Я скажу, — был недоносок. И никто, я думаю,
Ничего не заподозрит, это так естественно —
400 Счесть тебя отцом законным. А ребенка тотчас же
Сбудем. Вовсе никакого нет тебе ущерба в том,
Да и гнусную обиду той несчастной скроешь так».
Обещал — и слово это твердо я решил сдержать.
Взять ее назад, однако, честь не позволяет мне,
Нет, хотя любовь, привычка сильно тянут к ней меня.
Плачу, как подумаю, какая будет жизнь моя
И какое предстоит мне дальше одиночество.
С постоянством никогда ты не даешься, счастье!
Первая любовь печальный этот опыт мне дала.
С той сознательно порвал я, с этой то же сделаю.

[Чтобы не мешать счастьем сына, Сострата и ее муж Лахет решают уехать
в деревню.]

АКТ IV

СЦЕНА 2-я

Сострата, Памфил

Сострата

Довольно ясно, что меня, мой сын, подозреваешь ты,
Что мой характер вынудил жену твою уйти от нас.
Хоть это и скрываешь ты старательно. Но нет, клянусь
Богов благоволением и тем, что от тебя я жду,
560 Ничем я в ней сознательно не возбуждала ненависть.
А как меня ты любишь, ты сегодня подтвердил вполне
(Чего я и ждала всегда): отец твой мне рассказывал,
Как ты меня поставил выше даже и любви своей.
Теперь я оплатить хочу за это благодарностью,
Чтоб знал ты, что и у меня любви сыновней тоже есть
Награда. То, что вам удобно, к чести и моей пойдет;
Решилась отправиться с отцом твоим в деревню я.
Присутствие мое мешать не будет, не останется
Предлога не вернуться Филумене.

Памфил

Это что за мысль?

По глупости ее в деревню уезжать из города?

590 Ты этого не сделаешь, и я не допущу никак,
Чтоб злые языки сказали, что виною тут мое
Упрямство, неумеренность твоя. Оставь, пожалуйста!
Из-за меня с подругами расстаться, и с роднею всей,
И с празднествами — не желаю, нет!

Сострата

Но это все меня
Не радует уж более. Покамест позволяли мне
Года, вполне достаточно всем этим насладились я.
Теперь уж я пресытилась такими развлечениями.
Теперь забота главная такая у меня одна:
Чтоб не стеснять кого-либо своим преклонным возрастом,
Чтоб смерти кто-нибудь моей не ожидал. Здесь без вины
Я ненавистна, так уже пора другим дорогу дать.
Вот это лучший путь пресечь пустые отговорки все, —
600 Их удовлетворить, самой уйти от подозрения.
Толпа злословит женщин; дай же мне избежать этого.

Памфил

Как счастлив я во всем (за этим только исключением)
С такой женой и матерью!

Сострата

Нет, не преувеличивай,
Памфил мой, этих неудач, прими их, как они и есть,
Раз остальное все идет по твоему желанию,
Как мне и представляется. Ты эту милость сделай мне,
Верни ее.

Памфил

Беда моя.

Сострата

Да и моя. Поверь, мой сын,
Мне это огорчительно ничуть не меньше, чем тебе.

СЦЕНА 3-я

Лает, Сострата, Памфил

Лает

Слышал ваш весь разговор я, находясь от вас здесь
близко.

Это мудро — если надо, волю изменить свою,
Самому теперь же сделать то, что после, может быть,
Поневоле бы пришлось.

Сострата

Дай бог.

Лает

610 В деревню! Мы там стерпимся: со мною — ты, а я — с тобой.

Сострата

Надеюсь.

Лает

Ну, иди домой, укладывая, что взять с собой.
Я кончил.

Сострата

Сделаю, как ты велишь.

Памфил

Отец!

Лает

Что тебе, Памфил?

Памфил

Отсюда матери уехать? Нет!

Ни за что.

Лает

Да почему же?

Памфил

До сих пор не решено ведь,
Что с женой я буду делать.

Лахет

Взять назад.
Что же делать? Да, конечно.

Памфил (*про себя*)

И сам хочу я и едва-едва держусь.
Но нет, не изменю решение! Пользе буду следовать!

(*Вслух.*)

Если возвращу, едва ли будет жизнь согласная!

Лахет

Этого не можешь знать ты. Безразлично ведь тебе,
Как они поступят обе, раз уйдет отсюда мать.
Старость юности противна. Лучше отойти с пути.
620 Памфил, уж ведь в конце концов становимся
Мы сказкой: дед да баба. А вот вижу я,
Выходит кстати и Фидипп. Пойдем с ним потолкуем.

[Семейный конфликт запутывается. Но тут вмешивается гетера Вакхида,
которая помогает разобраться во всем этом деле.]

АКТ V

СЦЕНА I-я

Вакхида, Лахет

Вакхида

Недаром захотел сейчас со мной Лахет увидаться,
И, кажется, догадываюсь, что ему желательно.

Лахет

Сдержу свой гнев, а иначе добьюсь, пожалуй, меньшего,
Чем можно бы; однако же и слишком далеко идти
730 Не следует, чтоб не пришлось жалеть о том впоследствии.
Привет тебе, Вакхида!

Вакхида

Привет тебе, Лахет!

Лахет

Вакхида, ты не удивляешься,
Зачем я приказал рабу позвать тебя из дому?

Вакхида

Робею даже, чуть придет на мысль, кто я такая
И как бы мне профессия моя не повредила.
А что до поведения, легко я оправдаюсь.

Лахет

Ты только правду говори, так я тебе не страшен.
Я в возрасте таком, что мне нельзя простить ошибок,
Тем осторожней я во всем, чтоб зря чего не сделать.
Ведь если поступаешь ты и впредь предполагаешь
740 Так поступать, как женщинам необходимо честным, —
Обидеть без вины тебя несправедливо было б.

Вакхида

За это очень я тебя благодарю. Кто стал бы,
Обидев, извиняться, в том мне пользы очень мало.
Но в чем же дело?

Лахет

Моего ты принимаешь сына

Памфила.

Вакхида

Ах!

Лахет

Позволь сказать. Покамест не женился он,
То вашу я терпел любовь. Постой, я не сказал еще,
Чего хотел. Но он теперь женат. Так ты ищи себе
Понадежнее, другого, время есть еще покуда.
Льнуть к тебе не век он будет, и не вечно молода ты.

Вакхида

Это чьи слова-то?

Лахет

Тещи.

Вакхида

Про меня?

Лакет

Да, про тебя.
Дочь она к себе обратно увела, а мальчика,
Что родился, потихоньку уничтожить думала
Из-за этого.

Вакхида

750 О, если б только я найти могла
Что-нибудь сильнее клятвы, что верней заставило б
Вас поверить мне, тебя я всячески заверила б,
Что Памфила удалила я с тех пор, как он женат.

Лакет

Вот прекрасно! Знаешь, что ты лучше сделай?

Вакхида

Что? Скажи.

Лакет

В дом войди и эту клятву дай обсем женщинам,
Успокой их и с себя сними все обвинение.

Вакхида

760 Хорошо. Изволь, согласна. Но, конечно, знаю я:
Из подобных мне другая так не поступила бы.
Не посмела б показаться пред замужней женщиной
По такому делу. Я же не желаю, чтоб твой сын
Был молвой опутан ложной и без основания
Перед вами оказался слишком легкомысленным,
760 Что весьма несправедливо было б, разумеется.
За его добро ответить я ему добром хочу.

Лакет

Ласковым к тебе и добрым стал я от речей твоих.
Полагали не они одни так, верил я и сам.
Как в тебе мы ошибались, вижу. Будь такой и впредь,
И воспользуешься нашей дружбой, как захочется.

А не то... Сдержусь, однако, от обид тебе. Один
Дам тебе совет: как друга лучше испытай меня —
Посмотри, на что способен я, — чем как врага.

СЦЕНА 2-я

Фидипп, Лакет, Вакхида

Фидипп (с кормилицей)

Ни в чем

770 У меня, что только нужно, ты не встретишь недостатка.
Но, смотри, поев и выпив, чтобы сыт был и ребенок.

Лакет

А, это тесть! Кормилицу для мальчика ведет он,
Фидипп, Вакхида клятвою клянется пред богом
Священною...

Фидипп

Она и есть!

Лакет

Она.

Фидипп

Подобным людям
Что до богов, как и богам до них!

Вакхида

Служанок выдам.
Под пыткой допроси любую их. Такое дело
Идет сейчас: хочу помочь жене вернуть Памфилу,
Пошла на то, чего мои товарки избегают.

Лакет

780 Фидипп, на деле ясно нам, что женщин наших ложно
Мы заподозрили. Давай Вакхиду испытаем.
Твоя жена оставит гнев, узнав, что обвиненью
Фальшивому поверила. А если сын рассержен
На то, что тайно родила жена, так тут нетрудно!
Остынет скоро гнев его. Конечно, в этом деле
Дурного ничего ведь нет, что стоило б развода.

По крайней мере, я хотел бы.

Лахет

Вот она. Спроси же.
Немало и сама она поможет нам.

Фидипп

К чему ты
Мне говоришь? Да разве ты и сам давно не знаешь,
Как я об этом думаю? Вот их лишь успокойте.

Лахет

Исполни же, Вакхида, то, что мне пообещала.

Вакхида

Ты значит, хочешь, чтобы я для этого вошла в дом?

Лахет

Войди и успокой их там, заставь себе поверить.

Вакхида

Иду, хоть знаю, что мой вид им будет неприятен.
790 Замужняя разлучнице — не друг, само собою.

Фидипп

Узнавши дело, уж поверь мне, станут дружелюбней.
Избавишь от ошибки их, себя — от подозренья.

Вакхида (уходя)

Пред Филуменой стыдно мне. (Служанкам.) За мной
идите обе.

Лахет

Хотел бы я того, что ей на долю выпадает;
Ничем не жертвуя, она приобретает дружбу
Да и приносит пользу мне. Ведь если это правда,
Что удалила от себя она совсем Памфила,
То ей известность верная из этого и слава,
И за услугу — в нас друзей найдет, ей благодарных.

Вакхида

Какую радость мой приход принес Памфилу нынче!
Какое счастье я дала! Сняла заботы столько!
Спасая сына: с ними он сгубить его готов был.
Жену вернула я, на что рассчитывать не мог он:
820 Сомненья разрешила все его отца и тестя,
И этому всему началом было то колечко.
Почти что девять месяцев тому назад, я помню,
Ко мне он поздно вечером вбегает, задыхаясь,
Без спутников, вином упившись, с этим вот колечком.
«Памфил! — я в перепуге говорю ему, — чего ты
Так возбужден? Колечко это у тебя откуда?
Скажи мне!» На другое он сворачивает. Стала
Я кое-что подозревать, настаивать сильнее.
Сознался, что на улице насилие свершил он
Над девушкой какой-то и стащил в борьбе колечко.
830 На пальце у меня кольцо Миррина то узнала.
«Откуда?» — спрашивает. Я все это рассказала.
Так и узнали, что свершил он это с Филуменой
И что ребенок от него родился нынче этот.
Другие так любовницы совсем не склонны делать:
Не в наших интересах, чтоб себе во браке счастье
Любовник находил. Клянусь, до низости подобной
Я никогда не доведу себя из-за корысти.
Пока возможно было, в нем я ласкового друга,
И щедрого, и милого имела; неприятен
Мне этот брак был, сознаюсь; но поступила так я,
Чтоб незаслуженной вполне та стала неприятность.
Но от кого приятного испытывалось много, —
840 И неприятность от того снести лишь справедливо.

БРАТЬЯ

(Отрывки)

[«Братья» — одна из лучших комедий Теренция; она была поставлена на римской сцене, по точному античному указанию в дидаскалии, на погребальных играх в честь полководца Люция Эмилия Павла, в 160 г. до н. э. Комедия ставит весьма актуальную для современной Теренцию римской действительности проблему воспитания. Следуя Менандру, Теренций пропагандирует эпикурейски снисходительное отношение к детям, воспитание, основанное на гуманности и дружбе. Лессинг анализирует эту комедию в своей «Гамбургской драматургии».]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Микион — старик, городской житель.	Сострата — мать Памфилы, будущей жены Эсхина.
Демей — брат его, живущий в деревне.	Кантара — старуха, кормилица Состраты.
Саннион — сводник.	Гета — раб Состраты.
Эсхин — сын Демей, усыновленный Микионом.	Гегион — старик, родственник Состраты.
Парменон } рабы Микиона.	Памфила — девушка, дочь Состраты.
Сир }	Дромон — раб Микиона.
Ктесифон — брат Эсхина.	

ПРОЛОГ

Когда поэт заметил, что завистники
 Следят со злобой за его творением
 И что хулить готовы уж противники¹
 Комедию, которую сыграть хотим,
 Решил он о себе дать показание,
 Вы будете над ним при этом судьями,
 Хвалы он стоит или порицания.
 Имеется Дифилова² комедия,
 Заглавием она «Synapothnescontes»³,
 А в переделке Плавта «Смерть совместная».
 В той греческой комедии есть юноша,
 У сводника девицу отнимает он
 10 В начале пьесы; этот пункт нетронутым
 Оставил Плавт; его-то автор взял к себе
 В комедию «Adelphae»,⁴ перенес сполна,
 От слова до слова эта новая
 Комедия у нас сейчас и ставится.
 Узнавши все, судите, что тут: кража ли,
 Иль только место мы одно заимствуем,
 Небрежно обойденное⁵. А что твердят
 Завистники, что будто люди знатные
 Являются помощниками автору
 И разделяют труд его писательский, —
 Им это бранью самой сильной кажется,
 А автору — хвалою величайшею:

¹ См. пролог в комедии «Андрианка».

² Дифил — один из драматургов, представитель греческой бытовой комедии.

³ «Вместе умирающие».

⁴ Т. е. «Братья».

⁵ Теренций и в этой комедии допускает контаминацию (внесение в комедию Менандра сцены из комедии Дифила), вследствие чего, как и по поводу комедии «Евнух», вызывает против себя обвинение в плагиате.

Для тех людей он, значит, привлекателен¹,
 Которые и вам всем привлекательны,
 20 И городу всему: ведь к их-то помощи
 В войне ли, в мире ль, в важных ли делах каких,
 Забывши гордость, всяк прибегнул в свой черед.
 Не ждите содержания комедии.
 Вначале выйдут старики, расскажут часть,
 Другую часть покажут в самом действии.
 Пусть увеличит ваше беспристрастие
 Стремление к работе у писателя.

АКТ I

СЦЕНА I-я

Микион (говорит, обратившись к дому)

Старик!² Эй, слушай! Этой ночью с ужина
 Эсхин не возвратился, нет и тех рабов,
 Которые за ним пошли. Да, верная
 Пословица: когда уходишь из дому
 Иль, доведется, где-нибудь задержишься,
 То лучше над тобой пусть то исполнится,
 30 Что скажет или про себя подумает
 С досады на тебя жена сердитая,
 Чем то, что мыслят нежные родители.
 Задержишься — жена решит: влюбился, мол,
 Или в него влюбились. Пьет и сам себя
 Он тешит. Хорошо лишь одному ему,
 А ей так плохо. Я вот — не вернулся сын —
 Чем не встревожусь! Что не передумаю!
 Не простудился б! Не упал бы где-нибудь
 Да не сломал чего-нибудь себе. Ох-ох!
 Придет же человеку, право, в голову
 Обзаводиться тем, что самого себя
 Дороже станет! И притом не мой он сын,
 40 А брата моего, а тот по склонностям
 Отличен от меня еще был с юности:
 Я городскую жизнь любил уютную,
 Досуг и то, что счастьем почитается, —

¹ Это обвинение повторяет уже сделанный упрек по поводу комедии «Сам себе мстящий»; ответ очень характерен для Теренция как члена сципионовского кружка.

² Обращение к рабу.

Демей, Микион

Демей

А, очень кстати, я тебя как раз ищу.

Микион

Чего ты мрачен?

Демей

Вот вопрос! А что Эсхин,
Спросил бы. Мрачен...

Микион

Вот! Я так и знал. А что

Он сделал?

Демей

Сделал что он! Ни стыда совсем,
Ни страха у него нет, и закон ему
Не писан. Ну, там раньше что наделано,
Оставим. Вот недавно натворил чего!

Микион

Чего же?

Демей

Двери выломал и в дом чужой
Ворвался, самого избил хозяина
И домочадцев насмерть и любовницу
Отнял свою. Кричат все: возмутительный
Поступок! По дороге говорили мне —
И сколько! На устах у всех. В конце концов,
Коль брать пример, — за делом брата видит он
В деревне, бережливого и скромного!
За этим — нет, совсем того не водится.
Что говорю ему я, Микион, тебе
Я говорю: ты позволяешь портиться
Ему.

Женатым не был; он — наоборот во всем:
В деревне жил всегда в суровой скупости.
Женился, родились два сына; я из них
Усыновил себе Эсхина, старшего.

Как своего, воспитывал с младенчества,
Любил и холил, — в нем моя отрада вся,
Одно мне это дорого. А чтоб и он
Ко мне имел такое ж отношение,

50 Стараюсь я заботливо, даю ему,
Уступки делаю и правом пользуюсь
Отцовским не во всем; и сына приучил
Я, наконец, чтоб не скрывал он от меня
Своих поступков, как другие делают
Тайком от старших в увлечениях юности.
Кто лгать привык и смело на обман отца
Идет, тот тем смелее проведет других.
Стыдом и чувством чести много легче нам
Детей сдерживать, чем страхом, полагаю я.

60 Но брат мой не согласен тут ни в чем со мной.
Ко мне он часто с криками является:
«Зачем ты, Микион, нам губишь малого?
Зачем он пьет, влюбляется? Зачем ты сам
На это все его снабжаешь деньгами,
В нем поощряешь щегольство? Как ты нелеп!»

А сам суров он до несправедливости.
И очень заблуждается, по-моему,
Кто ту считает власть авторитетнее
И крепче, что на силе только держится,
Чем ту, что создается дружелюбием.
Мои же убеждения и правила:

70 Кто долг свой исполняет из-под палки, тот
Страшится до тех пор, покамест боязно,
Чтоб не узнали; если же появится
Надежда у него, что будет скрыто все,
Вернется снова к старым он наклонностям.
Но тот, кого ты привлечешь добром к себе,
Тот платит тем же, от души все делает;
Ты здесь ли, нет ли, будет одинаков он.
Отцовский долг — скорее приучать детей
Все делать не из страха, доброй волею:
Отец и деспот этим-то и разнятся.
А кто того не может, пусть сознается,
Что вовсе не умеет управлять детьми.
А! Он и есть, о ком я говорил сейчас.
И в самом деле, что-то слишком мрачен он.
Уверен я, браниться, как всегда, начнет.
Демей, видеть рад тебя здоровым я.

Микион

Нет ничего несправедливее
Людей необразованных: лишь то они
Считают справедливым, что сами делают.

Демея

К чему ты это?

Микион

А к тому, Демея, что
100 Об этом судишь ты совсем неправильно.
Позора нет, поверь ты мне, для юноши
Гулять, кутить и двери хоть выламывать.
Ведь если мы с тобою так не делали,
Нам бедность не давала. Чем ты хвалишься?
Да тем, что делал только из-за бедности!
Несправедливо! Будь на что нам делать так,
Мы б делали; и будь ты человеком сам,
Теперь бы дал ты сыну так вести себя,
Покамест это в юности удобнее,
Чем позже, в годы менее пригодные,
110 Когда, дождавшись, вон тебя он выкинет.

Демея

Нет, ты меня доводишь до безумия!
Позора нет в таких делах для малого?

Микион

Послушай, чтобы часто не твердить о том.
Усыновить ты сына своего мне дал.
Он стал моим, и если погрешает чем,
То именно передо мною. Больше всех
Тут я плачусь. Гуляет, кутит, душится —
За мой все счет. Влюбляется? Покамест мне
Удобно, деньги будет получать с меня,
А станет неудобно, очень может быть,
Ему на дверь покажут. Двери выломал?
120 Поправят. Платье изорвал? Починится.
Да, слава богу, средства есть на то еще,
И до сих пор не в тягость мне. Так, стало быть,
Оставь, не то давай судью третейского,
Какого хочешь — докажу, что ты неправ
Гораздо больше здесь, чем я.

Демея

Беда! Учись
У тех отцовству, кто отцом умеет быть.

Микион

Природой — ты, по духу — я скорей отец.

Демея

По духу? Ты?

Микион

Не продолжай, а то уйду.

Демея

Вот как?

Микион

Одно и то же слушать столько раз!

Демея

Меня заботит это.

Микион

И меня. Давай
130 Разделим мы заботу. Пусть тот — сын тебе,
Мне — этот. Об обоих же заботиться —
Обратно, значит, отданное требовать.

Демея

А!

Микион

Так я полагаю.

Демея

Что ж! Коль так, пускай
Мотает, тратит, гибнет! Мне и дела нет!
И если хоть словечко после...

Микион

Сердишься

Опять?

Демей

А ты не веришь? Я не требую
Назад того, что дал. А больно все-таки:
Я не чужой. Мешаю? Перестану, пусть!
Заботу об одном лишь сыне мне даешь?
Ну что ж, и то богам благодаренье,
Что он таков, как видеть я хочу его,
А этот твой потом и сам почувствует!
Сказать о нем не хочется мне худшего. *(Уходит.)*

Микион

Есть что-то... Хотя не все, конечно... Все-таки
Не очень мне приятно. Но показывать
Ему мне не хотелось огорчения.
Таков уж он: начнешь ли успокаивать,
Противоречить, гнев ли отводить его,
Он хоть и терпит это, но едва-едва;
А уж питать, поддерживать в нем вспыльчивость —
Не то же ли, что вместе с ним безумствовать?
Да и Эсхин не вовсе перед нами прав.
В какую не влюблялся он прелестницу?
Кого он только не дарил? Недавно же
(Должно быть, все они ему прискучили)
Сказал, жениться хочет. Я надеялся,
Что юность откипела в нем, был рад тому.
И вот опять сначала? Не узнать ли мне,
В чем дело? Повидаться с ним на форуме. (Уходит.)

AKT II

[Сцена 1-я. Несмотря на протесты сводника Санниона, Эсхин силой уводит к себе в дом арфистку Вакхиду; его рабы бьют сводника. Эсхин предлагает своднику за эту женщину те деньги, за которые тот ее купил.]

[Сцена 2-я. Раб Микиона Сир уговаривает сводника продать Вакхиду за эту сумму. Тот соглашается. Входит Ктесифон, для которого Эсхин отвоёвал арфистку.]

СЦЕНА 3-я

Ктесифон, Сир, Санныон

Ктесифон

Принять добро от всякого приятно, а особенно
От тех, кому естественно услугой нас порадовать.

О брат мой, брат! Как мне тебя хвалить? Каких бы
пышных слов
Я ни набрал, а все-таки твои заслуги выше их.
Какое преимущество имею перед всеми я!
Достойного такого брата нет ни у кого нигде.

С и р

А, Ктесифон!

К т е с и ф о н

Сир, где Эсхин?

С и р

Он дома, ждет тебя.

Ктесифон

Ага!

С и р

А что?

Ктесифон

Да что? Им только жив я! Милый человек какой!
Всего на свете выше мою поставил выгоду,
Все принял на себя: мою любовь, вину, все трудности!
Что еще?.. Но дверь скрипит.

С и р

Постой, да это он и есть!

С Ц Е Н А 4-я

Эсхин, Санныон, Ктесифон, Сир

Эсхин

А где же этот негодяй?

С а н н и о н

Меня он ищет! Вынес ли
С собою что-нибудь? Беда! Не вижу ничего в руках!

Э С Х И Н

А, вот и кстати! Я тебя ищу. Что, Ктесифон?
Благополучно дело, так уж мрачность брось теперь свою.

Ктесифон

С таким-то братом как ее не бросить! Милый мой Эсхин!
270 Родной ты мой! Боюсь тебя в лицо хвалить: подумаешь,
Из лести это делаю, а не из благодарности.

Эсхин

Ну, глупый! Будто мы с тобой друг друга и не знаем!
Одно мне грустно: поздно мы узнали; до того почти
Дошло, что весь свет хоть возмись, помочь тебе не смог
Брось! бы он.

Ктесифон

Мне стыдно было.

Эсхин

Глупость тут, не стыд. Покинуть родину
Почти из пустяка! Сказать ведь стыдно! Боги упаси!

Ктесифон

Запутался.

Эсхин

А Саннион чем кончил с нами?

Сир

Стал ручным.

Эсхин

Ну, я — на форум, с ним сведу расчет. А ты к ней в дом иди.

Саннион (Сир)

Настаивай!

Сир

Идем. Ведь он спешит на Кипр.

Саннион

Не так уж занят, подожду.

Не очень-то.

Сир

Не бойся, отдадут тебе.

Саннион

Но чтоб сполна.

Сир

Сполна отдаст! Молчи лишь, да иди.

Саннион

Иду.

Ктесифон

280 Эй, Сир!

Сир

А что?

Ктесифон

Пожалуйста, скорее рассчитайтесь
С мерзавцем этим. Раздразнить его еще, — пожалуй что
И до отца дойдет: тогда пропал я окончательно.

Сир

Да успокойся! Дома с ней покамест позабавься тут,
Вам лежа постелить вели, готовить остальное все.
А я, дела окончивши, вернусь домой с припасами.

Ктесифон

Отлично. Раз нам повезло, день весело отпразднуем.

АКТ III

[Сцены 1-я и 2-я. Памфила, возлюбленная Эсхина, родит, что вызывает беспокойство ее матери Состраты и ее кормилицы. Является раб Состраты Гета, который, не зная, что Эсхин отбил арфистку для брата, объявляет Сострате, что Эсхин изменил Памфиле. Сострата посылает Гету за родственником Регионом.]

Демея, Сир

Демея

360 Пропал я! Слышно, сын мой Ктесифон — и он
С Эсхином в похищении участвовал.
Вот не хватало мне такой беды,
Чтоб он того испортил, кто на что-нибудь
Годится! Где же мне его разыскивать?
Куда-нибудь в кабак зашел, я думаю.
Завел его негодник тот, наверное!
А, Сир идет. Узнаю от него, где сын.
Но он из той же шайки: чуть увидит, что
Ищу его, не скажет ни за что, подлец!
Показывать не надо.

Сир

По порядку все
Сказали старику мы, что случилось.
Уж так-то был он весел!

Демея

О Юпитер! Вот
Глупец какой!

Сир

Он сына похвалил, а мне
Был очень благодарен, что я дал совет.

Демея

Хоть лопнуть!

Сир

Отсчитал сейчас же денежки.

Демея

370 Полмины на расходы дал сверх этого:
Нашел я им местечко!

Демея

Эх, ты! Вот кому
Давайте порученья! Позаботится!

Сир

Демея! Ты? А я не вижу. Как дела?

Демея

Дела! Я надивиться не могу на вас,
На ваше поведение!

Сир

Действительно,
Нелепое, сказать по правде, вздорное...
Очисти остальную рыбу всю, Дромон,
Угрю тому, большому, поплескаться дай
Немного. Очищать его, когда вернусь,
Не раньше!

Демея

Вот скандал!

Сир

380 И мне не нравится,
Бранюсь, бранюсь... Стефанион! Соления
Получше размочите эти.

Демея

Боги! Ох,
Задачу, что ль, себе поставил он, хвалой
Считает ли, что губит сына? Горе мне!
Уж вижу день, мне кажется, как нищим он
В наемники куда-нибудь сбежит.

Сир

Да, ум
Не только в том, чтоб видеть то, что под носом,
А чтоб предвидеть также и дальнейшее.

Демея

Ну что, у вас певичка эта?

Сир

Дома, да.

Демея

Неужто дома хочет он держать ее?

Сир

390 Должно быть, судя по его безумию.

Демея

Что только делается!

Сир

Мягкость глупая
Отца и снисходительность нелепая.

Демея

За брата стыдно, за него досадно мне.

Сир

Да, между вами разница (не потому,
Что здесь ты, говорю я) преогромная:
Ты весь сполна разумность воплощенная,
А он мечтатель вздорный. Ты позволил бы
Другому сыну делать так?

Демея

Позволил бы!
Да прежде чем взялся бы он за что-нибудь,
Я за шесть целых месяцев пронюхал бы!

Сир

Про бдительность свою хоть не рассказывай.

Демея

Да будет он таков, как я!

Сир

У всех отцов,
Каким желают видеть сына, так и есть!

Демея

Видал его ты нынче?

Сир

400 Прогнать его в деревню! (Про себя.)
(Вслух.) О, я думаю,
Уж он давно в деревне, на работе.

Демея

Да?

Уверен ты?

Сир

Еще бы! Провожал его.

Демея

Отлично. Я боялся, не застрял бы тут.

Сир

И он при этом очень был рассержен.

Демея

Чем?

Сир

На форуме на брата он обрушился
Из-за певички.

Демея

Правда?

Сир

Все повыложил!
Отсчитывали деньги: вдруг является
И он. Кричать тут начал. «Что ты делаешь,
Эсхин? Позор! Ты этими поступками
Бесчестишь род наш!»

Демея

Плачу, ох, от радости!

Сир
410 «Не деньги губишь вовсе, губишь жизнь свою!»

Демея
Похож на предков! Дай ему здоровья бог!

Сир
Еще бы!

Демея
Полон он уроков.

Сир
О! Имел,
Где выучиться: дома.

Демея
Да, стараюсь я,
Учу без послабления, велю смотреть,
Как в зеркало, на жизнь других и брать с нее
Пример себе: «Вот так-то делай!»

Сир
Правильно.

Демея
«От этого беги».

Сир
Умно!

Демея
«А это вот
Похвально».

Сир
Дело!

Демея
«А за это вот бранят».

Сир
Прекрасно!

Демея
А затем...

Сир
Вот только некогда
420 Тебя мне слушать: рыбы раздобыл сейчас
По вкусу; страшно, как бы не испортилась!
Для нас, Демея, это — преступление
Такое ж, как для вас те упущения,
Что ты сказал. И сам я по возможности
Учу рабов-товарищей на тот же лад:
«Тут пересол! Сгорело! Мало вымыто!»
Вот так! В другой раз помни! Так-то тщательно
Учу их всех по силе разумения.
В конце концов в кастрюли, словно в зеркало,
Велю смотреть. Нельзя без наставления!
430 Я чувствую, что глупости мы делаем,
Но как же быть? По человеку ладишься!
Еще что?

Демея
Поумнее быть желаю вам.

Сир
Пойдешь в деревню?

Демея
Да, прямой дорогою.

Сир
И что тебе тут делать? Наставления
Твои прекрасны, но их тут не слушают. (Уходит.)

Демея
Пришел сюда для сына. Он ушел уже
В деревню; значит, надо уходить и мне.
О нем одном забота на моих руках.
Брат хочет так — пусть смотрит за своим, другим.
Кого вдали, однако, вижу? Гегион!

Земляк наш! Ну, конечно, это он и **есть**.
440 Приятель с детства! Боги милосердные,
Большая скудость в гражданах таких у нас!
Вот человек старинной чести, доблести!
Вот люди, благу общему не вредные!
Когда увидишь их, остатки доблестной
Породы, даже и теперь захочешь **жить**.
Дождусь-ка, потолкую, поздороваюсь.

[Сцена 4-я. Гегион рассказывает удивленному Демее о всех проделках его сына Эсхина и готов заступиться за честь своей родственницы Памфилы. Оба хотят повидать Микиона.]

АКТ IV

СЦЕНА I-я

Ктесифон, Сир

Ктесифон

Так отец ушел в деревню?

Сир

Уж давно.

Ктесифон

На самом деле?

Сир

Он в деревне. Я уверен, что какой-нибудь **работой**,
И особенно теперь, он занят там.

Ктесифон

О, если б **так**!

520 Да лишь бы только на здоровье! Пусть **устанет** до того,
Чтоб подряд три дня с постели не был в **состоянии** встать!

Сир

Да и больше, если можно.

Ктесифон

День бы этот **нынешний**
Хотелось провести мне весь, как начал, в **удовольствии**.
Противная деревня эта! Главное, близка она.

А будь она подальше где —
Ночь бы там его застала, прежде чем сюда вернулся бы.
А теперь, когда меня там не найдет, сюда обратно
Прибежит, уж я наверно знаю, спросит, где я был.
«Я целый день тебя не видел!» Что ему сказать тогда?

Сир

А в голове-то пусто?

Ктесифон

Пусто.

Сир

Ну, тем хуже для тебя.
У вас приятеля, клиента, друга нет ли?

Ктесифон

Есть. А что?

Сир

Услугу, мол, оказывал ему!

Ктесифон

А услуги не было?..

Нет, этого нельзя.

Сир

Да можно!

Ктесифон

Это днем. А если я
Здесь заночую, так на что же мне тогда сослаться, Сир?

Сир

Как это жаль, что на ночь дело с другом не придумаешь!
Но будь спокоен, я его характер знаю. Пусть вскипит —
У нас он, как овечка, будет кроток.

Ктесифон

Как ты сделаешь?

Сир

Хвалы тебе он любит: словно бога возношу тебя.
Все исчисляю доблести.

Ктесифон

Мои?

Сир

Твои. У милого

Сейчас же слезы льются, будто у детей от радости...
Ай, вот тебе и раз!

Ктесифон

А что?

Сир

Вот легок на помине он!

Ктесифон

Отец?

Сир

Да, он.

Ктесифон

Что ж делать?

Сир

Я подумаю.

В дом беги лишь. Я увижу тут.

Ктесифон

Коль спросит... Ты нигде меня... Смотри!

Сир

Да перестань же ты!

[Сцена 2-я. Демей ищет Микиона. Сир жалуется ему на то, будто Ктесифон чуть не убил его из-за певички. Демей хвалит сына. Сир рассказывает Демее, где найти Микиона.]

[Сцена 3-я. Микион объясняет Гегйону, что певичка принадлежит не Эсхину, а Ктесифону.]

СЦЕНА 4-я

Эсхин

610 Я истерзался весь. Вдруг сразу столько зла обрушилось!
Не знаю, что с собою делать и за что приняться мне.
От страха тело слабнет, дух немеет мой от робости.

Решений твердых в сердце нет.
Как выйти мне из этого смятения?

Такое подозрение

Упало на меня, да и причины есть.

Сострата верит, будто я певичку для себя купил.

Старуха так сказала мне.

Была за бабкой послана. Ее увидев, тотчас я
Спросил: «Ну, как Памфила? Разве роды начинаются,

620 Что бабку взять идешь?» Она воскликнула: «Прочь,
Прочь, Эсхин!

Достаточно обманывал! Довольно уверений нам!»

«Да что ты?» — говорю. «Прощай! Владей другой
возлюбленной!»

Я тотчас понял мысли их, однако же сдержал себя:

Сказать о брате ей, болтушке? Дело все раскрылось бы.

Теперь что делать? Братнина, сказать, она? Никак нельзя!

Оставляю! Дело, может быть, и вовсе не откроется.

Между тем поверят вдруг? Ведь столько вероятностей!

Я похитил, я дал деньги, я же и увел с собой!

В том моя вина, признаться, что я не сказал отцу.

630 Я его просить бы должен разрешить жениться мне.

Слишком затянул я дело. Но теперь проснись, Эсхин!

Первое: я к ним направлюсь оправдаться. Ну, к дверям!

Ох, беда! Всегда дрожу я, начиная в них стучать.

Эй, там! Это я, Эсхин! Откройте двери кто-нибудь!

Кто-то вышел. Отойду-ка.

[Сцена 5-я. Микион, желая испытать Эсхина, говорит ему, что Памфила, как лишившаяся отца сирота, должна по закону выйти замуж за ближайшего родственника. Эсхин в отчаянии.]

Эсхин

Выслушай, отец, прошу.

Микион

640 Все, Эсхин, я знаю, слышал. Но ведь я люблю тебя,
И тем более близки мне к сердцу все дела твои.

Эсхин

Ах, отец! Любовь твою мне заслужить хотелось бы
Навсегда, покуда жив ты. Допустил проступок я;
За него мне очень больно, пред тобою стыдно мне.

Микион

Верю, зная благородный твой характер, но берет
Страх меня, что свыше меры ты неосмотрителен.
Ведь, в конце концов, в каком ты обитаешь городе?
Девушку обидел: было ль право у тебя на это?
Да большой, большой проступок, все же человеческий;
Люди и хорошие, случалось, то же делали.
Но, уж если так случилось, ждал тогда чего же ты?
Что смотрел? Что дальше выйдет? Как пойдет? Стыдился
мне

690 Все сказать? Но как тогда бы мог узнать я? Вот, пока
Колебался ты, прошло уж целых девять месяцев!
Предал и себя, и сына, и ее несчастную.
Сколько от тебя зависит! Ты на что рассчитывал?
Что во сне тебе устроят сами боги это все?
И она в покой войдет твой без твоих стараний, что ль?
Я б оплошности подобной не хотел в других делах!
Женишься на ней, спокоен будь.

Эсхин

Как?

Микион

Будь спокоен!

Повторяю я,

Эсхин

Ты смеешься надо мной, отец?

Микион

Почему же?

Кто, я?

Эсхин

700 Я не знаю. Чем страстней желаю я,
Чтоб это было правдой, тем сильнее страх берет.

Микион

В дом иди — богам молиться, чтоб жену принять. Иди!

Эсхин

Лучше ты иди молиться. Боги благосклоннее
Отнесутся, несомненно, верю я, к твоим мольбам,
И настолько же, насколько лучше ты, чем я, отец.

Микион

Я пойду, что нужно, справить. Сделай все, как я сказал.

Эсхин

710 Что это значит? Быть отцом ли значит, быть ли сыном?
Будь братом или другом он, мне больше услужил бы?
Как не любить и на руках как не носить его мне!
Любезностью своею он большую мне доставил
Заботу. Поостерегусь сознательно вперед я,
Чтоб как-нибудь нечаянно его не огорчить мне.
Что медлить? В дом пойду! Своей не задержать бы свадьбы.
(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Демея

Устал я от хождения. А, чтоб тебе
С указками твоими провалиться, Сир!
Обрыскал город весь почти...
Но брата моего никто не видывал.
Решил теперь усестись возле дома здесь,
Пока он не вернется.

СЦЕНА 7-я

Микион, Демея

Микион

Им пойду скажу,
что остановки никакой за нами нет.

Демея

720 А, вот и он. А я тебя ищу.

Микион

Зачем?

Демя

Еще скандалы поднесу тебе
Ужасные молодчика прекрасного.

Микион

Еще? Опять?

Демя

И даже уголовные.

Микион

Ох ведь...

Демя

Каков он, ты не знаешь.

Микион

Знаю все.

Демя

Глупец! Я о певичке, что ли, думаешь?
О девушке-гражданке речь!

Микион

Я знаю.

Демя

Что?!

Ты знаешь? Да? И терпишь?

Микион

Почему бы нет?

Демя

И не кричишь? И не выходишь из себя?

Микион

Нисколько!

Демя

Нет? А надо бы! Родился сын.

Микион

На счастье!

Демя

А девушка совсем бедна.

Микион

Я слышал.

Демя

Бесприданница.

Микион

Известно мне.

Демя

И что ж теперь?

Микион

730 Что нужно, то и будет: к нам
Сюда перенесут ее.

Демя

Юпитер! О!

Так вот как!

Микион

Что ж иное мог бы сделать я?

Демя

Иное? Если к делу равнодушен ты,
Притворно побрани, — хоть человеком будь!

Микион

Наоборот, уж я присватал девушку
И дело сладил: свадьба уж готовится,

И всех избавил я от страха всякого —
Вот это человечно!

Демей

Между прочим, что ж,
Тебе поступок нравится?

Микион

Не нравится,
Но я его не в силах изменить никак,
А раз нельзя, то и терплю в спокойствии.
740 Людская жизнь — что в кости, все равно, играть.
Чего желаешь больше, то не выпадет,
Что выпало — исправь, да поискуснее.

Демей

Искусный исправитель! Двадцать мин твоих
Пропали за певичку, а ее бы гнать
Скорее вон: продать нельзя — так даром хоть.

Микион

Нет, нет, продать ее и не стараются.

Демей

А что ж?

Микион

Оставлю дома.

Демей

Боги! Это ж как?
В одном и том же доме будет, стало быть,
С распутницею женщина замужняя?

Микион

А почему б и нет?

Демей

В уме ты?

Микион

Кажется.

Демей

О боги! Судя по твоей нелепости,
Тебе нужна арфистка, чтобы вместе петь!

Микион

А почему б и нет?

Демей

И новобрачную
Начнешь учить тому же?

Микион

Разумеется!

Демей

И между них, держась за веревочку,
Плясать пойдешь!

Микион

И ладно.

Демей

Ладно?

Микион

Ежели

Понадобится, с нами не желаешь ли?

Демей

Эх, как тебе не стыдно!

Микион

Вот опять вспылел!
Оставь, довольно. Весел и приветлив будь
На свадьбе сына, как оно и следует.
Я к ним потом сюда вернусь. (Уходит.)

Демя

Юпитер! О!

Вот жизнь! Вот нравы! Вот еще безумье!
Женою бесприданница к ним в дом войдет,
760 Певичка тут, и дом весь расточительный!
Сын гибнет от распутства, спятил сам старик!
Хоть божество спасенья захотело бы,
Подобную семейку не спасло б никак.

АКТ V

[Сцена 1-я. Демя ругает пьяного раба Сира.]
[Сцена 2-я. Сир скрывает от Деми, что Ктесифон находится здесь,
в доме.]

СЦЕНА 3-я

Микион, Демя

Микион

Я говорю, Сострата, все уже у нас
Готово. Кто ж так сильно постучался к нам?

Демя

Ох-ох! Как быть мне? Как кричать и плакаться?
О, небо, море и земля!

Микион

Ну, вот тебе!
Узнал все! Разумеется, о том и крик,
Готова ссора! Надо помогать идти!

Демя

Вот, вот он, порча нашим детям общая!

Микион

Смягчи свой гнев, приди же, наконец, в себя!

Демя

Смягчил! Пришел! Оставил брань я всякую.
Обсудим дело. Между нами сказано
(И от тебя пошло так): моего не тронь,
Я — твоего. Не так ли?

Микион

Да, не спорю, так.

Демя

Зачем же у тебя сейчас он кутит тут?
Зачем ты принимаешь моего к себе?
800 Зачем купил подружку? Справедливо ли
Мне меньше прав дать, нежели тебе? Мне твой
Не нужен — моего оставь, пожалуйста.

Микион

Не прав ты.

Демя

Нет?

Микион

Старинная пословица:
Между друзьями все должно быть общее.

Демя

Чудесно! Вот какая речь пошла теперь!

Микион

Послушай чуть, коли не в тягость. Первое:
Быть может, огорчаешься расходами,
Что сыновьями сделаны? Подумай сам,
Обоих их по средствам ты воспитывал
810 И думал: будет на двоих достаточно,
Уверен был, конечно, в том, что я женюсь.
Расчет такой же прежний сохрани сейчас:
Добытое копи, храни, побольше им
Оставь и эту славу береги свою.
А что им от меня сверх ожидания
Досталось, пусть и пользуются. Ведь ничуть
При этом капитала не убавится,
Прибавку же сочти за прибыль чистую.
И если ты усвоишь эту мысль себе,
Со всех ты снимешь тягость: с них, с себя, с меня.

Демя

820 Оставим деньги. Но их поведение...

Постой, я знаю. Я как раз к тому и шел.
 Деменя, очень много в человеке свойств,
 Дающих повод к легким заключениям:
 Одно и то же двое часто делают,
 А скажешь: можно этому, тому нельзя.
 Не дело разное, в делающих разница.
 Что в них я вижу, то дает надежду мне,
 Что все пойдет по нашему желанию:
 Они умны, понятливы, ко времени
 Тактичны и друг друга любят, в них видны
 Характер, образ мыслей превосходные;
 830 В любой момент их можешь возвратить на путь.
 Но ты не бойся, что они к имуществу
 Слегка пренебрежительны. Деменя! Друг!
 На все другое мы умнеем с возрастом,
 Один порок у старости имеется:
 К деньгам мы выше меры все внимательны.
 Их время отшлифует.

Деменя

Да, вот только бы
 Прекрасные твои все эти доводы
 И благодущие не разорили б нас.

Микион

Молчи! Не быть тому! Оставь же это все!
 И предоставь в мое распоряжение
 Себя на этот день. Разгладь свой лоб.

Деменя

Ну да,
 840 Придется сделать, если обстоятельства
 Так требуют. А впрочем, на рассвете я
 Уйду в деревню вместе с сыном завтра же.

Микион

Да хоть и ночью. А сегодня весел будь.

Деменя

И ту певичку заберу.

Решительный

Удар! Ты сына вовсе этим способом
 Привяжешь к ней. Вот только сбереги ее.

Деменя

Да, к этому я приложу старание.
 Золы и дыму, пыли пусть попробует,
 Варя, меля, и сверх того пушу ее
 Сбирать солому в самый жар полуденный
 И высушу, как уголь, черной сделаю.

Микион

850 Отлично. Вот разумно говоришь сейчас...
 А сына б я заставил (хочешь, нет ли) спать
 С ней вместе.

Деменя

Ты смеешься? Вот счастливый твой
 Характер! Я же чувствую...

Микион

Опять?

Деменя

Ну-ну!

Микион

Пойдем, да проведем день, как наметили. (Уходит.)

СЦЕНА 4-я

Деменя

Жизни никогда настолько подвести нельзя расчет,
 Чтоб стеченье обстоятельств, опыт, возраст не дали
 Нового чего-нибудь, не навели на новые
 Мысли! Думал: знаю что; окажется — совсем не знал;
 Важным что считал на деле, то бросать приходится.
 Так случилось и со мною. Вел я жизнь суровую,
 860 А почти в конце пути с ней расстаюсь. Но почему?
 Да на деле ясно вижу, что для человека нет

Ничего на свете лучше мягкости и кротости.
На примере это брата и моем легко узнать.
Проводил он жизнь в досуге и в пирах, приветлив был,
Никого не оскорблял, всех встречал с улыбкой,
Для себя он жил на свете, на себя и тратился, —
И его все хвалят, любят. Я же, деревенщина,
Грубый и сухой, угрюмый, дикий и прижимистый,
Взял жену. О, сколько тут я видел неприятностей!
870 Сыновья пошли — забота новая. Стараясь им
Больше дать, потратил жизнь я всю свою и молодость
На стяжанье. И на склоне лет моих теперь от них
Вот какую получаю за труды награду я —
Ненависть! Тому ж, другому, без труда даются все
Выгоды отцовские: его все любят, от меня
Прочь бегут; ему вверяют мысли все свои, его
Уважают. Оба с ним, а я один, покинутый.
Жить ему желают дольше, смерти ждут моей они.
Я их воспитал с трудом, а он присвоил их себе
С малой тратой; мне все горе, а ему все радости.
Дай-ка, сам я попытаюсь, не сумею ль ласкою
880 Говорить и быть любезным, раз меня уж вызвал он.
Я и сам хочу любимым и ценимым тоже быть.
Если делается это угожденьем, щедростью,
В этом я не буду ниже. Если неостанет средств,
Для меня совсем не важно. Я уже довольно стар.

СЦЕНА 5-я

Сир, Дедея

Сир

Брат просит далеко не уходить тебя.

Дедея

Кто это? Сир? Мой милый, как дела твои?

Сир

Благополучны.

Дедея

Очень рад. (Про себя.)

Прибавил я
Уже три слова вопреки характеру

Сейчас: «Мой милый! Как дела?» (Громко.)
Ты не лишен
Хороших свойств, и сделать я готов тебе
Приятное.

Сир

Спасибо.

Дедея

Нет, серьезно, Сир.

И ты на деле скоро убедишься в том.

СЦЕНА 6-я

Гета, Дедея

Гета

Сострата, я к соседям загляну сейчас,
Что, скоро ли невесту пригласят туда?
Дедея! Мой привет!

Дедея

А как зовут тебя?

Гета

Я Гета.

Дедея

Гета, нынче убедился я,
Как ценен ты. Ну как не уважать раба.
Который о хозяине заботится!
А ты всегда таким был, Гета. Я тебе
При случае готов за это с радостью
Приятное все сделать. (Про себя.) Быть приветливым
Стараюсь, и выходит хорошо-таки.

Гета

Ты очень добр, спасибо.

Дедея (про себя.)

Вот простых людей

К себе так понемногу привлекаю я.

Эсхин, Демей, Сир, Гета

Эсхин

900 Убьют своей заботой! Так торжественно
Устраивают свадьбу! В подготовке весь
Проходит день.

Демей

Ну как дела, Эсхин?

Эсхин

Ты тут был?

Отец!

Демей

Твой отец я и природою
И духом. Больше глаз своих люблю тебя.
Но что ж не приглашаешь в дом жену?

Эсхин

Стремлюсь, да вот задержка у меня; флейтистки нет.
И Гименей¹ петь некому.

Демей

Не хочешь ли
Меня послушать, старика?

Эсхин

А что?

Демей

Да брось
Всю сутолоку, Гименей и факелы,
И флейтшиц. Прикажи скорей забор ломать
В саду, перенеси таким путем
Невесту, делай общий дом, переводи
И мать и домочадцев всех.

¹ Свадебный гимн.

Эсхин

Вот славно как,

Отец мой милый!

Демей (про себя)

«Милый» я зовусь уже!
Дом брата станет проходным; он целую
Толпу к себе напустит и потратится.
А мне-то что? Я «милый», стал им нравиться.
Пусть этот Крез¹ отсчитывает двадцать мин! (Громко.)
Сир! Ну? Иди и делай.

Сир

Делать? Что?

Демей

Ломай!

Зови, веди их!

Гета

Боги да спасут тебя,
Демей! Нашей всей семье приятное
Ты делаешь.

Демей

Вы этого и стоите.
А ты как?

Эсхин

Я согласен.

Демей

Много лучше, чем
Родильницу вести сейчас по улице
Больную.

Эсхин

Я добрей тебя не видывал
На свете никого.

¹ Лидийский царь, известный богач древности.

Демей

Таков обычай мой.

А вот и Микион выходит из дому.

[Сцена 8-я. Демей и Эсхин уговаривают Микиона жениться на матери Памфилы, Сострате. Микион, наконец, соглашается.]

СЦЕНА 9-я

Сир, Демей, Микион, Эсхин

Сир (Демее)

Исполнено, что велел.

Демей

Дело! Что за молодец ты! Вот мое вам мнение:
Сира на свободу б надо нынче.

Микион

На свободу? Как?

Сира? А за что?

Демей

За очень многое.

Сир

О, как ты добр!

Я старательно обоих с детства их выхаживал,
Наставлял всегда, учил их, сколько мог, хорошему.

Демей

Это видно: угощение закупать по совести,
Приводить любовницу, готовить пир средь бела дня, —
Нет, не всякому под силу это!

Сир

Ах, шутник какой!

Демей

Наконец, ведь и певичку он же помогал купить,
Он о том старался. Как же нам не поощрить его?
И другие лучше станут. Кстати, хочет сын того ж.

Микион

Хочешь этого?

Эсхин

И очень!

Микион

Ну, когда желаешь так.

Сир, ко мне сюда поближе подойди. Свободен будь!

Сир

970 Вот спасибо! Как за это всем вам благодарен я!
А тебе особенно, Демей!

Демей

Очень рад!

Эсхин

И я!

Сир

Верю! Вот бы радость эту сделать и еще полней!
Видеть бы свободной тоже Фригию, жену мою.

Демей

Женщина прекрасная!

Сир

И внуку твоему она
Первая дала сегодня грудь, сынку Эсхинову.

Демей

Это очень важно: если первая дала, ее
Отпустить должны, конечно.

Микион

Как! За то?

Демея

Ну да, за то.
Ну, а сколько стоит будет, ты хогь у меня возьми.

Сир

Пусть тебе исполнят боги все, чего желаешь ты!

Микион

Повезло тебе сегодня, Сир!

Демея

Да, если ты еще
980 Пред ним свой долг исполнишь: чем разжиться дашь ему
Кое-что и на руки, — отдаст он скоро.

Микион

Как не так!

Эсхин

Дельный человек!

Сир

Верну я. Дай!

Эсхин

Отец!

Микион

Подумаю.

Демея

Он вернет!

Сир

Какой чудесный человек!

Эсхин

Ах, мой отец!

Микион

Что такое? Что характер сразу изменило твой?
Что за блажь и что за щедрость вдруг?

Демея

Скажу, послушайте!

Вот что указать хотел я. Наши сыновья тебя
Лишь за то сейчас считают добрым, обходительным,
Что всегда им потакаешь, их даришь и балуешь.
А не то чтоб сам ты жизнью отличался правильной
Или был разумно добрым. Ну, а если жизнь моя
990 Ненавистна вам за то, что (правы ли, не правы ль вы)
Не потворствую во всем я, — вам мешать не стану я:
Покупать, мотать и делать, что хотите, можете.
Только если предпочтете, чтоб исправил я, сдержал,
А при случае спустил бы вам, когда по юности
Не досмотрите, со страстью справиться не сможете ль,
Ни сообразить порядком, — тут к услугам вашим я.

Эсхин

Мы тебе предоставляем это. Лучше нас, отец,
Знаешь, что необходимо...

Микион

Одобряю. Хлопайте!

ПАКУВИЙ (PACUVIUS)

(220—около 130 гг. до н. э.)

АТТИЙ (ATTIUS), или АКЦИЙ (ACCIUS)

(170—около 85 гг. до н. э.)

Пакувий и Акций — два представителя римской трагедии II в. до н. э. Первый — живописец и поэт, переделывал главным образом трагедии Еврипида; сохранились отрывки из двенадцати его трагедий. В трагедиях Пакувий, член сципионовского кружка, ученик Энния, проводит либеральные, просветительские идеи. В одном приведенном нами отрывке из переделанной греческой трагедии Пакувий признает не силу судьбы, а простой случай, в другом он считает божеством эфир, разлитый в природе; в третьем он смеется над авгурами, несмотря на их большую роль в Римском государстве.

Акций, который больше относится к следующему периоду римской литературы, брал сюжеты не только из греческой трагедии V в., но и из послеэврипидовской трагедии, популярной в Риме, а также писал «претексты» (трагедии с римским сюжетом). До нас дошло до 700 стихов его трагедий. Акций — борец против тирании; из его трагедии было популярно изречение о тиране: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» («Oderint, dum metuant»).

Недаром он написал «претексту» «Брут», в которой изобразил изгнание последнего римского царя Тарквиния Гордого, а это изгнание, как он говорит, «обратится в счастье народу».

Римский критик I в. н. э. ритор Квинтилиан отмечает, что Акций и Пакувий больше других славятся возвышенностью мыслей, жесткостью слов и важностью характеров действующих лиц, но дополняет, что «Акцию приписывают больше силы, а Пакувия считают более ученым» («Образ оратора», X. 1, 97).

ПАКУВИЙ

[ОБРАЗ СУДЬБЫ]

Судьба глупа, безумна, думают философы
И заявляют, что она сидит на камне, все катящемся,
(И что куда случайно пущен он, туда судьба направлена).
Безумна потому, что жестка, неверна и ветрена;
Слепа же потому, что к людям без разбора пристаёт;
Глупа, когда не может в людях различить достоинства.
Но есть философы, которые судьбы не признают,
Которым кажется, что случай лишь делами ведаёт;
И это ближе к истине, и в этом опыт учит всех:
Ну вот Орест — недавно был он царь, теперь же нищий он.

[Эфир]

Смотри, что сверху и кругом обхватывает землю всю и держит,
Что с солнечным восходом все блеснит, с заходом хмурится,
Все, что мы небом называем, греки то «эфир» зовут.
Но что ни будь, оно живет, творит, питает, зиждет все,
Берет назад и все в себе скрывает, всем вещам отец.
В нем все берет равно начало и конец находит в нем.

Из трагедии

«ХРИСИС»

[ОБ АВГУРАХ]

Людей, которые язык птиц понимают
И больше узнают из печени чужой, чем собственной,
Мне кажется, скорее должно слушать, чем их слушаться.

АКЦИИ

(Отрывки из трагедии «Брут»)

[Сон последнего римского царя Тарквиния Гордого, предсказывающий его изгнание:]

Когда покою я ночному предал тело,
Чтобы утомленные сном члены облегчить,

Явился мне во сне пастух, который гнал ко мне
Покрытых шерстью овец, красивых чрезвычайно.
Я выбрал между ними двух барашков однокровных
И стал колоть я одного, что покрасивее,
Как брат его родной поднялся на меня,
Рогами стал бодать и с ног свалил ударом.
Затем, простертый на земле и тяжело раненный,
Я вижу, лежа навзничь, в небе чудо дивное,
Великое: шар солнца огненный и весь в лучах,
Направляясь вправо, шел дорогой новою.

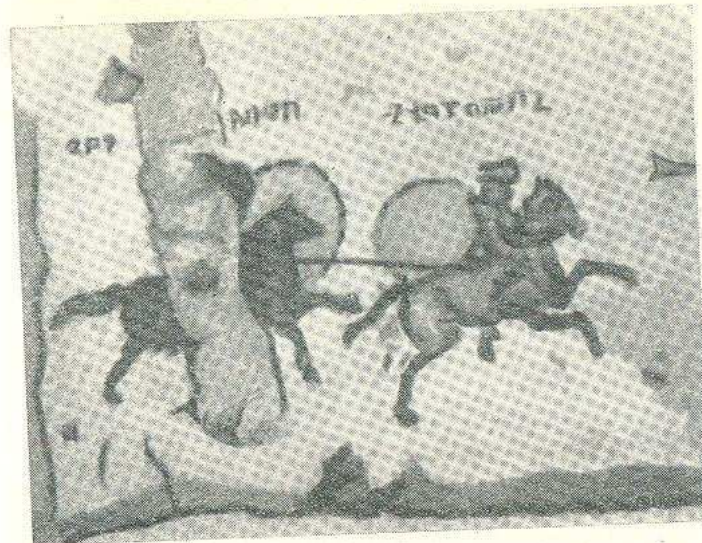
[Истолкование этого сна гадателями:]

Царь, то, что в жизни люди видят, о чем думают, заботятся,
Что наяву творят и делают, коли во сне кому пригрезится,
Не диво; но такие сны недаром нам богами посылаются.
Поэтому смотри, чтоб тот, кого тупым, как скот,

ты считаешь,

Не выказал себя с душою, укрепленной мудростью,
И с царства не согнал тебя. Что с солнцем — видел ты —
случилось,

То предвещает перемену в самом скором времени
Народу. Но да обратится это в счастье народу!
А что могучее светило взяло слева путь направо,
Все это лучше предвещает римское величие.

Фреска с изображением Спартака (открыта при раскопках Помпей в 1927 году).

ЛИТЕРАТУРА

(ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО) ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II ВЕКА И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ВЕКА ДО Н. Э.

«Внутреннюю историю (Рима. — Н. Д.), — писал Марк¹, — можно целиком свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется, вводя те модификации, которые обуславливаются существованием рабства. Задолженность, играющая такую большую роль с самого начала римской истории, является лишь естественным последствием мелкой земельной собственности». Во второй половине II в. до н. э. на почве разорения мелких земельных собственников возникает аграрный вопрос в Риме; из-за передела государственной земли разгорается борьба в среде рабовладельцев. Реформатор Гай Гракх (см. ниже) прямо заявил, что он своими реформами «бросил кучу кинжалов» в общественную среду. В результате классовой борьбы образуются две группировки: «популяр» и «оптимат»; «популяр» выражали интересы сельского и городского плебса, хотя их вожди принадлежали к нобилитету; «оптиматы» — интересы нобилитета. К «популяр» примыкали «всадники». Поднимается римская демократия, ослабляется власть сената. С конца II в. начинается открытая гражданская война прежде всего между рабовладельцами и рабами (завершившаяся восстанием рабов под начальством Спартака). Эта война осложняется в I в. гражданской войной и в среде рабовладельцев (аристократическая диктатура Суллы, заговор Катилины, гражданская война между Цезарем и Помпеем). Все это разрушало устои старинной римской гражданской общины, усиливало индивидуалистические тенденции и в конце концов привело к гибели Римскую республику.

Уже во II в. до н. э. оживление политической борьбы и демократизация Римского государства отразились и на характере литературы. В области театра создались условия для появления национальной комедии, отражавшей современную римскую и итальянскую действительность; развитие индивидуалистических тенденций, усиление субъективизма вызвало появление в литературе лирических жанров. В условиях ожесточенной борьбы партий усиливается действие ораторского слова, которое становится у многих ораторов страстным, патетическим; историография приобретает ярко тенденциозную окраску и часто выливается в жанр биографий, мемуаров; интерес к поведению человека вызывает увлечение греческой, особенно моралистической, философией; расцветает публицистика, которая, помимо ораторского слова, выливается в жанр «сатуры» (сатиры). Создателем этого жанра был Луцилий.

КОМЕДИЯ ТОГАТА

Демократизация римского общества во II в. до н. э. вызвала появление самобытной комедии с национальным римско-италийским сюжетом, которая изображала быт мелких ремесленников, иногда осмеивала жизнь богатых верхов и даже представителей государственной религии. В отличие от комедий Плавта и Теренция, называвшихся паллиатой (palliata), так как актеры играли в греческом плаще (палле), эта комедия стала называться тогатой (togata), «комедией в тоге», потому что в ней актеры выступали в римском одеянии — тоге.

От комедий Титиния, Афрания и Атты дошли лишь отдельные стихи. Так, сохранились два стиха из комедии Афрания «Авгур»:

Как только нашего авгура схватит беснование,
Подумаешь, что море, небо и земля дрожат и рушатся.

Из комедии Титиния «Ваяльщики сукон» («Fullonia») сохранились два стиха, в которых богатая жена жалуется на мужа, что тот растрчивает ее приданое:

За дурного мужа, думаю, меня выдали:
Он тратит состояние и ест мое приданое.

В одном стихе ткачихи говорят ваяльщикам:

Не тки мы, не было б у вас, ваяльщичков, наживы.

АТЕЛЛАНА

В тех же изменившихся социальных условиях получает художественное оформление и народная итальянская комедия ателлана, которая была популярна в Риме уже в эпоху Плавта. Названная по кампанскому городу

¹ Письмо к Энгельсу от 8 марта 1855 г. (Сочинения, т. XXII, стр. 89.)

Ателлы, эта комедия высмеивала преимущественно провинциальный быт. Ее отличие — постоянные маски: дурака (Макка), обжору (Буккона), скупого и честолюбивого старика (Паппа) и шарлатана-философа (Доссена). До нас дошли лишь отдельные стихи литературной ателланы Помпония и Новия. В ателлане Помпония «Папп обойденный» честолюбивый старик проваливается на выборах, но утешает себя тем, что говорит:

Расположение народа таково — оно известно:

Сначала он противится, затем даст голос, знаю.

В ателлане Новия под тем же заглавием сын неудачливого на выборах Паппа говорит отцу:

Коль ты, отец, все будешь приглашать такого сорта избирателей,
То ты сидеть в гробу скорее будешь, чем в курульном кресле¹.

МИМ

В условиях демократизации римского театра, во II—I вв. до н. э., получает художественное оформление и народный театральный жанр — мимы. Это маленькие бытовые сценки, часто весьма скабрезного характера, веселые и живые. Юлий Цезарь всячески поддерживал мимические представления и драматургов — авторов мимов. Это был демагогический прием, которым позднее особенно пользовались римские императоры: они устраивали пышные зрелища, чтобы усыпить политическую активность народных масс.

Юлий Цезарь (как нам сообщают позднее римские писатели Светоний и Макробий) заставил автора литературных мимов Децима Лаберия выступить мимическим актером (мимом) и состязаться на лучшую игру с актером Публием Сиром (Сирийцем). Децим Лаберий, играя роль раба, воскликнул: «Квириты! Мы теряем свободу!», а в прологе изобразил свое трагическое положение: он, шестидесятилетний старик, римский «всадник», должен по приказу Цезаря сделаться мимическим актером.

Судьба, противного течения которой
Хотели многие избегнуть, а могли немногие,
Куда меня низвергла на закате дней моих!
Меня, которого ни просьбы, ни подарки не могли,
Ни страх, ни принуждение, ни власть, какая б ни была,
В дни юности поколебать в своем решении, —
Вот как легко поколебала в старости
Речь мужа славного, которую ко мне направил он,
Прося меня приветливо, ласкательно!
Кому и боги не могли ни в чем отказывать,
Возможно ль, чтоб я, человек, отказывал?
Итак, проживши беспорочно дважды тридцать лет
И вышедши из дому римским всадником,
Домой я должен воротиться мимом! В этот день,
В один день больше прожил я, чем мне осталось жить!
Судьба, ты, что границ не знаешь в счастье и в несчастьи,
Коли тебе угодно было славу сокрушить мою,
Которая цвела в моих занятиях поэзией;
Зачем, когда я в силах был и гибок членами,
Когда я мог народу угождать и мужу столь великому,

¹ Т. е. займешь высшую государственную должность.

Меня тогда ты не нагнула, чтоб сорвать свой плод?
Куда теперь меня ты низвергаешь? Что же в силах я
На сцену принести? Красивый вид или осанку гордую,
Геройство духа или звук приятный голоса?
Гак плющ ползучий силы дерево лишает,
Меня объятьем лет так старость умерщвляет.
Я, как гробница, имя лишь пустое сохраню.

ЛУЦИЛИИ

(Около 180—102/1 гг. до н. э.)

Гай Луцилий (G. Lucilius) родился в римской колонии Суессе, в земле аврунков, в семье богатого римского «всадника». Молодой Гай решительно отказался от служебной карьеры и, можно сказать, первый из богатых римских нобилей посвятил себя литературе. Он жил в бурную эпоху Гракхов и был другом и соратником Сципионов. Это время ослабления власти сената, члены которого запятнали себя лихоимством, предательством интересов народа.

Луцилий с темпераментом борца, со всем пылом обрушился на пороки сенатской аристократии и другие язвы римского общества. Для этого он использовал и художественно оформил жанр, заимствованный от Энния (см. выше) — жанр «сатуры» (сатиры), допускавший самую разнообразную тематику и стихотворную форму. В «сатурах» Луцилий с позиций сципионовской кружка бичует следствия начавшегося разложения римской гражданской общины, особенно обрушиваясь на моральную распущенность сенатской знати, враждебной Сципионам. Ориентируясь на эллинистическую философию, он тем не менее ставит идеалом старинную римскую «добродетель» (virtus). Резко критикуя отдельные личности, своих политических противников, он осмеивает и грекоманию. Луцилий «срывал маску» (точнее «кожу»), по словам Горация, со своих врагов. Его «сатуры» принимают то форму пародии, то памфлета, то послания, то как бы фельетона и являются уже сатирами в нашем смысле слова; они написаны большей частью дактилическим гекзаметром, который с этих пор делается постоянной стихотворной формой римской сатиры (см. ниже Горация, Персия, Ювенала).

До нас дошло около 1000 стихов Луцилия, но это — обломки: отдельные слова, короткий стих, редко 4—5 стихов. О Луцилии мы больше узнаем от других, чем от него самого. Наибольшее внимание посвятил ему Гораций, ставивший его по таланту выше себя, но резко и подчас жестоко его критиковавший: Гораций как мастер изящного языка обрушивается на его необработанную словесную форму. Но вопросы нравственности и общественной жизни Рима, затронутые в сатирах Луцилия, привлекали к нему и читателей эпохи Августа, когда находились люди, даже предпочитавшие этого сатирика Горацию. И Квинтилиан (I в. н. э.) тоже ставит Луцилия выше Горация. Наибольшим ценителем его был грамматик Ноний, которому мы обязаны наибольшим количеством цитат из Луцилия.

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛУЦИЛИЯ

[Книга I — «Суд богов»: боги собираются вынести свое решение о том, что умершем сенаторе Лупе, противнике Сципионов:]

Если б когда-нибудь Луций
Тубул, если бы Луп или Карбон, сын Нептуна, подумал,

Что божество существует, то мог ли бы быть так
Так вероломен? преступен,

[Выводится некий сенатор Азелл, изгнанный Сципионом-цензором из сената за непристойный образ жизни:]

Делал упрек непотребный Азелл Сципионов потомку,
Что в его цензорство люстр¹ неудачно прошел и несчастно.
Люций Котта², старик, отец этого Красса, Панэтий³,
Был насчет денег великий делец, но платить был ленив он.

[Картина разложения римской гражданской общины:]

Ныне от утра до ночи, в праздник ли то, или в будни,
Целые дни, и народ, точно так же и важный сенатор,
Шляются вместе по форуму и никуда не уходят.
Все предаются заботе одной, одному лишь искусству:
Речь осторожно вести и сражаться друг с другом коварством.
В лести поспорить, хорошего роль разыграть человека,
Строить засады, как если бы были враги все друг другу.

[Луцилию особенно удавались картины природы и описания; в книге III он описывает свое путешествие в Сицилию, где у него были имения. Этому стихотворению Луцилия подражал Гораций в своей сатире (I,9) «Путешествие в Брундизий».]

Все это, впрочем, был вздор, пустяки это сущие были,
Все пустяки, говорю я, то было, все смех или шутки.
Вот как в Сетинскую область вошли мы, тут дело
не шутка:

Горы огромные, будто все Этны, все будто Афоны⁴.

[В следующем отрывке Луцилий обращается к своему другу оратору Постумию Альбину и призывает его вернуться к прежней гражданской добродетели:]

В том добродетель, Альбин, чтобы истинной мерой отмерить
Всем по заслугам людям, с которыми жить нам придется.
В том добродетель, чтоб каждую вещь разузнать хорошенько.
В том, чтобы знать, что на пользу идет, по правде и честно,
Зло от добра отличить, избегая вреда и бесчестья.
В том добродетель, чтобы меру в стяжанье, предел соблудности нам.
В том, чтоб и чести воздать то, что ей надлежит по заслугам,
В том, чтобы должную дань и богатству отдать, коль придется.

¹ Так назывался пересмотр состава сената.

² Аристократ Аврелий Котта был делец, но сам долги платить не любил.

³ Панэтий — друг Луцилия.

⁴ Этна — вулкан в Сицилии; Афон — группа гор на севере Греции у Эгейского моря.

Злым неприятелем быть порочных людей и порока,
Добрый защитником быть людей и нравов хороших.
Правду и честь полюбить, оценить и в жизни держаться.
Благо отчизны чтоб первым было у нас над другими,
Родственный долг — чтоб вторым, а уж наш интерес —
напоследок.

[Квинт Сцевола Авгур, зять Гая Лелия, член сципионовского кружка, в 121 г. после исполнения должности претора в Азии был обвинен Альбуцием в злоупотреблениях по должности. Но Сцевола был оправдан. Луцилий в разоблачает грекоманию Альбуция, который, обвиненный в вымогательстве, отправился в изгнание в Афины:]

Альбуций, ты предпочел называться греком, а не римлянином
и сабинянином, земляком Понтия, Тританна, центурионов, прославленных и первых в государстве людей и знаменосцев. Поэтому я, претор в Афинах, по-гречески приветствую тебя (то, чего ты так желал), когда ты приходишь ко мне: «χαῖρε, Тит», — говорю я; «χαῖρε, Тит», — вторят ликторы, вся моя свита и вся когорта. Из-за этого Альбуций — мой враг и неприятель.

КАТУЛЛ

(Около 87—54 гг. до н. э.)

Гай Валерий Катулл (G. Valerius Catullus) — виднейший римский лирик. Его творчество развивалось в период ожесточенной гражданской войны в Риме, в период распада республиканского строя и становления военной диктатуры. Родина поэта — город Верона в Цизальпинской Галлии. Еще юношей Катулл приехал в Рим и вскоре выдвинулся как талантливый поэт. У него установились дружеские отношения с поэтами Лицинием Кальвом и Цинной. Катулл стал главой тех поэтов, которых Цицерон назвал «новыми» поэтами (неотерики).

В условиях разложения республики и полисных отношений, в условиях кризиса римского общества наблюдается усиление субъективизма, уход в сферу интимных переживаний. Поэты-неотерики и были выразителями в литературе этих общественных настроений. Они особенно интересовались «александрийской поэзией», которая была созвучна их настроению.

Излюбленными жанрами неотериков являлись элегии, эпиграммы, а также эпиллии (небольшого размера эпические поэмы). В этих «малых формах» поэзия они выражали свои интимные переживания, протест против складывающегося цезарианства, полемизировали с поэтами, представителями жанра большой эпической поэмы.

Особый интерес и заботу проявляли неотерики к форме поэтических произведений. Они боролись за простоту и изящество литературного языка, за освобождение его от архаических слов и выражений и внесли в римскую поэзию много новых стихотворных размеров. Неотерики больше всего ориентировались на близких им по жанру александрийских лириков, которые импонировали им как своей тематикой, так и изощренной отделкой стиха и ритма.

Катулл создал лирику, отражающую разнообразные настроения поэта. Прежде всего это стихи, связанные с глубокой и трагической любовью Катулла к красавице Клодии, сестре трибуна Клодия Пульхра, которую поэт называл Лесбией, сближая ее с лесбиянкой Сапфо. В этих глубоко интимных

стихотворениях отражены и радость взаимной любви, и муки ревности поэта, и его презрение к изменявшей ему женщине, и отчаяние после окончательного разрыва с ней.

Но лира Катулла звучала не только любовными напевами. Ему принадлежит ряд памфлетов на будущего диктатора Юлия Цезаря и его любимцев, а также на разных бездарных стихоплетов. И тогда Катулл настраивал свою лиру на шуточный и игривый лад. В таком тоне даны его стихотворения к друзьям — Лицинию, Фабуллу, Флавию, Цецилию. В этих стихотворениях отражены и литературные интересы поэта, и светлые моменты его жизни, связанные с теплыми дружескими беседами, с искренним весельем товарищеских пирушек и легкими забавами беззаботной ранней юности.

После разрыва с Клодией в 57 г. поэт отправился в Вифинию (Малая Азия), возможно, с целью скорее забыть возлюбленную, причинившую ему столько страданий; может быть, на это решение повлияла и весть о смерти брата, похороненного в Малой Азии. В результате поездки Катулла на Восток появился ряд новых стихотворений и эпиллий «Аттис», в котором нашли отражение экзотика восточной природы и таинственный культ богини Кибелы, связанный с оскотплением и оргиастическими танцами ее жрецов.

На всю последующую римскую лирику (Тибулла, Проперция), а также на поэтов-лириков Западной Европы Катулл оказал большое влияние. Из итальянских гуманистов особенно любил Катулла Понтано, много его переводивший и перенесший все разнообразие его стихотворных размеров в итальянскую литературу. Высоко ценили Катулла Байрон и Гете. Пушкин со всем блеском своего гения перевел на русский язык одно из его стихотворений (см. ниже).

Полный перевод Катулла дан А. Фетом. Некоторые стихотворения переведены и опубликованы в журнале «Гермес». Большинство стихотворений переведено в издании «Academia» (1929).

5

Будем, Лесбия, жить, пока живы,
И любить, пока любит душа;
Старых сплетников ропот брюзгливый
Пусть не стоит для нас ни гроша¹.

Солнце сядет чредой неизменной
И вернется, как было, точь-в-точь;
Нас, лишь свет наш померкнет мгновенный,
Ждет одна непробудная ночь.

Дай лобзаний мне тысячу сразу
И к ним сотню и тысячу вновь,
Сто еще, и к другому заказу
Вновь настолько же губки готовь.

И как тысяч накопится много,
Счет собьем, чтоб забыть нам итог,
Чтоб завистник не вычислил строго
Всех лобзаний и сглазить не смог.

Хочешь, Лесбия, знать ты, наверно,
Сколько нужно лобзаний твоих,
Чтобы я не просил их безмерно
И, с излишком довольный, притих?

Как песок неисчетны крупницы,
Сплошь усеявшие Ливии край
По соседству Киренской¹ границы,
Где на сильфий всегда урожай,

Меж святилищем в знойной пустыне,
Где Юпитер судьбу говорит,
И меж зданием, равным святыне,
Древний Батт² под которым зарыт,

Или сколько в безмолвии ночи
Ярких звезд по дороге своей
Устремляют бессмертные очи
На любовные тайны людей,

Столько жаждет Катулл ненасытный
Обменять поцелуев с тобой,
Чтобы счесть их не мог любопытный
И смутить наговорами — злой.

3

Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
Бедный птенчик погиб моей подружки³,

Бедный птенчик, любовь моей подружки.
Милых глаз ее был он ей дороже.
Слаще меда он был и знал хозяйку,
Как родимую мать дочурка знает.
Он с колен не слетал хозяйки милой,
Для нее лишь одной чирикал сладко,
То сюда, то туда порхал, играя.
А теперь он идет тропой туманной
В край ужасный, откуда нет возврата.

¹ Кирена — город и страна на северном побережье Африки.

² Батт — легендарный основатель Кирены.

³ Катуллом написаны два стихотворения о воробье Лесбии. Оба стихотворения были очень популярны среди римских читателей. Впоследствии Овидий в подражание этим стихотворениям написал элегию «На смерть попугая». В данном стихотворении Катулл пародирует поминальный плач и надгробные речи, внося те же сетования на краткость жизни, те же повторы, те же накатывающие и уменьшительные существительные и т. д., но все эти средства художественного выражения даны в шуточно-ласковом тоне.

¹ У Катулла, как вообще в античной поэзии, рифма в стихах отсутствует. В данном переводе размер подлинника не сохранен и внесена рифма.

Будь же проклята ты, обитель ночи,
Орк, прекрасное все губящий жадно!
Ты воробушка чудного похитил!
О, злодейство! Увы! Несчастный птенчик,
Ты виной, что от слез, соленых, горьких
Покраснели и вспухли милой глазки.

86

У многих Квинтия красавицей слывет.
По мне — она бела, пряма, большого роста;
Отдельных этих в ней красот
Не отвергаю я; но выразить так просто
Словцом «красавица» ей общий приговор
Я не могу: напрасно ищет взор
Во всем ее обширном теле
Хоть капли грации, хоть искры огонька.
Вот Лесбия — та в самом деле
Красавица: из одного куска
Как бы изваян весь сей образ несравненный,
И, вся изящества полна,
Она все прелести красавиц всей вселенной
Себе усвоила одна.

107

Если желание сбывается свыше надежды и меры,
Счастья нечаянного день благословляет душа.
Благословен же будь, день золотой, драгоценный, чудесный,
Лесбии милой моей мне возвративший любовь!
Лесбия снова со мною! На что не надеялся, сбылось!
О, как сверкает опять великолепная жизнь!
Кто из живущих счастливей меня? И чего же мог бы
Я пожелать на земле? Сердце полно до краев!

109

Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша, так ты сказала.
Будем друг другу верны и не узнаем разлук!
Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!
Пусть ее слово идет чистым от чистой души!
Пусть проживем мы в веселье спокойные, долгие годы,
Дружбы взаимной союз ненарушимо храня.

72

Ты прежде, Лесбия, твердила,
Что лишь Катулл твой близкий друг
И что ни с кем иным житье тебе не мило,
Хотя б тебе Юпитер был супруг.

Не так я чтил тебя в то время,
Как чтит любовниц свет пустой,
Но так же, как отцом, годов несущим бремя,
Бывает зять любим иль сын родной.
С тех пор тебя я понял ясно,
И хоть теперь к красе твоей
Влекусь я более мучительно и страстно,
Ты для меня ничтожней и пошлей.
«Как это может быть?» — ты спросишь.
Да ведь обидою такой
В мечты влюбленного ты больше страсти вносишь,
Но гасишь в нем любви огонь святой.

40

Что за черная желчь, Равид¹ злосчастный,
В сети ямбов моих тебя погнала?
Что за мстительный бог тебя подвигнул
На губительный этот спор и страшный?
Или хочешь ты стать молвы игрушкой?
Иль, какой ни на есть, ты славы жаждешь?
Что ж, бессмертным ты будешь? У Катулла
Отбивать ты осмелился подружку.

85

Любовь и ненависть кипят в душе моей.
Быть может: «Почему?» — ты спросишь. Я не знаю,
Но силу этих двух страстей
В себе я чувствую и сердцем всем страдаю.

52

Что ж ты, Катулл? Почему умирать еще медлишь?
Ноний² зобастый воссел на курульное кресло,
Будущим консульством ложно клянется Ватиний³.
Что ж ты, Катулл? Почему умирать еще медлишь?

105

Хлыщ⁴, говорят, захотел на Пимплейскую гору
подняться⁵.
Вилами Музы сейчас сбросили сверху его⁶.

¹ Лицо неизвестное.

² Т. е. Ноний стал курульным эдилом, видным должностным лицом.

³ Ватиний, претор, уже клянется консульством, хотя еще не избран.

⁴ В подлиннике назван непристойным словом.

⁵ Гора и источник Пимплеи у склона Олимпа были посвящены музам.

⁶ Катулл, видимо, имел в виду Мамурру, одного из сторонников Цезаря. Поэт смеется над его попытками проявить себя в области поэзии.

Не может, не хвалясь напрасно,
Сказать любовница ничья,
Что нежно так была любима и так страстно,
Как мною ты, о Лесбия моя!
Не блещут верностью такою
Нигде союзы прежних дней,
Какая в пору грез, внушенных мне тобою,
Была видна со стороны моей.
Но твой поступок вероломный
Так резко сбил меня с пути
И совести вопрос такой поставил темный
О том, как долг мне чести соблюсти,
Что вновь тебя не полюблю я,
Хоть стань ты скромностью самой,
Ни страсти чувственной к тебе не подавлю я,
Хотя б на стыд махнула ты рукой.

11

Фурий ласковый и Аврелий¹ верный!
Вы — друзья Катулла, хотя бы к Инду
Я ушел, где море бросает волны
На берег гулкий.
Иль в страну Гиркан² и Арабов пышных,
К Сакам³ и Парфянам⁴, стрелкам из лука,
Иль туда, где Нил семиусть мутью
Хляби пятнает.
Перейду ли Альп ледяные кручи,
Где поставил знак знаменитый Цезарь,
Галльский Рейн увижу ль, иль дальних Бриттов
Страшное море, —
Все, что рок пошлет, пережить со мною
Вы готовы. Что ж, передайте милой
На прощанье слов от меня немного,
Злых и последних.
Со своими пусть кобелями дружит!
По три сотни их обнимает сразу,
Никого душой не любя, но печень
Каждому руша.
Только о моей пусть любви забудет!
По ее вине иссушилось сердце,

¹ Фурий и Аврелий — юноши из круга знакомых Катулла и Клодии.

² Гирканы — племена, жившие в тогдашней Персии.

³ Саки — жители прикаспийских степей.

⁴ Парфяне — кочевники, обитавшие по течению рек Тигра и Евфрата.

Как степной цветок, проходящим плугом
Тронутый насмерть.

27¹

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик:
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Ты же прочь, речная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгих постников довольствуй:
Чистый нам любезен Бахус.

50

Друг Лициний!² Вчера в часы досуга
Мы табличками долго забавлялись³.
Превосходно и весело играли.
Мы писали стихи поочередно,
Подбирали размеры и меняли,
Пили, шуткой на шутку отвечали.
И ушел я, твоим, Лициний, блеском
И твоим остроумием зажженный,
И еда не могла меня утешить,
Глаз бессонных в дремоте не смыкал я,
Словно пьяный, ворочался в постели,
Поджидая желанного рассвета,
Чтоб с тобой говорить, побыть с тобою.
И когда, треволнением утомленный,
Полумертвый, застыл я на кровати,
Эти строчки тебе, мой самый милый,
Написал, чтоб мою тоску ты понял.
Берегись же, и просьб моих не вздумай
Осмеять и не будь высокомерным,
Чтоб тебе не отмстила Немезида!
В гневе страшна она. Не богохульствуй!

¹ Это стихотворение дано в переводе А. С. Пушкина. Перевод довольно точен и очень хорошо передает светлый, радостный тон стихотворения. У Катулла здесь его любимый размер — одиннадцатисложник; у Пушкина — четырехстопный хорей, который действительно в русском языке лучше передает радостный тон, чем ритм одиннадцатисложника.

² Лициний Кальв — поэт и оратор, друг Катулла, один из представителей кружка неотериков (neotericos — юношеский, молодой).

³ В этом стихотворении Катулл изображает любимое времяпровождение членов кружка неотериков. Катулл и его друг Лициний в часы досуга устраивают своеобразное состязание в импровизации стихов. Это говорит о литературных интересах неотериков.

Мой Вар², Суффена ты наверняка знаешь!
 Суффен красив, воспитан, говорить мастер!
 Вдобавок к остальному он стихи пишет,
 По тысяче, по десять тысяч строк за день
 Кропает, не как мы, на черновых свертках,
 На царских хартиях, чтоб переплет новый,
 Чтоб скалки новые, чтобы вышито красным,
 Свинцом расчерчено, начищено пемзой,
 Стихи прочесть попробуй, и Суффен важный
 Покажется бродягой, пастухом козым.
 Такая перемена! Вот стихов сила!
 Никак не верится! Такой хитрец, умник,
 Умней всех умников, из хитрецов хитрый,
 Становится последним дураком сразу,
 Чуть за стихи возьмется. Никогда все же
 Так горд он не бывает, до небес счастлив,
 Поэзией своей он упоен, право.
 Но будем откровенны! Таковы все мы,
 Немножко от Суффена ты найдешь в каждом.
 Смешны мы все, у каждого своя слабость.
 Но за своей спиной не видать сумки.

49

Говорливейший меж потомков Рема³,
 Тех, кто есть и кто был, и тех, кто будет
 В дни грядущие, — будь здоров, Марк Туллий,
 И прими от Катулла благодарность.
 Из поэтов — поэт он самый худший,
 Как и ты — из ходатаев наилучший⁴.

¹ В этом стихотворении Катулл остроумно высмеивает писателей-дилетантов, которые, будучи материально обеспеченными людьми, могли выпускать в свет свои бездарные книги в роскошном оформлении. Интересны упоминания Катулла о книжной технике его времени.

² Вар — один из поэтов кружка неотериков, главой которого был Катулл.

³ Ромул и Рем — легендарные основатели Рима.

⁴ Эта эпиграмма направлена против Цицерона, который, перейдя на сторону Цезаря, был для Катулла оратором враждебного лагеря. Катулл остроумно пародирует патетический стиль речей Цицерона, изобилующий эпитетами, выраженными прилагательными в превосходной степени. В его маленькую эпиграмму сознательно внесено пять определений, выраженных превосходной степенью прилагательных: *dissertissimus* (самый речистый), *maximus* (величайший, в русском переводе это прилагательное выпущено), два раза *pessimus* (худший) и *optimus* (лучший).

Много морей переплыв и увидевши много народов,
 Брат мой, достиг я теперь грустной гробницы твоей.
 Чтобы последний принести тебе дар, подобающий мертвым,
 И чтобы имя твое, пепел печальный, призвать.
 Рок беспощадный пресек твою жизнь, он навеки похитил,
 Брат злополучный, тебя, сердце мне разорвав.
 Что же, прими эти жертвы! Обычай древние дедов
 Нам заповедали их — в грустный помин мертвецам.
 Жаркой слезою моей они смочены, плачем последним.
 Здравствуй же, брат дорогой! Брат мой, навеки прощай!

[ПАМФЛЕТ НА ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ]

В чудной дружбе два подлых негодяя,
 Кот Мамурра¹ и с ним — похабник Цезарь!
 Что ж тут дивного? Те же грязь и пятна
 На развратнике Римском и Формийском.
 Оба мечены клеймами распутства,
 Оба гнилы и оба — полузнайки,
 Ненасытны в грехах прелюбодейных.
 Оба в тех же валяются постелях,
 Друг у друга девчонок отбивают.
 В чудной дружбе два подлых негодяя.

29

[ПРОТИВ ЦЕЗАРЯ И ЕГО ДРУЗЕЙ]

Кто это видеть может, кто перенесет,
 Коль не бесстыдник он, распутник и игрок,
 Что у Мамурры то, чем прежде Галлия
 Косматая владела и Британия?
 Беспутный Ромул, видишь все и терпишь ты.
 А тот теперь и в гордости и в роскоши.
 Пойдет ходить по всем постелям по чужим,
 Как славный белый голубок или Адонис.
 Беспутный Ромул, видишь все и терпишь ты,
 Ведь ты бесстыдник и распутник и игрок.
 Не с этой ли ты целью, вождь единственный,
 На самом крайнем острове был запада,
 Чтоб этот хлыщ истрепанный у вас глотал

¹ Мамурра — один из сторонников Цезаря, родом из города Формии на севере Италии. Именно против него чаще всего направляет Катулл свои эпиграммы.

По двести или триста тысяч там зараз?
Иначе что же значит щедрость вредная?
Иль мало размотал он? Мало расшвырял?
Сперва он погубил отцовское добро,
Затем Понтийскую добычу¹, в-третьих же,
Иберскую, что знает златоносный Таг².
Не для него ли и Галлия с Британией?
Что эту дрянь лелеете? Что может он,
Как не глотать отцовское наследие?
Не в силу ли уж этого, нежнейшие
Вы, тесть и зять, весь разорили круг земной?

[АТТИС³]

По морям промчался Аттис⁴ на летучем, легком челне,
Поспешил проворным бегом в ту ли глушь фригийских лесов,
В те ли дебри рощ дремучих, ко святым богини местам.
Подстрекаем буйной страстью, накатившей яростью пьян,
Оскопил он острым камнем молодое тело свое.
И себя почуял легким, ощутив безмужнюю плоть,
Окропляя теплой кровью кремнистый выжженный луг.
Он взмахнул в руке девичьей полнозвучный гулкий тимпан.
Это твой тимпан, Кибела, твой святой, о мать, тимпан!
В кожу бычью впились пальцы. Под ладонью бубен запел.
Завопив, к друзьям послушным иступленный голос воззвал:
«В горы, Галлы! В лес Кибелы! В дебри рощ спешите толпой!
В горы, Галлы, Диндимены⁵ госпожи покорная тварь!
Рой изгнанников, за мной понесли вы к чужим краям,
По следам моим промчавшись, повинувшись речи моей.
Не страшил нас вал соленый, не смутила зыбкая хлябь.
Презирая дар Венеры, оскостили вы свою плоть.
Вселитесь, быстро мчитесь, пусть взиграет сердце в груди!
Порадейте в честь богини! Поспешите, Галлы, за мной!
В лес фригийский! В дом Кибелы! Ко святым фригийским
местам!

Там рокошет гулко бубен, там кимвалы звонко звенят.
Там Менад⁶, плющом увитых, хороводы топчут траву.
Восклицают там Менады, в иступленной пляске кружась:

«Там безумствует богини вдохновенно-буйная рать!
Нам туда помчаться надо! Нас туда желания зовут!»
Дева телом, бледный Аттис так вопил, сзывая друзей.
Отвечал мгновенным воплем одержимый, бешеный сонм,
Зазвенела медь кимвалов. Загудел протяжно тимпан.
По хребтам зеленой Иды полетел, спеша, хоровод.
Ударяет в бубен Аттис, задыхаясь, хрипло кричит.
Обезумев, мчится Аттис через дебри, яростный вождь.
Так, упряжки избегая, мчится телка, скинув ярмо.
За вождем, за буйной девой, в иступлении Галлы летят.
И к святилищу Кибелы добежал измученный рой
И уснул в изнеможенье, не вкусив Цереры¹ даров.
Долгий сон тяжелой дремой утомленным веки смежил.
Под покровом тихой лени угасает ярости пыл.
Но когда наутро солнца воссиял сверкающий глаз,
Сквозь эфир, над морем страшным, над пустынным ужасом гор,
И прогнал ночные тени огненосных коней полет,
Тут покинул, вдаль умчавшись, быстролетный Аттиса сон.
В мощном лоне Пасифея² приняла крылатого вновь.
Исчезает в сердце ярость, легковейный входит покой.
Все, что сделал, все, что было, вспоминает Аттис дрожа,
Понимает ясным взором, чем он стал, куда залетел.
С потрясенным сердцем снова он идет на берег морской,
Видит волн разбег широкий. Покатались слезы из глаз.
И свою родную землю он призвал с рыданьем в груди.
«Мать моя, страна родная, о моя родная страна!
Я, бедняк, тебя покинул, словно раб и жалкий беглец.
На погибельную Иду³ ослепленный я убежал.
Здесь хребты сияют снегом. Здесь гнездятся звери во льдах,
В их чудовищные норы я забрел по тайной щели.
Где же ты, страна родная? Как найду далекий мой край?
По тебе душа изныла, по тебе тоскуют глаза.
В этот миг короткий ярость ослабела в сердце моем.
Или мне в лесах скитаться, от друзей и дома вдали,
От тебя вдали, отчизна, вдалеке от милых родных?
Не увижу я гимнасий⁴, площадей и шумных палестр⁵,
Я, несчастный, их покинул. Буду снова, снова рыдать.
О, как был я горд и счастлив, о, как много я пережил!
Вот я дева, был мужчиной, был подростком, юношей был,

¹ Церера — богиня, покровительствующая произрастанию злаков.

² Пасифея — богиня спвидений.

³ Ида — гора во Фригии (в Малой Азии).

⁴ Гимнасии — здания у греков для гимнастических игр и упражнений.

⁵ Палестра — место гимнастических состязаний и борьбы. Упоминание о гимназиях и палестрах, которые были у греков, говорит о том, что это или следы использованного Катуллом греческого оригинала, или сознательная стилизация.

¹ Имеется в виду богатая добыча, полученная Цезарем в войне против Митридата Понтийского (66—64 гг. до н. э.).

² При Цезаре велась война в Лузитании. Река Таг (Тахо), протекающая в Лузитании, и называется золотоносной. Этот эпитет по отношению к реке Таг встречается и у позднейших поэтов.

³ Это эпиллий в александрийском духе; написан особым размером — галлиямбами (галлы — жрецы богини Кибелы).

⁴ Аттис — жрец малоазийской богини Кибелы.

⁵ Диндимена — культовое имя богини Кибелы.

⁶ Менада — вакханка.

Был палестры лучшим цветом, первым был на поле борьбы.
 От гостей гудели двери, от шагов был теплым порог.
 Благовонными венками был украшен милый мой дом.
 От постели, вечно весел, подымался я поутру.
 И теперь мне стать служанкой, стать Кибелы верной рабой!
 Стать Менадой, стать калекой, стать бесплодным, бедным

скопцом!

Стать бродягой в дебрях Иды, на хребтах, закованных в лед!
 По лесным влачиться щелям во фригийских страшных горах!
 Здесь козел живет скакущий, здесь клыкастый бродит кабан!
 Ой-ой-ой! Себя сгубил я! Ой-ой-ой! Что сделать я мог!»
 Чуть сорвался вопль плачевный с утомленных розовых губ,
 Чуть до слуха гор богини долетел раскаянья стон,
 Тотчас львов своих Кибела отпрягает, снявши ярмо,
 Бычьих стад грозу и гибель, подстрекает левого так:
 «Поспеш, мой друг свирепый, в богохульца ужас всели!
 Пусть, охвачен темным страхом, возвратится в дебри лесов
 Тот безумец, тот несчастный, кто бежал от власти моей.
 Выгибай дугою спину, ударяй ужасным хвостом,
 Дебри гор наполни ревом, пусть рычанью вторит земля!..»

62

ЭПИТАЛАМИИ

[Эта «Свадебная песня», написанная на манер греческих эпиталамиев, представляет собой попеременное пение юношей и девушек перед наступлением брачной ночи.]

[Юноши:]

Юноши, вечер настал! Вставайте же! Вesper¹ с Олимпа
 Свет долгожданный уже наконец-то для нас зажигает.
 Время подняться теперь и покинуть обильные яства.
 Миг — и невеста придет, и начнут прославлять Гименей.
 Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!

[Девушки:]

Девушки, юношей видите ль вы? Вставайте навстречу —
 Значит, на Эте² огонь зажигается вестником ночи.
 Да, несомненно. Глядите, как юноши встали проворно.
 Встали они неспроста: готовятся петь до победы.

¹ Вечерняя звезда.

² Горная цепь в южной Фессалии (Греция).

[Юноши:]

Первенства пальмы, друзья, нелегко нам достанутся ныне.
 Гляньте, как девушки там о затее своей размышляют.
 Ох, размышляют не зря: наверно, задумали что-то.
 Дивного нет ничего — стараются всею душою.
 В наших же думах — одно, а слух обращен — на другое.
 Нас победят, и по праву: ведь любит победа старанье.
 Вот почему хоть теперь повнимательней в помыслах будьте:
 Девушкам петь начинать, а нам предстоит отвечать им.
 Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!

[Девушки:]

Вesper! Какое тебя беспощадней на небе светило!
 Ты вырываешь из рук материнских родимую дочку,
 Ты дорогое дитя вырываешь у матери, Вesper.
 Юноше пылкому ты отдаешь непорочную деву.
 Город враги захватив, безжалостней вряд ли бывают.
 Гимен, о Гименей, явись, Гименей!

[Юноши:]

Вesper! Какое тебя нам отрадней на небе светило?
 Пламенем ярким своим ты обещанный брак утверждаешь,
 Брак, что отцами решен молодых и решен матерями,
 Но не скреплен до поры, как появится свет твой на небе.
 Могут ли боги что дать желаннее этого часа?
 Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!

[Девушки:]

Сверстницы! Вesper из нас одну беспощадно похитил!

[Дальше следовали еще семь строчек строфы, которая не сохранилась. В ней девушки, по-видимому, называли Вesperа вором. На это юноши отвечали, что Вesper, являясь на рассвете под новым именем звезды, «несущей свет», наоборот, способствовал отысканию и поимке воров.]

[Юноши:]

Вesper! С приходом твоим дремоты не ведает стража.
 Ночью скрывается вор, но ты возвращаешься утром,
 Имя свое изменив, и его выдаешь с головою.
 Любят притворно бранить тебя незамужние девы.

Можно ли то им бранить, к чему молчаливо стремятся?
Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!

[Девушки:]

Если родится цветок, в садах огороженных скрытый,
Он неизвестен скоту, никаким не тревожим он плугом.
Дождик питает его, ветерок обвеваet и солнце
Делает сильным. И мил он юношам, девушкам мил он.
Но лишь увянет цветок, подорванный тоненьким ногтем,
Юношам больше не мил, и девушкам больше не мил он.
Так же бывает и с девой: не тронута — ближним любезна.
Но лишь невинности цвет непорочное тело утратит,
Юношей к ней не влечет, и она не любезна подругам.
Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!

[Юноши:]

Если родится лоза одинокая в поле пустынном,
Вверх не растет никогда, никогда ее грозди не зреют.
Нежно тело свое сгибая под собственным грузом,
Верхним побегом она едва не касается корня.
Ни земледелец, ни вол взрастить не желают такую.
Если ж случайно она сочетается с вязом — супругом,
То земледелец и вол взрастить пожелают такую.
Девушка так же: невинна пока — бесплодно стареет.
Если ж, для брака созрев, достойно в супружество вступит,
Мужу дороже и меньше родителю в тягость.
Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!
Девушка, ты не перечь такому супругу. Нельзя ведь,
Право, перечить тому, за кого сам отец тебя выдал.
Мать и отец заодно — и их воле должна быть послушна.
Девство не все ведь твое; а отчасти родителей также:
Треть в нем отцовская есть, материнская треть в нем другая,
Треть лишь одна в нем твоя. Потому не перечь ты обоим,
Тем, что права передали свои и приданое зятю.
Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!

ЛУКРЕЦИЙ

(Около 94—55 гг. до н. э.)

Лукреций (Lucretius) — римский поэт-философ эпохи гражданских войн I в. до н. э. Биографические сведения о нем мало достоверны.

Рост индивидуализма в связи с распадом римской общины, стремление по-новому поставить и решить проблемы этики, морали и религии, осознать основы мироздания — все это вызвало в Риме интерес к греческим философским системам. Большой популярностью стала пользоваться материалистическая философия греческого философа Эпикура (IV—III вв. до н. э.).

По словам К. Маркса¹, «философии Эпикура, стоиков или скептиков были религиями образованных римлян к тому моменту, когда Рим достиг вершины своего могущества».

В дидактической поэме «О природе вещей» («De rerum natura») Лукреций пламенно пропагандирует идеи Эпикура. В первых трех книгах излагается физика Эпикура — его учение об атомах, в котором он развивал учение философа Демокрита; в четвертой — каноника (теория познания); в пятой — астрономия, геология и история человеческой культуры; в шестой объясняются различные явления природы; поэма завершается пространным картинным описанием эпидемии в Афинах в V в. до н. э. В основе концепции Лукреция лежит этический принцип: объяснением явлений природы Лукреций хочет избавить своих современников от всяких суеверий и страха перед смертью. В отличие от Эпикура, физика и материалистическое объяснение всего мироздания у Лукреция играют более самостоятельную роль, поэтому он особенно заостряет антирелигиозный момент философии Эпикура. Не случайно он приводит в третьей книге до тридцати доказательств смертности души. Поражает любовь Лукреция к реальной действительности, живое ощущение природы, вера в человека, в его разум, в прогресс человечества. Пусть многие объяснения Лукреция наивны; у него античный механический материализм; но он признает объективную реальность мира, и в основе всей его концепции лежит научный принцип сохранения материи при ее вечной трансформации.

Лукреций — не изолирующий себя от общества эпикуреец (принцип Эпикура — «живи незаметно»), а политический борец-просветитель. Недаром Ломоносов говорил, что «Лукреций в натуре дерзновенен»²; а Маркс в своих ранних работах называл Лукреция «свежим, смелым поэтическим властителем мира»³.

Лукреций не только философ, но и поэт. Продолжая линию дидактических философских поэм Эмпедокла и Парменида, а также отчасти унаследовав доказательство путем художественных аналогий от Демокрита, Лукреций довел поэтизацию философского материала до совершенства; он искусно сумел раскрыть философские положения в конкретных образах и аналогиях, которые разворачиваются у него в яркие, цельные поэтические картины. В своих доказательствах, желая убедить читателя, Лукреций обнаруживает тонкое ораторское мастерство и в этом отношении является предшественником Вергилия. Язык его поэмы, написанной дактилическим гекзаметром, изобилует неологизмами и архаизмами, стилистическая функция которых еще мало изучена.

Поэма Лукреция заняла видное место в борьбе античного материализма и идеализма в Риме. Цицерон, будучи противником учения Эпикура, тем не менее, по-видимому, содействовал изданию поэмы Лукреция. Эпикурейски настроенный поэт Овидий (см. ниже) писал: «Стихотворения возвышенного Лукреция погибли тогда, когда вся земля погибает в один день» («Песни любви», I, 15, 23).

Лукреций был популярен в эпоху Возрождения и в эпоху французской буржуазной революции, особенно у французских материалистов XVIII в. (например, у Гельвеция и др.), которые черпали из его поэмы аргументы против религии. Даже романтик Ф. Шлегель, осуждая материализм Лукреция, тем не менее писал: «По вдохновению и возвышенности он занимает первое место среди римлян; как певец и живописатель природы — первое место среди всех уцелевших поэтов древности».

В Советском Союзе поэт, философ-материалист Лукреций стал особенно популярен.

¹ К. Маркс, передовица в № 179 «Кельнской газеты» (1842). Сочинения, т. I, стр. 180.

² В статье «О качествах стихотворца рассуждение».

³ Сочинения, т. I, ИМЭЛ, стр. 462.

[ХВАЛА ЭПИКУРУ]

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом,
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
65 Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.
И не молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли, но, напротив, сильнее
70 Духа решимость его побуждали к тому, чтобы крепкий
Врат природы затвор он первый сломить устремился¹,
Силою духа живой одержал он победу и вышел
Он далеко за предел ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом
пространствам.

Как победитель он нам сообщает оттуда, что может происходить, что не может, какая конечная сила. Каждой вещи дана и какой ей предел установлен. Так в свою очередь ныне религия нашей пятою. Попрана, нас же самих победа возносит до неба².

I

Я не таю от себя, как это туманно, но острый
В сердце глубоко мне тиср⁴ вонзила надежда на славу

² Маркс цитирует этот отрывок и замечает: «Эпикур поэтому есть величайший греческий просветитель, и ему подобает похвала Лукреция» («Из подготовительных работ к диссертации», Сочинения, т. I, ИМЭЛ, стр. 53).

⁴ Собственно, жезл, обвитый плющом, — атрибут вакханок.

[СТИХОТВОРНАЯ ФОРМА ИЗЛОЖЕНИЯ]

940 Это, мне кажется, смысл, несомненно, имеет разумный:
Ведь коль ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дают, то всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда:
И соблазненные губ ощущением, тогда легковерно
Малые дети до дна выпивают полынную горечь.
Но не становятся жертвой обмана они, а напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.
Так поступаю и я. А поскольку учение наше
Непосвященным всегда представляется слишком суровым
И ненавистно оно толпе, то хотел я представить
Это ученье тебе в сладкозвучных стихах пиэрийских,
Как бы приправив его поэзии сладостным медом.
Может быть, этим путем я сумею твой ум и внимание
К нашим стихам приковать, до тех пор пока ты не познаешь
950 Всей природы вещей и законов ее построения.

I

248 Так что, мы видим, отнюдь не в ничто превращаются вещи,
Но разлагаются все на тела основные обратно.

250 И в заключение: дожди исчезают, когда их низвергнет
С неба родитель-эфир на земли материнское лоно,
Но наливаются злаки взамен, зеленеют листвою
Ветви дерев и растут, отягчаясь плодами, деревья.
Весь человеческий род и звери питаются ими,
И расцветают кругом города поколением юным,
И оглашается лес густолиственный пением птичьим;
Жирное стадо овец, отдыхая на пастбище тучном,
В неге ленивой лежит, и белея, молочная влага
Каплет из полных соснов, а там уж и юное племя
260 На неокрепших ногах по мягкому прыгает лугу,

Соком хмельным молока опьяняя мозги молодые.
Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться.

II

- 308 Здесь не должно вызывать удивленья в тебе, что в то время
Как обретаются все в движении первоначала¹,
310 Их совокупность для нас пребывает в полнейшем покое,
Если того не считать, что движется собственным телом,
Ибо лежит далеко за пределами нашего чувства
Вся природа начал. Поэтому, раз недоступны
Нашему зренью они, то от нас и движенья их скрыты.
Даже и то ведь, что мы способны увидеть, скрывает
Часто движенья свои на далеком от нас расстоянии:
Часто по склону холма густорунные овцы пасутся,
Медленно идя туда, куда их на пастбище тучном
320 Свежая манит трава, сверкая алмазной росой;
Сытые прыгают там и резвятся, бодаясь, ягнята.
Все это издали нам представляется слившимся вместе,
Будто бы белым пятном неподвижным на склоне зеленом.
Также, когда, победив, легионы могучие быстро
Всюду по полю снуют, представляя примерную битву,
Блеск от оружия их возносится к небу, и всюду
Медью сверкает земля, и от поступи тяжкой пехоты
Гул раздаётся кругом. Потрясенные криками горы
Вторят им громко, и шум несется к небесным созвездьям;
Всадники скачут вокруг и в натиске быстром внезапно
330 Пересекают поля, потрясая их топотом громким.
Но на высоких горах непременно есть место, откуда
Кажется это пятном, неподвижно сверкающим в поле.

[Атомы отличаются по форме один от другого, как животные отличаются друг от друга, иначе мать не узнавала бы своих детенышей; дальше описываются мучения коровы, лишившейся своего теленка.]

- 352 Так у святилищ богов разукрашенных часто телянок
Падает пред алтарем, в дыму фимиама заколот,
Крови горячей поток испуская с последним дыханьем.
355 Сирая мать между тем, по зеленым долинам блуждая,
Ищет напрасно следы на земле от копыт раздвоенных,
Всю озирая кругом окрестность, в надежде увидеть
Свой потерявшийся плод; оглашает печальным мычаньем

¹ Разумеются неделимые частицы — атомы, из которых, по учению Эпикура, образованы все вещи.

- Рощи тенистые; вспять возвращается снова и снова
360 К стойлам знакомым в тоске по утраченном ею теленке.
Нежные лозы, трава, орошенная свежей росой,
И глубоко в берегах текущие реки не могут
Ей утешения дать и отвлечь от заботы неожиданной;
Не занимают ее и другие телята на тучных
365 Пастбищах и облегчить не могут ей тяжелой заботы:
Так она жаждет найти то, что близко и дорого сердцу.

[ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ПРИРОДЫ]

III

- 931 Если же тут, наконец, сама начала бы природа
Вдруг говорить и средь нас кого-нибудь так упрекнула:
«Что тебя, смертный, гнетет и тревожит безмерно печалью
Горькою? Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти?
Ведь коль минувшая жизнь пошла тебе впрок перед этим,
И не напрасно прошли и исчезли все ее блага,
Будто в пробитый сосуд налитые, утекли бесследно,
Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный пиршеством
жизни,
И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой безмятежный?
940 Если же все достоянье твое растеклось и погибло,
В тягость вся жизнь тебе стала, к чему же ты ищешь
прибавки,
Раз она также опять пропадет и задаром исчезнет,
А не положишь конца этой жизни и всем ее мукам?
Нет у меня ничего, что тебе смастерить и придумать
Я бы в утеху могла: остается извечно все то же;
Даже коль тело твое одряхлеть не успело и члены
Не ослабели от лет, — все равно остается все то же,
Если тебе пережить суждено поколенья людские,
Иль если, лучше сказать, даже вовсе избежешь ты смерти».
950 Что же мы скажем в ответ, как не то, что природа законный
Иск предъявляет, вставая в защиту правого дела?
Если ж печалится так человек пожилой или старый
952 И о кончине своей сокрушается больше, чем должно,
То не вправе ль она еще более резко прикрикнуть:
«Прочь со слезами, брехун, уйми свои жалобы тотчас!
956 Жизни все блага познав, стариком ты сделался дряхлым!
Пренебрегая наличным, о том, чего нет, ты мечтаешь:
Вот и прошла, ускользнув, твоя жизнь и без прока погибла,
И неожиданно смерть подошла к твоему изголовью,
Раньше чем мог бы уйти ты из жизни, довольный и сытый.
960 Но тем не менее брось все то, что годам твоим чуждо,
И равнодушно отдай свое место потомкам: так надо».

925 Прежде порода людей, что в полях обитала, гораздо
Крепче, конечно, была, порожденная крепкой землею.
Остов у них состоял из костей и плотнейших и больших;
Мощные мышцы его и жилы прочнее скрепляли.
Мало доступны они были действию стужи и зноя
930 Иль непривычной еды и всяких телесных недугов.
Долго, в течение многих кругов обращения солнца,
Жизнь проводил человек, скитаясь, как дикие звери.
Твердой рукою никто не работал изогнутым плугом,
И не умели тогда ни возделывать поле железом,
Ни насаждать молодые ростки, ни с деревьев высоких
Острым серпом отрезать отсохшие старые ветки.
Чем наделяли их солнце, дожди, что сама порождала
Вольно земля, то вполне утоляло и все их желанья.
Большую частью они пропитанье себе находили
940 Между дубов с желудями, а те, что теперь созревают, —
Арбута ягоды зимней порой и цветом багряным
Рдеют, ты видишь, — крупней и обильнее почва давала.
Множество, кроме того, приносила цветущая юность
Мира и грубых кормов для жалких людей в изобилье.
А к утолению жажды источники звали и реки;
Как и теперь, низвергаясь с гор, многотуманные воды
Жаждающих стаи зверей отовсюду к себе привлекают.
И наконец, по лесам пробираясь, они занимали
Капища нимф, из которых, как ведомо было им, токи
950 Плавно скользящей воды омывают влажные скалы,
Влажные скалы, росой и зеленым покрытые мохом,
Частью же, вон вырываясь, бегут по открытой равнине.
Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.
Общего блага они не блюли, и в сношениях взаимных
Были обычаи им и законы совсем неизвестны.
960 Всякий, добыча кому попадалась, ее произвольно
Брал себе сам, о себе лишь одним постоянно заботясь.
И сочетала в лесах тела влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви либо страсть обоюдная, либо
Грубая сила мужчин и ничем неумная похоть,
965 Или же плата такая, как желуди, ягоды, груши.
На несказанную силу в руках и в ногах полагаясь,
Диких породы зверей по лесам они гнали и били
975 Крепким тяжелым дубьем и бросали в них меткие камни;

968 Многих сражали они, от иных же старались укрыться.
Телом своим заглубелым, подобно щетинистым вепрям,
970 Наземь валились спать нагишом с наступлением ночи
И зарывались в листву или ветви густые с деревьев.
С воплями громкими дня или солнца они не искали,
В мраке ночном по полям пробираясь, объятые страхом,
Но ожидали в молчанье и в сон погружившись глубокий,
Как небеса озарит светильником розовым солнце.
Ведь с малолетства уже присмотрелись они и привыкли,
Что нарождаются свет и потемки друг другу на смену,
А потому никогда не могло появиться сомненье
980 Иль опасенье у них, чтобы вечная не распростерлась
Ночь над землею и свет от солнца не сгинул навеки...
Да и не чаще тогда, чем теперь, поколения смертных
Сладостный свет бытия оставляли со стоном печальным.
990 Правда, тогда человек, в одиночку попавшись, чаще
Пищу живую зверям доставлял и, зубами пронзенный,
Воплем своим оглашал и леса, и дубравы, и горы,
Видя, как мясом живым он в живую уходит могилу.
Те же, кому удавалось спастись и с объединенным телом
Прочь убежать, закрывая ладонью дрожащею язвы
Гнусные, Орка потом ужасающим криком на помощь
Звали, доколе их боль не лишала жестокая жизни,
Их, беспомощных, не знавших, чем надо залечивать раны.
Но не губила зато под знаменами тысяч народа
1000 Битва лишь за день один¹. Да и бурные моря равнины
Не разбивали судов и людей о подводные камни.
Даром, напрасно, вотще вздымаясь, волны бесились
Часто и также легко оставляли пустые угрозы,
И не могли никого коварные моря соблазны
Гладью спокойной прельстить и завлечь, улыбаясь волнами.
Дерзкое людям совсем мореходство неведомо было.
Скудная пища тогда предавала слабевшие члены
Смерти. Напротив, теперь излишество нас убивает.
Те нализали себе по неведенью часто отраву
1010 Сами, а ныне другим дают ее с большим искусством.
После, как хижины, шкуры, огонь себе люди добыли,
После того как жена, сочетавшись с мужем единым,
1012 Стала хозяйством с ним жить, и законы супружества стали
Ведомы им, и они свое увидали потомство,
Начал тогда человеческий род впервые смягчаться.
Зябкими сделал огонь их тела, и они перестали
Так уж легко выносить холода под небесным покровом.
Да и Венера их мощь ослабляла, и ласкою детям

¹ Лукреций здесь несомненно намекает и на свою современность, на кровопролитие гражданских войн. Такие же намски на современность и дальше.

Грубый родительский нрав сломить без труда удавалось.
 Там и соседи сводить стали дружбу, желая взаимно
 1020 Ближним не делать вреда и самим не терпеть от насилия.
 Требуя к детям притом снисхождения и к женскому полу,
 Смутно давали понять движениями тела и криком,
 Что сострадательным быть подобает ко всем слабосильным.
 Правда, достигнуть нельзя было всюду согласия, но все же
 Добрая часть людей договоры блюла нерушимо.
 Иначе весь человеческий род уж тогда бы пресекался,
 И не могли бы досель поколения его размножаться.
 Что же до звуков, какие язык производит, — природа
 Вызвала их, а нужда подсказала названия предметов
 1030 Тем же примерно путем, как и малых детей, очевидно,
 К телодвижениям ведет неспособность к словам, понуждая
 Пальцем указывать их на то, что стоит перед ними.
 Чувствует каждый, на что свои силы способен направить:
 Прежде еще, чем на лбу у тельца рога показались,
 Он уж сердито грозит и враждебно бодается ими;
 И не успели еще зародиться ни когти, ни зубы
 У молодого потомства пантер и у львят, как они уже
 Когтем и лапою бьют и пускают в защиту укусы.
 Птичий весь, далее, род полагается, видим, на крылья
 1040 И охраняет себя движением трепетным перьев.
 А потому полагать, что кто-то снабдил именами
 Вещи, а люди словам от него научились впервые, —
 Это безумие, ибо раз мог он словами означить
 Все и различные звуки издать языком, то зачем же
 Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?
 Кроме того, коли слов и другие в сношениях взаимных
 Не применяли, откуда запало в него представление
 Пользы от этого или возникла такая способность,
 Чтобы сознание того, что желательно сделать, явилось?
 1050 Также не мог он один насильно смирить и принудить
 Многих к тому, чтоб они названия вещей заучали.
 Да и ко слову глухих нелегко убедить и наставить
 В том, как им надобно быть; они бы совсем не стерпели
 И не снесли бы того, чтобы их ушам понапрасну
 Надоедали речей дотоле неслыханным звуком.
 Что же тут странного в том, наконец, если род человеков,
 Голосом и языком одаренный, означил предметы
 Разными звуками все, по различным своим ощущениям?
 Ведь и немые скоты и даже все дикие звери
 1060 Не одинаковый крик испускают, а разные звуки,
 Если охвачены страхом или чувствуют боль или радость.
 В этом путем наблюдений простых ты легко убедишься:
 Если молосские псы в раздражение огромною пастью
 Мягко только ворчат, оскаливши крепкие зубы,

То по-иному звучат их сдавленной злости угрозы,
 Чем если лают они и голосом все наполняют.
 Также когда языком щенят они с нежностью лижут
 Или же лапами их тормозят и хватают их пастью,
 Будто кусая, но к ним едва прикасаясь зубами,
 1070 То по-иному совсем они твякают с ласковым визгом,
 Чем если в доме одни они воют или с жалобным воплем,
 Телом припавши к земле, от побоев хотят увернуться...

[Стихи 1073—1086. Другие примеры разнородных животных.]

1087 Стало быть, коль заставляют различные чувства животных
 Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
 Сколь же естественней то, что могли первобытные люди
 1090 Каждую вещь означать при помощи звуков различных!
 Во избежанье с твоей стороны молчаливых вопросов,
 Знай же, что смертным огонь принесен на землю впервые
 Молнией был. От нее и расходится всякое пламя.
 Видим ведь много вещей, огнем небесным объятых,
 Блещут, ударом с небес пораженные, вспыхнув от жара.
 Но и от ветра, когда, раскачавшись, деревья ветвями,
 Сильно шатаясь, начнут налегать одно на другое,
 Мощное трение их исторгает огонь, и порою,
 Вспыхнувши, вдруг заблестит и взнесется горячее пламя,
 1100 Если взаимно они и стволами и сучьями трутся.
 То и другое могло огонь доставить для смертных.
 После же пищу варить и смягчать ее пламени жаром
 Солнце наставило их, ибо видели люди, что силой
 Знойно палящих лучей умягчается многое в поле.
 День ото дня улучшить и пищу и жизнь научали
 Те, при посредстве огня и всяческих нововведений,
 Кто даровитее был и умом среди всех выдавался.
 Начали строить цари города, воздвигать укрепления,
 В них и оплот для себя находя, и убежище сами;
 1110 И поделили поля и скотину они, одаряя
 Всех по наружности их и по их дарованиям и силам,
 Ибо наружность тогда почиталась и славилась силы.
 Позже богатство пришло, и золото было открыто,
 Что без труда и красивых и сильных лишило почета.
 Ибо за тем, кто богаче, обычно следуют свитой
 Те, кто и силой своей и красотой богачей превосходят.
 Тот же, кто в жизни себе кормилом взял истинный разум,
 Тот обладает всегда богатством умеренной жизни:
 Дух безмятежен его, и живет он, довольствуясь малым.
 1120 Люди же вместо того устремились ко славе и власти,
 Думая этим себе благоденствие твердо упрочить
 И проводить свою жизнь при достатке в спокойствии полном.
 Тщетно! Все те, кто достичь до вершины почета стремятся,

Гибельным сделали путь по дороге, к нему восходящей.
С самых почта высот будто молнией их поражает
Зависть и в Тартара мрак низвергает нередко крошечный.
1127 Зависть ведь чаще всего зажигает, как молния выси,
Все, что стоит над другим и вершиной своей выдается.
Лучше поэтому жить повинуюсь, в спокойствии полном,
1130 Нежели власти желать верховной и царского сана¹.
Пусть же напрасно они обливаются потом кровавым,
Изнемогая в борьбе на пути честолюбия узком:
1133 Все разуменье свое из чужих они уст почерпают,
Слушают мненья других, а собственным чувствам не
внемлют.

Было так прежде, так есть и теперь и впоследствии будет.
По убиенье царей ниспровергнуты в прахе лежали
Гордые скипетры их, и бывшее величие тронов,
И украшение державной главы, обогретенное кровью,
1140 Под ноги черни упав, за великую почесть платилось:
Жадно ведь топчется то, что некогда ужас внушало.
Смуты настали затем и полнейший во всем беспорядок:
Каждый ко власти тогда и к господству над всеми стремился.
Некие люди затем избранью властей научили
И учредили права, дабы люди держались законов.
Род же людской до того истомился насильем вечным
И до того изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам.
Каждый ведь сам за себя порывался во гневе суровой
Мстить, чем теперь это нам позволяет закон справедливый,
1150 И потому опротивела жизнь при насилии вечном.

Страх наказаний с тех пор омрачает все жизни соблазны:
В сети свои произвол и насилие каждого ловят,
Обыкновенно к тому, от кого изошли, возвращаясь;
Жить для того нелегко спокойной и мирной жизнью,
Чьи нарушают дела договоры всеобщего мира.
Пусть и богов и людей ему обмануть удастся.
Все ж утаить навсегда преступления — нет, не надейся,
Ибо невольно, во сне говоря иль в бреду при болезни,
Многие сами себя выдавали, бывало, нередко
1160 И открывали свои сокровенные долго злодеяния.

Ну, а причину того, что богов почитанье в народах
Распространялось везде, города алтарями наполнив,
И учредился обряд торжественных богослужений,
Ныне в особых местах совершаемых в случаях важных,
Также откуда теперь еще в смертных внедрен этот ужас,
Что воздвигает богам все новые капища всюду,

¹ Проповедь эпикурейской этики, на основе которой Лукреций критикует современную ему жизнь.

На протяжение земли и по праздникам их наполняет, —
Все это здесь объяснить не составит больших затруднений.
Дело ведь в том, что уже и тогда поколениям смертных
1170 Дивные лики богов случалось, и бодрствуя, видеть
Иль еще чаще во сне изумляться их мощному стану.
Чувства тогда приписали богам, потому что, казалось,
Телодвиженья они совершали и гордые речи,
Шедшие к их красоте лучезарной и силе, вещали.
Вечной считалась их жизнь, потому что всегда неизменным
Лик оставался у них и все тем же являлся их образ.
Главным же образом мощь почиталась их столь непомерной,
Что одолеть никакой невозможно, казалось, их силой.
И потому несравненным богов полагали блаженство,
1180 Что не тревожит из них ни единого страх перед смертью.
И в сновиденьях еще представлялось людям, что боги
Много великих чудес совершают без всяких усилий.
Видели, кроме того, что вращение неба и смена
Года различных времен совершаются в строгом порядке,
Но не могли распознать, почему это так происходит,
И прибегали к тому, что богам поручали все это,
Предполагая, что все направляется их мановеньем.
В небе жилища богов и обители их помещали,
1190 Видя, что ночь и луна по небесному катятся своду,
День и ночь, и луна, и ночи суровые знаки,
Факелы темных небес и огней пролетающих пламя,
Солнце, и тучи, и снег, и град, и молнии, и ветры,
Бурь стремительный вихрь и грозные грома-раскаты.
О человеческий род несчастный! Такие явления
Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это язв причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим, и внукам!
Нет, благочестье не в том, что пред всеми с покрытой главою
Ты к изваяниям идешь и ко всем алтарям припадаешь,
1200 Иль повергаешься ниц, или, длани свои простирая,
Молишься храмам богов, иль обильною кровью животных
Ты окропляешь алтарь, иль нижешь обет на обеты, —
Но в созерцанье всего при полном спокойствии духа.
Ибо когда мы глаза поднимаем к небесным пространствам,
Видя в мерцании звезд высоты эфира над нами,
И устремляется мысль на луны и на солнце движенья,
То из-под гнета других мучений в груди начинает
Голову вверх поднимать, пробуждаясь, такая забота:
Нет ли над нами богов, безграничная мощь которых
1210 Разным движеньем кругом обращает блестящие звезды?
Скудость познания мысль беспокоит тревожным сомненьем,
Именно: было иль нет когда-то рождение мира,
И предстоит ли конец, и доколь мироздания стены

Неугомонный напор движения выдержать могут;
 Или, по воле богов одаренные крепостью вечной,
 Могут, в течение веков нерушимо всегда сохраняясь,
 Пренебрегать необъятных веков сокрушительной силой?
 Иль у кого же тогда не спирает дыхания ужас
 Пред божеством, у кого не сжимаются члены в испуге,
 Как содрогнется земля, опаленная страшным ударом
 Молнии, а небо кругом огласят громовые раскаты?
 И не трепещут ли все племена и народы, и разве
 Гордые с ними цари пред богами не корчатся в страхе,
 Как бы за гнусности все и проступки, и наглые речи
 Не подошло, наконец, и тяжелое время расплаты?
 Также, над морем когда проносясь, сокрушительной силой
 Ветер неистовый мчит по волнам предводителя флота,
 Все легионы его и слонов вместе с ним увлекая,
 Разве тогда не дает он обетов богам и, объятый
 1230 Страхом, не молит их о затишье и ветре попутном?
 Тщетно, подхваченный вдруг ураганом неистовым, часто
 Он, несмотря ни на что, уносится к заводам смерти.
 Так все деянья людей сокровенная некая сила
 Рушит, а пышные связки и грозные с ними секиры
 Любо, как видно, ей в прах попирает и посмешищем делает.
 И, наконец, когда вся под ногами колеблется почва,
 Падают или грозят города потрясенные рухнуть, —
 Что же тут странного в том, если так поколения смертных
 Унижают себя и всецело богам оставляют
 1240 Чудные силы и власть управления всею вселенной?
 Было открыто затем и железо и золото с медью,
 Веское также еще серебро и свинцовая сила,
 После того как огонь истребил, охвативши пожаром,
 Лес на высоких горах иль от молнии, ударившей с неба,
 Или еще потому, что в лесах воевавшие люди
 Для устрашения врагов зажигали огонь им навстречу,
 Или хотели они, привлеченные щедростью почвы,
 Тучных прибавить полей и под пастбища место очистить,
 Или зверей убивать и добычей от них богатиться,
 1250 Ибо сначала огонь применяли и ямы, охотясь,
 Раньше чем псами травить научились и ставить тенета.
 Но, какова б ни была причина того, что пожаром
 С шумом зловецем леса пожирало горячее пламя
 До основания корней, — только недра земли расплалялись,
 И, в углубленья ее собираясь, по жилам кипящим
 Золото, медь, серебро потекли раскаленным потоком
 Вместе с ручьями свинца. А когда на земле появились
 Слитки застывшие их, отливавшие ярко, то люди
 Начали их поднимать, плененные глянцем блестящим;
 1260 И замечали притом, что из них соответствует каждый

В точности впадине той, которая их заключала.
 Это внушило ту мысль, что, расплавив металлы, возможно
 В форму любую отлить и любую придать им фигуру;
 И до любой остроты и до тонкости также возможно
 Лезвий края довести, постепенно сжимая их ковкой,
 Чтобы оружие иметь и орудье для рубки деревьев,
 Чтобы обтесывать лес и выстругивать гладкие брусья,
 Чтобы буравить, долбить и просверливать в дереве дыры...
 1283 Древним оружием людей были руки, ногти и зубы,
 Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
 Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.
 Силы железа потом и меди были открыты.
 Но применение меди скорей, чем железа, узнали:
 Легче ее обработка, а также количество больше.
 1290 Медью и почву земли бороздили, и медью волненье
 Войн поднимали, и медь наносила глубокие раны.
 Ею и скот и поля отнимали: легко човекам
 Вооруженным в бою безоружное все уступало.
 Мало-помалу затем одолели мечи из железа,
 Вид же из меди серпа становился предметом насмешек;
 Стали железом потом и земли обрабатывать почву,
 И одинаковым все оружием в битвах сражаться...

[Стихи 1297 — 1378. Военное дело, одежда, садоводство, земледелие.]

Звонкому голосу птиц подражать научились устами
 1380 Люди задолго пред тем, как стали они в состояние
 Стройные песни слагать и ушам доставлять наслаждение.
 Свист же Зефира в пустых стеблях камышовых впервые
 Дуть научил поселян в пустые тростинки цевницы.
 Мало-помалу затем научились и жалобно-нежным
 Звукам, какие свирель из-под пальцев певцов изливает,
 В непроходимых лесах обретенная, в рощах и долах
 1387 В отдыха сладостный час на пастбищ просторе пустынном.
 1390 Всем этим люди тогда услаждались и тешили души,
 Пищей насытившись: все в это время забавы по сердцу.
 Часто, бывало, они, распростершись на мягкой лужайке
 Возле ручья берегов, под ветвями высоких деревьев,
 Скромными средствами телу давали сладостный отдых,
 Если к тому ж улыбалась им и погода, и время
 Года пестрило цветами повсюду зеленые травы.
 Тут болтовня, тут и смех раздавался веселый, и шутки
 Тут забавляли людей, процветала тут сельская Муза.
 Голову, плечи себе из цветов иль из листьев венками
 1400 Резвость игровая всех украшать побуждала в то время,
 Все начинали плясать без размера, махая руками
 Грубо, и грубой пятой топтали родимую землю;
 Следом за этим и смех возникал и веселые шутки.

Внове все было тогда и все представлялось чудесным.
 Да и тому, кто не смел засыпать, утешением было
 То, что на всяческий лад выводил он голосом песни
 Или поджатой губой скользил по тростинкам цевницы.
 Даже теперь сторожа сохраняют этот обычай.
 Но и размер соблюдать научившись, нисколько не больший
 1410 Плод наслаждений они получают от этого все же,
 Чем получало когда-то людей землеродное племя.
 Ибо наличная вещь, коль приятней ее мы не знаем,
 Нравится больше всего и кажется полной достоинств.
 Но постепенно затем предмет, оказавшийся лучше,
 Губит ее и всегда устарелые вкусы меняет.
 Так отвратительны всем стали желуди, так в небреженье
 Ложка из листьев и трав постепенно оставлены были.
 Также одежду из шкур оставили люди звериных,
 Хоть и внушала она при открытье столь сильную зависть,
 Что, несомненно, убит был тайком ее первый владетель.
 Но на клочки изорвав ее, всю обгавленную кровью,
 Все же убийцы извлечь из нее не могли себе пользы.
 Стало быть, шкуры тогда, а золото ныне и пурпур
 Жизнь отравляет людей, заботой и войнами мучат.
 В этом, как думаю я, поколение наше виновней:
 Стужа нагих и без шкур терзала людей землеродных,
 Нам же, по правде, ничем не грозит недостаток багряных,
 Золотом шитых одежд, изукрашенных пышным узором,
 Если от холода нас защищает плебейское платье.
 1430 Так человеческий род понапрасну и тщетно хлопочет,
 Вечно в заботах пустых проводя свою жизнь бесполезно
 Лишь оттого, что не ведает он ни границ обладанья,
 Ни предела, доколь наслаждение чистое длится.
 Это и вынесло жизнь постепенно в открытое море
 И подняло из пучины войны великие волны.
 Солнце же вместе с луной — караульщики мира, — великий
 Неба вертящийся свод сияньем своим озаряя,
 Любям внушили, что смена времен годовых неизменно,
 Так же как все во вселенной, свершается в строгом порядке.
 1440 Жизнь проводили уже за оградой крепкою башен
 И, на участки разбив, обрабатывать начали землю.
 1442 Море тогда зацвело кораблей парусами, и грады
 Стали в союзы вступать и взаимно оказывать помощь.
 Как появились певцы, воспевавшие века деянья;
 1445 А незадолго пред тем изобретены были и буквы.
 Вот отчего мы о том, что до этого было, не знаем
 Иначе, как по следам, истолкованным разумом нашим.
 Судостроенье, полей обработка, дороги и стены,
 1450 Платье, оружие, права, а также и все остальные
 Жизни удобства и все, что способно доставить усладу:

Живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй —
 Все это людям нужда указала, и разум пытливый
 Этому их научил в движенье вперед постепенном.
 Так изобретенья все понемногу наружу выводит
 1455 Время, а разум людской доводит до полного блеска.
 Видели ведь, что одна из другой развиваются мысли,
 И мастерство, наконец, их доводит до высших пределов.

[Описание страшной эпидемии в Афинах в V в. до н.э. Сравнение с описанием этой эпидемии у греческого историка Фукидида показывает, что Лукреций, желая оказать эмоциональное воздействие на читателя, патетически преувеличивает, дополняет, сгущает краски картины. См. анализ Я. М. Боровского в статье «Лукреций и Фукидид» в книге: Лукреций, О природе вещей, т. II, изд. Академии наук СССР, 1947.]

Этого рода болезнь и дыханье горячее смерти
 В кладбище некогда все обратили Кекроповы земли¹,
 1140 Жителей город лишив и пустынными улицы сделав.
 Ибо, в глубинах Египта родясь и выйдя оттуда,
 Долгий по воздуху путь совершив и по водным равнинам,
 Пал этот мор, наконец, на все Пандионово племя²,
 И на болезнь и на смерть повальную всех обрекая.
 1145 Прежде всего голова гореть начинала от жара,
 И воспалялись глаза, принимая багровый оттенок;
 Следом за этим гортань, чернея глубоко, сочилась
 Кровью, и голоса путь зажимали преградою язвы;
 Мысли глашатай — язык затекал изверженной кровью,
 1150 Слабый от боли, в движенье тяжелый, шершавый на ощупь,
 Дальше, когда, сквозь гортань накопляясь в груди,
 проникала
 Сила болезни затем и в самое сердце больного,
 То, расшатавшись, тогда колебались жизни устои.
 Вместе с дыханием рот испускал отвратительный запах,
 1155 Тот же, какой издает, загнивая, смердящая падаль.
 Силы духовные тут ослаблялись, и тело томилось,
 Ослабевая совсем у самого смерти порога.
 И безысходной тоской нестерпимые эти страданья
 Сопровождались всегда, сочетаясь с мучительным стоном.
 1160 Часто и ночью и днем непрерывные схватки икоты
 Мышцы и члены больных постоянно сводили и, корча,
 Их, истомленных уже, донимали, вконец изнуряя.
 Но ни на ком бы не мог ты заметить, чтоб жаром
 чрезмерным
 Кожа горела больных на наружной поверхности тела;
 1165 Нет, представлялась она скорей тепловатой на ощупь;
 Точно ожогами, все покрывалось тело при этом

¹ Т. е. Аттику; Кекроп — древнейший мифический царь в Атике.

² Т. е. на афинян; Пандион — мифический афинский царь.

Язвами, как при священном огне, обнимающем члены;
 Внутренность вся между тем до мозга костей распалялась,
 1170 Весь распалялся живот, пламенея, как горн раскаленный.
 Даже и легкая ткань и одежды тончайшие были
 Людям несносны; они лишь прохлады и ветра искали.
 В волны холодные рек бросались иные нагими,
 Чтобы водой освежить свое воспаленное тело.
 Многие вниз головой низвергались в глубины колодцев,
 1175 К ним припадая и рты разинув, над ними склонялись:
 В воду кидаться влекла неумная, жгучая жажда;
 Даже и дождь проливной представлялся им жалкой росой.
 И передышки болезнь не давала совсем. В изнуренье
 Люди лежали. Врачи бормотали, от страха немея,
 1180 Видя всегда пред собой блуждавший, широко открытый
 Взгляд воспаленных очей, не знавших ни сна, ни покоя.
 Много еще и других появлялось признаков смерти:
 Путались мысли, и ум от унынья и страха мешался,
 Хмурились брови, лицо становилось свирепым и диким,
 Слух раздражен был, и шум раздавался в ушах, не смолкая,
 Делалось частым дыханье и то затычным или редким,
 Шея покрыта была лоснящейся влагою пота,
 В жидких и скудных плевках соленая, цвета шафрана,
 С хриплым кашлем слюна с трудом выделялась из горла.
 1190 Мышцы сводило в руках, и члены тряслись и дрожали,
 И, начиная от ног, подыматься все выше и выше
 Холод не медлил. Затем, с наступленьем последнего часа,
 Ноздри сжимались, и нос, заостряясь в конце, становился
 Тонким, впадали глаза и виски, холодея твердели
 1195 Губы, разинут был рот и натянута лобная кожа.
 Без промедленья потом коченели отмершие члены.
 Вместе с восьмою зарей блестящего солнца обычно
 Иль на девятый восход его светоча жизнь прекращалась.
 Если же кто избегал почему-нибудь смертной кончины,
 1200 То в изнуренье от язв отвратительных, в черном поносе,
 Все же впоследствии он становился добычею смерти.
 Часто еще из ноздрей заложенных шла изобильно
 Кровь гнилая, причем голова нестерпимо болела:
 Таял тогда человек, теряя последние силы.
 1205 Если ж спасались и тут от острого кровотечения
 Гнойного, все же болезнь уходила в суставы и жилы,
 Даже спускаясь к самым детородным частям человека.
 Тяжко иные боясь очутиться у смерти порога,
 Жизнь сохраняли себе отсечением члена мужского;
 1210 Также встречались порой и такие, что жить продолжали,
 Хоть и без рук и без ног, а иные лишались и зренья.
 Вот до чего доводил отчаянный страх перед смертью!
 И постигало иных такое забвенье событий

Прошлых, что сами себя узнать они были не в силах.
 1215 Много хотя на земле, землей непокрытых, валялось
 Трупов на трупах тогда, но пернатых и хищников стаи
 Все же шарахались прочь, убегая от острого смрада,
 Или, отведав, тотчас в предсмертных мученьях томились.
 1220 Впрочем, в те страшные дни ни из птиц ни одна не решалась
 Вовсе туда прилетать, ни свирепые дикие звери
 Не покидали лесов. Большинство, от болезни страдая,
 Околевало тогда. И верная песья порода
 Прежде всего издыхала на улицах в тяжких мученьях:
 Жизнь исторгалась из тел смертоносною силою мора.
 1225 Верных, пригодных для всех одинаково, средств не имелось.
 То, что давало одним возможность живительный воздух
 Полною грудью вдыхать и взирать на небесные выси,
 Гибельно было другим и на верную смерть обрекало.
 Тут всего больше одно сокрушения было достойно
 И тяжело — это то, что как только кто-нибудь видел,
 1230 Что он и сам захворал, то, как на смерть уже обреченный,
 Падая духом, лежал с глубоким унынием в сердце
 И, ожидая конца, он на месте с душой расставался.
 Правда, с одних на других, ни на миг не давая покоя,
 Шла и валила людей ненасытной болезни зараза,
 Как густорунных овец и племя быков круторогих.
 Это и делало то, что росла за могилой могила.
 Ибо и тот, кто бежал посещения родных заболевших,
 Вскоре платился и сам за свою непомерную жадность
 1240 К жизни и смерти боязнь злополучной, позорною смертью
 Помощи всякой лишен, небрежением общим казнимый.
 Тот же, кто помощь своим подавал, погибал от заразы
 И от трудов, что нести заставляли и совесть и также
 Голос умильный больных, прерываемый жалобным стоном.
 Эта кончина была уделом достойных и лучших.
 Наспех несли хоронить без проводов множество трупов
 И зарывали скорей, как попало, их бранные кости,
 Не соблюдая совсем благочестных обычаев предков:
 1247 Наперебой торопясь с погребеньем родных, где придется,
 1250 В изнеможенье от слез и печали домой возвращались.
 После же добрая часть не вставала с постели от горя.
 И не нашелся б никто в это страшное время, кого бы
 Не поразила иль смерть, иль болезнь, иль печаль по
 умершим.

Ни волопас, ни пастух уже стад не пасли, да и пахарь
 Твердой рукой ни один не работал изогнутым плугом:
 Занемогли и они. И скучившись в хижинах тесных,
 Обречены были все на смерть нищетой и болезнью.
 На бездыханных сынах бездыханных родителей трупы
 Видно бывало порой, а равно и лежащих на трупах

1260 Их матерей и отцов — детей, расстававшихся с жизнью.
Да и немало беды понаделало то, что скопилось
В городе много селян, уходивших с полей, отовсюду
С разных сторон притекавших в него зараженной толпою.
Площади все и дома переполнены были, и, тесно
Скучившись вместе, народ погибал от повального мора.
Много на улице тел валялось: томимые жаждой,
Люди к фонтанам воды подползали и падали тут же,
Ибо дыхание у них ненасытная жажда спирала.
Да и по людным местам и дорогам ты мог бы увидеть
Многое множество тел изможденных людей полумертвых;
Пакою смрадною все и рубищем рваным покрыты,
1270 Гибли они от парши — не люди, а кожа до кости:
Гнусные язвы и грязь уже заживо их хоронили, —
Капища все, наконец, святые богов бездыханной
Грудю тел переполнила смерть, и завалены всюду
Трупами доверху все небожителей храмы стояли
1275 Там, где пришельцев толпы призревали служители храмов.
Ни почитанье богов, ни веления их в это время
Не соблюдались уже: отчаянье все ниспровергло.
И позабыт был обряд похорон, по которому раньше
В городе этом народ совершал погребенья издревле.
1280 Все трепетали тогда в смятении полном, и каждый
В мрачном унынье своих мертвецов хоронил как придется.
Спешка и с ней нищета к делам побуждали ужасным:
Так, на чужие костры, для других возведенные трупов,
Единокровных своих возлагали с неистовым криком
1285 И подносили огонь, готовые лучше погибнуть
В кровопролитной борьбе, чем с телами родными расстаться.

КРАСНОРЕЧИЕ

ГАЙ ГРАКХ

(153—121 гг. до н. э.)

У римлян искусство слова с древнейших времен было острым политическим оружием и в сенате и в народном собрании. Красноречие было оружием соискания государственных должностей. С ораторской речью обращались полководцы к войскам. Недаром Энгельс назвал латинский язык «речью полководца перед войсками». Со второй половины II в. до н.э. римское красноречие под влиянием усиления политической борьбы делается все более патетическим и острым. Это уже заметно в речах известного римского реформатора, вождя мелкого обездоленного крестьянства и борца с сенатской знатью Гая Гракха¹.

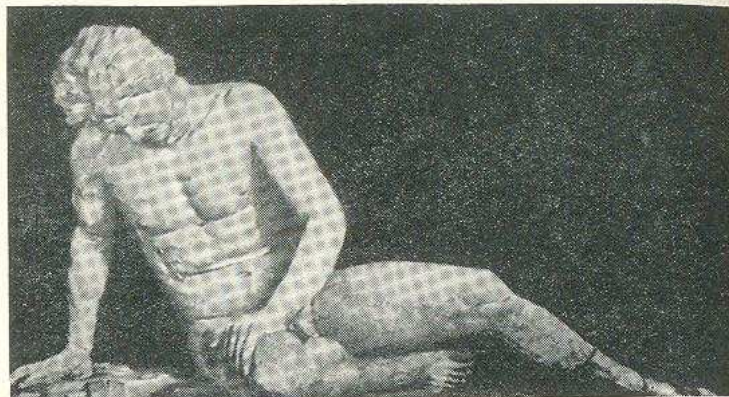
Граfx говорил «дерзко, кратко и разительно», но с величайшим искусством. Его речи были предварительно тщательно отделаны; говорят, он ставил позади себя флейту, который модулировал тон его голоса. Его речи производили зажигательное действие своей непосредственностью, а иногда патетичностью. До нас дошли только отрывки его речей, но и они производят очень сильное впечатление.

[Аристократическая партия, не желая допустить Гая Гракха до занятия должности народного трибуна, незаконно задерживала его в провинции. Когда же Гракх тем не менее самовольно явился в Рим, он был обвинен чуть ли не в дезертирстве. Гракх произнес блестящую оправдательную речь, отрывок из которой до нас дошел:]

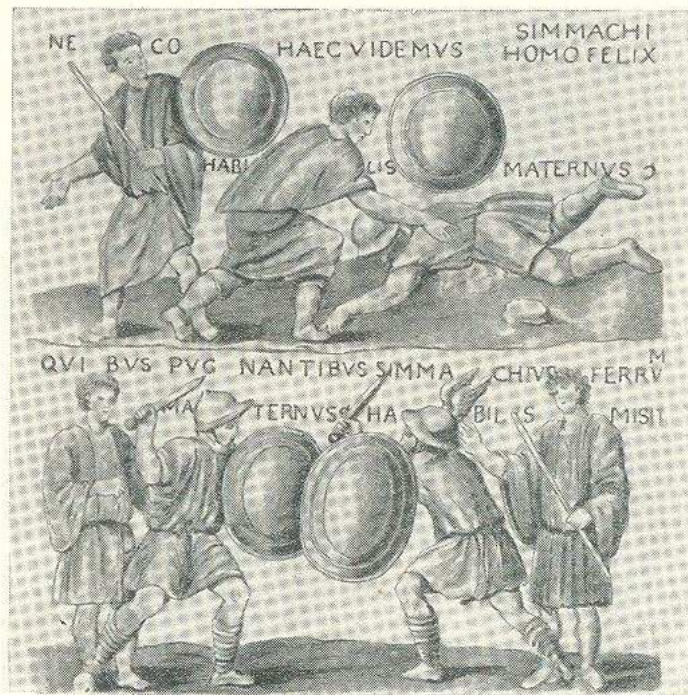
Я жил в своей провинции так, как считал для вас, граждане, полезным, а не как подсказывало мне мое личное честолюбие. Кабака в моем доме не было; не торчали за столом красивые подростки, и за моей трапезой дети ваши вели себя скромнее, чем даже в палатке полководца! Я жил в своей провинции так, что никто и пикнуть не смеет, что я взял с кого-нибудь взятку в один асс или что из-за меня кто-нибудь истратился на копейку. Два года я жил в провинции. И если за это время хоть одна девка пробралась в мою квартиру, если чей-либо раб был потревожен ради моего удовольствия, назовите меня, граждане, напоследнейшим на свете негодяем!.. И если я так чист по отношению к рабам их, моих обвинителей, можете себе представить, как я жил с вашими детьми!.. Да вот вам, граждане, еще одна черточка: в провинцию уезжая, я взял с собой полные пояса

¹ См. о нем, например, в «Истории древнего Рима» Н. А. Машкина.

денег, а отправляясь из провинции в Рим, они поехали со мной пустыми!.. А другие, взяв с собой туда полные бочки с вином, повезли их назад тоже полные, только уже серебром!

Умиравший гладиатор (статуя, изображающая смертельно раненого галата). Рим. Музей Терм.

Гладиаторы. Помеянская стенная живопись. I в. до н. э.

[ОБРАЩЕНИЕ ГАЯ ГРАКХА К НАРОДУ]

1

Если бы я захотел выступить перед вами и просить у вас, чтобы мне, происходящему из столь знатного рода, мне, который потерял брата¹, погибшего за ваши интересы, когда из всей семьи Сципиона Африканского и Тиберия Гракха не осталось никого, кроме меня и моего маленького сына, — если бы я стал просить вас разрешить мне теперь отказаться от политической деятельности, чтобы не погиб до конца весь наш род и чтобы осталось хоть какое-либо продолжение нашей фамилии, не знаю, охотно ли вы согласились бы на исполнение этой просьбы.

2

Куда обращусь я, несчастный, куда я направлюсь? Быть может, пойду на Капитолий? Но он залит кровью брата! Или домой? Для чего? Чтобы там увидеть свою мать в горе, в слезах, в безнадежном отчаянии!..²

ЦИЦЕРОН

(106—43 гг. до н. э.)

Марк Туллий Цицерон (Marcus Tullius Cicero) — выдающийся оратор и писатель Рима. Родился в 106 г. в окрестностях Арпинума (в Лациуме) и получил в Риме, а затем в Греции общее и риторическое образование. Блестящие ораторские способности помогли ему, выходцу из сословия «всадников», добиться высших государственных должностей. В 63 г. Цицерон становится консулом и со всей жестокостью подавляет заговор Катилины, против которого выступает с рядом громовых речей. Обвиненный народным трибуном Клодием в умерщвлении римских граждан без суда, Цицерон в 58 г. должен был удалиться в ссылку, откуда был возвращен в 57 г. В 51 г. он был назначен проконсулом (наместником) в Киликию (в Малую Азию).

Во время гражданской войны Юлия Цезаря с Помпеем Цицерон как республиканец стоял на стороне Помпея. При диктатуре Юлия Цезаря (48—44 гг.) он был вынужден отойти от политики. Свой досуг он целиком посвятил литературной работе. После убийства Цезаря Цицерон своими речами («филиппики») громил Марка Антония как тирана за измену республике. В 43 г. Цицерон был внесен в проскрипционный список и убит агентами Антония.

Цицерон был просвещеннейшим человеком своего времени. Он прежде всего оратор. Сохранилось 56 речей Цицерона — судебных и политических; они вместе с его сборником «Писем» дают обильный материал для изучения политической жизни эпохи конца республики.

Как политический деятель, Цицерон, отстаивая интересы «всадников», впоследствии перешел в лагерь «нобилитета», с интересами которого отчасти

¹ Тиберия Гракха.

² Цицерон, приведя этот отрывок, замечает: «Эти слова были им произнесены с таким выражением глаз, таким голосом, с таким жестом, что даже враги не могли удержаться от слез» (Цицерон, Об ораторе, III, гл. 56).

Марк Туллий Цицерон. Мрамор. Рим. I в. до н. э.

бы убедиться в том, что «философии Эпикура, стоиков или скептиков были религиями образованных римлян к тому моменту, когда Рим достиг вершины своего могущества»².

Кроме того, до нас дошли трактаты Цицерона по теории и истории римского ораторского искусства: «Об ораторе», «Оратор», «Брут» (названный впоследствии «О знаменитых ораторах») и др. Здесь на основе римской практики рисуется цicerоновский идеал судебно-политического оратора. В развитии художественной прозы ораторская речь в римских условиях сыграла огромную роль, оказывая влияние и на историографию, и на поэзию. Заслуга Цицерона в этом отношении чрезвычайно велика. В его речах мы находим драматические картины, описания, характеристики. Цицерон отстаивает гармонию словесного выражения и содержания. Он требует прежде всего насыщенного содержания, а поэтому — самого широкого образования для оратора: лишь насыщенное содержание даст изящество словесного выражения, которое без познания оратором предмета своей речи «является каким-то пустым и чуть ли не детским» («Об ораторе», I, 20, см. ниже). Вслед за Демосфеном Цицерон выработал в своих речах музыкальную периодичность и ритмичность, а в трактатах «Об ораторе» и особенно «Оратор», используя отчасти греческие теории, а главным образом свою ораторскую практику, он дает теорию периодической и ритмической речи.

Цицерон как писатель и оратор оказал огромное влияние не только на римскую, но и на западноевропейскую культуру. В Риме его читали в школах; его изучали, писали комментарии к его речам, ему подражали христианские «отцы церкви» (Лактанций, Иероним, Августин), а гуманисты эпохи Возрождения (Николини, Бембо, Эразм и др.) создали культ Цицерона и его изящного языка. Деятели Великой французской буржуазной революции (Мирабо, Робеспьер и др.) зачитывались Цицероном и цитировали его речи.

Перевод 24 речей (с 81 по 63 г. до н. э.) — в «Полном собрании речей Цицерона» в русском переводе, под редакцией Зелинского (т. I, Спб., 1901), с его вступительной статьей «Цицерон в истории европейской культуры». Перевод речей против Катилины — в книге «Заговор Катилины» («Академия», 1935). Из трактата «Об ораторе» начало (кн. I, § 1—194) переведено Ф. Е. Коршем («Филологическое обозрение». Приложение) См. также книгу

стали совпадать интересы «всадников». Он пытался примирить интересы «всадников» и знати под властью сената и стремился установить «согласие сословий» (*consensus ordinum*), «согласие всех благонамеренных», которое он сравнивает с гармонией в музыке. Ф. Энгельс в письме к К. Марксу (от 17 марта 1851 г.¹) дает на основании переписки Цицерона отрицательную оценку политической деятельности оратора.

Кроме речей, мы имеем философские трактаты Цицерона, где он, защитник старинных римских устоев и гражданственности, выступает против эпикуреизма, проповедуя близкую к стоицизму этику греческой «новоакадемической» школы. Философские сочинения Цицерона знакомят нас с недошедшими сочинениями греческих философов, популярных в Риме. Недаром К. Маркс призывал читать Цицерона, что-

«Античные теории языка и стиля» (М.—Л., 1936), где имеются переводы из сочинений «Об ораторе» и «Оратор», «Письма Цицерона», т. I—III, перевод Горенштейна (М.—Л., изд. Академии наук СССР, 1949—1951).

РЕЧИ ПРОТИВ ВЕРРЕСА

(Отрывки)

[Веррес, ставленник аристократии, в бытность свою наместником в Сицилии ограбил и разорил сицилийцев. Цицерон в 70 г. выступил защитником прав сицилийцев и в ряде речей разгромил Верреса.]

[ВСТУПЛЕНИЕ]

Вижу, я судьи, ни у кого нет сомнения в том, что К. Веррес на глазах у всех ограбил в Сицилии все здания — как священные, так и мирские, как частные, так и общественные, и что, совершая всякого рода воровство и грабеж, он не только не чувствовал страха перед богами, но даже не скрывал свои преступления. Однако против меня выставляется особого рода защита, пышная и великолепная: мне следует заранее обдумать, судьи, какими средствами отразить ее. Дело ставят так, что провинция Сицилия благодаря его доблести и исключительной бдительности в смутные и тревожные времена была сохранена в безопасности от беглых рабов и вообще от опасностей войны. Что мне делать, судьи? На чем мне сосредоточить основу моего обвинения? Куда обратиться? Всем моим натискам противопоставляется, словно какой-то барьер, эта слава хорошего полководца. Я знаю этот прием, вижу, в каком пункте будет торжествовать Гортензий¹. Он опишет опасность войны, трудные времена государства, недостаток в командирах, затем станет умолять вас, а далее выставит якобы справедливое требование, чтобы вы не позволили сицилийцам их показаниями отнять такого главного командующего у римского народа, чтобы по вашей воле обвинение в алчности не затмило его славу хорошего полководца.

[ОРАТОРСКОЕ ОПИСАНИЕ КАЗНИ РИМСКОГО ГРАЖДАНИНА]

162. Так на самой площади Мессаны² секли розгами римского гражданина³ судьи; но среди страданий и свиста розог не было слышно ни единого стога, ни единого слова этого несчастного, кроме лишь слов: «Я римский гражданин!»⁴ Этим заявлением о своем гражданстве он думал избавиться от всех ударов и от всех мучений; но он не только не добился того, чтобы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 173.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 194.

¹ Известный римский оратор, противник Цицерона, защищавший Верреса.

² Теперь Мессина в Сицилии.

³ Гражданина Гавия.

⁴ По римскому праву запрещалось наказывать гражданина без суда.

умерилась сила розог, — нет, в то время как он умолял и все чаще и чаще указывал на свое гражданство, готовили крест, — да, крест для этого несчастного и замученного человека, который раньше и не видел никогда этого поганого орудия.

163. О сладкое имя свободы! О исключительное право, связанное с нашим гражданством!.. О трибунская власть, которую так сильно желал римский плебс и которую, наконец, ему возвратили! Неужели все это настолько отошло на задний план, что связанного римского гражданина в провинции римского народа, на площади союзного города подвергает бичеванию тот, кто своими фассами и секирами¹ был обязан благоденствию римского народа?

ПЕРВАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ КАТИЛИНЫ

[ВСТУПЛЕНИЕ, § 1—6]

(1) Когда ж, наконец, перестанешь ты, Катилина, злоупотреблять нашим терпением?! Где предел необузданных дерзостей твоих выступлений?! Неужели на тебя не произвели никакого впечатления ни военная охрана Палатина², ни ночные патрули по всему городу, ни страх народа, ни многочисленное собрание благонамеренных граждан, ни это неприступное место заседания сената, ни, наконец, выражение лиц здесь присутствующих?! Разве не чувствуешь, что все твои планы раскрыты? Разве не видишь: заговор твой тем, что о нем знают, посажен уже на цепь, связанный по рукам и ногам?! Что ты делал прошлой ночью, что накануне, где ты был, кого созывал, какие решения принял, кому из нас, думаешь ты, все это неизвестно?

(2) О времена, о правы! Сенат отлично все знает, консул видит, а он все еще жив! Жив? Мало того, он является в сенат, желает быть участником в обсуждении государственных дел; он взором своим намечает и предназначает к смерти из нас то одного, то другого. А мы — подумаешь, храбрые люди! — воображаем, что все делаем для спасения государства, если стараемся уклониться от безумных его выходок, от его покушений! На смерть тебя, Катилина, давно уже нужно отправить приказом консула, на твою голову обратить эту гибель, которую ты замышляешь против нас.

(3) Была, была некогда в нашем государстве такая славная доблесть, что люди решительные дерзали укрощать вредного гражданина более суровыми мерами, чем самого жестокого врага. И сейчас, Катилина, есть у нас против тебя сенатское постановление огромной силы и важности; государство имеет мудрое

¹ Атрибуты власти римского консула.

² Один из холмов в Риме.

предуказание сената; мы, мы, говорю открыто, мы, консулы, медлим!

Вот уже двадцать дней мы терпим, что затупляется меч воли сената. Его решение, правда, еще в протоколах, подобно мечу, вложенному в ножны. В силу этого решения, Катилина, полагалось, чтобы ты немедленно был казнен. Но ты еще жив, и жив не для того, чтобы отказать от своей дерзости, но чтобы ее еще увеличить. Хочу, отцы сенаторы, быть снисходительным; я хочу в такие опасные моменты для государства не терять и присутствия духа; но я уже сам обвиняю себя в бездействии и в непригодности.

Лагерь врагов стоит уже в Италии против республики в устьях Этрурии; со дня на день растет число неприятелей; а начальника этого лагеря, вождя этих врагов мы видим внутри наших стен и даже в самом сенате; он тут, внутри, каждый день измышляет какой-либо гибельный план против республики. Если бы я приказал, Катилина, тебя схватить, казнил бы тебя, то я мог бы бояться, что все хорошие граждане скажут, что сделал я это слишком поздно, а не того, чтоб кто-либо упрекнул меня в излишней жестокости. Но то, что нужно было давно уже сделать, я все еще не решаюсь сделать по вполне основательной причине. Я только тогда отправлю тебя на казнь, когда не будет ни одного столь негодного, столь низкого, столь похожего на тебя, который бы не согласился, что это сделано совершенно законно. Но пока найдется хоть один человек, который решится тебя защищать, ты будешь жить, будешь жить так, как живешь сейчас, весь под надзором многочисленной, крепкой охраны, так, чтобы ты даже пальцем не смог шевельнуть против государства. Сотни глаз и ушей будут следить за тобой, как они делали это и до сих пор, — а ты этого даже и не замечаешь!

[РЕЧЬ ОТЧИЗНЫ]

Ужас и отвращение к тебе питает наша общая мать — родина, давно уже свыклась она с мыслью, что ты только и мечтаешь о ее гибели; неужели же ты не устыдишься ее авторитета, не подчинишься ее суду, не убоишься ее силы? Отчизна обращается к тебе, Катилина, и, как бы молча, так говорит: «В течение нескольких уже лет ни одного преступления не было совершено без твоего участия; ни одного гнусного злодеяния не обошлось без тебя: одному тебе безнаказанно сходили с рук частые убийства граждан, притеснения и ограбления союзников; у тебя хватало смелости не только пренебрежительно относиться к законам и судам, но даже дерзко попираť их. Те давние твои поступки, хотя с ними и не следовало мириться, я все-таки, как могла, переносила; но теперь я более не намерена переносить, чтобы по вине тебя одного я вся пребывала в непрестанном

трепете, чтобы при малейшем шорохе передо мной не вставал грозный призрак Катилины, чтобы, наконец, у всех создавалось впечатление, что никакой злой умысел против меня не может осуществиться без твоего преступного участия. Поэтому уходи и избавь меня от этого страха: если он основателен, чтобы он не давил меня своей тяжестью; если же ложен, — чтобы я, наконец, когда-нибудь перестала испытывать чувство беспокойства.

ОТРЫВОК ИЗ ВТОРОЙ РЕЧИ

[ХАРАКТЕРИСТИКА СТОРОННИКОВ КАТИЛИНЫ]

Прежде всего, квиниты¹, я постараюсь выяснить перед вами, из какого сорта людей составились знаменитые катилинарские полчища; а затем в дальнейшей своей речи каждой группе в отдельности преподам, насколько сумею, полезный совет. Первая партия состоит из людей, которые, несмотря на огромные долги, все еще владеют довольно большими поместьями; из привязанности к ним они никак не могут разделаться с долгами. По внешнему положению в обществе это люди весьма приличные, что обуславливается их солидными средствами, но стремления их и действия до крайности постыдны. Ты владеешь колоссальным количеством земли, домов, серебра, челяди и прочего добра, а ты все еще не решаешься урезать часть своей собственности и тем поднять свой кредит? Чего же ты, собственно, ждешь? Войны, что ли? Так неужели ты думаешь, что при общей разрухе твои поместья останутся неприкосновенными? Или тебя соблазняет обещание составить заново списки долгов? Ошибаются те, кто ждет их от Катилины; вот моею милостью так действительно будут опубликованы новые списки, но только... аукционные, так как другого способа спасти крупных землевладельцев от банкротства не существует. Если бы они сообразовались прибегнуть к этой мере своевременно, а не старались бы покрывать проценты (что совершенно нелепо) доходами со своих поместий, мы имели бы в них более зажиточных и более надежных граждан. Поэтому этих людей, по-моему, бояться несколько не следует, так как их легко заставить отказаться от их взглядов; если же они будут упорно настаивать на своем, они, мне кажется, скорей государство проклянут, чем в руки оружие возьмут.

Вторая партия состоит из людей, обремененных долгами, но мечтающих о владычестве; они стремятся завладеть верховной властью и надеются революционным путем достичь почетных должностей, в получении которых при спокойном ходе событий они отчаялись. Им, как и всем остальным, очевидно, придется дать одно и то же наставление: пусть они бросят надежду полу-

чить то, к чему стремятся; пусть затвердят себе, что прежде всего я сам не дремлю, неотлучно нахожусь на своем посту и не спускаю глаз с государства; что, кроме того, велико одушевление благонамеренных граждан, крепко их согласие и многочисленна их партия, к тому же значительны военные силы; что, наконец, бессмертные боги непосредственно сами окажут помощь нашему непобедимому народу, славнейшей державе и процветающему городу в борьбе против чудовищного, преступного насилия. Но предположим, что они уже достигли того, к чему они стремятся в своем диком безумии; неужели они надеются, что в городе, покрытом горами пепла, залитом потоками крови своих сограждан, они действительно сделаются консулами, диктаторами или даже царями? Они не понимают, что и при осуществлении их заветного желания им пришлось бы уступить свое место какому-нибудь беглому рабу или гладиатору.

Третья партия значительно потрепана жизнью, но все еще крепка благодаря тренировке; к ней принадлежит знаменитый Манлий¹, которому сейчас идет на смену Катилина. Это люди из тех колоний, которые основал Сулла; они, как я хорошо знаю, в общем принадлежат к числу благонамеренных и твердых граждан; однако же это такие колонисты, которые при неожиданном и скоропалительном обогащении жили слишком не по средствам и совсем несоответственно со своим положением. Увлекаемая постройками, как настоящие богачи, наслаждаясь очаровательными поместьями, услугами многочисленной челяди, роскошными пирами, они впали в такие долги, что если бы им и захотелось избавиться от них, пришлось бы воскресить из мертвых Суллу; в некоторых поселках — людях маломочных и бедных — они возбудили надежду на грабежи, имевшие место в прежние времена. Как тех, так и других я отношу, квиниты, к тому же разряду хищников и грабителей, но считаю нужным обратиться к ним с предостережением бросить свои безумные помыслы и оставить мечты о проскрипциях и диктатурах. Ибо такое грустное воспоминание запечатлелось у общества о тех временах, что не только люди, но, мне кажется, и скоты не помирились бы с их возвращением.

Четвертая группа крайне разношерстная, сумбурная и беспорядочная; все, кто с давних пор изнывает под бременем долгов, кто, частью по лености, частью вследствие плохого ведения дел, потерял под собою твердую почву, кому осточертели судебные повестки и приговоры, а также публикации о продаже с аукциона их имущества, — все они в своем подавляющем большинстве из города и деревень, как слышно, двигаются в лагерь Катилины. Их я считаю не столько крепкими солдатами, сколько

¹ Римские граждане.

¹ Один из низших начальников римской армии, ставший во главе войск, восставших в Этрурии.

неаккуратными плательщиками своих долгов. Пусть они скорее погибнут, раз они не могут спастись, но, однако, так, чтобы их гибель не отразилась не только на всем обществе в целом, но даже ни на одном ближайшем соседе. Я никак не могу понять, почему им хочется, если они не могут жить честно, погибнуть непременно позорно или почему они думают, что гибель в многочисленной компании будет менее мучительной, чем гибель в одиночку.

Пятая партия состоит из убийц, разбойников — одним словом, из всевозможных преступников. Последних отзывать от Катилины я не собираюсь, тем более что оторвать их от него нет никакой возможности. Пусть лучше гибнут они в разбоях, так как тюрьма была бы не в состоянии вместить их огромного количества.

Последняя партия не только по счету, но также по количеству и образу жизни — преданнейшие приверженцы Катилины, его избранники, любимцы и наперсники; их вы встречаете напомаженными, щегольски причесанными, гладко выбритыми или с изящной бородкой, в туниках с длинными рукавами, ниспадающими до самых пяток, закутанными в целые паруса, а не тоги; вся их жизненная энергия и ночной труд уходят на ужины, которые затягиваются до самого рассвета. В этих бандах гнездятся все игроки, все прелюбодои, все развратники и бесстыдники. Эти изысканно вылощенные юнцы научились не только любить и быть любимыми, не только танцевать и петь, но также владеть кинжалами и готовить ядовитые напитки. Если они не уйдут, если они не погибнут, знайте, что даже и после гибели Катилины у нас в государстве останется рассадник, из которого произрастут новые катилины. Чего же, собственно, хотят эти жалкие люди? Неужели взять с собою в лагерь своих развратных девчонок? Да и как, в самом деле, им обойтись без них, особенно в теперешние уже длинные ночи? Вопрос только, как они перенесут переход через Апеннины и тамошнюю изморозь и снега. Впрочем, они недаром уверены, что им легко будет мириться с зимой, так как они закалили себя на своих пирушках, где привыкли плясать совершенно обнаженными.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ПОЭТА АРХИЯ

[Греческий поэт Архий принадлежал к плеяде позднейших александрийских поэтов. Если Цицерон в 62 г. защищал Архия в надежде, что поэт напишет поэму о его консульстве и тем его прославит, то произошло обратное: блестящая речь Цицерона прославила греческого поэта.

Некто Граттий оспаривал право Архия на римское гражданство. Строго юридически дело Архия было довольно сомнительным. Но Цицерон в своей речи не столько использовал юридические доказательства, сколько возвеличил Архия как поэта.

Процесс этот Цицерон выиграл, как мы можем судить по нескольким брошенным вскользь замечаниям в переписке Цицерона с Аттиком.

Эта речь всегда выделялась из других речей Цицерона своим глубоко гуманистическим духом и считалась гимном поэзии.]

I. (1) Если я обладаю, почтенные судьи, хоть немного природным талантом, а я сам сознаю, насколько он мал и ничтожен; если есть во мне навык к речам, — а здесь, сознаюсь, я кое-что уже сделал; если есть для общественных дел и польза и смысл занятий моих над твореньями мысли и слова, от научной их проработки, — и тут о себе скажу откровенно, что в течение всей моей жизни я неустанно над этим трудился, — так вот, в благодарность за все, чем я теперь обладаю, вправе потребовать здесь от меня, можно сказать, по законному праву, защиты вот этот Лициний. Ведь насколько мысли мои могут вернуться назад, пробегая пространство прошедшего времени, насколько в сердце моем воскресает память о первых детских годах, с тех самых пор я вижу, как именно он руководит мной с тем, чтобы во мне сложилось решение — и приступить, и дальше идти по пути изучения этих наук. И если дар моей речи, что сложился во мне по его указаниям, по советам его, не раз для других служил им на пользу, то, конечно, тому, от кого я его получил, которым я мог другим и помочь и спасти их, — конечно, мой долг, сколько во мне силы, прийти на помощь ему и вернуть ему спокойствие жизни. (2) И пусть из вас никому не покажется странным, что речь свою я начинаю такими словами, что другого рода талант у него и к красноречию нет у него ни привычки, ни знаний; но и я не всегда и не только этим одним занимался искусством. Ясно, что все те искусства, которые служат к развитию лучших духовных сил человека, имеют сродство и связаны между собой как будто некою общею цепью.

II. (3) Но пусть из вас никому не покажется странным, что я в этом деле, строго законном, в вопросе о праве, когда этот процесс идет пред лицом вашего претора, столь достойного мужа, в присутствии судей столь строгих, при таком многочисленном собрании граждан, — что в этом деле прибег я к такой форме речи, которая кажется чуждой не только судебным обычаям, но ни в чем не похожа на строгий судебный язык. Прошу вас: дайте в этом процессе мне право, для обвиняемого столь подходящее, вам — насколько надеюсь — ничуть не тяжкое, говоря об этом прекрасном поэте и человеке глубоко ученом, в этом собрании столь образованных лиц, при вашей высокой культурности, когда, сверх того, такой претор¹ руководит этим судебным процессом, — дайте мне позволение говорить немного свободней о вопросах культуры и литературных занятий. Ведь дело идет о человеке, вам всем известном, который, далекий от дел государственных, весь в научных работах, столь чужд и судам

¹ Председателем этого суда был брат оратора, Квинт Цицерон.

и опасностям, связанным с ними. Пусть же и стиль моей речи будет и необычным и новым! (4) И если во мне будет чувство, что вы допустили, что вы мне позволили это, я безусловно добьюсь и от вас самих убеждения, что этого Авла Лициния не только нельзя исключать из списка наших сограждан, но что его обязательно надо принять, если б даже и не был он им.

III. Как только Архий вышел из детских лет, оставив занятия теми науками, которые из детей обычно делают нас людьми и взрослыми и культурными, он всецело предался литературе, сначала в Антиохии — он там родился и был знатного рода. Некогда этот город и славным был и богатым, в него стекались умнейшие люди, получившие славу в искусствах и в разных науках. Здесь удалось ему быстро всех превзойти славою таланта. А затем во всех остальных странах Азии, во всей Греции его приезд вызывал такой восторг, что слава таланта его меркла пред силой желанья видеть его, а этот восторг ожидания слабым казался перед тем восхищением, когда лично он выступал там. (5) Италия¹ в те времена блистала искусством и знанием греков; занятия эти даже и здесь, в Лации, ярче тогда процветали, чем в их родных городах; и в нашем Риме, когда в политической жизни царил покойствие, были они не в малом почете. Поэтому и тарентинцы, и неаполитанцы, и жители Регия одарили его правами гражданства, дав ему много других наград, и все, кто только хоть сколько-нибудь мог судить о таланте, считали достойным его и знакомства с собою и дружбы. Такой своей славой осененный в народной молве, когда он уже был нам известен заочно, прибыл он в Рим; консулами были в тот год Марий и Катулл². И прежде всего он узнал тех консулов, из которых один мог ему показать как достойный сюжет описаний — величайших подвигов славу, а другой не только военную славу, но также свою любовь и внимание к искусству. Тотчас же Лукуллы, хоть по юности лет он был еще только в претексте³, приняли Архия в дом. И смотрите: это уже не признак его таланта или литературного дара, это заслуга характера, его природных достоинств, что в том доме, где он принят был на заре своей юности, и в старости он нашел друзей себе самых верных...

¹ Италия — противопоставляемая дальше Лациуму, указывает на южную Италию и ее греческие колонии.

² Марий был прославлен своими победами над кимврами и тевтонами. Сам Цицерон пытался воспеть в стихах его подвиги. Квинт Лутаций Катулл не раз упоминается Цицероном как тонкий ценитель литературы («Брут», § 132; он является одним из собеседников в его трактате «Об ораторе»); о его стихотворениях говорят Марциал и Авл Геллий («Аттические ночи», XIX, 9, 10).

³ Претекста — одеяние молодого римлянина. Цицерон сознательно одевает Архия в римский костюм как будущего римского гражданина.

(12) Ты спросишь, Граттий¹, меня, почему же так сильно я восхищаюсь этим поэтом? Потому, что дает он моей душе отдохнуть от судебного этого шума, успокоить мой слух, утомленный злословием споров на форуме. Неужели ты думаешь, что может хватить у меня материала, когда ежедневно мне приходится здесь говорить по делам столь различным, если б свой дух не воспитывал я на поэзии? Может ли выдержать ум столь напряженный труд, если бы он не нашел облегчения в занятиях этой наукой? Я по крайней мере открыто скажу про себя, что этим занятиям я искренно предан. Пусть будет стыдно другим, если так зарылись они в свои книги, что не могут из них извлечь ничего на общую пользу, ни представить открыто что-либо на общественный суд; а мне чего же стыдиться, почтенные судьи! За всю свою жизнь моя помощь в тяжелый момент или в трудном положении кому-либо из вас ни в деле гражданском, ни в уголовном не заставила ждать; не удержала меня ни жажда досуга, не отвлекли удовольствия, не заставил промедлить, наконец, даже сон. (13) Поэтому кто же мне бросит слово упрека, кто справедливо решится меня уколоть, если все это время, какое иной изведет для собственных дел, для праздничных зрелищ, для других удовольствий, наконец, просто для отдыха душою и телом, сколько иные истратят его на пиры без конца, на игру в кости или в мяч, — если это время я сам для себя употребляю для того, чтобы вернуться к занятиям моей юности? И это тем более мне должны вы позволить, что мой талант как оратора, каков бы он ни был, вырос из этих занятий, и в минуты опасности при судебных процессах он всегда приходил на помощь друзьям. Если кому-либо кажется он не очень серьезным, то все то высокое, что в нем должно заключаться, я знаю наверно, откуда, из какого источника я мог его почерпнуть. (14) Ведь если бы с дней моей юности, слушая многих ученых, читая много книг их, я не внушил бы себе убеждения, что в жизни нет ничего важнее, к чему бы надо стремиться, кроме как к славе, но славе, исполненной чести, и для достижения этого надо считать ни во что все телесные муки, все опасности смерти и даже изгнания, — я бы никогда не отдал себя ради вашего блага на терзание, на эти враждебные выходки в ежедневных, столь многих, столь сильных нападках этих низких, погибших людей. Этими мыслями полны все книги, полны наставления мудрых, полна вся история, опыт седой старины; но все они были б сокрыты во мраке забвения, если б на них своих ярких лучей не бросила литература и их не осветила бы. Сколько в работах и греков и римлян осталось нам как бы чеканных образов твердых мужей — не только чтобы их созерцать, но и для того, чтобы им подражать. Когда я управлял государством, всегда передо мной

¹ Об этом Граттии, обвинителе Архия, мы больше ничего не знаем.

были они, всегда, мысленно образы этих величавых людей созерцаю, я укреплял свою душу и мысли.

VII. (15) Но кто-нибудь спросит: «Что же? Те знаменитые люди, доблесть которых прославлена в книгах, были ль они образованы сами в тех самых науках, которые ты превозносишь хвалами?» Трудно обо всех сказать это; но у меня есть вот какой твердый ответ. И я также согласен, что много было людей высокого духа и доблести, не знавших этой науки; каким-то природным божественным даром сами собой нашли они нормы жизни своей и важную мудрость. Я даже прибавлю, что чаще для славы и доблести важность имеют природные свойства без всякой науки, чем без природных свойств одна лишь наука. Но тут же я утверждаю: всякий раз, как к природным задаткам блестящим, прекрасным присоединится еще образованность, эта норма и смысл наших умственных сил, тогда — я не знаю, как даже сказать — всегда получается нечто чудесное и исключительное. (16) Из числа таких лиц, которых видели наши отцы, был тот божественный муж Сципион Африканский¹; из того же числа были и Гай Лелий, Люций Фурий² — люди исключительной выдержки и благоразумия; из того же числа был муж непреклонный и в те времена самый ученый, наш старый Катон. Конечно, если б они видели, что занятие литературой не шло им на пользу ни в чем для усвоения и для развития высоких качеств души, они никогда не стали б ее изучать. И если бы даже результатом этих занятий не было это, если они служили бы только для удовольствия, то и тогда этот отдых души вы должны признать самым культурным, самым достойным. Другим радостям нашим ставят границы и время, и место и возраст; а эти занятия нашу юность питают, в старости нас утешают, в счастье нас украшают, в несчастьях убежищем и утешением служат, восхищают нас дома, не мешают в пути, ночи с нами проводят, переселяются с нами, с нами едут в деревню.

VIII. (17) И если кто сам не мог бы к ним прикоснуться, сам непосредственно всю испытать их чудесную слабость, все же он должен был бы им удивляться, даже когда он их видит в других.

Кто из нас так груб и бесчувствен, чтобы от недавней смерти Росция³ не взволноваться? Хоть он и умер в преклонных годах, но по блеску его искусства и очарованию казалось, что умирать он совершенно не должен. Итак, если он приобрел своими лишь жестами такую любовь ото всех нас, то неужели мы у другого отвергнем с презрением эту находчивость, эту чудесную гибкость таланта? (18) Сколько раз мне самому приходилось видеть

этого Архия, почтенные судьи, — я воспользуюсь благосклонным вниманием вашим, видя, как сосредоточенно вы следите за мною при таком необычном для вас ходе речи, — сколько раз сам я видел его, как он, не написав ни буквы, произносил целые строфы прекрасных стихов как раз о тех самых событиях, которые тогда совершались, произносил их экспромтом! Сколько раз, приглашенный опять, он вновь говорил о том же предмете, но уже изменив слова, изменив выражения! То же, что он написал, приложив старание и долго обдумав, я сам видел, так одобрялось, что слава его сравнивалась со славою древних поэтов. И такового-то я человека не буду любить, не сочту своим долгом всеми силами его защищать! Ведь от людей высокостоящих и полных учености мы слыхали, что знание во всем остальном зависит от изучения, от правил и от искусства, но что сила поэта — в природном ему даровании, что ум возбуждает его своей собственной силой, и он, как флейта, звучит, вдохновленный каким-то божественным духом. Потому-то по полному праву наш прославленный Энний называет поэтов святыми: по его словам, они ниспосланы нам как бы некий щедрый, божественный дар. (19) Пусть же у вас, почтенные судьи, людей глубоко культурных, священным будет всегда имя поэта, то имя, какое никто никогда, даже варвары, не дерзали обидеть. Скалы, пустыни внимают стихам, укрощаются дикие звери, склоняясь перед сладостью песен; неужели на вас, воспитавших свой вкус на лучших примерах, не может подействовать слово поэтов!

Колофон называет Гомера своим гражданином¹, Хиос на него претендует, Саламин себе его требует, Смирна больше других считает его своим сыном, так что даже храм ему у себя посвятила; кроме того, из-за чести иметь его своим гражданином много других городов и борются между собой и спорят.

IX. Итак, они даже чужого себе человека, после смерти его, потому только, что был он поэтом, хотят сделать своим; мы же его, кто живой стоит перед нами, кто и по собственной воле и в силу законов наш, несомненно, — мы его отвергнем? И при этом тогда, когда весь прежний свой труд, весь свой талант и теперь этот Архий отдал на то, чтобы славой покрыть и украсить деяния римлян!

В юные годы он приступил к прославлению битв наших с кимврами, и самому Гаю Марию нашему славному, который, казалось, не очень был склонен к этим наукам, был он приятен. (20) Ведь никто не является музам настолько враждебным, чтобы не позволить охотно стихам быть на все времена глашатаем подвигов, им совершенных. Когда кто-то спросил Фемистокла,

¹ Завоеватель Карфагена; его ближайшим другом был Лелий.

² Люций Фурий Фил — консул 136 г.

³ Знаменитый римский актер I в. до н. э.

¹ Сохранилась древняя эпитафия: «Семь городов заспорили родиной звать Гомера: Смирна, Итака, Хиос, Колофон, Пилос, Аргос, Афины». Другое чтение: «Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос, Афины».

славнейшего между афинян, чью рецитацию, чьи песни слушает он охотней всего, говорят, он ответил: «Того, кто лучше всего прославляет мои деяния». Поэтому также и Марий особенно благоволил к Люцию Плоцию¹, так как считал, что его дарованием его, Мария, личные подвиги могут прославиться. (21) Война с Митридатом, большая и тяжкая, веденная с большой переменою счастья на суше и на море, вся им описана. Эти книги служат к славе не только Лукулла, храбрейшего и славнейшего человека, они блеском покрыли и народа римского имя: римский народ под командой Лукулла открыл для всех Понт², издревле хранимый и силой могучих царей и природою места; римский народ с тем же вождем своим малочисленным войском разбил бесчисленно грозные толпы армян... (22) Дорог был Сципиону Старшему наш Энний — такой поэт, что мраморный бюст его, полагают, поставлен даже на самой гробнице Сципионов. А ведь его похвалами не только тот, кого он восхвалял, но прославлялся и сам народ римский. До небес восхваляет певец Катона, вот его прадеда: этим самым и римский народ к своим подвигам прибавляет себе великую честь и славу. Наконец, все эти Максимы, все Марцеллы и Фульвии восхваляются не без того, чтобы и мы все получили известную долю их славы.

Х. И вот того, кто раньше все это делал, родом из Рудий³, наши предки приняли как своего полноправного гражданина; неужели же мы этого жителя Гераклеи⁴, столь желанного многим общинам, в нашем государстве утвержденного по точному смыслу закона, — неужели мы извергнем его из числа наших граждан? (23) Если ж кто может подумать, что меньшая польза от славы, когда написано это по-гречески, а не по-латыни, сильно он ошибается, потому что по-гречески читают почти на всем свете, язык же латинский распространен в своих лишь пределах, небольшой, как вы знаете. Поэтому, если те подвиги, которые мы совершили, включают в себя весь земной шар, мы должны желать, чтобы вместе с оружием наших отрядов проникли туда и слава о нас и молва. Ведь это не только гордость для тех народов, о подвигах коих пишутся эти поэмы, но также, конечно, и тем, кто ради славы жизнью своей рискует, это служит огромным для них поощрением подвергаться и опасностям всем и трудам. (24) Как много имел, говорят, при себе Александр, прозванный нами Великим, тех, кто мог описать его подвиги! Однако и он, когда стоял у могилы Ахилла, воскликнул: «О счастливейший юноша! Глашатаем славы твоей был ведь

¹ Плоций Галл — первый римский ритор, который перешел при обучении риторике с греческого языка на латинский.

² Черное море.

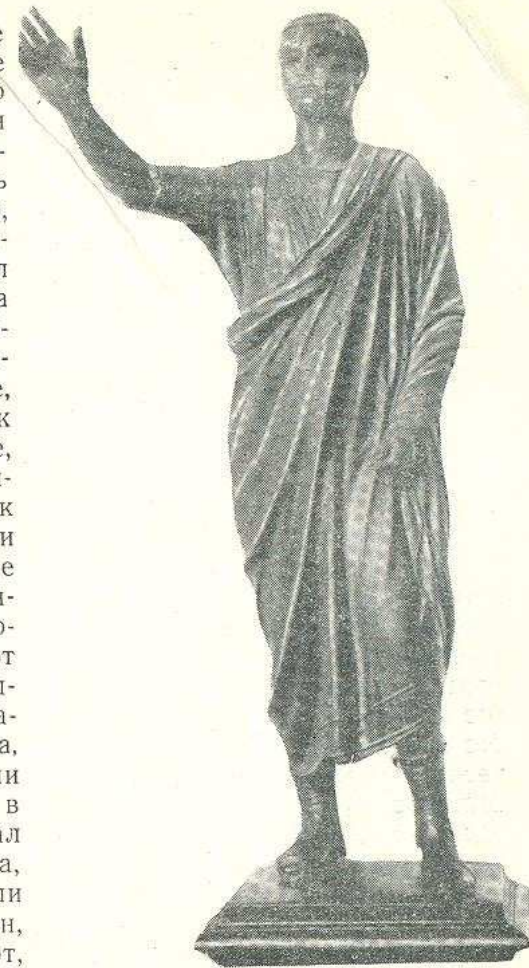
³ Город в Италии (в Лукании).

⁴ Греческая колония.

Гомер!» И правда: ведь не существуй Илиады, тот же холм, который покрыл его тело, похоронил бы и имя его. Как? А разве наш Великий, Помпей наш, доблесть которого равна его счастью, разве он Феофана из Митилены за то, что он описал его подвиги¹, не одарил на собрании правом гражданства; и наши храбрые воины, пусть люди простые, пусть простые солдаты, как бы участники в его славе, громким криком не одобрили это решение? (25) Так что же? Выходит, что если бы Архий в силу законов не имел уж полных гражданских прав, он не мог бы добиться и их получить от кого-нибудь из наших полномочных вождей? Пожалуй, согласишься, что Сулла, одаривший такими правами всяких испанцев и галлов, в этой просьбе ему отказал бы! И это тот самый Сулла, которого мы как-то видали среди собрания граждан, когда какой-то плохой поэт, каких тысячи, ему подал прошение с покорною просьбою, написав лишь одну эпиграмму² элегическим стихом; он тотчас велел дать награду ему из тех вещей, которые как добыча шли на продажу, с одним только условием: чтобы больше уж он ничего не писал. Такой человек, который считал нужным наградить болтливое рвенье плохого поэта, неужели он не наградил бы, как должно, таланта нашего Архия, достоинства его произведений, его многогранности? (26) А затем, неужели же Архий не мог добиться этого — лично ли, или

¹ Феофан из Митилены — греческий историк.

² Эпиграммой называлось коротенькое стихотворение, обычно хвалебного характера или сатирическое.

Метелл (так называемый). Статуя римского оратора. I в. до н.э. Бронза. Рим.

через Лукуллов — от Квинта Метелла Пия, столь близкого себе человека, который многих одарил правами гражданства; особенно от того, которому так сильно хотелось, чтобы писалось об его подвигах, что он склонял свой слух даже к поэтам, рожденным в Кордубе¹, с их тягучим каким-то и чуждым для нас произношением.

Из трактата
«ОБ ОРАТОРЕ»

[ОБРАЗ СУДЕБНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОРАТОРА]

I. 20. А мое мнение таково, что никто не может быть во всех отношениях совершенным оратором, если он не изучит всех важнейших предметов и наук. На самом деле, речь должна быть пышным плодом знания предмета; если же оратор не усвоит и не познает предмета своей речи, то словесная форма такой речи представляется пустой и чуть ли не детской болтовней.

48. Ведь если кто определяет оратора как такого человека, который может говорить содержательно, выступая только при постановке и ведении судебной тяжбы, или перед народом, или в сенате, то даже при таком определении он должен приписать оратору и признать за ним много достоинств. Дело в том, что без значительной опытности в общественных делах всякого рода, без знания законов, обычаев и права, без знакомства с человеческой природой и с характерами он и в этой области не может действовать с достаточной ловкостью и твердостью. А кто приобретает себе только эти познания, без которых никто не может в судебных делах правильно отстаивать даже самые незначительные позиции, такому человеку может ли быть чужд какой-нибудь вопрос высшего знания? Если же сила оратора заключается только в умении говорить стройно, изящно и содержательно, то я спрошу вас: каким образом он может достигнуть этого умения без того знания, в котором вы ему отказываете? Искусство слова немыслимо, если говорящий вполне не усвоил себе избранного содержания.

[§ 49—50. Изящное изложение некоторых философов (примеры) следует отнести к их ораторским способностям.]

XII. Итак, в чем же разница? Как определить различие между пышностью и полнотой речи названных мною писателей и сухостью тех, которые не обладают этим разнообразием и изысканностью выражения? Различие, конечно, будет одно: люди, владеющие даром слова, приносят нечто свое собственное, имен-

но речь стройную, изящную и носящую на себе печать известной художественности и отделки. Но такая речь, если она не имеет содержания, усвоенного и познанного оратором, — или не настоящая речь, или же должна быть всеобщим посмешищем. 51. В самом деле, что может быть так нелепо, как пустой звон фраз, хоть бы даже самых отборных и изящных, но не основанных на какой бы то ни было мысли или знании? Стало быть, если любой вопрос, из какого бы то ни было искусства, в каком угодно роде, оратор только изучит, как дело своего клиента, то изложит его лучше и изящнее, нежели сам изобретатель и мастер этого дела. 52. Конечно, если кто выскажет такое мнение, что есть особенные, свойственные одним ораторам мысли, вопросы и известный круг познаний, ограниченный пределами суда, то я соглашусь, что наша речь, действительно, чаще вращается в этой области; но все же именно в сфере этих самых вопросов есть очень много такого, чего сами учителя, так называемые риторы, не преподают да и не знают. 53. Кому, например, не известно, что сила оратора всего больше обнаруживается в умении возбуждать в слушателях гнев, ненависть или скорбь и от этих эффектов склонять их обратно к мягкости и милосердию? А если кто вполне не проник в души человеческие в их своеобразии по личностям, не постиг тех причин, благодаря которым люди возбуждаются или снова успокаиваются, тот своей речью не сможет достигнуть желаемой цели. 54. Вся эта область считается достоянием философа, и мой совет оратору — против этого никогда не спорить; он и уступит им это знание, потому что они пожелали работать только в этой области, но обработку его словесного выражения, хоть оно без этого научного содержания представляет нуль, он объявит своею собственностью: ведь именно эта сторона, как я уже не раз говорил, составляет неотъемлемое достояние оратора, т. е. речь веская, изящная, приноровленная к понятиям слушателей и их образу мыслей.

XIII. 55. Что об этих предметах писали Аристотель и Феофраст¹, этого я не отрицаю. Но смотри, Спевола², не служит ли это полным подтверждением моих слов? Ведь то, что у них есть общего с оратором, я не заимствую у них: они сами свои собственные исследования об этих предметах признают достоянием ораторов. Поэтому все прочие свои книги они называют по имени своей науки, а эти они и озаглавливают и обозначают названием риторических. 56. На самом деле, если в развитии речи они нападут на так называемые общие места — что случается очень часто, — где придется говорить о бессмертных богах, о благочес-

¹ Поэтов и ораторов из Испании не раз осмеивают и Цицерон и Гораций («Оды», II, 20, 19; «Послания», I, 20, 13).

¹ Известный греческий ученый, ученик и преемник Аристотеля.
² Квинт Муций Спевола, юрист и государственный деятель — одно из действующих лиц диалога.

тии, о согласии, о дружбе, об общечеловеческом праве, о чувстве справедливости, о воздержанности, о величии души и вообще о всяких добродетелях, — все гимназии и все школы философов, я уверен, поднимут крик, что все это их собственность, что это вовсе не касается оратора. 57. Я готов разрешить им толковать о всех этих предметах где-нибудь в уголке ради препровождения времени, но оратору я предоставляю те же самые вопросы, о которых они рассуждают каким-то сухим и безжизненным языком, развивать со всей возможной приятностью и вescостью. Такой взгляд я высказывал самим философам, споря с ними в свою бытность в Афинах. Вынуждал меня к этому наш М. Марцелл, теперь курульный эдил¹, который, без сомнения, присутствовал бы при нашей теперешней беседе, если бы не был занят устройством игр: он уже и тогда, при всей своей молодости, удивительно как был предан этого рода занятиям.

[§ 58. Примеры других вопросов, в которых специалисты разбираются лучше ораторов, но изящное изложение которых составляет принадлежность ораторов.]

Дело в том, что я никогда не стану отрицать, что есть известные области, составляющие исключительную собственность тех, кто положил все свои силы на их познание и разработку; но я все же утверждаю, что во всех отношениях законченный и совершенный оратор тот, кто может обо всяком предмете говорить содержательно и разнообразно.

XIV. Ведь и в таких делах, которые все признают собственностью ораторов, попадают такие вопросы, что выяснять их приходится не на основании судебной практики, которую вы только и уступаете ораторам, но при помощи каких-нибудь других, менее общедоступных знаний. 60. Я спрашиваю, возможно ли говорить против военачальника или за военачальника без опытности в военном деле или без знания расположения суши и морей? Можно ли говорить перед народом о принятии или отклонении законов, а в сенате — о всех сторонах управления без глубокого знания и понимания государственных дел? Можно ли направить речь к воспламенению мыслей и чувств слушателей или к их охлаждению (а это составляет главную силу оратора) без самого тщательного обследования всех разъясняемых философами теорий об индивидуальных разновидностях и характерах людей? 61. Но вот в чем мне, может быть, менее удастся вас убедить; во всяком случае, я не задумываюсь высказать свое мнение. Физика, математика и все прочие науки и искусства, на которые ты только что ссылался, по своему содержанию составляют предметы знания специалистов; но если кто захотел бы

¹ Государственная должность; обязанностью этого магистрата был надзор за торговлей и устройством игр.

представить их в изящном изложении, тому приходится прибегнуть к искусству оратора.

[§ 62—63. Примеры, иллюстрирующие это положение.]

XV. 64. Поэтому, если кто хочет дать всеобъемлющее определение понятия оратора, обнимающее все его особенности, то, по моему мнению, оратором, достойным такого многозначительного названия, будет тот, кто любой представившийся ему вопрос, который требует развития в речи, изложит с пониманием дела, стройно, изящно, не пропуская ничего по забывчивости и, кроме того, с соблюдением известного достоинства при исполнении.

[§ 65—69. Запасись сведениями у специалистов по любому предмету (например, по военному делу, философии и особенно этике), оратор изложит данный предмет изящнее, чем его знатоки.]

XVI. 69. На самом деле, если согласны в том знатоки, что, например, Арат¹, человек, незнакомый с астрономией, изложил учение о небе и светилах в очень изящных и хороших стихах, что и о сельском хозяйстве такой чуждый полю человек, как Никандр Колофонский², писал превосходно в силу какой-то поэтической, но никак не сельскохозяйственной способности, в таком случае почему бы и оратору не говорить в высшей степени красноречиво о тех предметах, с которыми он познакомился для определенного дела и к известному времени? 70. Ведь поэт очень близко подходит к оратору: он только несколько более связан в ритме и свободнее выбирает слова; зато относительно многих способов украшения речи они союзники и даже чуть ли не равны; по крайней мере, в одном отношении уж, конечно, у них почти одно и то же, а именно: ни тот, ни другой не ограничивают и не замыкают поле своей деятельности никакими пределами, которые помешали бы им разгуливать, где им угодно, в силу той же самой способности и с такой же полнотой.

[ОРАТОР И АКТЕР]

[Римское ораторское искусство было очень близко к искусству актера. Известно, что Цицерон учился жестикуляции и манере держаться у знаменитых актеров своего времени — у Эсопа и Росция. В трактате «Об ораторе» ярко проводится это сближение оратора и актера.]

II. 189. Не может быть, чтобы слушатель скорбел, ненавидел, ощущал недоброжелательство, страх, чтобы он был доведен до плача и сострадания, если все эти душевные движения, которые

¹ Греческий, александрийский поэт, написавший дошедшую до нас дидактическую поэму о небесных светилах. Эту поэму Цицерон переводил латинскими стихами.

² Греческий поэт II в. до н. э.

оратор желает вызвать у судьи, не будут казаться запечатленными и ясно выраженными у самого оратора.

190. Да и действительно, нелегко заставить судью разгневаться на того, на кого ты хотел бы, чтоб он разгневался, если покажется, что ты сам относишься к нему равнодушно; нелегко заставить судью ненавидеть того, кого ты захотел бы, чтобы он ненавидел, если судья сначала не увидит, что ты сам пылаешь ненавистью; нельзя будет довести судью и до сострадания, если ты не покажешь перед ним признаков твоей скорби словами, мыслями, голосом, выражением лица, наконец — слезами.

191. А чтобы не могло показаться необычным и удивительным, что человек столько гневается, столько раз ощущает скорбь, что в нем столько раз возбуждаются всевозможные душевные движения, особенно в чужих делах, нужно сказать, что самая сила тех мыслей и тех общих приемов, которые предстоит развить и трактовать в речи, настолько велика, что нет надобности в притворстве и обманных средствах. Самая природа той речи, которая предпринимается для возбуждения других, способна возбудить самого оратора даже больше, чем кого бы то ни было из слушателей.

192. Защищая даже самых чуждых себе по настроению людей, оратор не может считать их чуждыми.

193. Но чтобы это в нас не показалось удивительным, я спрошу: что до такой степени является продуктом вымысла, как стихи, сцена, пьеса? Однако и в этой области я сам часто видел, как из-за маски, казалось, пылали глаза актера, произносившего следующие стихи: «Ты осмелился удалить его от себя и без него вступить на Саламин? И ты не устыдился взора отца?»

Никогда актер не произносил слова «взора» так, чтобы мне не представлялся Теламон разгневанным и вне себя от печали по сыне. Но когда тот же актер, придав своему голосу жалобный тон, произносил:

«Престарелого человека, лишенного детей, ты истерзал, осиротил, уничтожил: ты не подумал о смерти брата и об его маленьком сыне, который был доверен твоему попечению», — тогда казалось: актер произносил эти слова плача и страдая.

[О РИТМИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ]

Об ораторе, 221. Законченный в своем кругообороте период состоит примерно из четырех частей, называемых нами членами: в таком виде он дает достаточное удовлетворение слуху, будучи не короче и не длиннее, чем требуется. Впрочем, иногда или даже, вернее, часто бывают отклонения и в ту и в другую сторону, так что приходится или делать остановку раньше, или продолжать период несколько дольше с той целью, чтобы либо не обмануть ожиданий слушателей чрезмерной краткостью, либо

не притупить их внимания излишне большой длиной периода. Но я имею в виду среднюю норму; ведь речь у нас идет не о стихе, а законы прозы значительно свободнее. 222. Итак, полный период состоит приблизительно из четырех членов, как бы из стихов, размером равных гекзаметрам. Концы этих отдельных стихов представляются как бы узлами для присоединения дальнейших частей, и в периоде мы эти узлы скрепляем. Если мы хотим говорить расчлененно, то делаем в этих местах остановки и таким образом, когда нужно, легко и часто отрешаемся от строгих требований этого непрерывного течения речи.

Оратор, 49. (164) Закономерность следует соблюдать не только во взаимном расположении слов, но также и в конечных членах периода, так как это, согласно вышесказанному, составляет второе требование слуха. Но закономерность в окончаниях происходит или путем самого расположения слов и как бы произвольно, или в силу известной однородности слов, что уже само по себе обуславливает их симметрический характер: имеют ли они одинаковые падежные окончания, сопоставляются ли ими однородные понятия, или противопоставляются противоположные, — подобные сочетания уже по самой природе оказываются ритмическими, несмотря на полное отсутствие в них искусственности. 50. (166) Тем, что греки именуют антитезой, то есть противопоставлением взаимно различных понятий, всегда неизбежно создается ораторский ритм и притом без всякой искусственности. (168) Кто этого не чувствует, у того, не знаю я, что за уши, и походит ли вообще такой человек на людей. Мой слух по крайней мере и наслаждается законченным и полным периодом, и чувствует, когда он урезан, и не любит слишком длинных. Но зачем говорить только обо мне? Часто мне приходилось наблюдать, как целые собрания встречали криками одобрения красивое заключение фразы. Ведь наш слух ждет, чтобы мысль, облекаясь в слова, превращалась в законченное целое.

Эта периодическая закругленность была изобретена позже, и древние, я уверен, применяли б ее, если бы этот прием был им уже известен и введен тогда в употребление; после же его изобретения все великие ораторы им, как мы видим, пользовались. (170) Но враждебное отношение вызывает уже самый термин, когда говорят о ритме в судебной речи или речи на форуме. Это создает представление, будто применяется слишком много хитрости, чтобы завладеть слухом слушателей, если оратор в самом процессе речи выискивает ритмы. Основываясь на этом, эти люди и сами говорят отрывистыми и обрубленными фразами и порицают тех, кто произносит складные и законченные предложения: если последние состоят из пустых слов и скрывают незначущие мысли, то они справедливо их порицают; если же в них заключено достойное содержание и имеются избранные выражения, то какое основание предпочитать, чтобы речь спотыка-

лась и сопровождалась неожиданными остановками, тому, чтобы она плавно текла вровень с мыслью? Ведь этот «ненавистный» ритм ничего не влечет за собой иного, кроме складного охвата мысли словами; это делали и древние, но большею частью случайно, часто благодаря природному чутью, и те их выражения, которые особенно высоко ценятся, ценятся обычно как раз за свою законченную форму.

(185) Существуют вообще два элемента, украшающие прозаическую речь, приятность слова и приятность размеров. В словах заключается как бы некий материал, а в ритме — его отделка. Но, как и в других областях, изобретения, вызванные необходимостью, древнее тех, которые вызываются исканием наслаждения, так и здесь: голая и необработанная речь, предназначенная только для выражения мыслей, была изобретена многими веками раньше, чем речь художественная. (186) Ибо все более легкое и более необходимое всегда усваивается раньше. (56) Поэтому метафоры и новообразованные и сложные слова легко усваивались, так как заимствовались из житейского обихода и из разговорной речи; что касается ритма, то его нельзя было заимствовать из житейского обихода и из разговорной речи; а тесного или естественного родства с прозаической речью он не имел. В силу этого, будучи замечен и усвоен несколько позже, он принес прозаической речи как бы известную выправку и последние, завершающие штрихи. (187) Так что, если какая-либо речь представляется сжатой или отрывистой, а иная, напротив, пространной или расплывчатой, то это, очевидно, должно зависеть не от свойства букв, но от различия то более редкого, то более частого чередования пауз, и, поскольку связываемая и перемежающаяся ими речь представляется то устойчивой, то текучей, неизбежно этого рода свойство должно заключаться в ритмах. Ведь и самый период, о котором мы не раз говорили, в зависимости от ритма несется и спадает все стремительнее, пока не дойдет до конца и не остановится. Итак, ясно, что прозаическая речь должна быть подчинена ритму, но должна чуждаться стихов. (188) На очереди стоит рассмотреть, поэтические ли это размеры, или какие-либо иные. Нет размеров за пределами тех, которые применяются в поэзии; ведь число размеров ограничено.

Я полагаю, что в прозаической речи как бы перемешиваются и сливаются все стопы. Ведь мы не могли бы избежать порицания, если бы постоянно пользовались одними и теми же размерами, так как проза, с одной стороны, не должна быть сплошь размеренной подобно поэтическому произведению, а с другой — не должна быть вовсе чужда ритму, подобно языку простого народа. В первом случае она будет слишком связана и обнаружит свой искусственный характер, во втором — слишком беспорядочна, так что произведет впечатление обыденности

и пошлости; в итоге, первое не доставит наслаждения, второе вызовет отвращение. (196) Обычно ставится вопрос: во всем ли периоде целиком следует выдерживать размеры, или только в начальных и конечных его частях, большинство полагает, что ритмической должна быть только заключительная часть, только окончание фразы. И верно, что ритмической должна быть преимущественно она, но неверно, будто она одна, ибо период должен быть стройно расположен, а не беспорядочно брошен. В силу этого, поскольку слух всегда напряженно ожидает заключительных слов и на них успокаивается, постольку отсутствие в них ритма недопустимо. К этому, однако, концу должен с самого начала направляться период и на всем своем протяжении от истока протекать так, чтобы, подходя к концу, он сам собою останавливался. Это, впрочем, для (200) людей, прошедших хорошую школу, которые много писали и все, что говорили без предварительной проработки в письменной форме, отделяли наподобие написанного, не представит непреодолимых трудностей. Ведь сначала мысль очерчивается определенное положение, а затем тотчас же набегают слова, которые та же мысль, ни с чем не сравнимая по скорости, немедленно рассыпается в разные стороны, чтобы каждое откликнулось со своего места, и, в зависимости от намеченного их порядка, получается здесь одно ритмическое заключение, там — иное. При этом все эти слова, и начальные и находящиеся в середине, должны иметь в виду конечную часть (201) предложения. Иногда речь несется стремительнее, иногда движется умеренной поступью, так что с самого начала следует предусмотреть, каким темпом ты намерен подойти к концу. Но, пользуясь в прозе приемами поэтов, не только размерами, но в такой же мере и остальными украшениями речи, мы должны избежать сходства с поэтическими произведениями. Речь становится ритмической не только благодаря наличию в ней размера, но также и благодаря построению и, как выше было сказано, благодаря характеру симметрического расположения слов. Ритмичность, созданную построением, можно видеть тогда, когда слова строятся так, что ритм кажется не искусственно созданным, а вытекающим сам собою. Определенный порядок слов создает ритм без всякого явного намерения оратора.

ПИСЬМА ЦИЦЕРОНА

[Письмо как античный литературный жанр еще ждет своего исследователя; от простого письма-записки через письмо-рассказ мы приходим к фиктивному писемно-посланию. Этот жанр литературы, уже известный грекам, особенно культивировался римлянами. После писем Цицерона мы имеем «Послания» Горация, сборники писем Сенеки, Плиния Младшего и многих других; все они отличаются друг от друга в зависимости от характера эпохи, в какую они появились.]

Цицерон вел обширную переписку, и нигде ярче, чем в его письмах, не вырисовывается перед нами его облик как писателя, человека и политического деятеля.]

ПЕРЕПИСКА С ДРУЗЬЯМИ

I

(кн. V, 7, апрель 62 г.)¹

Марк Туллий, сын Марка, Цицерон шлет привет Гнею Помпею, сыну Гнея, Великому императору.

Если ты и войско твое находитесь в добром здравии, радуюсь. От твоего письма, которое ты прислал официально сенату, я вместе с другими сенаторами получил огромное удовольствие; ты нам показал столь великую надежду на спокойствие от внешних войн, которую я, уверенный в тебе, всегда обещал другим. Твои старые враги², новые друзья, сильно пораженные твоим письмом, находятся в смущении: они сбиты с высоты своих надежд. Хотя твое письмо ко мне, которое ты мне прислал, включает в себе довольно слабое выражение твоего расположения ко мне³, но знай, что и оно было приятно для меня; ничему я обычно так не радуюсь, как сознанию оказанных мною услуг, и если они не встречают взаимного признания, то я утешаю себя тем, что в таком случае избыток услуг на моей стороне. Я не сомневаюсь, что если высшие доказательства моей преданности к тебе недостаточно привязали тебя ко мне, то забота о благе государства примирит и соединит нас. Чтобы ты ясно знал, что хотел я увидеть в твоих письмах, я писал тебе открыто, как это в моем характере и как этого требует наша дружба. Я выполнил такое дело, за которое я ожидал в твоих письмах некоторого поздравления и в силу наших близких отношений, и ради государства; но оно пропущено тобою, думаю, потому, что ты мог бояться, чтобы не обидеть кого-либо из своих друзей. Но знай, что все то, что мною сделано для блага отечества, одобрено и мнением и даже свидетельством всего света. Когда ты вернешься сюда, ты узнаешь, с каким благоразумием

¹ Письмо относится к 62 г. В 63 г. были казнены приверженцы Катилины, когда Помпей находился в Азии. Оттуда он написал письмо сенату, где довольно холодно отнесся к деятельности Цицерона и не поздравлял его с «блестящим консульством». Это обидело самолюбивого Цицерона, и он пишет данное письмо. Для нас оно интересно своим окончанием: сравнением себя с Лелием, которому Цицерон посвятил целый философский трактат «Лелий, или о дружбе», а Помпея со Сципионом.

² Имеются в виду Цезарь и Красс, с которыми Помпей сблизился с 70 г. перед назначением полномочным предводителем против морских разбойников. Но в это время он снова стал склоняться на сторону оптиматов.

³ Помпей не выказывал особенного восхищения подавлением заговора Катилины, как этого ожидал Цицерон.

и мужеством я все это провел, и позволишь мне быть к тебе в таких же отношениях, как Лелий к Сципиону, хотя ты гораздо выше, чем наш Африканский, я же много ниже Лелия.

К ГАЮ ЮЛИЮ ЦЕЗАРЮ

[Письмо написано в марте 49 г., в самом начале гражданской войны.]

Прочел я письмо твое, доставленное мне Фурнием, где пишешь ты, чтобы я оставался пока в столице; ты пишешь, что желаешь пользоваться моими советами и авторитетом моим (как государственного деятеля).

Это еще не так удивительно. Нот вот я задал себе вопрос, что это значит, что он хочет пользоваться и моим личным влиянием, и даже помощью? И привела меня надежда к той мысли, что ты, Цезарь, человек удивительного, единственного в своем роде благоразумия, хочешь подумать, наконец, о мире, покое и о добром согласии среди наших сограждан. Вот и полагаю я, что для этого дела я лично, по самой природе своей, человек самый удобный. А если так, если ты действительно помышляешь об оказании должного нашему Помпею, о примирении с ним и с республикой, то лучше меня в качестве посредника не найдешь никого. Мир и только мир советовал я всегда и ему и сенату. Меча я не обнажал и к войне ни за кого из вас обоих не причастен. Я всегда был того мнения, что война — это в сущности ость орудие, направленное против тебя, орудие, которым недруги и завистники твои стараются умалить твое достоинство, дарованное тебе народом. Я был и прежде всегда ревнителем твоей чести, всегда советовал и другим то же самое, т. е. поддержать тебя, — и теперь меня сильно беспокоит положение Помпея. Да! вот уже немало лет протекло с тех пор, как я полюбил вас обоих — в качестве своих избранных и друзей. Прошу тебя, или, лучше сказать, заклинаю тебя всеми силами: среди твоих многотрудных забот посвяти хоть минуту времени этой мысли: окажи мне вечное благодеяние, сделав меня честным, благородным и любящим другом! Если бы это нужно было для меня только, то и тогда я надеялся бы достичь желаемого; но ведь, по-моему, это касается твоей чести, касается государства; ты должен признать меня, — конечно, если я уцелю благодаря тебе — меня именно из немногих, наиболее способных содействовать водворению согласия между вами обоими и в самом государстве. Я, с своей стороны, уже выразил тебе раньше благодарность за Лентула, за оказанное ему благодеяние, ему, моему благодетелю; однако же, прочитав его письмо ко мне, воодушевленное чувством глубочайшей признательности за твое щедрое благодеяние, я счел и себя самого получившим от тебя то же самое благодеяние, как и он; если ты убежден в моей к нему

благодарности, то устрой так, умоляю тебя, чтобы к Помпею у меня было такое же чувство (т. е., пощадив Помпея, благодаря моему посредничеству, дай мне возможность отблагодарить его за все прежнее).

ОТ ЦИЦЕРОНА ДОЛАБЕЛЛЕ¹ ПРИВЕТ!

(кн. IX, 12; конец 45 г.)

Поздравляю наши Байи², если они, как ты пишешь, оказались внезапно столь целебными³, если не думать, что это тебя они так полюбили и в угоду тебе, пока ты находился там, забыли самих себя. Даже если это так, я несколько не удивляюсь, что и небо и земли, если бы тебе было нужно, предоставят в твоё распоряжение все свои силы. Моя маленькая речь в защиту Дейотара⁴, которую ты так искал, была со мной, чего я даже не думал. Поэтому я тебе её посылаю, прочти её, пожалуйста, как мое выступление неважное и довольно слабое и не очень стоящее, чтобы я его обрабатывал в письменной форме. Но своему старому другу и приятелю я хотел сделать этот маленький подарок, неважный, на живую нитку сшитый, такой, как обычно бывают и его подарки. Очень хочу, чтобы ты продолжал быть твердым и сдержанным, чтобы твоя выдержка и достоинство показались в позорном свете непристойность поведения других.

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

(100—44 гг. до н. э.)

Цезарь (G. Julius Caesar) — прежде всего политический деятель и искусный полководец⁵; о нем не раз упоминает Марк, который писал: «Цезарь делает ряд самых крупных военных ошибок, намеренно экстравагантных, для того, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера (Помпея)»; Помпей «как только пытается показать в борьбе против Цезаря свои таланты — ничтожество»⁶.

Но Цезарь не только полководец, он был и писателем.

¹ Гай Долабелла — муж дочери Цицерона, сначала противник, потом сторонник Цезаря. Впоследствии, после некоторых колебаний, перешел на сторону Антония и, осажденный Кассием в Лаодикее (Малой Азии), кончил жизнь самоубийством. Письмо носит милый и шуточный характер.

² Модный курорт в Кампании у Неаполитанского залива, известный своими горячими источниками и распущенным образом жизни «курортников». Цицерон в Байях имел свою виллу.

³ Цицерон подшучивал над Долабеллой, так как байские источники оказывали свое целебное действие очень медленно.

⁴ Дейотар — один из мелких царьков Малой Азии, которого Цицерон защищал (с успехом) перед Цезарем. Эта речь сохранилась. Он был очень скуп, над чем подсмеивается Цицерон. В последней фразе Цицерон советует Долабелле держать себя по отношению к Цезарю с достоинством и не заискивать, как делали другие.

⁵ См., например, в учебнике «История древнего Рима» Н. А. Машкина.

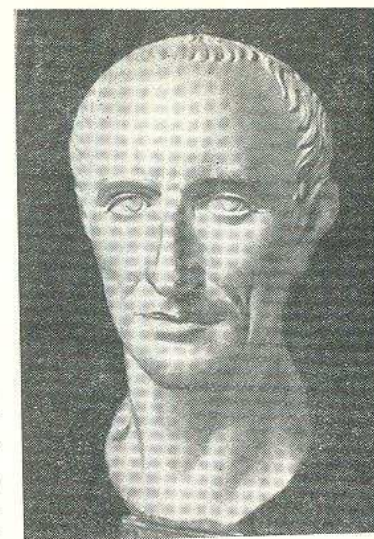
⁶ Письмо Ф. Энгельсу от 27 февраля 1861 г., Сочинения, т. XXIII, стр. 15.

Среди бурь военных походов, «среди летящих стрел» Цезарь находил время заниматься даже вопросами латинского языка. Основное в литературном наследии Цезаря — «Записки о Галльской войне». Для успокоения общественного мнения Цезарь, прикрываясь кажущимся объективизмом, по существу пишет как бы апологию своих завоеваний в Галлии, показывая их необходимость для защиты интересов римского народа. Он выставляет себя гуманным, демократическим вождем, опытным полководцем, милостивым даже к врагам. Из других дошедших до нас, несомненно подлинных его произведений выделяются незаконченные «Записки о гражданской войне» (события 49—44 гг. до н. э.), написанные тоже с апологической целью — для продления себе власти проконсула. Этот литературный жанр не был новостью: его корни уходят в глубь эллинистической эпохи, но у Цезаря его «Записки» отличаются сюжетной законченностью и отделкой формы. Язык Цезаря диаметрально противоположен цветистому и периодизированному языку Цицерона; он прост и точен; Цезарь сознательно избегает эффектов.

Античные историки литературы мало ценили «Записки» Цезаря; они видели в них не историю, а только материал для истории. Даже тонко понимающий литературу ритор I в. н. э. Квинтиллиан прежде всего видит в Цезаре исключительно талантливого оратора, а не историка. В своих произведениях Цезарь все речи передает в виде косвенных, за исключением крайне важных, как речь Критогната (см. стр. 336), и говорит о себе в третьем лице, этим подчеркивая якобы свой объективизм.

Образ Цезаря многократно привлекал к себе внимание западноевропейских писателей. Не говоря уже о средневековых хрониках, начиная с XVII в. мы встречаем произведения, касавшиеся его личности. Шекспир и Вольтер, Клопшток и Гердер, Шиллер и Шлегель, Ибсен и Бернард Шоу — все они с различных политических позиций освещали образ Цезаря.

Перевод «Записок» Юлия Цезаря — М. М. Покровского (изд. Академии наук СССР, 1948).

Гай Юлий Цезарь. Мрамор.
I в. до н. э. Рим.

[ОСАДА ЛАГЕРЯ ЦИЦЕРОНА]

(кн. V, гл. 44)

[Галлы, ответившие восстанием на оккупацию Цезарем их страны, осаждают лагерь его легатов. Так, первые осаждали лагерь, которым командовал Квинт Цицерон, брат знаменитого оратора. Начались ожесточенные схватки.]

В этом легионе было два очень храбрых человека, оба центуриона, с такими заслугами, что приближались к начальникам первого ранга: Тит Пулион и Люций Ворен. Между ними постоянно шел спор, кто из них лучше, и в течение многих лет как

соперники они боролись за высшие места. Когда у укреплений шел очень горячий бой, первый из них, Пулион, говорит: «В чем дело, Ворен! Какого еще другого случая ждешь ты, чтобы доказать свою храбрость? Этот день рассудит все наши споры». С этими словами он выходит из укрепления и смело кидается туда, где толпа врагов была особенно густой. Но и Ворен не скрывается за валом: боясь плохого мнения о себе со стороны всех, он следует за ним.

Когда между Пулионом и врагами был уже маленький промежуток, он бросает во врагов дротик и одного из толпы врагов убивает; когда тот пал бездыханным, галлы прикрывают его щитами и все бросают копья в своего врага, не давая ему возможности отступить. Щит Пулиона пробит, и копье вонзилось в перевязь меча. Этот случай повернул ножи в сторону, и когда Пулион попытался вытащить меч, то сделать это правой рукой он никак не мог, а враги стали окружать его, при полной его беспомощности.

Тут на помощь своему противнику приходит Ворен и помогает ему, попавшему в затруднительное положение. Тогда вся толпа врагов тотчас от Пулиона обратилась на него: они считали, что Пулион убит копьем. Ворен вступает в рукопашный бой и, поразив одного, заставляет других немного отступить; но в то время как он наступает с слишком большою горячностью, он падает, попав ногою в рывину. Ему, в свою очередь окруженному врагами, оказывает помощь Пулион.

Таким образом, оба, перебив много врагов, с величайшей славой невредимыми вернулись назад в лагерь. Так и в этом споре, и в этой битве судьба играла ими обоими: каждый из них, будучи другому соперником, принес ему помощь и спасенье, так что нельзя было решить, кто же из них по доблести должен считаться выше.

РЕЧЬ КРИТОГНАТА

(КН. VII, гл. 77)

[Вождь Галлии, восставшей против оккупации ее Цезарем, — Верцингеторикс, потерпев поражение, со всей пехотой бросился в укрепленную Алезию. Цезарь сплошным укреплением запер Верцингеторикса с войсками в Алезии. Общее ополчение Галлии задержалось, и в Алезии начался голод, а с ним появилось и малодушие; стали раздаваться голоса, что надо сдаваться. Тогда выступил Критогнат, пользовавшийся большим авторитетом. В своей речи он освещает «победы» римлян с точки зрения покоренных ими народов.]

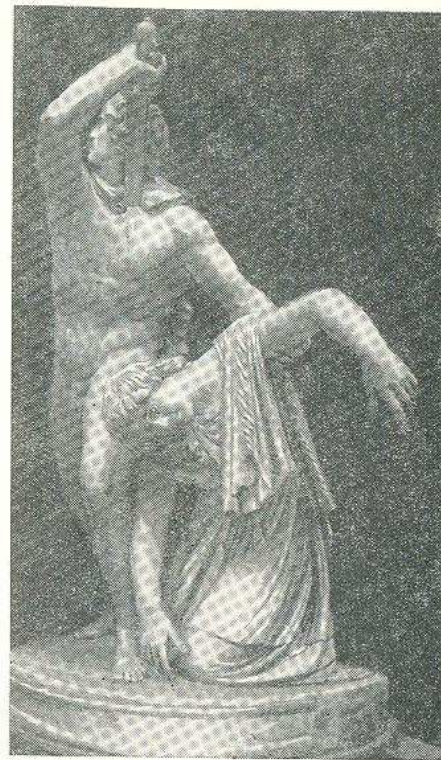
«Я ничего не буду говорить о предложении тех, которые именем сдачи называют позорное рабство; я полагаю, что их не должно считать в числе граждан, не должно приглашать на совещания. Говорить я буду с теми, кто предлагает вылазку; в их предложении, по признанию всех вас, как будто бы живет па-

мь о прежней доблести. Но нет, это слабость души, а не доблесть — не иметь сил даже короткое время перенести недостаток. Легче найти тех, которые добровольно подвергают себя смерти, чем тех, которые терпеливо выносят горе. Но лично я одобрил бы такое их предложение (столько значения имеет для меня благородство решения), если бы я видел, что оно не несет за собой ничего, кроме, быть может, потери нашей жизни, но при нашем решении мы должны принять во внимание и всю Галлию, которую мы подняли на помощь себе.

Каково настроение, думаете вы, будет у наших близких и родственников после того, как в одном месте будет избито восемьдесят тысяч человек? Если им придется вступить в сражение почти что на наших трупах? Не лишайте же своей помощи тех, кто ради вашего спасения пренебрег своей собственной опасностью, и по

собственной глупости и легкомыслию, по слабоумию нашему не повергайте в прах всю Галлию, не надевайте на нее ярмо вечного рабства. Или потому, что они не пришли к назначенному сроку, вы уже сомневаетесь в их верности и постоянстве? В чем дело? Или вы думаете, что римляне ежедневно работают на своих внешних укреплениях ради удовольствия? Если вас не могут подкрепить вестники от наших друзей, так как всякая возможность добраться до нас совершенно отрезана, то воспользуйтесь свидетельством наших врагов, что приближается момент их прихода; испуганные этим, они дни и ночи заняты работами.

Итак, каково же мое предложение? Сделать то, что наши предки сделали далеко не в такой важной войне с кимврами и тевтонами: запертые в своих городах и испытывая такой же недостаток, как мы, они поддерживали свою жизнь телом тех, которые, казалось, по возрасту были бесполезны для войны, но не сдались врагам. Если бы даже мы не имели примера такой твер-

Статуя галата, убившего жену и убивающего себя, чтобы не сделаться рабом победителей. Рим. Музей Терм.

дости, я во имя свободы счел бы прекраснейшим делом — показать его и передать на память потомству.

Но разве та война была в чем-либо похожа на нынешнюю? Опустошив Галлию, причинив огромные бедствия нашим пределам, кимвры в конце концов ушли и устремились на другие страны; права, законы, поля, свободу они нам оставили. Римляне же к чему, по правде, другому стремятся или чего желают, как не того, чтобы под влиянием зависти засесть на полях и в областях тех, о которых они по молве узнали, как славных и могущественных на войне, и навязать им навсегда вечное рабство. Ни на каком другом условии они войны не вели. Если того, что делается у далеких народов, вы не знаете, то посмотрите на соседнюю Галлию, которая обращена в провинцию: ее права и законы изменены, она подчинена секирам ликторов и задавлена непрерывным рабством».

[ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА]

(КН. II. § 29—33)

[Курион, посланный Цезарем как начальник войск в Африке, попал в тяжелое положение, так как его противник, помпеянец Вар, кроме римских войск, имел помощь от нумидийского царя Юбы.]

29. Тем не менее в лагере Куриона распространился большой страх, который от всякого рода разговоров быстро увеличился. Каждый создавал себе свое особое мнение о положении дела и от страха преувеличивал то, что слышал от соседа. И по мере того как эти возникшие из одного источника сомнения распространялись и передавались от одного к другому, являлась мысль, что таких источников много.

30. Ввиду этого Курион созвал военный совет и открыл совещание об общем положении дела. Некоторые высказывались за то, что надо во всяком случае решиться на смелую попытку штурма лагеря Вара, так как при подобном настроении солдат бездействие особенно пагубно: в конце концов лучше в доблестном бою испытать военное счастье, чем быть покинутыми и преданными и от своих же сограждан потерпеть самую мучительную кару. Другие полагали, что следует в третью стражу отступить в «Корнелиев лагерь», чтобы выиграть время, пока солдаты не образумятся. А если бы случилось несчастье, то при большом количестве судов можно было бы легко и безопасно вернуться в Сицилию. 31. Курион не одобрял ни того, ни другого предложения: насколько в одном из них мало мужества, настолько в другом его слишком много. Одни думают о позорном бегстве, а другие считают необходимым дать сражение даже на невыгодной позиции. В самом деле, на чем основана наша уверенность, что мы в состоянии взять штурмом лагерь, очень укрепленный

и человеческим искусством и природой? А между тем что выигрываем мы, если мы с крупными потерями оставим штурм лагеря? Точно неизвестно, что военное счастье создает полководцам расположение войска, а неудача — ненависть! С другой стороны, к каким иным последствиям может привести перемена лагеря, как не к позорному бегству, всеобщему отчаянию и полному охлаждению войска? Несомненно, мы должны избегать того, чтобы люди порядочные подозревали, что мы им мало доверяем, и чтобы люди злонамеренные знали, что мы их боимся, так как у одних наш страх увеличивает своеволие, а у других их подозрения уменьшают рвение и преданность. Но если бы даже, продолжал он, было для нас вполне доказано то, что говорят об охлаждении войска и что, по моему глубокому убеждению, или совершенно ложно, или по крайней мере преувеличено, то и в этом случае для нас гораздо лучше игнорировать и скрывать это, чем самим подтверждать. Может быть, следует прикрывать слабые стороны нашего войска так же, как и раны на теле, чтобы не увеличивать надежды у противников? А между тем сторонники этого предложения прибавляют даже, что следует выступить в полночь — надо полагать, что для того, чтобы увеличить своеволие у людей, питающих преступные замыслы! Ведь подобные замыслы сдерживаются или чувством чести или страхом, а для того и другого ночь менее всего благоприятна. Ввиду всего этого я не настолько смел, чтобы высказываться за безнадежный штурм лагеря, но и не настолько труслив, чтобы совсем терять надежду. Но я полагаю, что надо предварительно все испробовать, и тогда, по моему глубокому убеждению, я уже составлю себе определенное суждение о положении дела, причем по существу мы с вами сойдемся.

32. Распустив совет, он созвал солдатскую сходку. Прежде всего он сослался на то, какое расположение солдаты проявили к Цезарю у Коринфия¹: им и поданному ими примеру Цезарь обязан переходом на его сторону значительной части Италии. За вами, сказал он, и за вашим решением последовали все муниципии, один вслед за другим. Не без причины Цезарь отозвался о вас с величайшим сочувствием; равно как и его противники придали больше значения вашему поведению. Ведь Помпей оставил Италию не вследствие какого-либо поражения, но потому, что именно ваш образ действий предрешил его удаление. В свою очередь Цезарь доверил вашей охране меня, своего ближайшего друга и провинции Сицилию и Африку, без которых он не может прокормить Рим и Италию. Но некоторые уговаривают вас отпасть от нас. Это понятно: что может быть более желательным для них, как не то, чтобы одновременно и нас погубить, и вас вовлечь в безбожное преступление? И что

¹ Город в Италии; здесь сдались большие войска Помпея.

может быть оскорбительнее для вас, чем предположение этих озлобленных людей, что вы способны предать тех, которые признают себя всем обязанным вам, и подчиниться тем, которые вам приписывают свою гибель? Или вы не слыхали о подвигах Цезаря в Испании? О том, что разбиты две армии, побеждены два полководца, заняты две провинции? И все это совершенно в сорок дней с тех пор, как Цезарь показался перед своими противниками! Или, может быть, те, которые не могли дать отпора, пока были в силах, способны дать его теперь, когда они сломлены? А вы, примкнувшие к Цезарю, пока победа была еще неясна, — теперь, когда судьба войны определилась, может быть, последуете за побежденными, вместо того чтобы получить должную награду за свои услуги? Но ведь они говорят, что их покинули и предали, и ссылаются на вашу первую присягу. Вы ли, однако, покинули Домиция¹, или Домиций вас? Разве не бросил он вас на произвол судьбы в то время, когда вы были готовы умереть за него? Разве не тайком от вас он искал себе спасения в бегстве? Не он ли вас предал и не Цезарь ли великодушно помиловал? А что касается присяги, то как мог обязывать ею вас тот, кто, бросив связки² и сложив с себя звание полководца, стал частным человеком и как военнопленный сам попал под чужую власть? Создается более чем оригинальная форма обязательства, заставляющая нарушить ту присягу, которая теперь вас связывает, и считаться с той, которая уничтожена сдачей полководца и потерей гражданских прав! Но, может быть, Цезаря вы одобряете, а мной недовольны? Я, конечно, не имею в виду хвалиться своими заслугами перед вами: они пока не так еще значительны, как я сам этого желаю и как вы ожидали бы. Но ведь вообще солдаты требуют наград за свои труды соответственно с исходом войны. Каков он будет теперь, в этом и у вас самих нет сомнения. Но и мне незачем умалчивать о своей бдительности и, насколько до сих пор речь шла об этом деле, о своем военном счастье. Или, может быть, вы недовольны тем, что я перевез все войско живым и невредимым, не потеряв ни единого корабля? Что я сокрушил неприятельский флот одним натиском, едва успев сюда прибыть? Что в течение двух дней я дважды одержал победу в конных сражениях? Что я увел из гавани и из рук противников двести нагруженных судов и тем поставил врага в невозможность добывать себе провиант ни сухим, ни морским путем? Отвергайте же такое счастье и таких вождей, дорожите корфинийским позором, бегством из Италии и капитуляцией обеих Испаний, — всем тем, что предвещает исход нашей войны в Африке! Я сам желал называться только солдатом Цезаря, а вы приветствовали меня титулом императора.

¹ Сторонник Помпея, начальник Корфиния.

² Связки ликторов, как знак консульского достоинства.

Если вы в этом раскаиваетесь, то я возвращаю вам вашу милость, а вы верните мне мое имя, чтобы не казалось, что вы дали мне это почетное звание для издевательств надо мной!

33. Речь эта произвела на солдат такое глубокое впечатление, что они часто прерывали его слова, и видно было, что для них очень оскорбительно подозрение в неверности. Когда он уходил со сходимки, то все до одного стали уговаривать его без колебания дать сражение и испытать на деле их верность и храбрость. Когда, таким образом, у всех изменились мысли и настроение, то, с согласия всего своего военного состава, Курион решил, при первой же возможности дать генеральное сражение. Уже на следующий день он снова вывел свое войско и построил его на той позиции, которую оно занимало в предыдущие дни. Но и Вар не замедлил вывести свое войско, чтобы не пропустить случая агитировать среди солдат Куриона или дать сражение на выгодной позиции.

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП

(86/5—35 гг. до н. э.)

Гай Саллюстий Крисп (Gaius Sallustius Crispus) был родом из городка Амитерна Сабинской области. Он происходил из плебейской семьи и получил хорошее домашнее образование, откуда вынес восторженное преклонение перед греческой литературой, особенно перед историком Фукидидом. В своих этических воззрениях Саллюстий был последователем философа Платона с его идеалистическим противопоставлением души и тела, с его предпочтением ума практическому опыту. Совсем молодым человеком он попал в Рим, поразивший его своим беспутством, роскошью и продажностью. Саллюстий, идеолог демократических слоев, примкнул к «народной» партии «популяров», во главе которых стоял честолюбивый Цезарь; будучи старше Саллюстия на 15 лет, он оценил молодого провинциала, привлек его к себе, и Саллюстий надолго остался верным «цезарианцем».

Порожденные эпохой гражданских войн, произведения Саллюстия глубоко тенденциозны. Стремясь сильнее воздействовать на читателя, Саллюстий прибегает к свойственным античным историкам художественным и ораторским приемам. Он рисует яркие художественные образы, разворачивает характеристики, влагает в уста исторических лиц речи.

Саллюстий написал три произведения: «Заговор Катилины», «Югуртинская война» (история войны римлян с нумидийским царьком Югуртой, 111—106 гг. до н. э.) и дошедшие лишь в отрывках «Истории». В этих сочинениях Саллюстий с точки зрения своего этического идеала и демократических позиций бичует моральное падение римского нобилитета, его честолюбие, разврат, честолюбие. Воплощением всех пороков нобилитета изображает Саллюстий Катилину. Если политическим идеалом раннего Саллюстия был сенат и подчиненный ему «народ», то поздний Саллюстий как идеолог среднезажиточных групп, ущемляемых после смерти Цезаря политикой триумвиров, делается демократичнее и выдвигает приоритет «народа», хотя все же является противником низших слоев плебса (vulgus).

Политический противник Цицерона, Саллюстий отличается от него своей идеологией и словесной формой своих произведений. У него краткая фраза, глубоко продуманное, острое и убивающее замечание, никаких длинных периодов, но в то же время исключительная отделка и красота фразы. Благодаря этим достоинствам языка Саллюстий уже вскоре после смерти заслужил

названия: «соперник греков» (Веллей Патеркул), «первый из всех историков Рима» (Марциал, XIV, 191), «самый блестящий писатель римских деяний» (Тацит, *Анналы*, III, 30). Квинтилиан восхваляет Саллюстия, и даже его враги, например Ливий, упрекая его «за обезьянничанье с Фукидида», широко пользуются его материалом и его выражениями. В средние века его много читали — на это указывает большое количество рукописных текстов его произведений. В эпоху Возрождения не очень увлекались Саллюстием, — тогда велико было обаяние Цицерона и Ливия; но мы знаем, что сочинения Саллюстия были, например, в библиотеке Петрарки.

Русский перевод: «Заговор Катилины» и «Югуртинская война» — Н. Б. Гольденвейзера, в изд. Сабашниковых (М., 1916); «Заговор Катилины» — С. П. Гвоздева в книге «Заговор Катилины» («Academia», 1934).

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

[ВВЕДЕНИЕ]

Все люди, одушевленные стремлением возвыситься над животным миром вообще, нравственно обязаны приложить наибольшую энергию к тому, чтобы не пройти своего жизненного пути в молчаливом бездействии, подобно скотам, самой природой созданным с поникшей головой и подчиненным низменным животным инстинктам. Но дело в том, что наша человеческая сущность вообще складывается из духа и тела, дух у нас повелевает, тело скорее подчиняется; духовной стороной мы входим в общение с богами, телесной — с животными вообще.

Тем более правильным кажется мне для человека созидать свою славу на работе своего интеллекта, а не на проявлениях грубой физической силы, и так как наслаждение самой жизнью для нас кратковременно, тем паче должны мы оставить по себе наивозможно долгую память. Ведь прославиться можно богатством и красотой, но слава эта бrenна и преходяща, тогда как нравственная доблесть окружена вечным сиянием.

Правда, долго и упорно спорили люди, чем больше преуспевает военное дело, физической ли силой или доблестью духа. Бесспорно, всякому начинанию предшествует размышление, а по зрелом размышлении необходимо благовременное исполнение: одно без другого не имеет силы, и оба нуждаются во взаимной поддержке. Вот почему в древние времена цари (так назывались на земле первые носители власти) поступали различно: одни развивали интеллект, другие — телесную природу; притом тогда еще люди жили, не зная пагубных вожделений: каждый вполне довольствовался только своим. Но вот в Азии Кир, а в Греции лакедемоняне и афиняне начали покорять своей власти отдельные города и целые народы, стали свое властолюбие полагать руководящим началом в своих военных действиях, а наивысшую власть считать идеалом славы, — и тогда ценой пережитых опасностей и понесенных трудов люди убедились, что и в военном деле первенство принадлежит интеллекту. И все же:

если бы духовная доблесть царей и полководцев имела одинаковое значение и приложение как в области мира, так и в военных действиях, дела человеческие шли бы ровней и постояннее: мы не были бы свидетелями того разброда, тех перемен, того беспорядка, как это бывает во всем обыкновенно. Ведь и самую власть нетрудно сохранить теми же средствами, какими она была вначале приобретена. Но иное дело, когда трудолюбие сменяется праздностью, умеренность и справедливость изгоняются ненасытным произволом и гордыней, тогда сразу меняются и нравы народа и самая его участь. Хотя, с другой стороны, в силу того же порядка вещей власть обыкновенно переходит к лучшему носителю от худшего. Самые труды людей внешнего характера — земледелие, мореходство, строительство — все это подчинено той же нравственной мощи. Правда, немалое количество смертных проели и проспали свой век; они прошли свой жизненный путь в одичалом невежестве, подобно случайным прохожим: да, у них совершенно вопреки разумной природе плоть была желанной утехой, а дух невыносимым бременем. И жизнь их и кончина, по-моему, одинаковое ничтожество: ведь и та и другая обречены на безмолвное забвение потомства.

Зато, с другой стороны, лишь тот человек, по моему суждению, живет в настоящем смысле слова и пользуется даром жизни, кто занят каким-либо почетным трудом, кто ищет славы в высоком подвиге или в знании, направленном к добру.

Бесспорно, весьма почтенно служить своему государству делом, но и словом служить ему же не совсем бессмысленно: прославиться одинаково возможно и мирной работой и военным подвигом: увенчано славой немало людей и подвиги совершивших, и людей, описавших чужие деяния. Что касается, в частности, моего личного мнения, то хотя отнюдь не одинаковая слава достается бытописателю и деятелю, я все же считаю в высшей степени трудной задачу именно бытописателя, прежде всего потому, что в данном случае надлежит возвести повесть на уровень самих деяний, а затем еще и потому, что большинство читателей считает справедливое порицание у историка внушенным ему зложелательством и завистью, а буде он заговорит о великой доблести и о славе, доставшейся в удел людям высокой нравственности, то читатель приемлет равнодушно все, что считает для себя легким и удобоисполнимым, и, наоборот, все, что выше его сил, признается ложью, как бы некий вымысел историка. Что касается меня лично, то, подобно большинству, в ранней молодости и я сначала сильно увлекался карьерой государственного деятеля, в которой на меня обрушилось много неприятностей, — это было время, когда на месте скромности, умеренности и нравственности царили дерзость, расточительность и корыстолюбие. Правда, с презрением отворачивалась от этих гнусностей душа моя, еще не заскорузлая во зле, и все же в этой порочной среде

моя еще не окрепшая юность, естественно, поддавалась честолюбивой порче и не имела сил от нее освободиться. Лично я сторижился от безнравственности остальных современников и тем не менее терзался теми же честолюбивыми вожделениями, что и другие, и меня преследовала та же слава и то же недоброжелательство. И вот теперь, когда после множества злоключений и опасностей я нашел свой душевный отдых и твердо решил провести остаток жизни вдаль от государственной деятельности, я не думал, однако же, потратить свой честный досуг в беспечной праздности, не рассчитывал проводить свою жизнь, отдавая время земледелию, охоте — занятиям, достойным раба, — но вернулся к тому первоначальному труду, от которого надолго удерживало меня порочное честолюбие, и поставил себе задачей описать деяния народа римского в отдельных повестях, те именно, которые мне казались достойными увековечения в памяти потомства, — тем более что и сам я чувствовал себя внутренне свободным от всяких увлечений, опасений, от всякой партийности. Итак, насколько сумею ближе к истине, я вкратце изложу историю заговора Катилины; деяние это я считаю в высшей степени достопамятным: это было еще невиданное у нас злодеяние и неизведанная дотоле опасность.

[ХАРАКТЕРИСТИКА КАТИЛИНЫ]

(гл. 5)

Люций Катилина, знатного рода, был человеком сильного духа и тела, но характер его был дурной и испорченный. С юности были ему по душе междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские распри, и в них он провел свою молодость. Выносливый телом, он сверх вероятия мог переносить голод, холод, бессоницу. Смелый душою, был он коварен, непостоянен, лжив и притворщик, жадный к чужому, своего расточитель, пылкий в страстных порывах; много красноречия, благоразумия мало. Ненасытный дух его жаждал всегда чего-то безмерного, невероятного, недостижимого. После владычества Люция Суллы его охватила великая страсть захватить в свои руки власть в государстве. Безразлично было ему, каким путем добьется он этого, только б достигнуть высшей власти. С каждым днем все сильнее и сильнее ожесточался его необузданный дух от бедности и от сознания своих преступлений — и то и другое росло у него теми способами, о которых я сказал выше. Побуждали его к тому же и извращенные нравы, царившие в государстве — жертве двух отвратительных, хоть и различных между собою, зол: мотовства и жадности.

(13, 5) Это толкало молодежь, растратившую свои средства, на преступления. Насквозь пропитанные дурными привычками,

они нелегко отказывались от своих страстей и тем неумеренной всякими средствами стремились к наживе и роскоши.

(14) В столь сильно испорченном государстве Катилине было очень легко собрать вокруг себя весь цвет позоров и преступлений, как бы толпу своих телохранителей. Всякий бесстыдник, сладострастник, кто взятками, кутежами, развратом промотал отцовское наследство, кто наделал кучу долгов, чтобы на них купить разврат или преступление, кроме того, всякие убийцы, святотатцы, осужденные судом или боящиеся его приговора за свои преступления, затем те, которых их руки или язык кормили предательством или кровью граждан, наконец, все, кого мучили позор, нищета, угрызания совести, — все они стали друзьями-приятелями Катилины. А если кто неиспорченный делался его другом, то под влиянием ежедневного общения с ним и соблазнов он легко делался подобным другим.

Больше всего Катилина стремился сделаться близким другом молодежи; их мягкие и неустойчивые души легко поддавались его коварству. Кто по своему возрасту какую страстью пылал, тем он доставлял одним любовниц, другим покупал собак или лошадей; короче говоря, не щадил ни расходов, ни своего труда, лишь бы их подчинить себе и сделать преданными. Знаю, было мнение, что молодежь, посещавшая дом Катилины, вела себя далеко не скромно и не с достоинством; но этот слух распространился вследствие других причин, а не потому, что кто-либо знал это наверное.

(гл. 15)

Уже с юности Катилина много совершил преступного блуда с одной знатной девушкой, с жрицею Весты, и много другого подобного рода против закона и права. Под конец влюбился он в Аврелию Орестиллу, у которой, кроме ее красоты, ни один порядочный человек никогда ничего не мог похвалить. Так как она колебалась вступить в брак с ним, боясь уже взрослого пасынка, считают за достоверное, что, убив сына, он освободил свой дом для этого преступного брака. В этом я вижу одну из главных причин, почему спешил он со своим преступлением. Запятнанный дух его, богам и людям ненавистный, ни ночью, ни днем не мог успокоиться: настолько совесть терзала его потрясенный ум. Отсюда бледность его, неподвижный взгляд, походка, то торопливая, то замедленная. Одним словом, и в лице и в наружности — образ безумия.

ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА

[Война с Югуртой, царем Нумидии, вскрыла всю продажность римского нобилитета, в руках которого, вернее маленькой кучки его, была вся сила и значение. Несколько могущественных аристократов вершили все дела, пре-

следуя свою личную выгоду. Гай Меммий, народный трибун, в ряде речей выступил против этой клики.

Вот одна из его речей («Югурта», гл. 31):]

«Граждане римские! Если бы мое усердие к службе государству не торжествовало над всеми моими чувствами, то много причин отклонило бы меня от обращения к вам сегодня: силы противной партии, ваше долготерпение, исчезновение законов и в особенности то обстоятельство, что честность теперь скорее опасное для ее обладателя качество, чем почетное.

Тяжело говорить, граждане, о том, как вы сами в течение целых пятнадцати лет служили игрушкой, забавой кучки гордецов, как позорно и неотмщенно гибли ваши защитники, как развращался ваш собственный дух в малодушии и беспечности, так что и теперь даже вы еще не дерзаете восстать на своих злых недругов, и теперь еще вы трусите перед теми, кому сами должны бы быть грозой! Но и при таком прискорбном положении дела я чувствую внутреннюю необходимость выступить противником могущества той партии: попытаю я силу той свободы, которая завещана мне моим родителем, и в вашей власти, граждане, решить, полезна будет моя попытка или бесполезна. Но не о том хочу я просить вас, чтобы вы по примеру предков взяли за оружие против их насилий, не нужно насилий и с вашей стороны, не нужно явного выступления (уходить из города), — необходимо предоставить им погибнуть от своего же собственного образа действий. Вы знаете, по убийстве Тиберия Гракха, которого они обвинили в стремлении к царскому венцу, направлены были злокозненные розыски на римский народ; по умерщвлении Гая Гракха и Фульвия много и из ваших собратий погибло в тюрьме, и в обоих случаях бедствие прекращено было не силой закона, а по их же собственному произволу!

Но пусть себе считается стремлением к царской власти желание возратить народу добро, ему же и принадлежащее, пусть признается законным и то, за что невозможно отмстить без пролития гражданской крови!

Но вот в недавние годы вы созерцали с молчаливым негодованием, как расхищалась государственная казна, как цари и свободные народы платили подать кучке знатных, присвоившей себе и блестящую славу и громадные богатства. Но им ведь мало показалось безнаказанно совершать такие злодеяния, — и вот, наконец, ваши законы, ваше величие, все святое и человеческое — изменнически предано врагу. И виновники всего этого несколько не стыдятся, несколько не раскаиваются: нет, они величаво расхаживают перед вашими взорами, кичатся то своими духовными и светскими отличиями, то триумфами, забывая, что все это, собственно говоря, досталось им в добычу, а не в почет! Да ведь даже рабы, купленные за деньги, и те не переносят несправедливой власти своих господ, а вы, квириды, люди, рож-

денные во власти, как вы переносите это рабство с спокойным сердцем?! И кто же те, кто стал теперь во главе государства? Отъявленные злодеи, с обгаженными кровью руками, с неупитой алчностью, злобнейшие гордецы, для которых и честь, и нравственность, и религиозное чувство, все честное, все позорное, наконец, — служит одной лишь цели: выгоде.

Убийство народных трибунов, несправедливый суд, открытая даже резня народа — вот их средства защиты; и чем кто хуже из них поступает, тем он безнаказаннее, благо ваше собственное малодушие избавило их от страха за свои злодеяния, их тесно сплотили одни и те же вождельники, одна и та же ненависть; это среди хороших людей именуется дружбой, а среди злодеев — «служением своей партии»!

И если бы вы сами так же ревностно охраняли свою свободу, как эти люди пламенно отстаивают свое владычество, то и государство наше не терпело бы теперешнего разгрома, и ваши благодеяния доставались бы самым лучшим, а не самым дерзким.

Предки ваши ради приобретения законных прав и ради восстановления достоинства народа римского дважды уходили из города, дважды занимали Авентин вооруженной силой — неужели вы теперь не напряжете всех сил в защиту унаследованной вами свободы? Тем более еще, что ведь гораздо позорнее потерять приобретенное, чем вовсе его не приобретать. Вы скажете: что же ты советуешь? Наказать ли тех, кто выдал государство врагу? Да, наказать, но не открытым насилием: оно недостойно вас, хотя ими очень и очень заслужено, — а строгими розысками и указаниями самого Югурты. Если он сдался на вашу милость, то он, наверное, и подчинится вашему велению; если же он презрит его, тогда, конечно, вы сами увидите, что это за мир, что это за сдача такая, из которой для Югурты проистекает безнаказанность в злодеяниях, для кучки вельмож — огромная нажива, для государства — только вред и позор! Впрочем, что я?.. быть может, вам еще не надоело подчиняться их владычеству, быть может, вам милее настоящего те времена, когда целые царства, провинции, законы, право, суд, война, мир, религия, все человеческое было во власти кучки заправил, а вы, сиречь достославный «римский народ», вы, непобедимые врагами, вы, повелители всех племен и народов, вы были довольны и тем, что остались еще живы, не смея даже протестовать против своего рабства. Но хотя я и того мнения, что для мужчины всего постыднее снести обиду, я все же спокойно допустил бы вас простить этих злодеев, как своих же сограждан, если бы это милосердие не вело к настоящей гибели? Нет! Дерзость их такова, что для них уже мало совершить злодеяния безнаказанно: если у них не будет отнята и дальнейшая возможность совершать эти злодеяния, то и вас будет терзать вечная забота, когда вы пой-

мете, наконец, что вам необходимо или впасть в рабство, или же защищать свою свободу открытой силой! Где, спрашивается, логи взаимного доверия и согласия? Они хотят властвовать, вы желаете свободы; они хотят злодействовать, вы — помешать злодейству; наконец, они обходятся с вашими же союзниками, как с врагами, и наоборот, — так неужели же возможен мир и дружба при столь различных настроениях? Итак, напоминаю вам, прошу вас, не оставляйте безнаказанно такого преступления!

Ведь теперь уже не казна ваша расхищена, не союзники ограблены, эти потери хоть и тяжелы, но силой привычки переносятся сравнительно легко; нет, теперь уже сам сенат с его властью предан злейшему врагу, величие ваше выдано неприятелю, государство продано и внутри и вне его пределов! Если все это будет расследовано, — если виновные не будут наказаны, что же останется нам более делать, как не жить в подчинении тем, кто совершает такие поступки: они будут нашими царями, потому что делать, что угодно, и делать безнаказанно — это и значит быть царем! Но не о том прошу я вас, квинтиты, чтобы вы и вообще и в данном случае предпочитали бы видеть дела ваших сограждан скорее в дурном, чем в хорошем свете, но о том, чтобы, снисходя к злодеям, вы не губили честных людей. Если на то пошло, то в государственном деле лучше забыть оказанное благодеяние, чем совершенное злодейство: если пренебречь хорошим человеком, то он станет только менее энергичен, но зато злодей в этом случае получит новую отвагу; к тому же не так и нужна будет помощь людей хороших, если прекратятся злодейства, требующие такой помощи».

ЛИТЕРАТУРА (ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО) ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ВЕКА ДО Н. Э. И НАЧАЛА I ВЕКА Н. Э.

Если художественная проза достигла своего расцвета в сочинениях Цицерона, то так называемый «золотой век» римской поэзии приходится лишь на конец республики и начало принципата и императорского Рима. В морской битве при Акциуме, в 31 г. до н. э., войска Октавиана разбили войска Антония. Был нанесен сокрушительный удар Римской республике. Наступила императорская эпоха Рима. Основанная, по выражению Энгельса, на «военном господстве», по существу монархическая власть Октавиана Августа была неизбежным выражением более тесного сплочения рабовладельцев против грозных восстаний рабов, а также выражением борьбы крупной рабовладельческой знати против аграрных волнений крестьянства.

Наступление «гражданского мира», с восторгом встреченное рабовладельцами, вызвало расцвет их литературного творчества. «Мы все, образованные и необразованные, пишем стихи», — писал Гораций. Для ознакомления публики с литературными новинками устраиваются особые залы, организуются литературные кружки (см. ниже). Однако, при единстве содержания и изяществе художественной формы, в условиях режима империи, задушившего свободу слова, литература утратила даже ту относительную свободу и заостренность, какую она имела в конце республики. Большие писатели (Вергилий, Гораций и др.), при всем художественном богатстве их творчества, должны были прославлять новый режим и «божественную» власть императора, который всячески поощрял такую пропаганду.

В идеологическом отношении «золотой век» римской поэзии намного уступает греческой классической литературе V в. до н. э. с ее народностью и политической злободневностью. Литературные течения, антагонистичные официальной идеологии, хотя и существовали как выражение классовой борьбы, но не могли быть резко выраженными. Произведения их наиболее ярких представителей не дошли до нас, так как их не читали поздние политические поклонники режима Августа. Некоторую оппозицию официальной идеологии по своей направленности представляла любовная элегия (см. ниже) и не дошедшие до нас произведения поэтов-арханстов; кроме того, шла борьба римских «александрийцев» со сторонниками греческой классики.

(70—19 гг. до н. э.)

Публий Вергилий Маро (Publius Vergilius Maro) — крупнейший поэт, певец римского цезаризма. Родился в 70 г. в местечке Андах близ города Мантуи (северная Италия). Его отец, мелкий землевладелец, дал сыну хорошее образование сначала в Милане, потом в Риме, где Вергилий и начал свою литературную деятельность (писал эпиграммы и эпиллии в духе катулловского кружка поэтов «неотериков»).

В 45 г. Вергилий опять на родине. В 41 г. через своего знакомого полководца, оратора и поэта Асиния Поллиона, он получает обратно свое имение, конфискованное в пользу ветеранов вождя Октавиана.

К этому времени (приблизительно между 42 и 39 гг.) относится его работа над «Буколиками» — пастушескими стихотворениями. В этих «эклогах», написанных под явным влиянием Феокрита (см. «Хрестоматию», т. I), Вергилий, отражая интересы мелких землевладельцев, разорвавшихся от гражданских войн, идеализирует мирную деревенскую жизнь. Однако его пастухи менее реалистичны, чем у Феокрита; они лишены местных италийских черт и индивидуальных сторон характера; некоторые образы пастухов, вероятно, лишь аллегории, скрывающие современных Вергилию деятелей его эпохи (см., например, пятую эклогу). «Буколики» принесли поэту большую известность. Он знакомится с знатым Мecenатом, сподвижником Октавиана, впоследствии становится главой его литературного кружка и делается известным самому Октавиану. В следующем произведении — дидактической поэме о земледелии «Георгики» (37—30 гг.) — он продолжает восхвалять патриархальную деревню: в художественных образах и описаниях работ земледельца он поэтизирует малое сельское хозяйство, поглощавшееся в то время крупным рабовладельческим. Битва при Акциуме 31 г. прекратила разорительную для мелких землевладельцев гражданскую войну; осуществился долгожданный

Форум в Риме. I—II вв. н. э. Реконструкция.

многими рабовладельцами и самим Вергилием приход Октавиана к единовластию. Теперь Вергилий задумывает в большой историко-героической поэме воспеть мощь римской державы и прославить императора Октавиана Августа.

В своей «Энеиде» он воспекает героя троянской войны Энея, с сыном которого Иулом связывал свой род Август. Поэт описывает падение Трои и приключения Энея на пути в Италию, где после упорных войн с италийцами он основывает новое царство, из которого вырос могучий Рим. Возвращаясь вместе с некоторыми поэтами в духе реставрационной политики Августа к старинной героической эпопее, Вергилий в «Энеиде» явно ориентировался на Гомера, но вместе с тем он не мог не отразить в ней идеологии и литературных тенденций своего времени, связанных с особенностями эллинистической поэзии (ученость, наличие новелл и эпиллиев в поэме, психологизм, например в обрисовке образа Дидоны, динамика действия, напряженный драматизм). Как героическая поэма «Энеида» в художественном отношении безусловно стоит значительно ниже гомеровских поэм — эпоса в его классической неповторимой форме, высокая художественность которого объясняется отражением в нем неразвитых, незрелых общественных отношений (см. К. Маркс, К критике политической экономии. Введение). Гомера ставил выше Вергилия и В. Г. Белинский («Энеида» есть произведение одного человека без всякого участия народа)¹. «Энеида» — произведение глубоко тенденциозное — в свое время могла рассматриваться как своего рода агитационная поэма, направленная на прославление агрессивной политики Рима и цезаризма. Но тем не менее нас до сих пор глубоко волнует в «Энеиде» изображение гражданского долга, героизма, храбрости, дружбы (Нис и Евриал), отцовской любви (гибель Приама). Увлекает нас яркость образов (Дидона, Камилла, Турн и др.), драматизм напряженного, захватывающего рассказа (особенно песни II).

Вергилий закончил «Энеиду» в 19 г. В Риме «Энеида» была встречена с восторгом, хотя литературные противники поэта, очевидно, тяготевшие к оппозиционной Августу знати старого, патрицианского образа мыслей, пытались ее высмеять в пародиях «Воровство Вергилия», «Бич Энеиды»).

Поэма нового «римского Гомера» послужила образцом для всего последующего римского и западноевропейского эпоса. Данте, вдохновленный описанием преисподней в VI песне «Энеиды», изобразил Вергилия в «Божественной комедии» своим проводником по аду и чистилищу, а Вольтер в «Генриаде», подражая в идеализации Генриха IV «Энеиде» с ее прославлением Августа, заявил: «Говорят, Гомер создал Вергилия: если это так, то это, без сомнения, самое лучшее из его произведений». Но уже в XVI—XVIII вв. в разных странах как выражение оппозиции канонам классицизма появляются поэмы-пародии на «Энеиду» (у нас Котляревского, Осипова), Пушкин, хотя

Голова Вергилия. Мозаика. I в. н. э. Рим.

¹ Собрание сочинений в трех томах, т. III, М., Гослитиздат, 1948, стр. 469.

Мелибей

Старец счастливый, и так твоими поля сохраняются!
 Да и довольно с тебя, хоть пастбища все обнаженный
 Камень покрыл и камыш, на иле растущий в болоте¹.
 Не повлияет здесь корм непривычный на маток тяжелых,
 50 Не повредит здесь и близость соседней скотины дурная.
 Старец счастливый, ты здесь вкушать на побережьях
 знакомых
 Между священных ручьев тенистую будешь прохладу.
 Здесь на границе соседской ограда, где беспрестанно,
 В ивовый цвет залетая, пасутся гиблейские² пчелы;
 55 Часто ко сну приглашать тебя легким шепотом будут.
 Будет здесь петь садовод под высокой скалой на просторе,
 И с воркованьем меж тем — твоя охота — голубки,
 Горлица также, стенать не устанут на вязе высоком.

Титир

Будут легкие раньше пастись на море олени,
 60 Иль обнаженных рыб пучины на берег откинут,
 Раньше в блужданиях пройдя обоих пределы, изгнанник
 Будет парфянин из Арара пить, а германец из Тигра³,
 Нежель из груди начнет исчезать его образ.

Мелибей

Мы же отсюда уйдем, — иные — к жаждающим афрам⁴.
 65 В Скифию часть, и наверно дойдем и до скорого Окса⁵,
 И до британов, далеко от мира всего отделенных.
 Мне после долгих годов восхищаться ль родными краями?
 Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
 Вновь после нескольких жатв свои увидев владенья?
 70 Паром, возделанным так, овладеет воин безбожный,
 Варвар — посевами. Вот куда несогласье несчастных
 Граждан у нас привело⁶! Для них мы поля засевали?

¹ Вергилий указывает, что его имение близ Мантуи расположено в болотистой местности.

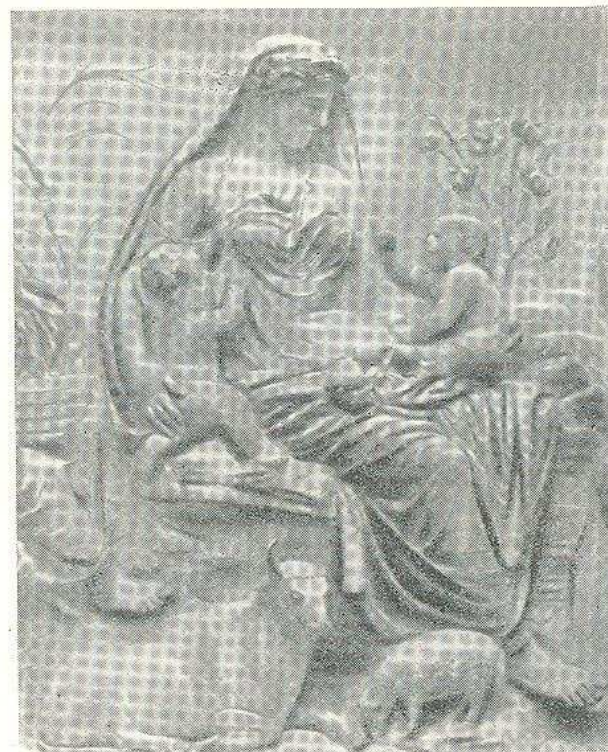
² С горы Гиблы в Сицилии, славившейся своим медом.

³ Ряд указаний невозможного. Парфянин, восточный житель с реки Тигра, будет пить воду западной реки Арара, а германец займет его место. Такие примеры невозможного не раз встречаются у римских поэтов.

⁴ Африканцам.

⁵ Нынешняя Аму-Дарья.

⁶ Жалобы на гражданскую войну часты в ранних произведениях Вергилия.

Рельеф «Алтаря Мира». I в. н. э. Рим. «Богиня Теллус» — мать-земля.

Груши теперь, Мелибей, прививай, рассаживай лозы,
 Козы, идите, когда-то счастливое стадо, идите!
 75 Уж никогда я отныне, в зеленой лежа пещере,
 Вас на тернистой скале не увижу, висящих высоко,
 Песен не буду я петь. Вас не буду пасти, — без меня вам,
 Козочки, горькую иву щипать и китис ваш цветущий.

Титир

Все-таки эту-то ночь отдохнуть со мною ты можешь
 Здесь на зеленой листве¹: у меня творога изобилие,
 80 Спелые есть и плоды, и мягкие также каштаны,
 И в отдаленье уже деревенские кровли дымятся,
 И уж длиннее от гор высоких падают тени.

¹ Эта фраза очень близка к словам Феокрита («Идиллия», XI, 44).

Меналк

Чтобы нам, Мопс, если мы искусные встретились оба, —
Я — стихи говорить, ты — дуть в легковесные трости,
Здесь не усесться с тобой в орешник, смешанный с кленом?

Мопс

Старший ты, и тебя, Меналк, я слушаться должен...
Иль под тень, что дрожит, когда Зефиры в волнение,
Иль в пещеру скорее взойдем. Взгляни, как в пещере
Гроздьями редкими все лоза покрыла лесная.

Меналк

В наших горах лишь один с тобой Аминт² бы поспорил!

Мопс

Что ж? Коль он спорить готов, что и Феба в пенье превысит?

Меналк

Первым, Мопс, начинай, что есть, или пламя Филлиды,
Алкона, если имеешь, хвалу или Кодровы³ ссоры.
Так начинай; сбережет пасущихся Титир козляток.

Мопс

Лучше те песни, что я на коре зеленого бука
Только на днях начертал и черед, напевая, наметил,
Мне испытать. Ты только вели, чтобы Аминт состязался.

Меналк

Гибкая ива насколько седой уступает оливе,
Или насколько простая пунцовым розам лаванда,
Так, по суду моему, и тебе Аминт уступает.
Но перестань же ты, мальчик: уже вошли мы в пещеру.

¹ По мнению древних толкователей, в образе пастуха Меналка Вергилий в этой эклоге выводит самого себя, а в образе Мопса — мантуанского поэта Эмилиа Макра.

² Вероятно, один из поэтов — противников Вергилия.

³ Кодр — возможно, поэт, современник Вергилия.

Нимфы над Дафнисом¹ мертвым, жестокою смертью
угасшим²,

Плакали (ты, орешник, вы, реки, — свидетели нимфам)
В час, как обнявшая тело несчастное сына родного,
Всех и богов и светила жестокие мать призывала.
Сытых своих никто быков в течение дней тех

К рекам, о Дафнис, студеным не вел, ни в одном из потоков.
Не пил и конь в эти дни и зелени трав не касался.
Дафнис, пунийские львы о тебе, отошедшем, стонали
Даже: так говорят и леса и дикие горы.

Дафнис армянских³ впрягать под ярмо колесничное тигров
Установил, и Дафнис — вести хороводы для Вакха,
Листьями мягкими крыть научил он гибкие копы.
Как для деревьев лоза, а гроздь для лозы украшение,
Как для стада быки, а посевы для пашен обильных,
Так ты красой был своим. Когда унесли тебя судьбы,

Палес⁴ и сам Аполлон поля оставили наши.
Часто в бороздах, которым ячмень поручали мы крупный,
Только бесплодный овес и плевел родится несчастный;
Вместо нежной фиалки и яркого цветом нарцисса
Чертополох и крушина колючими встали шипами.

Землю усыпьте листвою, над источником тень наведите,
Пастыри; в память свою поручает то делать вам Дафнис.
Сделайте холм, на холме же такие стихи начертайте:
«Дафнис я в этих лесах, до звезд отсюда известен,
Стада прекрасного сторож, но сам прекраснее стада...»

Меналк

Богopodobный поэт, для нас твоя песня отрадна,
Как для усталого сон на траве, как отрадно при зное
Жажду гасить у ручья, волною бьющего сладкой.
Ты не свирелью одной, но и пеньем наставнику равен.
Мальчик счастливый, за ним вторым ты будешь отныне.
Мы же, какие ни есть, тебе наши в очередь песни
Скажем и Дафниса в них твоего поднимем к светилам,
Дафниса мы вознесем: и к нам благосклонен был Дафнис.

¹ Мифический пастух, считавшийся покровителем сицилийских пастухов.

² Смерть Дафниса поэтически изображена в пастушеской песне, которую Феокрит вложил в уста пастуха Тирсиса («Идиллия», I, см. «Хрестоматию», т. I).

³ Здесь — вообще восточных.

⁴ Итальяское божество, покровительствовавшее стадам и пастухам.

Мопс

Что может быть для меня приятней такого подарка?
Мальчик и сам был достоин, чтобы пели его, и об этих
55 Песнях мне раньше уже Стимихон¹ говорил с похвалою.

Меналк

Светлый дивится теперь незнакомым порогам Олимпа.
Ныне у ног своих зрит облака и созвездия Дафнис².
Резвое ныне леса и всю деревню веселье
Всех пастухов и Пана³ и дев Дриад⁴ наполняет.
60 Волк скотине засад и сеть никакая оленим
Зла не замыслят уж; доброму Дафнису любви досуги.
Сами в веселье теперь возносят голос к светилам
Горы лесистые, сами теперь уже песнями скалы,
65 Сами дубравы звучат: Меналк, божество, божество он.
Будь благосклонен и добр ко своим, алтаря вот четыре:
Дафнис, два для тебя, а два престола для Феба.
Два сосуда с шумящим парным молоком ежегодно.
Два буду ставить кратера с густым оливковым маслом.
Прежде всего оживляя обильным пиры нашим Вакхом,
70 Перед огнем, если холод, коль лето — под тенью я буду
Нектар новый, вино Арэусия⁵ лить из сосудов.
Будут тут распевать Дамет и Эгон ликтиец⁶,
Пляшущим Амфесибей подражать тут будет сатирам,
Так будет вечно — тебе, молитвы ль торжественно будем
75 Нимфам мы воссылать иль поля обходить, очищаясь.
Вепрь пока не разлюбит хребтов, а рыба — потоков,
Тмином будет питаться пчела, а цикада росой,
До тех пор твоя честь и хвала и имя пребудут.
Так же, как Вакха с Церерой, так будут тебя ежегодно
80 Все земледельцы молить: ты сам их принудишь к молитвам.

Мопс

Что я тебе, что за дар воздам за песню такую?
Ибо ни свист набежавшего Австра, ни берег, звенящий

¹ Имя пастуха.

² Это указание о восхождении Дафниса на Олимп (ср. ст. 65) делает очень вероятным предположение, что в образе Дафниса Вергилий прославляет диктатора Юлия Цезаря, обожествление которого было торжественно отпраздновано триумвирами после победы при Филиппах в 42 г. до н. э.

³ Греческий бог, покровитель стад, почитался особенно в Аркадии — на родине пастухов.

⁴ Нимфы лесов и деревьев.

⁵ Местность на острове Хиосе, известная своим производством вина.

⁶ Имена пастухов, как и Амфесибей; ликтиец — из города Ликта на острове Крите.

От прибывающих волн, не так мне нравится сильно,
Ни те потоки, что мчат, в каменистых стекая долинах!

Меналк

85 Хрупкую эту тебе подарю я раньше цикуту;
«Жарко пылал Коридон... с цикутой этою пел я,
С нею же выучил я: «Скотина чья? Мелибея?»

Мопс

Ты ж этот посох возьми — его Антигену¹ я не дал,
Он хоть и часто просил — и тогда любви был достоин.
90 Равными посох узлами, Меналк, и медью прекрасен!..

ГЕОРГИКИ

(Отрывки)

[Полевые работы земледельца. Отрывок чрезвычайно типичен для знакомства с мастерством Вергилия, с его умением поэтически, яркими образами оживлять свои специальные технические предписания.]

143 Ранней весной, когда от седых вершин² ледяная
Влага течет и Зефир рыхлит праховую землю,
45 Пусть начинает тогда мычать при вдавленном плуге
Вол и пусть заблестит сошник, бороздою оттертый.
Нива ответит тогда пожеланиям всем хлебопашцев
Жадных, коль два раза зной испытает и два раза холод³.
Жатвы с нивы такой столь огромны, что треснут амбары!
50 Но перед тем как взрезать неизвестную станем равнину,
Ветры узнать и прав различной надо погоды,
Дедовский также прием и обычай местности данной.
Что тут земля принесет и в чем земледельцу откажет,
Здесь счастливее злак взрастет, а там — виноградник,
55 Там — приплод от деревьев и по воле своей зеленеют
Травы. Разве не зришь, как Тмол⁴ ароматы шафрана
Шлет, Индия — кость, Сабей⁵ же изнеженный — ладан,
Голый Халиб⁶ — железо, струю же бобровую с сильным

¹ Также имя пастуха.

² Альп.

³ Разумеются четыре вспашки, которые особенно старательные землепашцы производили осенью, весной, летом и снова осенью, перед посевом; обычно полагалось три вспашки.

⁴ Гора в Малой Азии.

⁵ Племя в Аравии.

⁶ Племя на южном берегу Черного моря, ковавшее лучшее железо; халибы работали обнаженными.

Запахом — Понт¹, а Эпир² — кобыл элидских победы?
60 Древле законы свои и условия вечные разным
Странам природа дала в те века, когда при начале
Девкалион побросал в пустую вселенную камни,
Вышли же люди из них — род жестокий³. За дело же,
тотчас

65 Пишной почву земли с начальных месяцев года
Мощные пусть взрывают валы, и лежащие глыбы
Пыльное пусть пропечет жарой накалившейся лето;
Если же почва скупа, тогда перед самым Арктуром⁴
Будет довольно ее поднять бороздой неглубокой,
И чтоб обидеть не мог урожаев радостных плевел,
70 И чтоб бесплодный песок не утратил влажности скудной.
Также терпи, чтобы год отдыхало поле под паром,
Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая;
Или златые там сей — как солнце сменится — злаки,
Раньше с дрожащим стручком собрав горох благодатный,
75 Или же вики плоды невеликие, или лупинов
Горьких ломкие стебли и лес их гулкозвонящий.
Ниву спалает посев льняной, спалает овсяный,
Также спалает и мак, налитанный дремой летейской⁵,
А с промежутками в год — труд спорый: лишь бы скупую
80 Почву вдоволь питать навозом жирным, а также
Грязную сыпать золу поверх истощенного поля.
Так, сменяя плоды, поля предаются покою.
Но не обманет надежд, коль и вовсе не вспахано, поле.
Часто бывает полезно палить истощенную ниву,
85 Легкое в поле сжигать трещащим пламенем жнивье —
То ли тайную мощь и питание жирное земли
Так получают, иль в них бывает пламенем выжжен
Всякий порок и, как пот, выходит ненужная влага,
Или множество жар путей и пор открывает
90 Тайных, которыми сок проходит к растениям новый,
То ль укрепляет сильней и сжимает разверстые жилы,
Чтобы ни мелкий дождь, ни сила палящего солнца,
Разгорячась, не сожгла, ни Борея пронзительный холод?
Тот, кто глыбы дробит мотыгой неплодные или
95 Борону кто из лозни влачит, тот полю на пользу:
Он с Олимпийских высот белокурой замечен Церерой,

¹ Малоазиатское побережье Черного моря.

² Область Греции, известная своими лошадьми, которые одерживали победы на конских ристаниях в Элиде.

³ Разумеется известный, рассказанный в «Метаморфозах» Овидия (I, 313—415), миф о Девкалионе и его жене Пирре — единственных людях, спасшихся после потопа и из камней произведших людей.

⁴ Т. е. перед восхождением звезды Арктура в начале сентября.

⁵ Мак дает сон и забвение наподобие подземной реки Леты.

Также и тот, кто гряды, которые поднял на пашне,
Станет опять разбивать наклоненным в сторону плугом,
Кто, постоянно трудясь с землей, — господин над полями.

[Протест Вергилия против непрекращающихся войн, которые наносят вред земледелию.]

Вот как между собой состязаются, копьями равны,
1,490 Воинов римских строи, вторично узрели Филиппы¹.
Было всевышним не в стыд два раза нашею кровью
Ширь Гемейских² полей и Эматий³ доли удобрить.
Истинно время придет, когда в тех дальних пределах
Муж земледелец, кривым размягчающий землю оралом,
495 Дротики в почве найдет, изъязвленные ржою шершавой!
Тяжкой мотыгой своей наткнется на шлемы пустые
И подивится костям могучим в разрытых могилах!..
Боги вы нашей земли, Индигеты⁴, Ромул, мать Веста!⁵
Вы, что Тускский⁶ Тибр с Палатином римским храните!
500 Юноше этому⁷ ныне помочь злоключениям века
Не воспрещайте! Давно и довольно нашею кровью
Мы обмываем обман той Лаомедонтовой Трои...⁸
Нас к тебе уж давно чертоги небесные, Цезарь,
Возревновали, — что ты людскими триумфами занят!
505 Правда с кривою здесь смешались; все войны по свету...
Как разнородны лики злодейств! И нет уж плугу
Чести достойной! Поля засыхают с уходом хозяев:
И уж кривая коса на меч прямой перелита.
Там затевает Евфрат⁹, а там Германия брани;
510 Здесь, меж собою порвав договоры, соседние грады
В бой вступают. Везде свирепствует Марс нечестивый...
Так бывает, когда, из темниц¹⁰ вырываясь, квадриги¹¹
Приумножают пробег, и натянуты тщетно поводья;
Кони возницу несут и вождей не чувствуют в беге!..

¹ Разумеется битва при Филиппах (в Македонии) в 42 г. до н. э., в которой республиканцы были разбиты наголову.

² Гемейские горы в северной Фракии.

³ Эматия — Македония.

⁴ Отеческие боги.

⁵ Богиня очага.

⁶ Этрусский, так как он вытекает из Этрурии.

⁷ Т. е. Октавиану.

⁸ Римляне, говорит Вергилий, как потомки троян, испытывают гнев богов за обман Лаомедонта, который не дал обещанной награды Аполлону и Посейдону за постройку стен Трои.

⁹ Разумеется война с парфянами на Евфрате.

¹⁰ Из темных стойл.

¹¹ Колесницы, влекаемые четверкой лошадей.

Статуя Октавиана Августа. Мрамор.
Найдена в Прима Порта. Рим. I в. н. э.

[ПРОСЛАВЛЕНИЕ ИТАЛИИ]

11.136 Но ни мидийцев леса, наибогатейшие земли,
Но ни прекрасный тот Ганг¹, ни Герм², от золота мутный,
Пусть с Италией все же не спорят; ни Бактрия³ с Индом,
Ни той Панхейи⁴ всей пески, — фимиамом богаты...
140 Хоть не вспахали быки, ноздрями огонь выдыхая,
Эти места, и зубов тут не сеяли Гидры свирепой,
Дроты и копья мужей не всходили тут частые нивой⁵, —
Но, тяжелея, хлеба и Вакха Массийская⁶ влага
Их наполняют; на них и маслины и скот изобильный;
145 Здесь и воинственный конь выходит на поле, гордый;

¹ Река в Индии.

² Река в Лидии.

³ Страна близ Индии.

⁴ Остров близ Аравии, на самом деле не существовавший.

⁵ Намеки на трудные задачи, которые дал греческому герою Ясону колхидский царь Эет и которые Ясон выполнил при помощи Медеи (см. миф об аргонавтах и трагедию Еврипида «Медея»).

⁶ Массик — гора в северо-западной Кампании (теперь Monte Massico); здесь разумеется массийское вино.

Белые здесь, с Клитумн¹, и стада и великая жертва —
Бык — постоянно твоим священным омыты теченьем²,
Римские к храмам богов вели, торжествуя, триумфы.
Здесь неизменно весна и в недолжные месяцы лето;
150 Дважды стада тяжелы и дважды дерево с плодом³.
Хищных тигров тут нет, тут нет и злого потомства
Львов; собирателей трав аконит⁴ не обманет злосчастных.
Нет и чешуйчатых змей, огромные кольца влачащих
Вдоль по земле и, ползя, собирающих тело спиралью.
155 Сколько отменных прибавь городов, и труд созиданий,
Столько на скалах крутых укреплений, людьми возведенных,
Или же рек, что внизу обтекают древние стены.
Море ль напомним, ее обмывавшее сверху и снизу?
Множество ль разных озер?
165 Не у нее ли ручьи серебра и залежи меди
В жилах, течет не она ль обильно золотом светлым?
Крепких она и мужей, молодежь сабинскую марсов,
И лигурийцев, привыкших терпеть, и вольсков-копейщиков,
Родина Дециев⁵ всех, и Мариев⁶, славных Камиллов⁷,
И Сципионов, упорных в войне, и твоя, достолавный
Цезарь, который теперь победителем в Азии дальней
Индов, робких на брань, от римских твердынь, отвращаешь!
Здравствуй, Сатурна земля⁸, великая мать урожаяв!
Мать и мужей!

[ВЕСНА]

11.323 Рощам зеленым весна, весна и лесу полезна.
Земли взбухают весной и просят семян детородных.
325 Тут всемогущий Отец, Эфир, изобильный дождями,
В лоно супруги своей счастливой нисходит и всюду
Кормит, великий, смешаь с великим телом, приплоды⁹.
Чаши лесные без троп-гремят голосами пернатых,
Вновь в положенный срок Венеру чувствует стадо.
330 Нивы-кормилицы — в родах; с дыханием теплым Зефира¹⁰
Лоно открыли поля; всем хватит нежащей влаги.

¹ Река в Умбрии.

² Римляне верили, что омытые в воде Клитумна животные делались белыми.

³ На самом деле лишь некоторые плоды созревают в Италии дважды.

⁴ Ядовитое растение.

⁵ Разумеется Деций Мус — римский герой IV в. до н. э.

⁶ Римский полководец II—I в. до н. э.

⁷ Римский диктатор V—IV в. до н. э.

⁸ Земля италийского бога Сатурна.

⁹ Юпитер здесь представлен олицетворением неба, Эфира, который, орошая землю дождем, этим соединяется с матерью-землей.

¹⁰ Западный ветер.

Новому солнцу ростки уже не боятся спокойно
 Ввериться, и виноград не страшится, что Австры¹ восстанут
 Или что в небе помчат Аквилоны² великие ливень;
 335 Гонит он почки свои и листики все раскрывает.
 Нет, не иные тогда, при начале возникшего мира,
 Дни воссияли³, и быть не могло постоянства иного,
 Верится мне! Весна лишь была; веспу лишь великий
 Мир проводил, и зимы дыханьем не веяли Эвры⁴.
 340 В век, как впервые стада пить начали свет, и железный
 Род человек⁵ в полях суровых голову поднял,
 Дикие звери в лесах появились и звезды на небе.
 Да, и теперешний труд не вынесли б нежные вещи,
 Если б подобный покой между холодами и зноем
 345 Не наступал, и небес снисхожденья не знали бы земли.

[СКИФИЯ]

111. 349 Иначе там, где скифы живут, где Мэотики воды⁶,
 350 Там, где желтый песок Истр⁷ мутный течением крутит,
 Там, где Родопы⁸ загиб, серединой под полюс ушедшей:
 В хлевах там взаперти содержат скотину; на поле
 Не появляется там травы, ни листы на деревьях;
 355 Но, безобразны, лежат под сугробами снега и толстым
 Льдом просторы земли, семи локтей достигая.
 Вечно зима, и вечно там дышат холодом Кавры⁹.
 Более: бледную тень и солнце вовек не рассеет,
 Мчится ль оно на конях к Эфиру высокому или
 Моет свою колесницу в румяной воде океана.
 360 Вдруг на бегущей реке вырастают нежданные корки,
 И уж вода на хребте железные ободы держит.
 То принимала суда широкие, ныне ж — повозки!
 Часто дает там трещины медь, каленеют одежды
 Прямо на теле, топор разрубает текущие вина;
 365 Целые заводы вдруг обратились в крепкую льдину,
 И, затвердев, в бороде нечесанной виснет сосулька.
 Снег, меж тем, все идет и воздух весь заполняет.

¹ Южный ветер.

² Северный ветер.

³ В противоположность эпикурейцам Вергилий верит, что при начале мира был «золотой век» и царил все время весна. Такое же представление в «Метаморфозах» Овидия (I, 107) и у самого Вергилия в его описании Италии (II, 149 и след.), в котором он отмечает эту черту «золотого века».

⁴ Юго-восточный ветер.

⁵ Железный век, современный Вергилию.

⁶ Мэотика — Скифия; воды Мэотики — Азовское море.

⁷ Дунай.

⁸ Горы во Фракии.

⁹ Северо-западный ветер.

И погибают стада; стоят окруженные снегом
 Крупные туши быков; и сомкнутым строем оленя
 335 В свежем застыли снегу, и рога их виднеются еле.
 Тут без всяких собак, и тенет расставлять не трудясь,
 Люди преследуют их, не пугая пунцовой метелкой;
 Тщетно грудью они пробивают вставшую гору, —
 Бьют их железом вблизи и громко воющих тут же
 340 Их убивают, потом уносят с радостным гиком.
 Сами ж, проходы нарыв, спокойно проводят досуги
 Там, глубоко под землей; дубов натаскают и целых
 Вязов к своим очагам и сжигают на пламени дымном.
 Ночь проводят в игре и в веселье своем подражают
 345 Чашам винной лозы бродилом и кислой рябиной.
 Так под гиперборейским¹ живущее Септентрионом²
 Дикое племя людей подвержено Эврам Рифейским³
 И покрывает тела звериною рыжею шерстью.

[Характерная для Вергилия идеализация деревенской жизни земледельцев.]

111. 458 О, блаженные слишком — когда б свое счастье знали —
 Жители сел! Сама, вдалеке от военных усобиц⁴,
 460 Им изливает земля справедливая легкую пищу⁵.
 Пусть из кичливых сеней в высоком доме не хлынет
 К ним по покоям волна желателей доброго утра⁶.
 Пусть не жажнут дверей с украшениями из черепахи,
 Золотом тканых одежд; эфирийской⁷ меди не ищут;
 465 Если их белая шерсть ассирийским не крашена соком⁸,
 Жидкого ежель они не портят масла корицей,
 Верен зато их покой, их жизнь не знает ошибок.
 Всем-то богата она! Зато на просторах досуги,
 Своды пещер, живые озера, прохладная Темпа⁹,
 470 В поле мычанье быков и сон под деревьями сладкий —
 Это все есть. Там и рощи в горах и звериные логои.
 Там терпелива в трудах молодежь, довольная малым.
 Вера в богов¹⁰ и к отцам почтенье. Меж них Справедливость,

¹ Гиперборейцы — сказочный народ на севере; гиперборейский — северный.

² Созвездие Большой Медведицы.

³ Северным.

⁴ Разумеются гражданские войны, современные Вергилию.

⁵ Это повторяющаяся черта в описании «золотого века», с которым Вергилий отождествляет жизнь поселян.

⁶ Т. е. клиентов, являвшихся каждое утро с приветствием к патрону.

⁷ Лучшие медные вазы из Ефиры, т. е. Коринфа.

⁸ Т. е. сирийскими красками.

⁹ Долина в Фессалии, на севере Греции; здесь — в общем значении долины.

¹⁰ Вергилий сам отличался патриархальной религиозностью.

Прочь уходя от земли, оставила след свой последний¹.
 475 Прежде всего пусть меня, однако, милые Музы,
 Коим священно служу, великой исполнен любовью,
 Примут и пусть мне пути покажут небес и созвездья,
 Муки² луны изъяснят, и всякие солнца затмения,
 Труссы³, и силой какой морские вздуваются глوبي
 480 И, преграждения прорвав, на себя отпадают обратно;
 И в океан почему погрузиться торопится солнце
 Зимнее; что для ночей медлительных⁴ служит препеной?
 Если же этих частей природы ныне коснуться,
 Кровь препятствовать мне вокруг сердца холодная будет,
 485 Лишь бы всегда обитать в полях, где потоки по долам,
 Там, где реки и лес, в неславной мне доле! О, там, где
 Сперхий⁵ в полях и Тайгет⁶, где Вакха спартанские девы
 Славят! О, кто меня унесет в прохладные доли
 Гема⁷ и приосенит ветвей пространную тенью?!
 490 Счастливы те, кто вещей познать умели причину,
 Те, кто всяческий страх и рок, непреклонный к молениям,
 Все повергли к ногам — и шум Ахеронта скупого⁸.
 Благополучен, кому знакомы и сельские боги,
 Пан и старец Сильван, и нимфы — сестры благие.
 495 Связки⁹, народная честь и царский его не волнует
 Пурпур, или Раздор, мятущий изменников братьев¹⁰,
 Или же Дак¹¹, что от Истра спускается, с ним сговорившись;
 Рима дела, обреченные царства... Здесь же не будет
 Он неимущих жалеть иль завидовать тем, кто имеет¹².
 500 Он собирает плоды, которые ветви и нивы
 Сами дают, он чужд железных законов, безумный
 Форум ему незнаком, он народных архивов не видит¹³.

¹ Богиня Справедливости — дочь Юпитера и Фемиды, царившая в блаженном «золотом веке».

² Т. е. переход луны в различные фазы.

³ Землетрясения.

⁴ Поздно наступающих коротких летних ночей.

⁵ Река в Фессалии.

⁶ Гора в Лаконии (в Пелопоннесе), где было святилище Вакха; туда могли входить только женщины.

⁷ Гора во Фракии (на севере Греции).

⁸ Разумеются эпикурейцы, уничтожившие страх перед загробным миром; но для Вергилия неприемлем антирелигиозный характер эпикуреизма. Ахеронт — река в подземном царстве.

⁹ Связки прутьев, или фасцы — символ власти консула.

¹⁰ Имеется в виду спор из-за парфянского престола двух братьев — Фраата и Тиридата.

¹¹ Народ, живший около Истра, теперешнего Дуная.

¹² Вергилий, привлекая внимание к сельскому хозяйству, хочет сказать, что только земледельцы не будут знать имущественного неравенства.

¹³ Т. е. ему нет нужды рыться в архивах для ведения своих дел.

Те тревожат веслом неверную зыбь, те хватают
 Меч, а те ко дворам проникают и царским порогам,
 505 Этот напал, сокрушая, на Рим и несчастных пенатов¹.
 Из самоцвета чтоб вместе пить и спать на сарранском²
 багрянце,
 Прячет богатства иной и лежит на закопанном злате,
 Этот в восторге застыл перед рострами³, этот, пленившись
 Плеском скамей — отцов и народа⁴, — и сам раскрыл свой
 510 Рот; приятно другим, облившись братскою кровью,
 Дом и свой милый порог менять на глухое изгнание,
 Родины снова искать, не под тем уже солнцем лежащей.
 А земледелец вспахал кривым свою землю оралом —
 И обеспечен на год. Он родине этим опора,
 515 Малым Пенатам, стадам коров и волам заслуженным.
 Не отдохнешь, коль еще год не дал плодов в изобилие,
 Или приплода скоту, иль снопов из церериных злаков,
 Не отягчил урожаем борозд и амбаров не ломит...
 Вот и зима. Сикионские ягоды⁵ камнями давят.
 520 Радостно свиньи идут от дубов. В лесу — земляничник.
 Разные также и осень приносит плоды: на пригорках,
 Сладостный, солнцу открыт, допекается сбор виноградный.
 Милые льнут между тем к его объятиям дети.
 525 Дом целомудренный чист. Молоком наполнено виснет
 Вымя коров, и козлы, на веселой сойдясь луговине,
 Жирные друг против друга стоят, состязаясь рогами.
 Сам же он в праздничный день отдыхает, в траве
 растянувшись,

Где в середине огонь, а товарищи чашу венчают
 530 И, возливая, тебя, Ленея⁶, призывают; на вязе
 Делают щель пастухам, соревнующим в дротиках резвых;
 Для деревенской борьбы упражняют их грубое тело.
 Древние жизнью такой когда-то жили Сабины⁷,
 Также с братом⁸ и Рем, так Этрурия выросла мощной.
 Истинно также и Рим всего стал в мире прекрасней,
 535 Целых семь для себя холмов окруживший стеною.
 Раньше скиптра царя Диктейского⁹, даже и раньше,
 Чем несчастный стал род душить быков для съедения,

¹ Разумеется нападение на Рим его же солдат в гражданскую войну.

² Иначе — тирском, из восточного города Тира.

³ Кафедра на форуме, украшенная корабельными носами, с которой говорили ораторы.

⁴ Т. е. сам выступает оратором в сенате и народном собрании.

⁵ Маслины.

⁶ Культовое имя Диониса.

⁷ Древнее италийское племя.

⁸ Т. е. Ромулом.

⁹ Т. е. Юпитера, воспитанного, по мифу, на горе Дикте на острове Крите.

Вергилий и музы. Мозаика. I в. н. э. Рим.

Жил Сатурн¹ золотой на земле подобною жизнью.
И не слышали тогда, чтобы трубы трубили и чтобы
540 Начали копы стучать, на крепкие древки воздеты.

ЭНЕИДА

(Отрывки)

БУРЯ

1. 50 Думы такие богиня² в пылающем сердце вращая,
Мчится на родину туч, на безумными Австрами полный
Остров Эолию³. Там в необъятной пещере царь Эол
Междоусобные ветры и громopodobные бури
Властью своею гнетет и смиряет тюрьмой и цепями.

¹ Итальянский бог, при котором, как думали, на земле был «золотой век».

² Юнона, противница Энея, решает не допустить его в Италию и потопить его корабли.

³ Близ Сицилии.

55 Те, негодуя, грохочут с великим роптанием горным
Около створов¹, а Эол сидит в крепостнице высокой.
Скилтры держа, умягчает их дух и смиряет их гнев.
Так он не делай — и море, и сушь, и глубокое небо
Ринули быстро б они, за собой разнесли бы в пространствах.
60 Но всемогущий отец заколодил их в черных пещерах,
Сам опасаясь того, и высокие горы и тяжесть
Сверх навалил, и поставил царя, чтоб, согласно условию,
Вожжи умел и спускать и натягивать он по приказу.
65 К оному тут, умоляя, Юнона так речь обратила:
«Эол! Тебе поелику бессмертных отец и людей царь
Препоручил и волнение смягчать и вздымать волны

ветром, —

Мне ненавистное племя плывет по Тирренскому морю², —
Илий³ в Италию оный везет побежденных пенатов.

Ветрам всевластье придай, потопа погруженные кормы
70 Иль, разметав их, гони и раскидывай по морю трупы.
Нимф дважды семь у меня есть, наружностью милых,

из коих,

Ту, что красой всех других привлекательней, Дейопею,
Браком с тобою я прочным свяжу, дам тебе во владенье,
Все, чтоб с тобой проводила она за такие заслуги

75 Годы, и ты бы отцом чрез нее стал прекрасного рода». —
Эол в ответ: «Обсуждать подобает тебе, о царица,
Труд, что свершить ты желаешь, а мне — лишь ловить

повеленья.

Ты утверждаешь за мной это царство и скилтры, и Йова⁴
Милость, и ты позволяешь богов на пирах возлежать мне.
80 Над облаками меня и над бурями делаешь властным».

Так сказал он и пустую трезубцем повернутым гору
В бок ударяет, и ветры, как будто бы сомкнутым строем,
Рвутся, где дверь отворилась, и вихрем над землями веют.
На море поналегли и, что есть, с коренных оснований

85 Вместе как Эвр, так и Нот все срывают, и к бурям

привычный

Африк и клубами гонят огромные к берегу волны.
Вслед корабельщиков крик прозвучал и скрипенье веревок⁵,
Тучи нежданные вдруг исторгают и день и свод неба
Тевкров из глаз; и на море ночь черная опочивает.

¹ Следует обратить внимание на звукопись этого стиха — повторение звука «р» для выражения шума ветров. В такой звукописи Вергилий проявляет особенное мастерство. Перевод Валерия Брюсова хорошо передает подлинник (cum murmure montes circum claustra fremunt).

² У западных берегов Италии.

³ Иначе Илион, Троя.

⁴ Иначе Юпитера.

⁵ Звукопись этого стиха — повторение звука «р» для выражения грохота бури (insequitur clamorque virum stridorque rudentum) (I, 65—67).

90 Полюсы загрохотали, эфир частым пламенем блещет,
Неизбежную мужам вокруг представляет все гибель.
В то же мгновенье Энея слабеют от холода члены.
Он простонал и, обеи руки воздевая к светилам,
Голосом так вопиет он: «О трижды, четырежды счастлив,
95 Кто на глазах у отцов, под высокими стенами Трои,
Смерть удостоился встретить! О, Данаев рода храбрейший,
Тидид! ¹ И мне почему на Илиакском поле погибнуть
Не довелось, и твоя эту душу рука не исторгла?
Ярый где лег под копьём у Эакида ² Гектор, огромный
100 Где и Сарпедон ³; влачит Симоэнт под волной, унесенных
Где столько шлемов героев, щитов и тел многосильных!»
Так восклицал он, когда Аквилон порыв завывавший
Спереди парус срывает и взводень возносит к светилам;
Ломятся весла; потом он корму обращает и волнам
105 Бок подставляет; вслед грудой отвесная встала гора вод.
Те на вершине волненья висят; этим вал, разверзаясь,
Дно между волнами кажет; кипит на песках бушеванье.
Три судна Нот, ухватив, их на скалы сокрытые мечет
(Италы скалы зовут, что стоят между волн, алтарями),
110 Гребень громадный при полной воде, три с открытого моря
Гонит на отмели Эвр и на сирты (мучительно видеть),
И оттесняет на броды, и валом песка окружает.
Оный корабль, на каком были Ликий с верным Оронтом,
Прямо пред взором Энея пучина безмерная сзади
115 Бьет по корме; и снесенный, стремглав упдающий кормчий
Валится вниз головой, а судно тот же вал вокруг три раза
Крутит влача, и глотают прожорливо волнами глубины,
Изредка только пловцы появляются в бездне огромной.
Мужей оружие, доски и Трои богатства на волнах,
120 Что Илебнея вез крепкозданный корабль, что Ахата
Сильного, тот, где Абант, как и тот, где Алет престарелый ⁴,
Побеждены уже бурей: в боках ослабели скрепленья,
Влагу враждебную емлют они, расседаясь от щелей.
А между тем, что великим роптанием Понт помутился
125 И что отпущена буря, почуял Нептун, и, что с самых
Отлили бродов потоки, глубоко встревожен, и, море
Чтоб с выси вод обозреть, величавую голову вынес,
Видит Энея суда, по всему разнесенные Понту,
И сокрушаемых Тройев водой и небес разрушеньем.
130 Не утаились козни от брата и злоба Юноны;
Зефира с Эвром к себе призывает и так говорит им:
«Иль таково упование у вас на свое родословье?

¹ Сын Тидея Дномед, греческий герой, участник Троянской войны.

² Ахиллеса.

³ Союзник троян, был убит Патроком.

⁴ Имена спутников Энея.

Землю и небо уж вы без моей благосклонности, Ветры,
Смеете вместе мешать и такие вносить взгроможденья!
135 Я вас!.. Но лучше сначала смирить возмущенные волны,
После невиданной карой свершенное зло искупить вам.
Бегство ускорьте и так своему возвестите владыке:
Ведь не ему над морями господство и грозный трезубец
Выпал по жребью, но мне. Пусть хранит он огромные скалы,
140 Ваше убежище, Эвр; пусть величится в этом чертоге
Эол, и пусть в затворенной темнице он ветрами правит».
Так он сказал и, скорей, чем промолвил, смиряет он воды
Вздутые, гонит скопление туч и вновь солнце выводит.
Вместе Кимбоя ¹ с нею Тритон, налегая, с утесов
145 Острых сдвигает суда; он трезубцем их приподнимает
Сам и широкие мели вскрывает и воды спокоит.
И на колесах он легких пад глазами волн пролетает ²,
И, как то часто в стеченье народа, когда возникает
В нем возмущенье и души свирепствуют низменной черни,
150 Факелы уж и каменья летят, ярость правит оружием:
Если предстанет случайно заслугами и благочестьем
Муж знаменитый, — смолкают и слух, все стоят, напрягая:
Он же словами царит над страстями и души смягчает ³.
Так и все грохоты моря замолкли, когда, озирая
155 Воды, поехал родитель под небом открытым и, коней
Вспять повернув, бросил вожжи, в послушной лета
колеснице.

[ГИБЕЛЬ ЛАОКООНА]

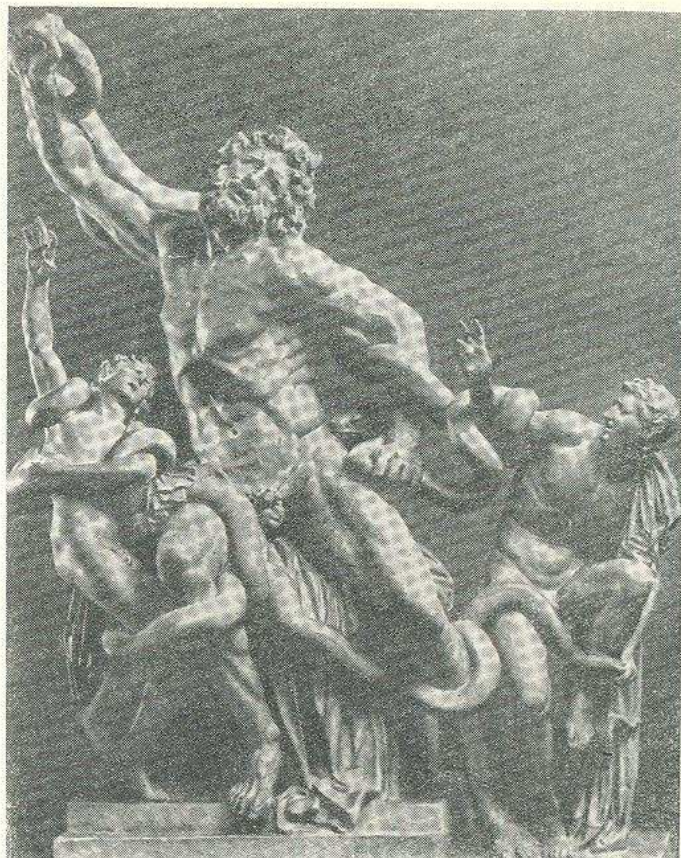
II, 13 Ослабев от войны и гонимы судьбою —
Сколько прошло уже лет — предводители войска данайцев
С гору размером коня вдохновенным искусством Паллады ⁴
Строят и ребра ему одевают тесом еловым,
Как бы в обет за счастливый возврат; слух разносится этот.
Воинов прячут туда наилучших, по жребью выбрав,
Внутренность темную сплошь и пустоты огромного чрева
20 Вооруженной толпой они заполняют украдкой.
Близ Илиона лежит Тенедос, знаменитейший остров,
Очень богатый, пока сохранялось царство Приама.
Ныне там только залив, кораблям ненадежная пристань.
Враг, удалившись туда, на пустынном укрылся побережье,

¹ Морская нимфа.

² Частое повторение звука «л» выражает плавность и спокойствие вод; ср. у Пушкина: «Ты, волна моя, волна! Ты гульлива и вольна!» («Сказка о царе Салтане»).

³ Такое сравнение, вероятно, навеяно Вергилием картинами гражданской войны, которую он пережил.

⁴ Афины.

Лаокоон. Прославленная скульптурная группа родосской школы мастеров художников Агесандра, Полидора и Атенодора. I в. до н. э. Рим. Ватикан.

Мы ж полагали, что он паруса направил к Микенам.
Тут-то вся Тевкрия¹ вдруг отрешилась от долгой печали!
Настежь ворота! Приятно пойти посмотреть на дорийский
Лагерь, пустые места увидеть и покинутый берег.
Здесь был долопов отряд, здесь Ахилла жестокого лагерь,
30 Флота стоянка вот тут, здесь обычное место сражений.
Тут цепенеет иной перед даром безбрачной Минервы,
Гибель несущим громадой коня, и первый Фимет нам
В город втащить его подал совет и в крепость поставить;
Хитрость ли это была, или Трой судьба так велела.
Капис, однако, и те, кто умом был трезвей, предлагают
Или в пучину морскую низвергнуть данайский коварный

¹ Троянская земля (по имени троянского царя Тевкра).

И подозрительный дар, или сжечь, костер разложивши,
Иль пробуравить утробу его и тайник весь обшарить.
Заколебалась толпа, раскололися мысли народа.
40 Тут впереди всех с большою толпою народа сбегает
Лаокоон¹ с крепостной вершины, гневом пылая.
Издали он уж кричит: «О несчастные! Что за безумство!
Верите вы, что уплыли враги! Да разве данайцев
Дар без коварства бывает? Таким Улисс² вам известен?
Иль в деревянном коне здесь ахейцы скрываются, или
Против нашей стены громада построена эта,
Чтоб над домами ударить, чтобы нашу крепость превысить,
Или ипой здесь обман. Нет, коню вы не верьте, троянцы!
Что там ни будь, я данайцев боюсь и дары приносящих»³.
50 Так он сказал, и копьё огромное с мощною силой
В круглое чрево коня, в его деревянные связи
Ринул. Воткнулось копьё, задрожав, содрогнулось чрево,
И зазвучало в ответ, застонало пустое пространство.
Будь на то воля богов и не будь помраченными мысли,
Он убедил бы тайник сокрушить аргалидский; стояла б
Троя дольше и ты, высокая крепость Приама...

[Стихи 57—198. Троянцы, поверив ложному рассказу пленного грека Сипона, склоняются к принятию деревянного коня в дар богине Минерве.]

199 Тут представляется чудо другое, гораздо страшнее⁴,
Нам злополучным, сердца неразумные наши смущая.
Лаокоон — он по жребию избран жрецом был Нептуна —
У алтаря заколол большого быка по обряду.
Вдруг с Тенедоса⁵ — рассказывать страшно! — по тихому
морю
Быстро скользят две змеи, извиваясь большими кругами,
И равномерно плывут, к берегам направляясь нашим.
Подняты груди у них меж волнами; налитые кровью
Гребни торчат над водой; остальное же тело морскую
Тянет волну за собой; огромны хребтов их извивы.
Пенится влага, шумит; и земли уж они достигают,
210 Кровью глаза и огнем налились и горят у обеих;
Высунув жало, они лизали свистящие пасти.
Мы без кровинки в лице разбежались. Уверенным ходом
К Лаокоону они стремятся; хватают в объятья
Змеи сначала двоих его сыновей малолетних.

¹ Троянский жрец.

² Одиссей.

³ Этот стих Вергилия стал proverbialным.

⁴ Чтобы поразить читателя, вызвать в нем различные аффекты, Вергилий искусно строит драматический рассказ о разрушении Трои таким образом, что в нем одна страшная картина сменяется другой, еще более ужасной.
⁵ Остров, ср. стихи 21—24.

Страшным укусом своим пожирая детей злополучных.
 К ним он на помощь спешит с оружием; змеи хватают
 Тут и его самого и огромными вяжут узлами.
 Дважды обвивши ему середину тела и дважды
 Шею чешуйной спиной, высоко головами вздыбились.
 220 Он то руками узлы разорвать старается (ядом
 Залиты черным повязки его и кровью гнилою),
 То испускает до самых светил ужасные крики¹.
 Раненый бык издает подобный же рев, убегаая
 От алтаря, секиру неверную с шеи страхнувши.
 Оба дракона скользят к святилищу, вверх и вползают
 В самую крепость они Тритониды², жестокой богини,
 Чтоб под ногами ее и под круглым щитом там укрыться.
 Нас, уstraшенных, это еще пугает сильнее.
 Толки идут, что вполне по заслугам за тяжкий проступок
 230 Лаокоон пострадал: копьем оскорбил он святое
 Дерево, в тело коня вонзив свой дротик преступный.
 Все восклицают, что надо вести во храм это диво
 И обратиться к богине с мольбой.
 Стену ломаем, на здания города вид открываем.
 Все за работой. К ногам коня катки привязавши,
 Тащат троянцы его, натянувши канаты на плечи,
 Ближе подходит к стенам роковая громада, со чревом,
 Воинов полным. Дети кругом и безбрачные девы
 Гимны поют, и рукой прикоснуться все рады к канатам,
 240 Двигается грозно она, в середину вступает столицы.
 Родина! Дом Илионский! Дарданские стены,
 Славные в битвах! Не раз у ворот на пороге громада
 Вдруг застревала³, не раз в утробе доспехи звенели.
 Мы ж налагаем сильнее, ослепленные страстью,
 в забвенье;
 В крепости ставим святой несчастье несущее диво⁴...

¹ Ужасная гибель Лаокоона, описанная Вергилием, нашла свое выражение в изобразительном искусстве. В Риме в 1506 г. была найдена мраморная «Группа Лаокоона» (теперь в Ватиканском музее) — шедевр эллинистического искусства, произведение художников Агесандра, Атенадора и Полидора. Эта группа вызывала восторг Винкельмана; ее подробно описывает Лессинг в трактате «Лаокоон», сравнивая изображение ваятелей с поэтическим образом Вергилия.

² Одно из названий богини Афины.

³ У древних народов считалось дурным предзнаменованием, если кто при входе спотыкался о порог.

⁴ Источником ярких картин, относящихся к разрушению Трои, служили для Вергилия не дошедшие до нас поэмы о взятии Илиона, а также вообще греческая мифологическая традиция, отраженная и в изобразительном искусстве и восходящая к древнейшим песням аэдов. Песнь о деревянном коне, например, поет Демодок на пиру у феаков («Одиссея», VIII, 500—520).

11. 505 Может быть, спросишь¹, какая судьба и Приама постигла.
 Видя, что гибнет захваченный город и рушатся всюду
 Кровли домов, и враги в середину проникли столицы,
 В тщетном усилии старец облек дрожащие плечи
 510 В свой уж давно непривычный доспех, прицепил бесполезный
 Меч и в гущу врагов устремился, готовый погибнуть².
 В самой середине двorca, под открытым небом, огромный
 Высился жертвенник, с ним по соседству лавр многолетний
 Близко вплотную стоял, и тень осеняла пенатов³.
 Вкруг алтаря с дочерьми здесь Гекуба сидела, подобно
 Стае густой голубей, застигнутых бурей жестокой,
 Изображенья богов обнимая в мольбе бесполезной.
 Видит Приама она в доспехах, лишь юным пригодных:
 «Что за ужасная мысль, о несчастный супруг, побуждает
 520 Взяться за дротик тебя? И куда ты стремишься?—сказала,—
 Помощи нет; не такой, не таких защитников вовсе
 Требуется, хотя б даже Гектор сейчас мой явился!
 Здесь приютись, возле нас! Этот жертвенник всем даст
 защиту,
 Или же с нами умрешь!» И с такими словами, привлекиши
 Старца к себе, усадила его на месте священном.
 Вдруг показался Полит — он один из детей был Приама,
 Пирровой⁴ он руки избежал; среди копий между врагами
 Портиком длинным бежит, обегает пустынную залу,
 Раненый. Дротом враждебным его преследует ярый
 530 Пирр; вот настигнет сейчас, вот жестокою пикой ударит!
 Он, ускользнув, наконец, на глазах у родителей сразу
 Пал и потоками крови истек, и с жизнью расстался.
 Тут не сдержался Приам, хоть его окружала повсюду
 Смерть, и, возвысивши голос, сказал, преисполненный гнева:
 «Пусть, — он воскликнул, — за дерзость такую, такое
 злодейство!

Ежели на небе есть забота об этом, есть совесть, —

Боги тебе воздадут достойной и должною карой!

Сына родного воочию смерть показать мне посмел ты,
 Взоры отца осквернить решился убийством кровавым.

540 Нет, ко врагу Приаму Ахилл не таков был⁵ (его ты
 Лживо отцом называешь), стыдись, он признал за молящим

¹ Эней в своем рассказе обращается к Дидоне.

² В связи с общими тенденциями своей поэмы Вергилий идеализирует доблесть и мужество даже стариков.

³ Боги домашнего очага.

⁴ Пирр, или Нептолем — сын Ахилла.

⁵ Приам вспоминает свое трогательное свидание с Ахиллом (см. «Илиада», XXIV, «Хрестоматия», т. I).

Право на милость и мне бездыханное Гектора тело
Для похорон возвратил, в мое царство дозволил вернуться!»
Так говорил и метнул без удара бессильный свой дротик
Старец; со звуком глухим отскочивши от медных доспехов,
В верхнем покрове щита копье бесполезно завязло.
Пирр отвечал: «Сообщи же отцу Пелиду об этом,
С вестью отправься к нему. Не забудь об ужасных деяньях
Выродка Неоптолема ему рассказать поподробней,
550 Ныне ж умри!» И повлек к алтарю он дрожащего старца.
В токах обильных сыновней крови скользнул тот бессильно.
Волосы левой рукою схватив, он правой вынул
Блещущий меч и вонзил ему в грудь до самой рукоятки.
Этот Приамов конец и печальную участь такую
Предуказал давно рок. Падение видел Пергама,
Трой пожар, стольких Азии стран и народов когда-то
Гордый властитель. Лежит на взморье огромный обрубок:
Сорвана с плеч голова, и осталось без имени тело.

[РАССКАЗ ЭНЕЯ О СВОЕМ БЕГСТВЕ ИЗ ПЫЛАЮЩЕЙ ТРОИ]

- 671 Вновь опоясался я мечом, уж и левую руку
В щит продевал поудобней, идти собираясь из дому,
Но у порога, обняв мои ноги, меня удержала,
Иула-младенца к отцу протянув, дорогая супруга.
«Если на гибель идешь, то и нас уведи за собою;
Если ж надежду еще на силу доспехов имеешь,
Наш этот дом защищай раньше всех. На кого оставляешь
Иула-младенца, отца и меня, с кем супружеством связан?» —
680 Так говорила она и весь дом наполняла стенаньем.
Тут (рассказывать дивно) свершилось внезапное чудо:
Вдруг на глазах у печальных родителей, меж их руками,
Пламени легкий язык на головке является Иула,
Свет разливая кругом: совершенно при этом безвредно
Мягкие волосы лижет огонь, у висков собираясь.
Затрепетали от ужаса мы и поспешно объяввший
Волосы Иула священный огонь погашаем водою.
В радости к звездам тогда поднимает Анхис, мой родитель,
Взор свой и так говорит, к небесам простирая и руки:
«Если внимаешь ты нашим мольбам, всемогущий Юпитер,
690 Раз лишь на нас воззри! Если мы благочестием стоим,
Знаменье дай нам потом, подкрепи эти все предсказания».
Чуть это старец сказал, с неожиданным грохотом тяжко
Грянуло слева¹, и, с неба упав, темноту рассекая,
Огненный шар пролетел, яркий след за собой оставляя.
Видим, как он проскользнул над самой вершиною кровли

¹ Гром слева считался благоприятным знамением.

В ясном сияньи и скрылся в лесу на высотах Идейских¹,
Путь указуя; за ним борозда еще длинную нитью
Светится; вокруг далеко разливается запах сернистый.
700 Знаком таким побежденный, руки к небу отец простирает;
Он призывает богов и светило священное молит:
«Незачем медлить; иду за вами, куда б ни пошли вы.
Боги родные, спасите наш дом, спасите и внука.
Сын, уступаю тебе, за тобою идти я согласен».
Так он сказал, а меж тем шум огня через стены яснее
Слышится, гонит пожар раскаленную бурю все ближе.
«Что же, скорее садись на меня, дорогой мой родитель.
Плечи подставляю тебе. Этот труд мне не будет тяжелым.
Чтоб ни решила судьба, одинакова будет опасность
Нам и спасенье одно. Со мною идет пусть младенец
Иул, а за нами вослед дорогая супруга поодадь.
Слуги! А вы на мои слова обратите вниманье.
Выйдя из города, холм вы найдете с покинутым древним
Храмом Цереры, вблизи же растет кипарис долговечный,
Многие годы уже благочестием предков хранимый:
К этому месту придем мы различными с вами путями,
Ты, мой родитель, возьми святыню отцовских пенатов;
Я же из недавней резни и тяжелого вышел сраженья,
720 Мне их коснуться грешно, пока не омоюсь проточною
влагой».

Так говоря, я шею себе и широкие плечи
Шкурою желтого льва покрываю поверх одеянья
И поднимаю свой груз; пристроился справа ребенок
Иул, за отцом он идет, с трудом и едва поспевая,
Следует сзади жена. Мы бредем среди полного мрака.
Только что я ничего не боялся, ни брошенных копий,
Ни неприятельских толп преграждавших дорогу мне
греков:

- Всякого ныне страшусь ветерка, всякий звук возбуждает
Трепет во мне, за груз я боюсь и за спутника вместе.
730 Мы приближались уже к воротам, весь путь, мне казалось,
Благополучно пройдя. Вдруг до слуха донесся мне словно
Шум учащенных шагов, и отец, в темноту проникая
Взором, «о сын, — восклицает, — беги; они уже близко;
Отблеск я вижу щитов и сверканье медных доспехов».
Тут от испуга как будто какою-то волею злою
Ум мой смятенный был отнят совсем. Побежав без дороги,
Верный, знакомый мне путь потерял я из виду. О горе!
Отнял ли рок у меня несчастный супругу Креузу,
Или случайно она заблудилась, устав ли присела, —
740 Мне неизвестно. Ее никогда я уж больше не видел.

¹ На горе Иде, близ Трои.

А что пропала она, я заметил не раньше, покамест
Мы добрались до холма и священного храма Цереры.
Здесь только все собрались, наконец, — лишь ее не хватало.
Так обманула она и друзей, и супруга, и сына.
Ах! Из людей, из богов кого не корил я в безумье,
Что беспощаднее я в ниспровергнутом городе видел?
Иула, Анхиса-отца и троянских пенатов вручаю
Спутникам верным своим, их сокрывши в излучине дола,
В город обратно я сам возвращаюсь в сверканье доспехов.
750 Все испытать я решил, исходить все улицы Трои,
Заново всяким себя опасностям там подвергая.
Прежде всего направляюсь к стене, к потаенным воротам,
Где мы прошли, по следам своим же обратно ступая
И темноту проглядеть стараясь внимательным взором.
Ужас повсюду царит, само молчанье пугает.
К дому затем (не вернулась ли вдруг, не окажется ль
дома)

Я пробираюсь. Весь дом захватили данайцы, ворвавшись.
До верху кровли, крутясь, поднимается жадное пламя.
Кверху растут языки, раскаленный свирепствует ветер.
760 К дому Приама потом направляюсь; тут вижу всю крепость.
Портики пусты уже, и в убежище храма Юноны
Феникс и лютый Улисс сторожили добычу: в охрану
Выбрали их. Отовсюду сюда сокровища Трои,
Что из сгоревших захвачены храмов, столы для закланья
Жертв, золотые сосуды массивные, груды одежды
Сносятся в множестве. Дети и женщины робко стояли
Длинной вокруг вереницей.
Все-таки стал подавать свой голос во мраке я смело.
Кликамы улицы я оглашал и в печали Креузу
770 Звал много раз, и опять, и опять призывал понапрасну.
Так я искал, без конца блуждая по улицам Трои.
Образ печальный тогда (то самой Креузы был призрак)
Взорам явился моим; знаком был, но только был выше.
Оцепенел я, и волосы встали, и замер мой голос.
Речью такую она от меня отгоняет тревогу:
«Милый супруг! Для чего предаешься ты скорби безумной?
Ведь не без воли богов совершается это. С собою
Не суждено увезти тебе отсюда Креузу.
Нет повеленья на то владыки Олимпа. Чужбина
780 Надолго примет тебя. Взбороздишь ты пространное море,
В землю прибудешь Гесперию¹, где посреди плодородных
Пашен людских медлительно Тибр протекает Лидийский².

¹ В Италию.

² Тибр берет начало из земли этрусков, по преданию — выходцев из мало-азийской Лидии.

Счастье и царство тебе уготованы там и супруга
Царского рода. Не лей же слез о любимой Креузе.
Нет, не увижу ведь я горделивых жилищ мирмидонцев¹
Или долопов², у греческих женщин не буду рабыней
Я, дарданка, невестка богини Венеры³.
Здесь великая мать богов⁴ меня оставляет,
В этих краях. Прощай. Будь охраной любовною сыну».
790 Так говорила она. Со слезами хотел я сказать ей
Много: она поднялась и рассеялась в воздухе легком.
Трижды пытался ее я обнять за шею руками,
Трижды из рук ускользал из объятия тщетного призрак.
Легкому ветру, летучему сну совершенно подобный.
Ночь миновала уже, когда я к друзьям возвратился...
901 Яркий вставал Люцифер⁵ на вершинах Идейских, с собою
Новый день приводя. Всюду прочно данайцы владели
Входами в город. Надежд ниоткуда не видя на помощь,
Я отступил и, поднявши отца, направился в горы.

[ЛЮБОВЬ И ГИБЕЛЬ ДИДОНЫ]⁶

IV. 1 Тяжкой меж тем уж давно уязвленная страстью царица
Рану питает свою и пламенем тайным сгорает,
Все вспоминается ей великая доблесть героя,
Блеск и величие рода его, и врезались в душу
Речи его и лицо; и страсть не дает ей покоя.
Солнечным светом уже заливала всю землю Аврора,
Влажную тень с небосвода сдвигая. Она безрассудно
С речью такую к сестре обращается, верному другу:
«Анна, сестра! что за сны меня беспокоят, пугают!
10 Этот пленительный гость, появившийся в нашем жилище, —
Видом он как величав, как он доблестен духом и телом!
Истинно верю, что он от бессмертных богов происходит.
Чуждый величия дух обличается страхом. Какою
Не был гоним он судьбой! О каких не рассказывал войнах!
Если бы я не пришла неизменно и твердо к решенью
В брачный союз не вступать ни с кем с той поры, как
любовью

¹ Племя, вождем которого был Ахиллес.

² Фессалийское племя.

³ Богиня Венера, по мифу, мать Энея.

⁴ Малоазийская «великая мать богов» Кибела.

⁵ Утренняя звезда.

⁶ Если пребывание Энея у Дидоны напоминает пребывание Одиссея у Калпосо и отчасти у Цирцеи, то самый образ Дидоны, в силу изменившихся исторических условий, вышел совершенно непохожим на гомеровский. Мастерский показ сильной страсти и психологии женщины сближает этот образ с героинями трагедий Еврипида и Метастазия (см. «Хрестоматию», т. I).

Первой обманута я была, кончиной супруга;
 Если бы брачные факелы мне ненавистны не стали, —
 Слабости этой едкой, может быть, я могла бы поддаться.
 20 Анна, признаюсь, по смерти Сихея, несчастного мужа,
 После обрызганных братом кровью пенатов¹, один он
 Чувства затронул мои и дух мой упавший он поднял.
 Прежнего пламени я, несомненно, следы различаю.
 Но да поглотит меня, раскрывшись, бездонная пропасть
 Или Перуном отец всемогущий к теням ниспровергнет,
 К бедным Эреба² теням и в глуби подземные ночи,
 Раньше чем стыд, я тебя оскорблю и закон твой нарушу.
 Тот, кто впервые меня к себе привязал, кто мои все
 Чувства унес, он пускай и хранит их с собою в могиле».
 30 Так говорила она и слезами сама заливалась.
 Анна в ответ: «О сестра, больше жизни любимая мною!
 Хочешь ли молодость провести в одиночестве грустном,
 Милых не зная детей и отрады супружеской жизни?
 Праху ль усопших и манам ли мертвых о том есть забота?
 Пусть ни один ливийский жених ни, раньше, тириец
 Душу больную твою к любви не склонил; пусть отвергнут
 Ярб³ и другие вожди, что в Африке, славой богатой,
 Вскормлены, — ты и желанной любви противиться хочешь?
 В ум не приходит тебе, в какой ты стране поселилась?
 40 Гетулов там города, на войне поражений не знавших,
 Дикие там нумидийцы вокруг и Сирт неприятный⁴,
 Область безводная здесь и свирепые вширь расселились
 Барки. А что говорить о войне, поднимаемой Тиром⁵.
 И об угрозах от брата?
 Думаю, волей богов и желаньем богини Юноны
 По ветру путь свой направили к нам корабли Илиона.
 Город каким свой увидишь, сестра! От этого брака
 Как твой возвысится трон! От союза с оружием тевкров
 Силы повысив свои, как поднимается слава пунийцев!
 50 Ты лишь богов умоляй о прощенье и, жертвы свершивши,
 Гостеприимною будь, создавай для задержки причины:
 На море бурю сейчас Орион⁶ поднимает дождливый.
 И расшатались тирийцев суда, и погода сурова».
 Этой речью она разожгла распаленную страстью
 Душу, надежду влила в сомненья, прогнавши стыдливость.
 Прежде всего во храмы идут, о милости просят,

¹ Брат Дидоны Пигмалион коварно убил у алтаря мужа Дидоны Сихея (см. «Энеиду», I, 347—351).

² Подземного царства.

³ Царь Ливии, претендент на руку Дидоны.

⁴ Отмель у северной Африки.

⁵ Город в Финикии.

⁶ Созвездие, с восходом которого связывался период дождей.

У алтарей по обычаю в жертву овец закалая —
 Право творящей Церере, Лиэю¹, родителю Фебу,
 Больше же всех богине союзов брачных, Юноне.
 60 С чашей в руке, красотой роскошной сияя, Дидона
 Между рогов белоснежной телицы творит возлиянье
 Или обходит вокруг алтарей, лоснящихся жиром.
 Жертвам весь день отдает, смотрит в груди закланных
 животных,
 Жадно предвестий ища у дымящихся легких и сердца.
 Ты, о пророков несведущий ум! Чем помогут безумной
 Храмы, обеты? Любовный огонь пожирает ей сердце
 Тою порой, и болит в груди молчаливая рана,
 Пламя несчастную жжет Дидону; по городу всюду
 Бродит безумно она, словно лань, пораженная дротом:
 70 Издали в Критских лесах за нею, не ждавшей несчастья,
 Гнался пастух, поразил и летучую сталь в ней оставил,
 Сам не заметив того; по лесам и ущельям диктейским²
 Мчится она, а древко смертельное в теле застряло.
 То она водит с собой Энея по городу всюду,
 Кажет богатства ему сидонские, город готовый.
 Чуть лишь начнет говорить — и смолкает, не кончивши речи.
 То с угасанием дня новый пир велит приготовить.
 Чтобы в безумии вновь внимать богам илионским,
 Взора опять не сводя с лица говорящего гостя.
 80 После ж, когда все уйдут, и луна в свою очередь также
 Станет бледнеть, и ко сну, заходя, призывают светила,
 В доме тоскует пустынным одна на покинутом ложе,
 Только его — хоть и нет его здесь — и видит и слышит
 Или, плененная видом отца, Аскания держит;
 Страсть несказанную ей обмануть не удастся ли этим!
 Башни начатые вверх не растут; молодежь о доспехах
 Позабывает, и порт, оборонные сооруженья
 Брошены; прерваны все работы, и грозные стены
 В их высоте поднебесной стоят неподвижной громадой...

[Стихи 89—128. Богиня Юнона желает задержать Энея в Африке. Она предлагает матери Энея Венере прекратить взаимную вражду Карфагена и Италии, соединив браком Энея и Дидону. Венера соглашается. Юнона излагает план осуществления этого брака.]

129 Тою порою поднялась, Океан оставляя Аврора.
 Чуть рассвело, из ворот молодежь отборная вышла,
 Сети, тенета с собою несут и охотничьи копы,
 Скачут массильские всадники, чуткие своры собачьи.
 Медлит царица в дому; у порога ее ожидают

¹ Культовое прозвище Вакха.

² Критским, от горы Дикта на Крите.

Главы пунийцев. Стоит, изукрашенный в золото, пурпур,
 Яростный конь и грызет удила, покрытые пеной.
 Вот, наконец, и она выходит с великою свитой,
 Плащ свой сидонский надев с расписною богатой каймою.
 С ней колчан золотой, на косе золотая повязка,
 Платья пурпурного край закреплен золотою застежкой.
 Тут же и радостный Иул выступает с фригийскою свитой.
 140 Перед другими Эней, красотой всех превышая,
 С ними идет и свою смыкает с пунийцами свиту.
 Как Аполлон покидает зимой течение Ксанфа
 В Ликий, чтобы, материнский Делос посетив, хороводы
 Возобновить там, и вокруг алтарей критяне, дрионы
 И расписавшие тело свое агафирсы ликуют;
 Сам же по кинфским хребтам он шествует, зеленью нежной
 Кудри украсив свои и прикрыв золотой диадемой;
 Стрелы гремят у него на плечах; не менее бодро
 150 Шел и Эней, и сияло лицо его дивной красой.
 К горным высотам они пришли и в дебри лесные;
 Бросившись с верху скалы, побежали тут дикие козы
 Вниз по горам, а с другой стороны по открытому полю
 Стадо за стадом несутся олени в стремительном беге,
 Пыли подняв облака и гористую местность покинув.
 Мальчик Асканий меж тем, конем восторгаясь горячим,
 Мчится долиной, то тех, то других позади оставляя;
 Меж боязливых зверей кабана, покрытого пеной,
 Жаждет он встретить и желтого льва, сошедшего с высей.
 160 На небе тою порой начинается грохот великий,
 Следом и ливень за ним надвигается, смешанный с градом,
 Тут и тирийский¹ отряд, и троянские юноши вместе
 С внуком Венеры дарданским бегут кто куда по равнине
 В страхе укрытий искать; а с гор потоки несутся.
 Вместе с Дидоной и вождь троянский в ту же пещеру
 Входит. Тут первой Земля² и пособница в браках Юнона
 Знак подают. Сверкнули огни, и эфир как свидетель
 Брака, и нимфы с высот испустили дикие вопли.
 170 День этот сделался первой причиною смерти и бедствий,
 Так как ни внешность уже, ни молва не смущают Дидону,
 О потаенной любви она уж не думает больше.
 Браком зовет: этим словом она вину покрывает.
 Тотчас несется Молва по градам великим ливийским.
 Зло никакое с Молвой в быстроте не сравнится полета.
 Крепнет в движенье она, на ходу набирается силы.
 В робости раньше мала, до небес поднимается скоро,
 Шествует по земле, скрывает голову в тучах.

¹ Карфагенский; Карфаген был основан выходцами из Тира.
² Земля, как и Юнона, — покровительница брака.

Голова Венеры (школа Праксителя).
 Мрамор. Рим. III в. до н. э.

Мать-земля родила ее, на богов прогневившись,
 180 Младшею, как говорят, сестрой Энгеладу и Кею¹,
 Быстрою как на ногах, так и крыльях проворных, огромным
 Чудовищем, страшным для всех. У нее сколько перьев на теле,
 Столько под ними бдительных глаз (рассказывать дивно!),
 Сколько звучит языков, столько ртов и ушей наостренных.
 Ночью летает она в темноте меж землею и небом
 С скрежетом резким и глаз не смыкает сладкой дремотой,
 Днем верным стражем она сидит на вершине ли кровли
 Или на башнях высоких, великие грады пугая.
 Вестница вымысла, ложь наравне она с правдою любит.
 Так и тогда разным слухом народ она насыщала,
 190 С равною радостью был с небылицею всем провещала:
 Прибыл Эней, от крови троянской он происходит;
 С ним, как с мужем, сойтись прекрасной Дидоне угодно;
 В неге они эту зиму сейчас и давно уж проводят,
 Царства не помня свои, охвачены страстью постыдной...

[Стихи 195—521. Боги через Меркурия напоминают увлечемому Энею о конечной цели его странствований. Эней после объяснения с Дидоной порывает с ней и решает пуститься в море. Покинутая царица в отчаянии.]

Ночь наступила. Животный весь мир утомленный
 спокойным

¹ Гиганты, пытавшиеся взобраться на небо.

Сном на земле наслаждался; леса и грозное море
Спали. В середине пути уже катятся звезды, склоняясь,
Все умолкают поля, и звери и пестрые птицы,
Все, что в прозрачно-текучих водах и на холмах колючих
таится,

Сну предается в тот час под покровом ночи безмолвной.
Только несчастная лишь финикийка¹ ни на мгновение
530 Не засыпает; очами и сердцем ночного покоя
Не принимает. Заботы двоятся, и, вновь воскресая,
Буйствует страсть и волнами великого катится гнева.
Вот что решила она и так про себя рассуждает:
«Что ж это делаю я? И осмеянной мне ль обращаться
К прежним опять женихам и молить о браке Номадов²,
Им в сватовстве столько раз отказав? Иль за флотом

троянским
Надо последовать мне и во всем покорствоваться тевкрам?
Не потому ль, что моя им помощь прежняя в пользу
И благодарность они сохраняют за прошлое прочно?
540 Пусть это так: но кто же меня, ненавистную, примет
На горделивых судах? Злополучная ты! Ах, еще ли
Лаомедонтова рода³ с его вероломством не знаешь?
Что же потом? Мне одной провожать моряков

в торжестве их,
Иль, окружившись толпой тирийцев моих, устремиться
В путь и, кого я с трудом увезла из столицы сидонской⁴,
В море обратно увлечь, приказав паруса распустишь им?
Нет, по заслугам умри и мечом устрани все мученья!
Тронувшись плачем моим, сестра, на меня эти муки
Первая ты навлекла, безумную недругу выдав.
550 Брака не зная, как зверь, не смогла-таки я без порока
Жизнь свою провести и избежать подобных мучений,
Не сохранила обещанной верности праху Сихей!»
Стоны такие рвались у нее, несчастной, из сердца.
На корабельной высокой корме Эней в это время
Спал, уж решив свой отъезд. Все как следует было готово,
Вновь тут явился ему во сне божественный образ,
Чудилось, с тем же лицом и веленьями теми же снова,
Сходный во всем с Меркурием — голосом, видом цветущим,
Русым цветом волос, красотой юною тела.

560 «О сын богини! Как можешь ты спать в подобной тревоге?
Разве не видишь, безумец, какие опасности всюду
Вас окружают? Не слышишь дыханья зефиров попутных?

¹ Дидона.

² Другое название нумидийцев, жителей северной Африки.

³ Потомков Лаомедонта (строителя Трои) — троянцев.

⁴ Дидона прибыла в Африку из Тира, основанного жителями Сидона.

Хитрость, жестокое зло в душе замышляет царица,
На смерть решившись и гнева прилив в себе разъяряет.
Как не бежишь ты стремглав, пока еще бегство возможно?
Скоро увидишь, как море взволнует суда, засверкают
Факелы злые, кругом берега запыхают огнями,
Если на этой земле тебя застанет Аврора.
Брось же медлительность! Непостоянна, изменчива вечно
Женщина!» Так он сказал и с темной ночью смешался.
Тут встрепенулся Эней. Внезапным испуганным мраком,
Сразу встает ото сна и своих он товарищей будит.
«Встаньте, проснитесь, друзья, поскорей! На скамейки
садитесь

И паруса распускайте! Ниспослан с высокого неба,
Бог нам ускорить отъезд, разрубив витые канаты,
Вот уж вторично велит. Повинуемся, кто бы ты ни был,
Образ священный, и с радостью волю твою исполняем!
Милость и помощь свою нам яви и предвестий счастливых
580 С неба пошли!» И при этих словах из ножен извлекает
Молниеносный он меч и бьет острием по канатам.
Этот же пыл и у всех: бросаются, рвутся уехать.
Берег покинули; все кораблями море покрылось;
Пену, напрягшись, мутят и морскую лазурь загребают.
Вот, оставляя шафранное ложе Тифона, Аврора
Светом нового дня заливать начала уже землю.
Тут, рассмотрев из окон, что рассвет белеется ранний
И, подравняв паруса, удаляется флот, увидевши
Берег и порт без гребцов, поражает своею рукою
Трижды, четырежды дивную грудь царица: терзая
590 Русые волосы, так говорит: «О, Юпитер! Неужто
Этот пришелец уйдет и над царством моим насмеется?
Что же, доспехи надев, не бегут всем народом в погоню?
Как не сорвут кораблей со стоянок? Идите, несите
Пламя скорей! Дайте стрелы сюда! Налегайте на весла!
Что говорю я? Где я? Какое безумство, Дидона!
Или теперь лишь тебя задевает безбожный поступок?
Царство давая ему, подумать надо об этом!
Честен как тот, кто родных везет с собою пенатов!
Верен как тот, кто отцу престарелому плечи подставил!
600 Я ль не могла разорвать его тело, похитив, и в волны
Выкрошить! Иль спутников, даже Аскания, раньше зарезав
Сталью, отцу предложить на пиру в угощение! Правда,
Битвы, конечно, исход был сомнителен. Пусть: но кого же,
На смерть идя, мне бояться? Внесла бы я факелы в лагерь,
Пламенем палубы их наполнила, сына с отцом я,
С родом их всех истребив, сама бы бросилась сверху!
Солнце! Земные дела ты все освещаешь огнями.
Знаешь, Юнона, и ты мои муки и мне помогаешь.

Ты, что ночами вопишь в городах на распутьях, Геката!
 610 Фурии, страшные местью, Элиссы¹ гибнущей боги!
 Бедам внимайте моим! По заслугам отмстите злодеям!
 Наши услышьте мольбы! Если в гавань войти неизбежно
 И до твердой земли суждено доплыть нечестивцу,
 Если Юпитеров рок так велит, то предел положите
 Здесь! Пусть разбитый в бою со смелым народом и изгнан
 Прочь из пределов страны, из объятий исторгнут Иула —
 Молит о помощи! Пусть лишенную чести увидит
 Спутников смерть! И подав под законы неравного мира,
 Пусть ни престолом, ни жизнью желанною не насладится,
 Но раньше срока падет и в земле не найдет погребенья!
 620 Вот моя просьба. Последнюю речь изливаю я с кровью!
 Вы же, тирийцы, самый их корень, и будущий род весь
 Их ненавидьте, такой воздайте нашему праху
 Дар: да не будет любви и союза у этих народов!
 Мститель из наших костей восстанет некий могучий²,
 Будет огнем и мечом он гнать поселенцев дарданских
 Ныне и после, всегда, когда силы со временем будут.
 Пусть, я молю, берега с берегами враждуют, с волнами
 Волны, с мечами мечи, пусть сами воюют и внуки!»
 630 Так говорила, растерянно мыслью бросаясь повсюду
 И ненавистную жизнь оборвать поскорее желая.
 Кратко сказала потом Сихея кормилице Барке —
 Няню ж ее покрывал прах черный на родине прежней:
 «Анну сестру позови, моя милая няня, сюда мне.
 Пусть поскорее себя окропит речною водою,
 Да и придет, с собой приведя жертвы животных.
 Голову ты и сама покрой священной повязкой.
 Жертву, что собрана мной по обряду подземному богу,
 640 Хочется мне совершить, конец положить беспокойству
 И предоставить огню костер властелина дарданцев».
 Так говорила. Та в старческом рвении шаг ускоряла.
 Но трепеща, одичав от замыслов страшных, Дидона
 Кровью налитый взгляд обращала кругом, со щеками
 В пятнах, дрожа, побледнев в предчувствии смерти
 650 К ложу припала потом с последнею речью: «Покровы

¹ Дидоны.

² Разумеется карфагенский полководец Ганнибал, одержавший победы над римлянами во второй Пунической войне.

Милые мне до тех пор, пока бог и судьба позволяли:
 Душу примите мою и меня от страданий избавьте.
 Жизнь прожила я и данный Фортуною путь совершила.
 Ныне мой облик уйдет в подземное царство великим.
 Мстя за супруга, на брата-врага наложила я кару,
 Славный поставила город, мой видала я стены.
 Счастлива, ах, чрезмерно была б я счастлива, если б
 Нашей земли никогда корабли не касались дарданцев!»
 К ложу прикинув лицом: «Умрем без отмщенья, —
 сказала, —

660 Все же умрем! Да, вот так к теням удалиться отраднo.
 Пусть же вперяет глаза в мой огонь жестокий дарданец
 С моря, с собой унося кончины знаменье нашей!»
 Так говорила. Среди ее слов — тут видят служанки —
 Падает под острием. Меч пеной кровавой покрылся,
 Руки забрызганы. Крик идет по высоким чертогам.
 Бешено мчится Молва по всей потрясенной столице,
 Плач и рыдания везде; дома полны причитаний
 Женских, и отзвук дает от стона великого воздyх.
 Словно, ворвавшись, враги предают разрушению древний
 670 Тир и весь Карфаген, и бешеным пламя потоком
 Льется по кровлям домов людских и божеских храмов.

[ЭНЕИ В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ]

[Прибыв в Италию, Эней высаживается около города Кум и в храме Аполлона встречается с жрицей, пророчицей Сивиллой, которая раскрывает ему его судьбу (1—97). Эней просит у Сивиллы свидания в подземном царстве с тенью своего отца Анхиса. Сивилла указывает ему способ спуститься в преисподнюю (98—155). Эней добывает указанную Сивиллой священную «золотую ветвь», без которой нельзя проникнуть в преисподнюю, и устраивает торжественные похороны потонувшего в море своего спутника героя Мисена (156—235).]

236 Сделавши это, спешит повеленья Сивиллы исполнить.
 Грот был высокий в камнях, с огромным зевом широким,
 Озером черным и тьмой сокрытый мрачного леса.
 Сверху над ним не могли безнаказно даже и птицы
 240 Крылья свои распускать: из черневших отверстий такие
 Шли испарения вверх, поднимаясь к небесному своду
 (Эти места оттого назывались у греков Аорнон¹).
 Жрица сперва четырех телят для жертвы приводит
 С черной спиной и головы им вином окропляет,

¹ Спуск в преисподнюю локализовался около Авернского озера, так как его вода испускала такие испарения, что даже птицы не могли над ним летать. Отсюда греческое название Аорнон — недоступное для птиц.

Между рогами у них остригает кончики шерсти
 И на священный огонь их кладет приношением первым,
 Кликами кличет Гекату, богиню Эреба и неба.
 Слуги ножи подставляют и теплую кровь собирают
 В чаши. Черной шерсти овцу Эней самолично
 250 Матери фурий¹ с великой сестрою² мечом закаляет,
 А Прозерпине телицу бесплодную в жертву приносит.
 Жертву ночную потом свершает властителю Стикса³,
 Мясо целых быков на огонь возлагает и сверху
 Льет на горящее сердце и легкие жирное масло.
 С первым лучом восходящего солнца у них под ногами
 Стала гудеть земля, и задвигались горы с лесами.
 Чудилось, псы в темноте завывали; богиня Геката
 Вход открывает. Взывает пророчица: «Дальше, о, дальше,
 Непосвященные. Рошу святую очистите все!»
 260 Ты же входи, извлеки из ножен свой меч! В это время
 Мужество нужно тебе, Эней, и крепкое сердце!
 Тут иступленно она устремилась к открытой пещере,
 Следом за нею Эней таким же бестрепетным шагом...
 268 Скрытые полною тьмой, они шли одиноко сквозь тени,
 Через пустые чертоги и Дита⁴ подземное царство.
 270 Путь таков по лесам при неверном мерцании лунном,
 Если Юпитер сокроет во тьму небеса, и окраску
 Черная ночь у предметов земных совершенно отнимет.
 Возле верховья, пропасти Орка⁵ у самого входа,
 Расположились Печаль и Заботы, грызущие сердце,
 Бледные там угнездились Недуги, унылая Старость,
 Ужас и Голод, на зло наводящий, и гнусная Бедность,
 Призраки, страшные видом своим — и Смерть и Страданье,
 Единокрозный со Смертию Сон и Злорадство за ними,
 Возле порога Война, несущая смерть и убийство,
 Дальше железный чертог Евменид и Раздор иступленный,
 Волос змеинный себе обязавший кровавой повязкой,
 А посредине стоит, многолетние ветви простерши,
 Темный огромнейший вяз. Говорят, здесь под каждым
 листочком
 Выбрали место себе пустые и праздные Грезы,
 Множество, кроме того, различных диких чудовищ
 Возле дверей пребывают: кентавры⁶, двуликие Скиллы,
 О ста руках Бриарей и ужасно шипящая гидра,

¹ Земле.

² Ночью.

³ Богу преисподней — Плутону.

⁴ Название Плутона.

⁵ Название преисподней.

⁶ Кони с туловищем и лицом человека.

Лерны¹ Химера, огнями снабженная, тут же горгоны²,
 Гарпий³ и Герион, трехтелесный призрак ужасный.
 290 Выхватил меч свой Эней, охваченный страхом внезапным,
 И обнаженную сталь направляет на всех подходящих.
 Если бы не указала ему премудрая жрица,
 Что в оболочке пустой бестелесные призраки бродят,
 Бросился б он и мечом поражать стал бы тени напрасно.
 Здесь-то дорога в Тартар идет к водам Ахеронта,
 Мутный от грязи поток бушует огромной пучиной;
 Ил увлекая с собой, в Коцит⁴ он его извергает.
 Это течение реки охраняет ужасный паромщик,
 Страшный от грязи Харон; сединою его подбородок
 300 Густо лохматой оброс; глаза его дико сверкают,
 Свесился с плеч его плащ, узлом завязанный, грязный,
 Свой подгоняет он челн шестом и, поставивши парус,
 Мертвых везет на ладье темно-ржавого цвета; он очень
 Стар, но бодр и юна даже старость бессмертного бога.
 К этому берегу все устремлялись огромной толпой
 Мертвые: жены, мужья и великие духом герои,
 Жизнь, скончавши свою, незамужние девы и дети,
 Юноши их на глазах у отцов на костры возложили.
 Столько осенней порой в лесах, при первом морозе,
 310 Падает листьев с деревьев иль на сушу с глубокого моря
 Птиц слетается: их холодные месяцы года
 Гонят над глубиной морской в лучезарные южные страны.
 Каждый стоя молил его переправить скорее,
 Руки простерши в тоске по далекому берегу. Впрочем,
 Мрачный паромщик то тех, то других на ладью принимает,
 Всех же иных далеко от песчаного гонит побережья.
 Тут удивленный Эней, встревоженный шумом — «О, дева,
 Что за толпа, — говорит, — собралась у реки? Что ей нужно?
 Мертвые просят о чем? Почему одни остаются
 320 На берегу, а другие гребут через темные воды?»
 Кратко сказала ему в ответ долговечная жрица⁵:
 «О сын Анхиса, богов самый подлинный отпрыск!

Ты видишь

Стогны стигийские здесь и глубокие топи Коцита,
 Страшно даже богам ими клясться и клятву нарушить.

¹ Озеро и местность в Арголиде (Пелопоннес); обитавшую там гидру убил Геракл.

² Чудовище со змеями вместо волос, своим взором обращавшее всех в камень.

³ Чудовищные птицы с девичьими лицами.

⁴ Река слез в преисподней.

⁵ Вдохновленный Вергилием, Данте, как известно, делает в «Божественной комедии» самого Вергилия своим проводником по аду и чистилищу; у Данте Вергилий играет роль Сивиллы.

Жалкая эта толпа мертвецов лишена погребенья.
 Возчик — Харон; через волны везет он одних погребенных.
 Запрещена персправа через эти шумящие волны
 На берег страшный, пока не покоятся кости в могиле.
 Сто лет блуждают они и по этому реют побережью;
 330 Только тогда, наконец, их к водам допускают желанным.
 Остановился тогда и шаги удержал сын Анхиса,
 Думой объятый в душе, о неравной судьбе сожалея.
 Видит печальных он там, посмертной чести лишенных,
 Левкаспида с вождем ликийского флота Оронтом:
 Австр их волной потопил с кораблем и другими пловцами...

[Стихи 337—416. Эней видит тень кормчего Палинура, который рассказывает ему о своей гибели. Харон, получив «золотую ветвь», перевозит Энея и Сивиллу.]

417 ...Пастями лая трема, оглашает Цербер огромный
 Области эти; лежит в пещере напротив он, лютый.
 Видя, что змеи на шеях его уж становятся дыбом,
 Жрица бросает кусок из волшебных растений снотворных
 С медом. Три глотки раскрыв, свирепый от голода Цербер
 Быстро хватает еду, расправляет огромную спину
 И припадает к земле, во всю ширь распростершись в пещере.
 Видя, что сторож заснул, вход Эней занимает и быстро
 Входит на берег вод, никому не дающих возврата.
 Тотчас же он услышал голоса детей малолетних,
 Душ их пронзительный плач у самого входа; лишая
 Сладостной жизни, унес, оторвав от груди материнской,
 Черный их день и до времени бросил в могилу. А рядом
 430 С ними находятся здесь без вины присужденные к казни.
 Не без суда им, однако ж, даровано это жилище,
 Главный судья Минос, сотрясающий урну, сзывает
 Суд из покойных; всю жизнь и деяния их разбирает.
 Дальше печальные тени живут: не свершив преступленья,
 Сами себя умертвили они и, свет ненавидя,
 С жизнью расстались. О, как им хотелось бы в вышнем

эфире

Ныне и бедность сносить и суровым трудам подвергаться!
 Воли богов нет на то; их болото противное держит
 Неумолимо, и Стикс, девять раз окруживший потоком,
 440 Близко оттуда лежит, во все стороны вдаль протянувшись.
 Край «печальных полей» — им такое присвоено имя.
 Здесь кого злая любовь извела жестокою язвой,
 Тайные держат тропы; их густой отовсюду скрывает
 Миртовый¹ лес; но с тоской в самой смерти они неразлучны.

¹ Мирт — дерево, посвященное Венере.

Федру, Прокриду¹ здесь видит Эней, Эрифилу: в печали
 Раны всем кажет она, нанесенные сыном жестоким².
 Здесь же Эванда и с ней Пасифая и Лаодамия³;
 Здесь и Кеней, был он юноша раньше, стал женщиной ныне,
 В первоначальный свой вид обращен он обратно судьбою⁴.
 450 С ними в обширном лесу финикиянка также Дидона,
 Свежую раной терзаясь, блуждала; едва очутился
 Подле нее троянский герой и сквозь темную дымку
 Еле узнал — при начале так месяца видишь серп мутный,
 Иль сдается, что видишь его через облачный сумрак, —
 Слезы тут он пролил и с нежной любовью сказал ей:
 «Верная, стало быть, весть пришла ко мне, о Дидона
 Бедная, что ты сама мечом себя умертвила?
 Я был причиной смерти твоей! Так клянусь же звездами
 И божествами небес и богами подземного царства,
 460 Что против воли твои берега я покинул, царица!
 Нет, повеленье богов (и оно же меня принуждает
 Царство тоней обойти среди терний во мраке глубоком)
 Властно меня повело; да к тому же не мог я поверить,
 Что мой отъезд причинит тебе столько страданья.
 Остановись и от взоров моих не скрывайся! Кого ты
 Так избегаешь? С тобой мне уже не беседовать больше!»
 Гневом пылавшую тень и бросавшую дикие взоры
 Так пытался Эней смягчить, заливаясь слезами.
 В землю свой взор устремила она, отвернувшись; не больше
 470 Чувства ее показало лицо от речи Энея,
 Чем если б жестокий то был кремень или мрамор
 марпесский⁵.
 Вот встрепенулась она, наконец, и, враждебная, скрылась
 В рощу тенистую, где супруг ее прежний заботой
 Ей отвечает, Сихей, и любовью равняется с нею.
 Долго, однако, Эней, потрясенный тяжелою встречей,
 Взором ее провожает в слезах, сожаления полон...

[Стихи 477—534. Эней встречает тени героев; сын Приама Дейфоб рассказывает ему о своей гибели.]

¹ Жена фокейского царя Кефала, по мифу, кончила самоубийством из ревности (см. Овидий, Метаморфозы, VII, 690, 862).

² Эрифила, прельщенная подарком и любовью Полиника, воевавшего против Фив, открыла ему убежище своего мужа Амфиарая; за это она была убита своим сыном.

³ Ряд других жертв несчастной любви.

⁴ Кеней при жизни был сначала девушкой Кенидой. По милости Нептуна она была обращена в юношу, недоступного для ран. Тогда кентавры, с которыми боролся Кеней, завалили его деревьями. Но Кеней был обращен в птицу (см. Овидий, Метаморфозы, XII, 171—207; 459—531).

⁵ С горы Марпеса на острове Паросе.

Той порой середины небес достигла Аврора.
Может быть, данный им срок провели бы они в разговорах.
Если бы спутница им не напомнила кратко Сивилла:
«Ночь наступает, Эней, мы же в плаче здесь время проводим.

540 Вот это место как раз, где дорога расходится на две,
Вправо ведет ко дворцу великого бога Плутона,
Здесь нам в Элисиум путь; а налево — идущая в Тартар,
Где наказание свое нечестивцы несут и злодеи». Дейфоб в ответ: «Не сердись, великая жрица Сивилла.
Я возвращаюсь назад к теням в темноту. Ты же шествуй,
Слава наша и честь, и лучшую участь изведай». Так он сказал и при этих словах повернулся обратно.
Тут оглянувшись Эней и внезапно под скалами слева
550 Видит обширный дворец, окруженный тройною стеною.
Быстрый струится поток, окружая все пламенем шумным.
Тартара это река, Флегетон, с громом камни катящий.
Прямо — огромная дверь, из стали массивной колонны;
Их ни силе людской, ни самим небожителям даже
Не сокрушить; поднимается вверх железная башня.
Там Тисифона¹ сидит в окровавленной палле бессонно.
Денно и ночью она охраняет преддверие Орка.
Стоны оттуда слышны и звуки жестоких ударов,
Лязг железа и скрип и цепей волочащихся грохот.
Остановился Эней, перепуганный скрежетом страшным:
560 «Что за преступники здесь? О дева, скажи! И какую
Карой терзаются? Что за стон поднимается кверху?»
Жрица сказала в ответ: «О вождь прославленный Тевкров!
Чистый не может никто вступить в жилище преступных,
Но, приставляя меня к Авернским рощам, Геката
Все мне сказала, когда провела по божеским карам.
Критский царь Радамант² это держит жестокое царство,
Хитрости все раскрывает, к признанию в грехах всех

приводит
Тех, кто при жизни, напрасно ликуя, что скрылся от кары,
От злодеяний своих отложил очищение до смерти.
570 Тотчас карающий бич берет Тисифона, злодеев
Бьет, издеваясь, и левой рукой простирая свирепых
Змей, призывает на них сестер ополчение суровых.
Только тогда, наконец, распахнутся проклятые двери,
Страшно скрипя на крюках. Посмотри, кто на страже
в преддверье.
Что за чудовище вход сторожит в подземное царство.
Злей Тисифоны, свои пятьдесят чернеющих пастей,

¹ Одна из фурий, мстящая за убийство.

² Брат Миноса, судья в подземном царстве.

Лютая гидра, раскрыв, таится внутри. Самый Тартар
В пропасть уходит, вдвойне простираясь в подземное царство,
Чем воздушный Олимп поднимается к небу вершиной.
580 Древнее племя Земли, поколение Титанов, ударом
Молнии свергнуты, здесь в самом дне пребывают...»

[Стихи 582—636. Сивилла описывает Энеем различных преступников и злодеев, несущих наказания. Наконец они подходят к Элисиуму, жилищу блаженных.]

637 Выполнив все и свершив приношение богине подземной,
К радостным вышла местам, наконец, и роскошным лужайкам,
К рощам счастливых теней и блаженным жилищам умерших,
640 Чище здесь воздух полей и пурпурным блистающим светом
Их наполняет, тут солнце свое и свои тут светила.
Часть упражняется здесь на покрытых травой площадках.
Заняты играми или борьбой на песчаной арене;
Часть хороводы ведут и при этом стихи произносят,
Тут же фракийский певец¹ в одеянии длинном играет
В такт им на лире своей семиструнной: то пальцами струны
Он заставляет дрожать, то плектром из кости слоновой.
Здесь поколение древнее Тевкров, прекрасное племя,
Мощные духом герои, рожденные в лучшие годы,
650 Или Ассарак и Дардан, основавший некогда Трою.
Издали призракам их колесниц и доспехов дивится.
В землю воткнуты стоят их копыта и по полю всюду
Кони пасутся. Любовь к колесницам, доспехам, какую
Знали при жизни они, о конях прекрасных забота
И под землю у них осталась совершенно такая ж.
Справа и слева еще и других замечает: пируют
Здесь на лужайках они и победную песнь запевают
В роще из лавров душистых, откуда поток Эридона
Полный водою, течет через лес, устремляясь кверху.
660 Здесь пребывают в бою за отчизну познавшие рану,
Чистые духом жрецы в течение жизни минувшей,
Праведники и пророки, творцы, достойные Феба,
Здесь возвышавшие жизнь изобретением, знаньем,
искусством,

Те, кто оставил другим о заслугах высокую память:
Головы все здесь они белоснежной венчают повязкой...

[Стихи 666—678. Сивилла находит Анхиса.]

679 Сам же родитель Анхис, укрывшись в железной долине,
Души сокрытые там наблюдал усердно, которым

¹ Орфей.

Выйти на вышний свет предстоит¹, и считал уже в мысли
Целый ряд дорогих потомков, предвидя судьбу их;
Счастье и доблесть героев и подвиги внуков грядущих.
Тут, увидав, что к нему Эней по зеленому лугу
Близится, руки вперед простирает он бодро и живо.
Хлынули слезы из глаз, и такое он слово промолвил:
«Вот, наконец, ты пришел! Любовь сыновняя все же
Трудность пути победила! Тебя суждено мне увидеть,
Сын, услышать знакомый твой голос и словом ответить!»
Правда, и сам я питал надежду на это, до встречи
Дни я считал и своим предчувствием не был обманут.
Сколько объехал ты стран! По каким морям не скитался!
Скольким опасностям, сын, подвергался, пришлось мне
услышать!

Как я боялся вреда для тебя от ливийского царства!»
Он же отвечает: «Твой, о родитель, твой образ

Часто вставал предо мной. Он привел меня к этим пределам.
Флот на Тирренском море стоит. О, дай же мне руку,
Дай, мой отец, перестань от объятий моих уклоняться».
Так говоря, слезами лицо орошал он обильно.
Трижды пытался его обнять он за шею руками.
Трижды призрак из рук ускользал, обнимающих тщетно,
Легкому ветру, летучему сну совершенно подобный.
Тою порою Эней в отдаленной видит долине
Скрытую рощу, в лесу шумящий кустарник и реку
Лету; мимо жилища покоя она протекала.
И без числа вокруг него племена и народы летали.
Так на лугах часто пчелы сидят на цветах разнопестрых
В летний безоблачный день и вокруг белоснежных
грудятся

Лилий, повсюду гудит от их жужжания поле.
Это увидевши вдруг, обомлел и спросил о причинах
В недоуменье Эней, как зовутся те дальние реки
И что за люди такою толпой берега заполняют.
Молвит на это Анхис: «То души, которым судьбою
Вновь придадутся другие тела, из реки те Летейской
Влагу беспечности пьют, обретая забвенье надолго.
Я уж давно про них рассказать питаю желанье
И показать их тебе и своих перечислить потомков,
Чтобы, найдя Италию, мог ликовать ты со мною».
«Разве, отец, иные из душ отсюда уходят

¹ Вергилий, влагая в уста Анхиса пророчество о потомках Энея, исходит из учения о переселении душ. Души умерших после очищения снова вселяются в тела других людей (ср. стихи 714, 724—751). Такое представление находится в противоречии с традиционным представлением о Тартаре и Элизиуме, развиваемом в начале описания подземного царства.

720 На небо вверх и опять возвращаются в косное тело?
Что у несчастных за страсть так тянуться к жизни и
свету?» —
«Я расскажу тебе, сын, и в сомненье тебя не оставлю», —
С этим ответом Анхис обо всем говорит по порядку...

[Анхис объясняет Энею учение об очищении и переселении душ, затем показывает всех его потомков, и особенно императора Августа.]

v1. 791 Вот муж, вот тот, кого часто тебе обещали по слухам,
Август-Цезарь, потомок божественный; он золотые
Снова века воссоздаст в том Лации¹, правил когда-то
Где над полями Сатурн²; и кто к Гарамантам и к Индам
795 Власть донесет: лежит та земля вне пределов созвездий.
Вне года — солнца путей, Атлант³ где, небодержащий,
Ось на плече обращает, что яркими звездами блещет.
Перед приходом его⁴ уж ныне и Каспия царства,
По прорицанью богов, страшатся, Меотии⁵ область
800 И семиструйного смутны устья дрожащие Нила.

[Далее Вергилий устами Анхиса так определяет назначение Рима, в отличие от греков.]

v1. 847 Одушевленную медь пусть куют другие нежнее,
Также из мрамора пусть живые лики выводят,
Тяжбы лучше ведут, а также неба движенья
850 Тростию лучше чертят и восход светил возвещают⁶.
Ты же народами править, о Римлянин, властью помни —
Вот искусства твои — утверждать обычаи мира;
Покоренных шадить и сражать непокорных.

[ИЗ КАРТИН НА ЩИТЕ ЭНЕЯ]

[Прославление императора Августа.]

viii. 675 Можно было узреть в середине обитые медью
Флоты, актийскую брань⁷ и как оружием Марса
Весь закипает Левкат⁸ и сверкают золотом волны.
Италов движущий в бой здесь Август-Цезарь с ним рядом

¹ Центральная область Италии с городом Римом во главе.

² Древний итальянский бог.

³ По мифу, титан, морской великан, который поддерживает на своих плечах весь небесный свод.

⁴ Т. е. Августа.

⁵ Область у Азовского моря.

⁶ Т. е. греки будут лучшими художниками, ораторами, учеными, астрономами и математиками.

⁷ Битву при Акциуме (31 г. до н. э.).

⁸ Остров у западного берега Греции.

И отцы¹, и народ, и Пенаты родные², и боги —
680 Все на высокой корме: его виски извергают
Радостный пламень; звезда роковая над теменем блещет³.
В месте другом при ветрах и богах благосклонных Агриппа⁴
Гонит полки, у него, отличие гордое брани,
Блещут короной виски морской, с золотыми носами⁵.
685 С ратью варварской здесь и оружием разным Антоний,
Всех победитель племен Авроры⁶ и красного берега⁷,
Силы Востока везет, и Египет, и дальние Бактры⁸,
И — о несчастье! — за ним супруга Египтянка⁹ следом.

[Стихи 689—713. Описание Актийской битвы.]

714 Цезарь, с триумфом тройным въезжающий в Римские стены,
715 Свой бессмертный обет посвящал богам италийским,
Трижды сто алтарей величайших воздвигнув по граду.
Всюду по улицам шум от игр и рукоплесканий;
В храмах — хор матерей, во всех — алтари; пред ними
Устлана вся земля быками убитыми; сам он,
720 На пороге воссев белоснежном светлого Феба¹⁰
И рассмотревши дары народов, к гордым колоннам
Встает; длинной чредой идут племена побежденных,
Разные по языку, по виду одежд и оружию.

IX [НИС И ЕВРИАЛ¹¹]

176 Нис врата охранял, неистовый в брани, Гиртака
Сын, Энею кого дала звероловная Ида
В спутники; ловко метал он дрот и легкие стрелы.
Рядом же с ним Евриал, кого прекраснее не был

¹ Сенаторы.

² Боги домашнего очага.

³ Август носил шлем с сияющей звездой, напоминающей ту комету, которая появилась после смерти Юлия Цезаря и в которую, как верил народ, перешла душа диктатора.

⁴ Марк Випсаний Агриппа — полководец и государственный деятель, сподвижник Октавиана Августа.

⁵ Агриппа был награжден морской короной с изображением корабельных носов.

⁶ Зарь, т. е. востока.

⁷ Т. е. берега Эритрейского моря (Аравийский залив и часть Индийского океана между Африкой и Индией).

⁸ Город в Бактрии (Азия).

⁹ Царица Клеопатра.

¹⁰ На пороге храма Аполлона Палатинского.

¹¹ Рассказ о подвиге Ниса и Евриала — настоящий эпиллий (небольшая эпическая поэма), вставленный в основную сюжетную линию. Может быть, здесь сказалось влияние «малых форм» поэзии, которым в молодости отдал дань Вергилий и которые были более актуальны в исторических условиях его времени. Показ дружбы, сыновней любви, мужества, доблести предков в этом рассказе отвечает основным тенденциям «Энеиды».

180 Из Энеадов никто, надевавших Троянские латы,
Отрок, чьи щеки едва опушала первая юность.
Их единила любовь, и равно рвались они в битву.
Так же они и тогда сторожили вместе ворота.
«Боги ли, — Нис говорит, — это пламя в душе разжигают,
185 О Евриал, или страсть становится каждому богом?
Жаждою битвы давно иль иного великого дела
Ум волнуется мой, недовольный отдыхом мирным.
Видишь, как, в деле своем уверены, Рутулы¹ дремлют?
Редко мерцают огни; от сна и вина ослабевши,
190 Все опочили они; повсюду молчанье. Послушай,
Что я задумал, в душе какое намеренье встало.
Требуют все, и народ и отцы, чтобы вызвать Энея
И отправить к нему мужей с достоверным известием.
Если тебя наградить обещают они, — мне ж довольно
195 Славы за подвиг, — то мне сдается, что мог бы найти я
Вот под этим холмом дорогу к стенам Паллантея².
Остолбенел Евриал, потрясенный такою любовью
К славе, и так говорит своему он пылкому другу:
«Нис, неужели меня в товарищи славного дела
200 Ты не возьмешь? Отпущу ль тебя одного на опасность?
Нет, не так воспитал меня родитель, привычный
К браням Офельт; посреди грозы Аргонийской и бедствий
Трои, и вместе с тобой я не так себя вел, за Энеем
Великодушным пойдя и его последней судьбою.
205 Есть здесь дух, презирающий свет, и он полагает
Дешево жизнью купить ту честь, которой ты ищешь».
Нис в ответ: «За тебя я такого чего не страшился,
Да и не следует, нет: пускай же Юпитер, другой ли
Бог благосклонный, меня к тебе вернет с ликованием.
210 Если ж (ты видишь и сам, что здесь это очень возможно).
Если ж погубит меня какой-нибудь бог или случай,
Ты оставайся в живых; твой возраст достойнее жизни.
Пусть остается, кто б мог мой прах, получивши за выкуп,
Твердой доверить земле; если ж это судьба не позволит,
215 Тризну по мне сотворить и мне воздвигнуть гробницу.
Матери бедной пускай я не буду причиною горя,
Той, что из всех матерей одна за тобою дерзнула
Следовать, отрок, презрев великого стены Акеста³.
Тот же в ответ: «Ты плетешь понапрасну пустые причины,
220 И решение мое не сдвигается с места нимало.
Ну, поспешим». И, сказав, пробуждает он стражей.

В порядке

¹ Италийское племя в Лациуме.

² Город, построенный аркадским царем Евандром на реке Тибре.

³ Город Сегесту в Сицилии, основанный троянским героем Акестом.

Те на смену идут; свой пост покинув, за Нисом
Спутником сам он идет, и оба царевича¹ ищут.

[Стихи 224—279. Нис и Евриал на собрании вождей заявляют о своем намерении ночью пробраться через лагерь врагов и известить Энея о натиске Турна. Асканий обещает Нису богатые дары, а Евриалу — свою постоянную дружбу.]

280 ...Ему отвечает на это
Так Евриал: «Никогда обвинен я не буду в измене
Храбрым дерзаньям моим, лишь только б судьба оставалась
Благоприятной. Тебя ж сверх всех даров умоляю
285 Я об одном; у меня есть мать из Приамова рода,
Дряхлая; вместе со мной уходящую не удержали
Ни Илиона земля, ни царя Акеста твердыни.
Я покидаю ее, не простившись, в неведение полном
Этой опасности. Ночь и десница твоя мне свидетель,
Что выносить не могу я слезы родимой. Тебя же
290 Я умоляю помочь ей, бедной, и дать утешенье.
Мне позволь на тебя надеяться, чтобы смелее
Шел на превратности я». Дарданиды² в смятении сердца
Слез проливали поток, и Иул прекрасный всех прежде;
В воображенье предстал отца любимого образ.
295 Так он тогда говорит:
«Все обещаю тебе, что достойно таких начинаний.
Будет она мне за мать, и имени только Креусы
Недостанет ей: она заслужила великую милость,
Сына такого родив. И чем бы ни кончилось дело,
300 Этой клянусь головой, которой клялся мой родитель:
То, что тебе обещал я воздать при счастливом исходе,
Это за матерью все и твоим останется родом».
Так он в слезах говорил и снял с плеча в то же время
Златом украшенный меч, который с дивным искусством
305 Гносский³ сковал Ликаон и обделал слоновою костью.
Нису Мнесфей отдает косматую шкуру, добычу
С грозного льва, и Алет с ним верный меняется шлемом.
Вооружившись, идут немедленно. Их провожают
Юношей и стариков отряды благим пожеланьем
310 Вплоть до ворот. И Иул прекрасный, что не по летам
И отвагой кипел и заботами зрелого мужа,
Много отцу отнести давал поручений. Но ветры
Всё разнесли, в облаках развеяв тщетные речи.
Выйдя, они через рвы переходят и вражьего стана
315 Ищут во мраке ночном, заранее гибель готова
Многим. Повсюду в траве простерты в пьяной дремоте

¹ Асканий.

² Троянцы, потомки Дардана.

³ Критский.

Видят тела, колесниц на берегу приподнятые дышла,
Между ремней и колес мужей, и тут же оружие, и
Тут же вино. Гиртакид обратился к товарищу первый:
320 «Время дерзать, Евриал! Нас дело само призывает.
Здесь дорога. А ты, чтоб отряд какой-нибудь с тылу
Нас не мог обойти, сторожи, наблюдая далеко».

[Стихи 324—367. Нис и Евриал убивают многих спящих врагов и выходят за вражеский лагерь.]

Посланы были меж тем вперед из Латинова града
(Прочий пока легион, в полях построившись, медлил)
Всадники; к Турну царю с ответом они поспешают;
370 Трижды сто, и все при щитах, под начальством Вольцента.
К лагерю близясь, они уже подходили под стены,
Как заприметили тех, огибающих слева дорогу,
И в полумраке ночном Евриала беспечного выдал
Шлем блестящий его, засверкав лучами навстречу.
375 Видели это не зря. Вольцент кричит из отряда:
«Стойте! Идете зачем? Почему вы с оружием, мужи?
Держите путь вы куда?» Они, ничего не ответив,
Бег устремили в леса и себя доверили ночи.
Всадники бросились вскачь по тропинкам, вправо и влево
380 Прочь от дороги, и все окружили выходы стражей.
Лес лежал широко, торчащий падубов черных
Чашей, заросший везде густыми дебрями дерна:
Редко мерцала тропа, извиваясь по скрытым дорогам.
Время добычи и мрак ветвей Евриалу мешают,
385 И сбивает боязнь его с направленья дороги.
Нис уходит; уже ускользнул, забывши о друге,
Он от врагов и озер, Альбанскими названных после,
Именем Альбы, тогда ж там Латина высились стойла.
Лишь замедлил он шаг и заметил отсутствие друга,
390 Крикнул: «Где я тебя, Евриал несчастный, покинул?
Где я настигну тебя, весь путь по обманному лесу
Путаный вновь проходя?» И тотчас шаги направляет
Прежней дорогой назад и в безмолвных кустарниках бродит.
Слышит он топот коней и шум и знаки погони.
395 Времени мало прошло, когда донесся до слуха
Крик, и явился очам Евриал, что, целым отрядом
Схвачен, обманутый тьмой и местом, шумом внезапным
Весь потрясенный, влеком и вотще напрягает усилия.
Что ж ему делать? Каким оружием, силой какою
400 Юношу он извлечет? Иль, с мечом устремившись навстречу,
В ранах прекрасную смерть, защищая друга, обрящет?
Быстро вращая копье рукой напряженной, к высокой
Взоры луне обратив, таким он молится гласом:
«Ты, богиня, представь, помоги нам в бедах тяжелых,

405 О Латония¹, звезд красота и царица дубравы!
Если отец мой Гиртак своим алтарям приношенья
Ради меня воздавал, если их я умножил охотой,
Вешал у входа во храм иль к его приколачивал кровлям,
Дай эту шайку смести и направь по ветру оружие».
410 Молвил и, телом всем напрягаясь, бросил железо;
Тени ночные копье на лету рассекает и сзади
В спину Сульмону прошло и там на куски разломилось,
Сердце пронзивши ему насквозь расколотым древком.
Катится он, поток изрыгая горячий из груди,
415 И холодеет, нутро сотрясая хрипением долгим.
Смотрят по всем сторонам. А тот, еще разъярясь,
Бросил второе копье, его потрясши над ухом.
В трепете все, а копье проходит с тихим шипеньем
Тагу чрез оба виска и, согревшись, в мозгу застревает.
420 Мрачный ярится Вольцент; понять не может он, кто же
Копья бросает, куда обратиться в пламенном гнев.
«Ты, однако же, мне заплатишь горячею кровью —
Кару обоих», — сказал и пошел с мечом обнаженным
На Евриала. Тогда, совсем обезумев от страха,
425 Нис восклицает — не мог он больше скрываться в потемках,
Больше не мог выносить такого великого горя:
«Здесь я! О, на меня обратите железо,
Рутулы! Вся эта кознь — моя, ни на что не дерзнул он,
Да и не мог, я зову в свидетели небо и звезды;
430 Он лишь чрезмерно любил своего злополучного друга».
Так говорил он, но меч, со страшной направленной силой,
Ребра пронзает насквозь и белую грудь разрывает.
Насмерть сражен Евриал, и кровь по членам прекрасным
Льется, и шея, склонясь, ему упадает на плечи.
435 Так пурпурный цветок, сохою надрезанный, блекнет
И умирает, иль мак со стебля усталого клонит
Низко головку свою, дождевой отягченную влагой.
Но врывается Нис в середину, и только Вольцента
Ищет он среди всех, одним Вольцентом он занят.
440 Вот, обступивши его вплотную, враги отовсюду
Гонят. Не менее он напирает, кругом обращая
Молнийный меч свой, пока кричащему Рутулу в глотку
Не погрузил и исторг у врага, умирающего, душу.
Сам, пронзенный затем, на прах бездыханного друга
Бросился и, наконец, опочил там мирною смертью.
Оба блаженны! Коль есть в моих песнях некая сила,
День не придет, чтоб о вас молва замолчала в преданьях;
Будет пока населять Капитолия камень недвижимый.
Дом Энея и власть за Римским отцом пребывает.

¹ Дочь Латоны, Диана, богиня луны.

648 А среди самой резни амазонка Камилла с колчаном,
Грудь обнаживши одну для битвы, весело скачет;
650 То она градом густым рассыпает гибкие дроты.
То неистомной рукой за большую беретсе секиру;
Лук за плечами звенит золотой и оружие Дианы.
Даже когда и назад отступить ей приходится в бегстве,
Лук повернувши, она направляет летучие копы.
655 Цвет подружек вокруг: и Ларина-дева, и Тулла,
Тарпея за ней, потрясая медяной секирой,
Италиды, кого избрала для почета Камилла
Дивная, чтобы служить ей верно и в мире и в брани.
Лед Фермодонтовых струй¹ Фракийские так Амазонки
660 Гулко копытами бьют, в многоцветных сражаясь доспехах,
Вкруг Ипполиты толпясь, иль когда рожденная Марсом
Пентесилея² с побед возвращается с радостным воплем,
Женские рати, шумя, с луновидными скачут щитами.

[Стихи 664—758. Описываются подвиги Камиллы в бою:]

759 Тогда назначенный роком,
760 Быстрой Камилле в объезд искусством и дротом
сильнейший,
Кружит Аррунт, улучшить пытаюсь мгновение счастья.
Где б в середине полков ни мчалась ярая дева,
Крадется там и Аррунт, по следам ее рыщет безмолвно:
Где, опрокинув врага, возвращается дева с победой,
765 Юноша исподтишка туда обращает поводья.
С той и другой стороны по всему он ее объезжает
Кругу и, злостный, уже потрясает верную пику.
Тут оказался Хлорей, посвященный Кибеле, когда-то
Славный жрец, и сверкал далеко доспехом фригийским;
770 Пенного он горячил коня, его ж покрывала
Шкура в застежках золотых и медночешуйчатых перьях.
Сам он, блестя иноземным багрянцем и пурпуром ярким,
Стрелы Гортинские³ слал далеко с Ликийского⁴ лука.
А за плечами звенит золотой колчан, золотой же
775 Шлем у пророка; свою хламиду шафранную золотом
Он завязал, подобрав полотна шелестящие складки;
Туника тонкой иглой и набедренник варварский⁵ шитый.
Дева за ним, для того ль, чтоб прибить в преддверии храма
Трои доспех, для того ль, чтоб самой украситься золотом,

¹ Фракийские амазонки скачут по льду реки Фермодонта.

² Царица амазонок, прибывших на помощь троянцам в Троянскую войну.

³ Сделанные в городе Гортине, на острове Крите.

⁴ Из Ликии (в Малой Азии).

⁵ Т. е. не италийский.

780 Мчалась, его одного изо всех сражавшихся в битве
 Слепо преследуя, вся загоревшись женской любовью
 К ценной добыче, неслась по рядам, забыв осторожность.
 Тут, улучив наконец мгновенье, в нее из засады
 Дрот направляет Аррунт и так небожителей молит:
 785 «Бог верховный, о ты, Аполлон, священной Сорахты¹
 Страж, кого первые мы почитаем, сосновое пламя
 Вечно питаем в дровах и, спокойны в своем благочестье,
 С верою в пламя идем, попирая горящие угли!
 Дай, всемогущий отец, уничтожить нашим оружием
 790 Это бесчестье. Ведь я не стремлюсь к добыче, к трофеям
 Девы сраженной; хвалу принесут мне иные деянья.
 Только б от раны моей эта страшная язва погибла.
 И возвратиться готов я без славы к отеческим градам».
 Внял ему Феб и в душе согласился исполнить моления
 795 Первую часть, но в ветрах летучих рассеял другую.
 Смертью внезапной сразить Камиллу молящему дал он,
 Но возвращенье его на горной родине видеть
 Не дал, и эти слова развеяла буря по ветру.
 Вот, лишь помчалось копьё по воздуху, звон издавая,
 800 Все с возбужденной душой обращают Вольски² к царице
 Взоры свои. А она не слышит ни ветра, ни звона,
 Не замечает стрелы, летящей в эфире, покуда
 Под обнаженную грудь копьё не вонзилось, глубоко
 В тело засело ее, напоенное девичьей кровью.
 805 В страхе подруги бегут и свою госпожу поднимают.

[ПОЕДИНОК ЭНЕЯ С ТУРНОМ]

697 А родитель Эней, услышав Турново³ имя,
 Стены бросает, верхи бросает высокие башен,
 Все замедленья крушит и все дела прерывает,
 700 Радостью возликовав, и грозно бряцает оружием.
 Так забушует порой Афон или Эрик⁴, и так же,
 Падубов чащей шумя, сам отец Апеннин и в веселье
 К ясному небу свою снеговую вершину возносит.
 Рутулы, Италы все и Трои в то же мгновенье
 705 Взор обратили, и те, кто венцы занимали высоких
 Башен, и те, кто внизу ударяли таранами стены,
 С плеч оружие сложив. И сам Латин⁵ столбенеет,

¹ Гора в Италии, на которой почитался итальянский бог Веойвис, отождествлявшийся с Аполлоном.

² Итальяское племя.

³ Турн — герой племени рутулов, жених Лавинии, за которую сватался Эней.

⁴ Названия гор.

⁵ Царь латинского племени, отец Лавинии.

Видя, как витязя два с концов различных вселенной
 Между собою сошлись и дело решают железом.
 710 А они, лишь поля опустелым открылись простором,
 Быстро вперед побежав, бросая издали пламя,
 Марсову начали брань щитом и звонкою медью.
 Стон земля издает; они удары мечами
 Все учащают — в одно сливаются случай и доблесть.
 715 И как в огромных лесах, на Силе иль высях Табуерна¹
 Два разъяренных быка, сшибаясь лбами друг с другом,
 Бой затевают; тогда пастухи отступают в испуге,
 Молча скотина стоит, и ждут телицы, кому же
 Быть повелителем рощ и за кем все последует стадо;
 720 С силою страшной они наносят раны друг другу,
 Колют рогами в упор и крови потоком широким
 Шею и плечи кропят; вся дубрава мычанием стонет, —
 Так же Троянец Эней и герой Давнийский² схватились
 Щит со щитом, и эфир наполняется треском огромным.
 725 Стрелку весов уравниав, сам Юпитер держит две чаши,
 Жребии разные двух на них возложивши, и смотрит,
 Кто изнеможет в бою и чья гиря склонится к смерти.
 Тут кидается Турн, в своем ударе уверен,
 И, всем телом привстав и меч вознося, ударяет,
 730 Трои вопль издают и Латины дрожащие; оба
 Насторожились полка. Но ломается меч вероломный,
 На смерть готовый предать горящего витязя, если бы
 Бегство его не спасло. Он мчится проворнее Евра³,
 Лишь чужую узрел рукоять в безоружной деснице.
 735 Передают, что когда он всходил на коней запряженных,
 К первым сраженьям стремясь, свой меч отцовский оставил
 И второпях захватил железо возницы Метиска⁴.
 Долго, покуда свой тыл обращали Тевкры, довольно
 Было его; но когда дошло до оружия Вулкана⁵,
 740 Смертная хрустнула сталь и, как хрупкий лед под ударом,
 Вся разлетелась; блесит на песке золотистом обломок.
 Вот обезумевший Турн по равнине пускается в бегство
 И то туда, то сюда круги неуверенно чертит;
 Тевкры тесным венцом отовсюду его обступают.
 745 Здесь — просторы болот, а там — высокие стены.
 И неослабно Эней, хотя, замедлены раной
 Гнутся колени под ним и быстрый бег возбраняют,
 Гонится и по пятам беглеца настигает, кипящий,
 Как догоняет порой оленя, чей путь преграждают

¹ Название горных хребтов в Италии.

² Турн.

³ Восточный ветер.

⁴ Возница Турна.

⁵ Оружие Энея, выкованное Вулканом.

и затем отправляется на работу. Во всяком случае, автор стихотворения — талантливый поэт, возможно, живший в эпоху Августа.

Вот уже зимняя ночь десятый свой час начинала,
Вот уже пеньем петух возвещал наступленье рассвета.
Медленно тут поднялся, покинув дешевое ложе,
Симил; трудился хозяином он на земле ничтожной.
В страхе он встал: на сегодняшний день чем мучительный голод

Он утолит? В темноте дрожащей рукою он шарит,
Ищет очаг и, стукнувшись больно, его он находит.
Малый дымок подымался еще на полене горелом,
Пепел вчерашний лежал, под ним тлели горячие угли.
Сморщивши лоб, наклоняет он лампу близко над жаром,
Вытащив прежде иглой фитиль из пакли засохшей,
Частым дыханьем затем он огонь вызывает заснувший.
Вот, наконец, загорелся огонь, и мрак уж уходит.
Тут, прикрывши рукой, он свет защищает от ветра.
Видит он дверь кладовой и идет и ключом отпирает
Ту, что раньше держал запертой осторожный хозяин.
Там на земле у него лежала жалкая кучка
Зерен; отсюда берет он себе, сколько мерка вмещала:
Дважды по восемь в нее обычно фунтов входило.
Выйдя оттуда, идет и подходит он к мельнице; лампу
Верную ставит на полку, прибитую с этою целью
Тут на стене, от одежды свободными сделавши руки,
Он надевает передник — козы косматую шкуру.
Мельницы камни снаружи, внутри он хвостом обметает.
Тотчас рукам он работу дает, для каждой отдельно:
Левая сыплет зерно, а правой — главное дело:
Камни вертит она, что бегут неизменно по кругу,
Треньем камней обратившись в муку, рекой льется Церера¹.
Время от времени правой сестре утомленной на смену
Левая также рука приходит, ее заменяя,
С ней чередуясь. Сам же поет деревенские песни,
Труд облегчая себе самым звуком грубых напевов.
Вот наконец он Скибалу зовет: его дом сторожила
Только она одна, из Африки родом; весь облик
Ясно о том говорил: ее толстые губы, курчавость,
Груды отвислые, узкий внизу и впалый живот был,
Темный цвет кожи;верху — широкие плоские кости
Ног сухопарых, ступни огромно широкими были
(Трещин глубоких ряды на жестких пятках виднелись).
Симил ее позвал; велит, чтобы она, положивши
Дров на очаг, на огне вскипятила холодную воду.
После того как, выполнив труд в свое время, уж кончил

¹ Метонимически вместо хлебных зерен.

Турн огромный к земле припадает, сгибая колени.
Рутулы вопль издают, и все отзываются стоном
Горы окрест, и его повторяют глубокие рощи.
930 Он же смиренно глаза поднимает и, руку простерши:
«Подлинно я заслужил, — говорит, — не прошу о пощаде.
Пользуйся счастьем своим. Но если сжалиться можешь
Ты над бедным отцом, то молю — у тебя ведь такой же
Был родитель Анхис, — смилосердись над старостью Давна¹
935 И меня самого или тело, лишенное света,
Кровным отдай. Ты меня победил. На глазах у Авсонов²
Руки к тебе я простер: бери Лавинию в жены.
Ненависть дальше уйми». Эней с оружием ярый
Стал и, вращая глаза, удержал на мгновенье десницу.
940 И постепенно уже его смягчать начинали
Эти речи; как вдруг на плече у врага заприметил
Перевязь он, и блеснул знакомыми бляхами пояс
Палланта, отрока, Турн которого раной повергнул
И украшение врага на плечах носил победитель.
945 Лишь глазами Эней в жестокого памятник горя
И в добычу впился, загоревшись яростным гневом,
Грянул: «Ты ли уйдешь от меня, облеченный доспехом
Друга? Паллант тебя этой раною, Паллант сражает
И возмездье себе от крови преступной приемлет³».
950 Это сказав, погрузил врагу под грудь он железо,
Мстью кипя. У него ж слабеют от холода члены,
И со стенаньем жизнь улетает к Теням, негодую.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ВЕРГИЛИЯ

Мантуя родина мне, Калабрами⁴ отнят, а скрыт я
В Партенопее⁵, я пел пастбища, нивы, вождей.

МОРЕТУМ⁶

В заключение мы приводим в русском переводе стихотворение «Моретум», которое приписывается Вергилию. На самом деле оно, вероятно, Вергилию не принадлежит, между прочим, потому, что вместо свойственной Вергилию романтической идеализации сельской жизни мы здесь видим реалистическую картинку из жизни римского поселенца; он готовит себе (правда, с помощью рабыни) весьма скромный завтрак — тертую смесь овощей с сыром —

¹ Отец Турна.

² Итальянец.

³ Как вся «Энеида» во многом подражает гомеровским поэмам, так даже в последней картине убийства Турна заметно влияние Гомера. И Гектор умоляет Ахилла отдать его тело родным для погребения, но Ахиллес, увидав у Гектора оружие погибшего друга Патрокла, беспощаден.

⁴ Вергилий умер в городе Брундизиуме, в Калабрии.

⁵ Древнее название Неаполя, близ которого он был похоронен.

⁶ Блюдо из тертых овощей с сыром.

Жернов вертеться, тогда Сими́л собирает руками
 Грубый помол, что ссыпался вниз, и его переносит,
 Сыплет в сито, трясет; наверху остаются отбросы,
 Книзу просеянный дар Цереры чистою кучкой
 Сыплется сквозь решето; тотчас же на гладкую доску
 Он собирает его и воды подливает он теплой:
 Тут он ее подбирает, с мукой смешавши, усердно
 Месит, делая твердой; затем, когда влага впиталась,
 Этот комок он крепко солит. Готовое тесто
 Гладит ладонью и тем расширяет до нужного круга,
 Ставит квадраты на них, одинаково рядом друг с другом,
 После несет на очаг: очистила раньше Скибала
 Место. Покрыв черепком, на него насыпает он жару.
 Дело покамест свое с Вулканом делает Веста¹,
 Сими́л руки сложа не сидит, себе ищет других он
 Средств: не один чтоб не очень-то вкусный Цереры
 Дар ему небо ласкал, к нему он готовит приправу.
 Правда, что у очага не висели крючья для мяса,
 Нет и корейки свиной иль кусков соленой свинины,
 Сыра зато кружок висел на веревке из древа
 Вместе укропа с пучком, уж засохшим. Так вот себе блюдо
 Сделать из трав другое решил наш Сими́л бережливый.
 Рядом был с хижинной сад; плетень невысокий из прутьев,
 Также легкий тростник, что срезанный вновь зеленеет,
 Шел, окружая его; небольшим его было пространство,
 Много зато там росло и трав и зелени разной.
 Все было там, бедняку что нужно для жизни обычной.
 Но иногда и богач у бедного ищет подмоги.
 Много не требовал сад от Сими́ла, но был ему в прибыль.
 Если в доме дожди или праздничный день удержали,
 Давши свободу ему, если плуг не работал на поле,
 Садику время он это давал. Разводить в нем умел он
 Много растений, семян и земли поручал он их лону,
 Воду соседних ручьев заботливо, в меру давая.
 Репа с широкой листвою была здесь, капуста, обильный
 Щавель здесь зеленел, девясил и вкусные мальвы.
 Морква и лук, что головке своей обязан названьем,
 Мак, что вредит голове, если съешь его даже холодным,
 Спаржа, идущая с самого низу, как острые стрелки,
 Дальше — латук — это отдых приятный от кушаний пышных,
 Тыква тяжелая, что широко разлеглась своим брюхом, —
 Все это не для хозяина (кто его в жизни скромнее?!),
 Но для других его весь урожай: в дни рынка он в город
 Овощи эти, пучками связав, носил. И отсюда
 С легкой спиной, с карманом тяжелым домой возвращался,

¹ Вулкан и Веста — боги огня.

Редко с собою неся с мясного рынка покупку.
 Лук красноватый, зеленый порей утолял его голод,
 Кресс-салат, горький на вкус, — гримасою сводит лицо он.
 С ним и цикорий, и та, что любовь ускоряет, горчица.
 Нечто подобное сделать задумавши, входит он в садик,
 Прежде всего раскопавши слегка свою грядку руками,
 Вытащил он чесноку волокнистых четыре головки,
 Нежной петрушки он зелень собрал и жесткие стебли
 Руты, листов кориандра, дрожавших на веточках тонких.
 Все это вместе собрав, к веселому пламени сел он.
 Громко рабу он зовет и требует тотчас же ступку.
 С каждой головки затем чесноку шелуху он снимает.
 Верхние слои сорвав, их с презреньем кидает на землю,
 Прочь отмета; затем, что остались, луковки тотчас
 Мочит в воде и кладет в углубление круглое камня.
 Соли крупинки сюда он сыплет, проеденный солью
 Сыр прибавив, поверх кладет остальные он травы.
 Левою рукой подоткнув под низ свой косматый одежду,
 Правой он пестик вертит, чеснок давя сильно пахучий:
 Все растирает затем он вместе и с соком мешает.
 Кругом ходит рука; понемногу отдельные части
 Силы теряют свои; из различных становятся цветом
 Все одинаковы: он не совсем и зеленый; кусочки
 Сыра молочного в этом мешают; но и не белый
 Был он сплошь, так как он изменился от стольких растений.
 Часто в нос ударял ему острый запах чесночный,
 В ноздри широкие; сморщив лицо, проклинал он свой завтрак,
 Часто верхом руки протирал он с глаз свои слезы,
 Дым очага неповинный браня в сердцах крепким словом.
 Двигается дело вперед: без толчков, как было то раньше,
 Ровно, но тяжелее идет его пестик по кругу.
 Вот уже каплет сюда он дары от оливы Паллады¹.
 Масло, вливает чуть-чуть туда же острого уксуса силы.
 Вновь начинает мешать, эту смесь он вновь растирает.
 Только тогда двумя пальцами он по ступке обводит,
 В шар один собирая с краев отдельные части.
 Стало готовым уже по названью и виду — моретум.
 Много Скибале также хлопот: она хлеб вынимает,
 Сими́лу в руки дает; он, довольный и за день спокойный,
 Голода страхи прогнав, свою пару гамаш надевает;
 Голову шапкой покрыв, послушных быков запрягает,
 Гонит на поле их и плугом землю взрывает.

¹ Оливковое масло; оливки в Греции были посвящены Афине Палладе.

ГОРАЦИИ

(65—8 гг. до н. э.)

Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus) — выдающийся поэт «классического» периода римской литературы, родился в 65 г. в Венусии (в Апулии, на юге Италии). Получив блестящее образование в школах Рима, будущий поэт уехал совершенствоваться в науках в Афины, где занимался преимущественно стоической и эпикурейской философией. В 42 г. до н. э. он принял участие в битве при Филиппах, где на стороне Брута и Кассия защищал республиканскую свободу рабовладельцев против цезаризма. Республиканцы были разбиты. После амнистии Гораций вернулся в Италию. Во время отсутствия его имение было конфисковано в пользу ветеранов Октавиана. Не имея средств к существованию, он вынужден был занять должность писца при квесторе. В скором времени, однако, он сближается с Мecenатом, который становится его покровителем (см. «Сатиры», I, 6).

Творчество Горация отразило глубокие противоречия римского общества в период его болезненного перехода от республики к цезаризму. В обстановке полного поражения республиканцев и продолжающейся гражданской войны Гораций не мог удержаться на боевых республиканских позициях. Он делается «Августовым певцом» (по выражению Пушкина) и прославляет Октавиана как создателя долгожданного «римского мира».

В условиях развития индивидуалистических тенденций в римском обществе I в. до н. э. и увлечения греческой моралистической философией Гораций ищет философско-этического обоснования своего поведения. В своем творчестве он проповедует философию умеренности в эпикурейском духе. Эта философия была выражением его примирения с режимом цезаризма; поэт довольствуется малым на лоне природы, делается поэтом «золотой середины». Отсюда дидактическо-морализующий характер всего его творчества, с преобладающим в нем жанром послания и «сатуры» (сатиры) — произведения, состоящего из смеси самых разнообразных тем и вопросов (см. выше Луцилия).

«Сатуры» (сатиры), или (как Гораций их называет сам) «Разговоры» («Sermones»), были одним из ранних его сочинений. Написанные в 40-х годах традиционным дактилическим гекзаметром, они основаны на стоическо-эпикурейских идеях. Это беседы на разные житейские темы в форме то полного, то неполного философского диалога — «диатрибы». Политическая атмосфера наступившего цезаризма лишила «Сатуры» Горация свободы общественно-политической тематики, резкости сатиры Луцилия (см. выше), но зато сатира Горация далеко превосходит сатиры Луцилия тонкостью юмора, изяществом языка и стиха.

Одновременно с «Сатурами» появились «Эподы» («Epodoi»), собственно «припевы», написанные большей частью ямбами стихотворения, в которых длинный стих заключается коротким припевом: В ранних «Эподах» Гораций, подражая «ямбам» Архилоха, порицает пороки отдельных личностей, а в других, как и в «Сатурах», откликается на разные события современности.

После прихода Августа к власти Гораций пишет самое замечательное свое произведение «Оды» — лирические стихотворения (первые три книги появились в 23 г., а четвертая — в 13 г. до н. э.). Тематика в них расширяется: в нее включаются жизненные вопросы времени. Мы видим проповедь «золотой середины», прославление Августа и римской державы («римские оды»), обращение к друзьям, оды о поэзии, темы любви, молодости и красоты. Но, в отличие от искреннего чувства Катулла, чувство Горация соединяется с расчужденностью и меньше захватывает читателя. Эпикурейство в одах углубляется, активизируется; лозунг «лови день» («сагре диет») уживается с некоторыми стоическими мотивами, которые Гораций раньше осмеивал в своих «Сатурах» как опору республиканства. Эти мотивы выражаются в «римских одах» в идеализации традиционного римского духа, доблести, мужества предков. В известной мере это удовлетворяло старинные республиканские симпатии поэта, однако не означало желания вернуть республиканское прошлое, а лишь служило утверждению режима Августа.

Борясь с «александринизмом» в поэзии, Гораций в одах искусно переработал в римском духе лесбосскую лирику Алкея и Сапфо, переключаясь иногда и с Анакреонтом. Греческая изящная простота, цельность, прозрачность мысли, гармоничность, иногда величественность впервые возрождаются в «Одах» Горация, а разнообразие греческие размеры получают у него еще более тонкую трактовку.

В 17 г. до н. э. Горацию было поручено написать патриотическую «Песнь столетия» (см. ниже). Наконец, он выпускает две книги «Посланий» («Epistolae»). Как и в «Сатурах», здесь гекзаметрами он «разговаривает» на разные житейские темы в излюбленной форме письма к близким Августу лицам.

Борьба против архаизма за новую поэзию вызвала во второй книге «Посланий» рассуждения на литературные темы: они сконцентрированы в «Послании к Писонам» (см. ниже), где дается разработанная поэтика, главным образом драмы. «Послания» Горация представляют законченное художественное оформление римского эпистолярного жанра.

В своей поэзии, особенно в одах, поэт достиг классического изящества словесного выражения, которое, однако, возможно, по его мнению, лишь при насыщенности содержания (см. ниже «Послание к Писонам»). Борясь с александрином и архаизмом, Гораций утверждает поэзию, достойную, по его мнению, культуры цезаризма; он не только ориентируется на классические греческие образцы, преобразуя их в духе своего времени, но и создает свои оригинальные произведения.

Влияние Горация в последующем развитии культуры было огромно. В Риме его изучали в школах, составляли комментарии к его произведениям, и хотя лирика и не нашла большого развития в римской литературе, все же ему подражали.

В средние века образованные круги увлекались «горацианской философией». Лирика Горация оказала большое влияние на поэтов Возрождения. Его «Послание» служило образцом для Буало, Готшеда, Брейтингера и др. Появляются многочисленные переводы Горация.¹

У нас в России Горацием воодушевлялся Кантемир; им интересовались Державин, Батюшков, Дельвиг, А. Майков и др. Пушкин перевел русским стихом 7-ю оду второй книги. Создавая стихотворение «Памятник», Державин и Пушкин вдохновлялись близкой по теме одой Горация «Памятник я воздвиг...». Пушкин дает меткие характеристики Горация и оценку его творчества: «Гораций — умный льстец», но его произведения «прозрачны»; в них проявляется «спокойствие, ум, рассудительность», за исключением од, которые «прелестны». Ф. Энгельс читал для развлечения Горация, но отмечал раболепие поэта перед Августом¹.

¹ Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу от 21 декабря 1866 г., Сочинения, т. XXIII, стр. 390.

Полный стихотворный перевод — А. Фета (1883). Все сочинения Горация (в разных переводах) — в издании «Academia» (1936), «Оды» — перевод Н. И. Шатерникова. ГИХЛ, М. 1935. «Избранная лирика» — перевод А. П. Семенова-Тян-Шанского, «Academia», 1936. «Избранные оды», Гослитиздат, М., 1948.

ЭПОДЫ

2

Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
Как первобытный род людской,
Наследье дедов пашет на волах своих,
Чуждаясь всякой алчности,
Не пробуждаясь от сигналов воинских,
Не опасаясь бурь морских,
Забыв и форум и пороги гордые
Сограждан, власть имеющих.
В тиши он мирно сочетает сажены
10 Лозы с высоким тополем,
Присматривает за скотом, пасущимся
Вдали, в логу заброшенном,
Иль, подрезая сушь на ветках, делает
Прививки плодоносные,
Сбирает, выжав, мед в сосуды чистые,
Стрижет овец безропотных;
Когда ж в угодьях осень вскинет голову,
Гордясь плодами зрелыми, —
Как рад снимать он груш плоды отборные
20 И виноград пурпуровый
Тебе, Приап¹, как дар, или тебе, отец
Сильван², хранитель вотчины!
Захочет — ляжет иль под дуб развесистый,
Или в траву высокую;
Лепечут воды между тем в русле кругом,
Щебечут птицы по лесу,
Струям же вторят листья нежным шепотом,
Сны навеяв легкие...
30 Когда ж Юпитер-громовержец вызовет
С дождями зиму снежную, —
В тенета гонит кабанов свирепых он
Собак послушных сворою,
Иль расстилает сети неприметные,

¹ Бог плодородия и оплодотворения.

² Бог лесов и полей.

Дроздов ловя прожорливых;
Порой и зайца в петлю ловит робкого,
И журавля залетного.
Ужели дум нельзя развеять суетных
Среди всех этих радостей,
Вдобавок если ты с подругой скромною,
40 Что нянчит милых детушек,
С какой-нибудь сабинкой¹, апульянкою²,
Под солнцем загоревшею?
Она к приходу мужа утомленного
Очаг зажжет приветливый
И, скот загнав за изгородь, сама пойдет
Сосцы доить упругие,
Затем вина подаст из бочки легкого
И трапезу домашнюю.
Тогда не надо ни лукринских³ устриц мне,
Ни губана⁴, ни камбалы,
Хотя б загнал их в воды моря нашего
Восточный ветер с бурею;
И не прельстит цесарка африканская
Иль франколин⁵ Ионии
Меня сильнее, чем оливки жирные,
С деревьев прямо снятые,
Чем луговой щавель, для тела легкая
Закуска из просвирника,
Или ягненок, к празднику заколотый,
60 Иль козлик, волком брошенный.
И как отрадно наблюдать за ужином
Овец, домой стремящихся,
Волов усталых с плугом перевернутым,
За ними волочащимся,
И к ужину рабов, как рой, собравшихся
Вокруг божеств сияющих! —
Когда наш Альфий-ростовщик так думает⁶, —
Вот-вот уж и помещик он.
И все собрал он было к Идам⁷ денежки,
70 Да вновь к Календам в рост пустил⁸.

¹ Из племени сабинян (в средней Италии).

² Из Апулии (на юге Италии).

³ Из Лукринского озера (в Кампании).

⁴ Морская рыба.

⁵ Птица, похожая на рябчика.

⁶ В этой эподе типичное для Горация восхваление деревенской жизни иронически влагается в уста ростовщика Альфия. Гораций со своей эпикурейской точки зрения порицает погоню за наживой.

⁷ 13-е, а в некоторых месяцах 15-е число.

⁸ Первое число месяца.

Что на прохожих мирных, пес, кидаешься?
Знать, волка тронуть боязно?
Посмей-ка только на меня ты броситься,
Узнаешь, как кусаюсь я!
Ведь я, как рыжий пес лаконский иль молос² —
Защитник стад пастушеских:
В снегу глубоком, уши вверх, за зверем мчусь,
Какой бы ни был спереди;
А ты, наполнив рощу грозным лаем, сам
10 Кусок, что кинут, нюхаешь.
Смотри, смотри же! Я — на злых жесток — держу
Готовыми рога, как зять
Ликамба³, мстивший вероломцу за отказ,
Как враг горячий⁴ Бупала.
Ужели, черным зубом тронут, буду я,
Не мстя, реветь, как мальчики?

7

Куда, куда вы рушитесь, преступные⁵,
Мечи в безумье выхватив?!
Неужто мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою —
Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне,
Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,
10 А для того, чтобы, парфянам наруку,
Наш Рим погиб от рук своих?
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем!
Ослепли ль вы? Влечет ли вас неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте!
Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы — в оцепенении...
Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая

¹ Эпод в сатирическом духе греческого лирика Архилоха, которому подражал ранний Гораций.

² Лаконские (с юга Пелопоннеса) и молосские псы (из Эпира) считались особенно злыми.

³ Поэт Архилох, мстивший Ликамбу за отказ выдать за него дочь Небулу (см. «Хрестоматию», т. I).

⁴ Поэт Гиппонакт (см. «Хрестоматию», т. I), который преследовал скульптора Бупала.

⁵ Гораций протестует против нового взрыва гражданской войны (в 43—40 гг. до н. э.) — против борьбы Октавиана с Секстом Помпеем.

За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема невинного¹,
20 Кровь, правнуков заклиная.

9

Когда ж, счастливцев Меценат, отведаем,
Победам рады Цезаря²,
Вина Цекуба³, что хранилось к празднику
(Угодно так Юпитеру)
В твоём высоком доме, и споем под звук
Дорийской лиры с флейтами?
Так пили мы, когда суда сожженные
10 Покинул вождь, Нептуна сын,
Грозивший Риму узами, что дружески
С рабов он снял предателей⁴.
О римский воин⁵, — дети, не поверите!
Порабощен царицею⁶,
Оружье, колья носит: служит женщине
И евнухам морщинистым;
В военном стане солнце зрит постыдную
Палатку в виде полога!
Две тысячи тут галлов, повернув коней,
Привет пропели Цезарю,
И вдруг, налево в гавань повернувшие,
20 Суда укрылись недругов...
Веди ж златую колесницу, о Триумф,
Телят, ярма не ведавших!
Вождя ему, Триумф, не видел равного
Ты ни в войну с Югуртою⁷,
Ни в ту, в которой «Африкана»⁸ доблести
Сам Карфаген был памятник.
Уж враг на суше, на море поверженный,
Сменил на траур пурпур свой.

¹ Т. е. проливать собственную кровь суждено римлянам за то, что когда-то была пролита кровь невинного Рема, брата Ромула, основателя Рима.

² Эпода обращена к Меценату. Гораций ликует по случаю победы Октавиана над Антонием в битве при Акциуме (31 г. до н. э.). Он хочет отпраздновать триумф императора в доме Мецената.

³ Из области Цекуба (в южном Лациуме).

⁴ Разумеется Секст Помпей, который незадолго до битвы при Акциуме, в 36 г. до н. э., был разбит; его войско было набрано большей частью из рабов. Он величал себя «сыном Нептуна», гордясь своими прежними победами над флотом Октавиана.

⁵ Антоний.

⁶ Египетская царица Клеопатра.

⁷ Нумидийский царь, которого победил Марий.

⁸ Сципион Младший, разрушивший Карфаген в 146 г. до н. э.

(Saturae, или Sermones)

I, 6 [ГОРАЦИИ О СЕБЕ]

Нет, Меценат, хоть никто из лидийцев¹ не равен с тобою
Знатностью рода — из всех, в пределах Этрурии живших,
Ибо предки твои, по отцу и по матери, были
Многие в древнее время великих вожди легионов.
Нет! ты орлиный свой нос поднимать перед теми не любишь,
Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!
Ты говоришь, что нет нужды тебе, от кого кто родился,
Только б был сам благороден; что многие даже и прежде
Туллия², так же как он, происшедши из низкого рода,
Жили, храня добродетель, и были без знатности чтимы;
Знаешь и то, что Левин, потомок Валерия³, коим
Гордый Тарквиний был свергнут с царского трона и изгнан,
Римским народом всегда не более асса⁴ ценился —
Римским народом, которого суд и правдивость ты знаешь,
Этим безумным народом, который всегда недостойным
Почести рад расточать, без различия рабствуя славе,
Титлам и образам предков всегда без разбора дивится,
Что тут нам делать, далеким от низких его предрассудков!

[Стихи 19—46. Несправедливость оценки людей по знатности.]

Но обращусь на себя я! — За что на меня нападают?
Нынче за то, что, быв сыном раба, получившего вольность,
Близок к тебе, Меценат; а прежде за то, что трибуном
Воинским был я и римский имел легион под начальством.
⁵⁰ В этом есть разница! Можно завидовать праву начальства,
Но не дружбе твоей, избирающей только достойных.
Я не скажу, чтоб случайному счастьем я тем был обязан.
Нет! не случайность меня указала тебе, а Вергилий,
Муж превосходный, и Варий⁵ тебе обо мне рассказали.
В первый раз, как вошел я к тебе, я сказал два-три слова:
Робость безмолвная мне говорить пред тобою мешала.
Я не пустился в рассказ о себе, что высокого рода,

¹ Свой древний род Меценат вел от этрусков; первыми же переселенцами в Этрурию римляне считали малоазийских греков — лидийцев; следовательно, род Мецената своей древностью не уступает другим знатым римлянам, ведшим свой род от троянца Энея (см. Вергилия).

² Сервий Туллий — древний римский царь, родившийся, по преданию, от рабыни.

³ Валерий Попликола — первый римский консул после изгнания царя Тарквиния Гордого.

⁴ Мелкая монета, полушка.

⁵ Римский поэт, член литературного кружка Мецената.

³⁰ Иль в гавань Крита он плывет стоградного,
Туда гонимый ветрами,
Иль к Сиртам¹, Нотом² он обуреваемый,
Спешит по морю страшному.
Неси же, мальчик, в чашах нам объемистых
Хиосских иль лесбосских вин,
Иль влей вина ты нам еще цекубского,
От тошноты целящего:
Заботы любо нам и страх за Цезаря
Прогнать Лиэем³ сладостным!

10

Идет корабль, с дурным отчалив знаменем,
Неся воюющую Мевия⁴.
Так оба борта бей ему без устали,
О Австр, волнами грозными!
Пусть, море вздыбив, черный Евр⁵ пронесется,
Дробя все снасти с веслами,
И Аквилон⁶ пусть дует, что нагорные
Крошит дубы дрожащие,
Пускай с заходом Ориона мрачного
Звезд не сияет благодетельных⁷.
По столь же бурным пусть волнам он носится,
Как греки-победители,
Когда сгорела Троя и Паллады гнев
На судно пал Аяксово⁸.
О, сколько пота предстоит гребцам твоим.
Тебе же — бледность смертная,
Позорный мужу вопль, мольбы и жалобы
Юпитеру враждебному,
Когда дождливый Нот в заливе Адрия,
Взревевши, разобьет корму.
Когда ж добычей жирной будешь тешить ты
Гагар на берегу морском,
Тогда козел блудливый вместе с овцами
Да будет Бурям жертвою!

¹ Песчаная отмель на северном берегу Африки.

² Название южного ветра.

³ Прозвище Вакха; здесь метонимически вместо вина.

⁴ По-видимому, оппозиционные цезарианскому режиму поэты Мевий и Бавий, произведения которых до нас не дошли, вызывают насмешки и ненависть не только Горация, но и Вергилия. Пушкин сравнивает с Мевием бездарных поэтов и рифмоплетов («К Жуковскому»).

⁵ Восточный ветер.

⁶ Название северного ветра.

⁷ Созвездие Ближнецов.

⁸ По мифу, Афина разгневалась на Аякса за то, что он обесчестил в ее храме дочь Приама, пророчицу Кассандру.

Что поля объезжаю свои на коне сатурейском¹;
 Просто сказал я, кто я. Ты ответил мне тоже два слова;
 60 Я и ушел. Ты меня через девять уж месяцев вспомнил,
 Снова призвал и дружбой своей удостоил. Горжуся
 Дружбою мужа, который достойных людей отличает
 И не смотрит на род, а на жизнь и на чистое сердце.
 Впрочем, природа дала мне с прямою душою иные
 Также, как всем, недостатки; правда, немного, подобно
 Пятнам на теле прекрасном. Но если ушел от упрека
 В скупости, в подлости или же в низком постыдном разврате,
 Если я чист и невинен душой и друзьям драгоценен
 (Можно же в правде себя похвалить), я отцу тем обязан.
 70 Беден он был и владел не обширным, не прибыльным полем.
 К Флавию в школу, однако, меня не хотел посылать он,
 В школу, куда сыновья благородные центурионов²,
 К левой подвесив руке пеналы и счетные доски,
 Шли обучаться проценты по Идам считать и просрочку.
 Но решился он мальчика в Рим отвезти, чтобы там он
 Тем же учился наукам, которым у римлян и всадник
 И сенатор своих обучают детей. Посмотревши
 Платье мое и рабов-проводящих, иной бы подумал,
 Что расход на меня мне в наследство оставили предки.
 Нет, сам отец мой всегда был при мне неподкупнейшим

стражем;
 Сам, при учителях, тут же сидел. Что скажу я? — Во мне он
 Спас непорочность души, красоту добродетелей наших,
 Спас от проступков меня он, спас и от мыслей бесчестных.
 Он не боялся упрека, что некогда буду я то же,
 Что он и сам был: публичный глашатай или сборщик, что
 буду

Малую плату за труд получать. — Я и тут не роптал бы.
 Ныне ж за это ему воздаю похвалу я тем боле,
 И тем боле ему благодарностью вечной обязан.
 Нет! покуда я смысл сохраняю, сожалеть я не буду,
 Что такого имел я отца, не скажу, как другие,
 Что не я виноват, что от предков рожден несвободных.
 Нет! ни в мыслях моих, ни в словах я не сходствую с ними!
 Если б природа нам прежние годы, прожитые нами,
 Вновь возвращала и новых родителей мы избирали,
 Всякий бы выбрал других — честолюбия гордого в меру,
 Я же никак не хотел бы родителей, коих отличие —
 Ликторов связки и кресла курульные³. Может быть, черни

Я б показался безумцем; но ты бы признал мой рассудок
 В том, что не взял на себя я заемного бремени тягость.
 100 Ибо тогда бы мне должно свое умножать состояние,
 В многих искать и звать того и другого в деревню,
 Множество слуг и коней содержать и иметь колесницу.
 Нынче могу я в Тарент на кургузом муле отправляться,
 У которого спину натер чемодан мой, а всадник
 Вытер бока. — И никто мне не скажет за это упрека
 В скупости так, как тебя упрекают все, Тиллий, когда ты
 Едешь, как претор, тибурской дорогой, и пятеро следом
 Юных рабов, кто с лоханью, кто с коробом вин. Оттого мне
 Право, спокойнее жить, чем тебе, знаменитый сенатор!
 110 Да спокойней и многих других. Я, куда пожелаю,
 Отправляюсь один, сам справляюсь о ценности хлеба,
 Сам о цене овощей, плутовским пробираюсь я цирком¹;
 Под вечер часто и в форум — гадателей слушать; оттуда
 Я к пирогу, к своцам и — домой. Нероскошный мой ужин
 Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
 Вместе с циа² стоят, прстая солонка и чаша
 И рукомойник — посуды простой, кампанийской работы.

1,4 [САТИРЫ ГОРАЦИЯ В ИХ ОТЛИЧИИ ОТ САТИР ЛУЦИЛИЯ]

Аристофан и Кратин, Евполид³ и другие поэты,
 Мужи, которые древней комедии славою были,
 Если кто стоил представленным быть на позорище людям,
 Вор ли, убийца ль, супружных ли прав оскорбитель
 бесчестный,

Смело, свободно его на позор выставляли народу.
 В этом последовал им и Луцилий⁴, во всем им подобный,
 Кроме того, что в стихе изменил он и меру и стопу⁵.
 Весел, тонок, остер; но в составе стиха был он жесток:
 Вот в чем его был порок. — Он считал за великое дело
 10 Двести стихов просказать, на одной ноге простоявши.
 Мутным потоком он тек; а найти в нем хорошее можно.
 Но — многословен, ленив, не любил он трудиться над слогом.

¹ Местность около «Великого цирка», где толпились всякие подозрительные люди — продавцы краденого и пр.

² Мерка, которой наливали вино из чаш.

³ Представители комедии V в. до н. э.; из комедий последних двух сохранились лишь фрагменты.

⁴ Римский поэт II в. до н. э., основатель сатиры как особого литературного жанра (см. выше).

⁵ Как было указано, Луцилий первый стал писать свои «сатуры» (сатиры) дактилическим гекзаметром, который впоследствии сделался единственным стихом римской сатиры.

¹ Из округа близ Тарента, славившегося своими конями.

² Центурион — сотник, низшая командная должность; здесь и в подлиннике ирония: центурионы названы «великими», «благородными».

³ Атрибуты высших магистратов.

Да! Я, конечно, сказал, что стихи у Луцилия грубы,
 Что без порядка бегут они. Кто же, бессмысленный, будет
 Столько привержен к нему, что и сам не признается в этом?
 Но того же Луцилия я и хвалил — за насмешки,
 Полные соли, враждебные Риму. Однако ж, воздавши
 Эту ему похвалу, не могу я хвалить все другое!
 Если бы так, то пришлось бы мне всем восхищаться, и даже
 Мимам Лаберия¹ вслух, как прекрасным поэмам, дивиться.
 Хорошо и уметь рассмешить, но еще не довольно.
 Краткость нужна, чтоб не путалась мысль, а стремилась
 свободно.

Нужно, чтоб слог был то важен, то кстати игрив, чтобы
 слышны
 Были в нем ритор, поэт, но и тонкости светской краснота².

Надобно силу уметь и беречь и, где нужно, умерить.
 Шуткой нередко решается трудность и легче и лучше,
 Нежели силой ума! То старинные комики³ знали!
 Нам бы не худо последовать им, а их не читают
 Ни прекрасный собой Гермоген⁴, ни та обезьяна⁵,
 Чье искусство в одном: подпевать Катуллу да Кальву⁶.

[Стихи 19—49. Полемика с защитниками Луцилия и другими литературными противниками.]

Славы великой венца и я с его⁷ головы не срываю!

⁸⁰ Я одно лишь сказал: что он льется, как мутный источник,
 Но что больше достойного памяти в нем, чем забвенья!
 Разве нет недостатков в самом великом Гомере?
 Разве сам скромный Луцилий не делал поправок —

и в ком же?
 В трагике Акции!⁸ Разве над Эннием⁹ он не смеется?
 Разве, других порицая, себя он не выше их ставит?

¹ Драматург первой половины I в. до н. э., представитель народного жанра — мимов.

² В «Сатирах» Горация мы действительно видим изящный, иногда колкий разговорный язык светского общества Рима (urbanitas). Вся эта оценка Луцилия вызвана желанием Горация оправдать свое резкое критическое отношение к старой республиканской литературе, которую архаисты считали единственным образцом.

³ Авторы древней аттической комедии, на которых ссылался Гораций в сатире IV.

⁴ Поэт, современник Горация.

⁵ Разумеется поэт Деметрий.

⁶ Кальв вместе с Катуллом принадлежали к римским лирикам первой половины I в. до н. э.; Гораций их не любил за увлечение александризмом.

⁷ Т. е. Луцилия.

⁸ Римский драматург-трагик II в. до н. э. (см. выше).

⁹ Римский поэт III—II в. до н. э. (см. выше).

Что же мешает и нам, читая Луцилия, тоже
 Вслух разбирать: ему ли натура его отказала
 В мягкости, или предметы, которые он выбирает,
 Жестки; но только стихи у Луцилия жестки — как будто
 Так он писал, чтобы только шесть стоп¹ в стихе уместились,
 Да чтоб двести стихов натошак да столько же после
 Ужила! Что ж, говорят, ведь писал же Кассий, Этрурец²,
 Как река, он стихами кипел и по смерти сожжен был
 С кипой стихов: их одних на костер погребальный достало!
 Я повторяю: Луцилий, конечно, и легче и глаже,
 Чем наш поэт, изобретший стихи, неизвестные грекам;
 Легче и глаже он был всей толпы стародавних поэтов.
 Но когда бы, по воле судьбы, он в наше жил время,
 Много бы выключил он: все, что ниже нашел совершенства.
⁷⁰ Ногти бы до крови грыз он, чтоб сделать свой стих
 совершенным.

Если ты хочешь достойное что написать, чтоб читатель
 Несколько раз прочитал, — ты стиль³ — обращай чаще.
 Не желай удивленья толпы, а пиши для немногих.
 Или ты пишешь для школьников? — Нет, я другого желаю!
 Нет, я делаю, чтоб «всадник» меня похвалил благородный!⁴
 Так Арбускула-танцовщица раз, как ее освистали,
 Очень умно говорила, что, зрителей всех презирая,
 Рукоплесканий она от одних благородных желала!..

II, 5 [О ПОГОНЕ ЗА НАСЛЕДСТВОМ]⁵

Улисс

Вот что еще попрошу я тебя мне поведать, Тиресий:
 Как бы, каким бы мне средством поправить растрату имения?
 Что ж ты смеешься?..

Тиресий

Лукавец! А разве тебе не довольно
 Возвратиться в Итаку свою и Пенатов⁶ отчизны
 Вновь увидеть?

¹ Т. е. гекзаметр.

² Неизвестный поэт.

³ Палочка для письма на навошенной дощечке; другим концом стила можно было стирать написанное.

⁴ Здесь Гораций указывает на аристократический характер своей поэзии. На вкусы сенаторов и «всадников» ориентируется Гораций и в «Послании к Писонам» (стихи 245—250, 363).

⁵ По своей диалогической форме эта сатира является пародией на разговор Одиссея (Улисса) с тенью прорицателя Тиресия в «Одиссее» (песня XI, 9—162); там Тиресий предсказывает Одиссею его дальнейшие странствования и возвращение на родину. У Горация Улисс продолжает после этого разговор с Тиресием и задает ему новые вопросы.

⁶ Боги домашнего очага, как и Лары.

Никого ты еще не обманывал ложью!
Видишь, что наг я и нищ возвращаюсь, как ты предсказал мне.
Ни запаса в моих кладовых, ни скота. Без богатства ж
И добродетель и род дешевле морского пороста!

Тиресий

Прочь околичности! Если ты бедности вправду боишься,
¹⁰ Слушай, как можешь богатство нажить. Например:
пришлют ли
Раннюю птичку к тебе кто-нибудь или редкость другую, —
Ты с ней беги к старику, накопившему много имения.
Ранний плод сада или из дома, что есть получше,
Пусть тот почетнейший Лар и отведаст прежде домашних,
Будь он хоть клятвопреступник, будь низкого рода, обрызган
Кровию братней, из беглых рабов, — но если захочет,
Чтобы ты шел в провожатых его, — не смей отказаться!

Улисс

Как? Чтобы с Дамой¹ позорным бок о бок я шел?
— Я под Троей
Был не таков: там в первенстве я с величайшими спорил!

Тиресий

²⁰ Ну, так будь беден!

Улисс

Все может снести великое сердце!
И не то я сносил! — Но ты продолжай. — Где я мог бы
Золота кучу достать, где богатство? Скажи, прорицатель!

Тиресий

Что я сказал, то скажу и опять! — Лови завещанья
И обирай стариков! А если иной и сорвется
С уды, как хитрая рыбка, приманку скусив рыболова,
Ты надежд не теряй и снова готовься на промысл.
Ежели спорное дело между двоих заведется,
Важное, нет ли — кто из соперников силен богатством, —
Ты тут в ходатаи! Нужды нет, если он нагло и дерзко
³⁰ Честного тянет к суду. Будь ответчик хоть лучший
из граждан,
Но есть сын у него да жена — за него не вступайся!

¹ Имя раба, которое встречается и в других сатирах.

«Публий почтенный!» скажи или: «Квинт (затем что
прозванья —
Знатности признак — приятны ушам) — меня привязало
Уваженье к тебе; а дела и права мне знакомы.
Лучше пусть вырвут глаза мне, чем я допущу, чтоб соперник
Хоть скорлупкой ореха обидел тебя. Будь покоен!
Ты не будешь в потере; не дам над тобой надругаться!»
После проси, чтобы шел он домой и берег бы здоровье.
Сам хлопочи, хоть бы *рдеющий Пес*¹ *раскалывал злобно*
⁴⁰ *Статуи* вовсе безгласные; или с распученным брюхом
Фурий *плевал бы снегом седым на высокие Альпы*².
«На, посмотри-ка!» — тут скажет иной, толкнувши соседа:
«Вот трудолюбец, вот друг-то! вот прямо заботлив!»
С этим огромные рыбы сами собой повалятся
В сети твои, а из них и в садок! Но ежели хворый
В доме богатом есть сын, то, чтобы отвлечь подозренье
Холостых богачей, угождай и поползай, в надежде
Быть хоть вторым в завещанье, на случай, ежели мальчик
Рано отправится к Орку³. Тут редко случится дать промах!
⁵⁰ Если кто просит тебя прочитать его завещанье,
Ты откажись и таблички рукой оттолкни, но сторонкой
Сам потихоньку взгляни между тем: что на первой табличке
В пункте втором, и один ли назначен наследником или
Многие вместе, — все это быстрее пробеги ты глазами.
Иногда ведь писец, излагавший последнюю волю,
Так проведет, как ворону лиса! А после Коранус⁴
И начнет хохотать над ловцом завещаний, Назикой!

Улисс

В исступленье пророческом ты или шутишь в загадках?

Тиресий

О Лаэртид! что изрек я, то будь иль нет, непременно!
Дар провещанья мне дан самим Аполлоном великим!

II, 6 [ВОСХВАЛЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ]

Вот в чем желанья были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно бегущий источник,
К этому лес небольшой! — И лучше и больше послали

¹ Яркая видимость созвездия Пса была летом.

² Гораций цитирует стихи поэта Фурия Бибакула, причем в стихе 41 заменяет Юпитера самим Фурием.

³ Бог подземного царства и название самой преисподней.

⁴ Имя писца.

Боги бессмертные мне¹; не тревожу их просьбою боле,
Кроме того, чтоб все эти дары мне они сохранили.
Если достаток мой я не умножил постыдной корыстью;
Если его не умалил небрежностью иль беспорядком;
Если я дерзкой мольбы не взношу к небесам, как другие:
«О! хоть бы этот еще уголок мне прибавить к владению!»
10 Хоть бы урну найти с серебром, как наемник, который,
Милый Алкиду², купил и себе обрабатывать начал
Поле, которое прежде он же пахал на другого»;
Если доволен, признателен я и за то, что имею, —
То молю, о сын Майи³, я об одном — утучняй ты
Эти стада и храни все мое покровительством прежним,
Только ума моего не прошу утучнять, покровитель!

[Стихи 17—59. Гораций рисует свой тревожный день в городе.]

Так я теряю мой день и нередко потом восклицаю:
60 «О, когда ж я увижу поля? И дозволит ли жребий
Мне то в писаниях древних, то в сладкой дремоте и в лени
Вновь наслаждаться забвеньем жизни пустой и тревожной!
О, когда ж на столе у меня опять появятся
Боб, Пифагору⁴ родной, и с приправою жирною зелень!
О пир, достойный богов, когда вечераю с друзьями
Я под кровом домашним моим и трапезы остатки
Весело сносят рабы и потом меж собою пируют.
Каждый гость кубок берет по себе, кто большой, кто поменьше;
Каждый, чуждаясь законов пустых, кто вдруг выпивает
70 Чашу до дна, кто пьет с расстановкой, мало-помалу.
Наш разговора предмет — не дома и не земли чужие;
Наш разговор не о том, хорошо ли и ловко ли пляшет
Лепос⁵, — но то, что нужнее, что вредно не знать человеку.
Судим: богатство ли делает счастливым иль добродетель;
Выгоды или наклонности к дружбе вернее приводят;
Или в чем свойство добра и в чем высочайшее благо?
Цервий⁶ меж тем, наш сосед, побасенку расскажет нам кстати,
Если богатство Ареллия кто, например, превозносит,
Не слыхав о заботах его, он так начинает:
80 «Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила
В бедную нору, — они старинными были друзьями.

¹ Разумеется новое сабинское поместье, полученное Горацием в подарок от Мецената.

² Геркулесу, который, по верованиям римлян, указывал зарытые клады.

³ Бог Меркурий.

⁴ Греческий философ Пифагор (VI в. до н. э.) проповедовал вегетарианство, а из зелени запрещал есть бобы, так как, по верованиям древних, в них переселяются души умерших.

⁵ Мимический актер.

⁶ Сосед Горация.

Как ни умеренна, но угощенья она не жалела.
Чем богата, тем рада; что было, ей все предложила:
Кучку сухого гороха, овса; притащила в зубах ей
Даже изюму и сала обглоданный прежде кусочек,
Думая в гостье хоть разностью яств победить отвращенье.
Гостья же, с гордостью, чуть прикасалась к кушанью зубом,
Между тем как хозяйка, все лучшее ей уступивши,
Лежа сама на соломе, лишь куколь с мякиной жевала.
90 Вот, наконец, горожанка так речь начала: «Что за радость
Жить, как живешь ты, подруга, в лесу, на горе, одиноко!
Если ты к людям и в город желаешь из дикого леса,
Можешь пуститься со мною туда! Все, что жизнью дышит,
Смерти подвластно на нашей земле: и великий и малый —
Смерти никто не уйдет: для того-то, моя дорогая,
Если ты можешь, живи, наслаждаясь и пользуясь жизнью,
Помня, что краток наш век». Деревенская мышь, убежденная
Дружбы послушавшись, прыг — и тотчас из норы побежала.
Обе направили к городу путь, поспешая, чтоб к ночи
100 В стену пролезть. Ночь была в половине, когда две подруги
Прибыли к пышным палатам; вошли: там пурпур блестящий
Пышным же ложам из кости слоновой служил драгоценным
Мягким покровом; а там в дорогой и блестящей посуде
Были остатки вчерашнего великолепного пира.
Вот горожанка свою деревенскую гостью учтиво
Пригласила прилечь на пурпурное ложе и быстро
Бросилась сразу ее угощать, как прилично хозяйке!
Яства за яствами ей подает, как привычный служитель,
Не забывая отведать притом от каждого блюда.
110 Та же, разлегшись покойно, так рада судьбы перемене,
Так весела на пиру! Но вдруг хлопнули дверью — и с ложа
Бросились обе в испуге бежать, и хозяйка и гостья!
Бегают в страхе кругом по затворенной зале; но пуще
Страх на безумных напал, как слышали громкое в зале
Лаянье псов. «Жизнь такая ничуть не по мне! — тут сказала
Деревенская мышь. — Наслаждайся одна, а я снова
На гору, в лес мой уйду — преспокойно глотать чечевицу!»

ОДЫ

(Carmina)

I, 1 [МЕЦЕНАТУ]

Славный внук, Меценат, праотцев царственных¹,
О отрада моя, честь и прибежище!
Есть такие, кому высшее счастье
Пыль арены дает в беге увертливом

¹ Эта ода написана в 23 г. до н. э.

Раскаленных колес: палма победная
Их возносит к богам, мира властителям.
Есть другие, кому любо избранником
Быть квиритов¹ толпы, пылкой и ветреной.

Этот счастлив, когда с поля ливийского²
10 Он собрал урожай в житницы бережно;
А того, кто привык плугом распахать
Лишь отцовский удел, — даже и Аттала³

Всем богатством, увы, в море не выманишь
Кораблем рассекать волны коварные.
А купца, если он, бури неистовой
Устрашася, начнет пылко расхваливать

Мир родимых полей, — вновь за починкою
Видим мы корабля в страхе пред бедностью.
Есть иные, кому с чашей вина в руках
20 Любо день коротать, лежа под деревом

Земляничным, в тени ласковой зелени
Или у родника вод заповеданных.
Многих лагерь манит — звук перемешанный
И рогов и трубы, ненавистная

Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая,
Ждет охотник в лесу — лань ли почуяла
Свора верных собак, сети ль кабан прорвал.

Но меня только плющ, славных отличие,
30 К вышним близит, меня роща прохладная,
Там, где Нимф хоровод легкий с Сатирами,
Ставит выше толпы, — только б Евтерпа⁴ лишь

В руки флейты взяла и Полигимния⁵
Мне наладить пришла лиру лесбийскую⁶;
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову.

¹ Римских граждан.

² Из Ливии (на севере Африки).

³ Аттал — пергамский царь, отличавшийся огромным богатством.

⁴ Муза музыки.

⁵ Одна из девяти муз.

⁶ Лиру греческих лесбосских лириков Алкея и Сапфо, поэзию которых Гораций перенес на римскую почву.

Пусть же правят тобой, корабль,
Мать Киприда, лучи братьев Елены² — звезд,
Ветров царь и отец — Эол,
Всех скрутив остальных, всех, кроме Япига³.

Дан Вергилий тебе: твой долг
Сохранить его нам и в предел Аттики,
Вняв мольбе, невредимым сдать:
Вместе с ним ты спасешь часть и моей души.

Знать, из дуба иль меди грудь
10 Тот имел, кто дерзнул первым свой хрупкий челн
Вверить грозным волнам: ему
Страх внушить мне могли Африка⁴ злой порыв

В дни борьбы с Аквилонем, всход
Льющих ливни Гиад⁵, ярости полный Нот —
Бурных Адрия⁶ вод судья:
Хочет — волны взметет, хочет — уложит вновь.

Поступь смерти страшна ль была
Для того, кто без слез чудищ морских видал,
Гребни вздувшихся грозно волн,
20 Скал ужасных гряды Акрокеравния⁷.

Пользы нет, что премудрый бог
Свет на части рассек, их разобшил водой,
Раз безбожных людей ладьи
Смеют все ж проплывать вод заповедных ширь.

Дерзко рвется изведать все
Род людской и грешит, став на запретный путь:
Сын Иапета⁸ дерзостный,
Злой обман совершив, людям огонь принес;

¹ Как известно, Пушкин упоминает в одном стихотворении 1824 г. об этой оде, написанной в 19 г. до н. э., в год смерти Вергилия:

Ему Гораций, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где другу Августов певец
Сулил хорошую погоду.

² Кастора и Поллукса, главных звезд в созвездии Близнецов; они считались покровителями мореплавателей.

³ Северо-западный ветер.

⁴ Юго-западный ветер.

⁵ Восход созвездия Гиад совпадал с периодом дождей.

⁶ Адриатического моря.

⁷ Мыс в Эпире.

⁸ Прометей.

30 После кражи огня с небес
 Вслед чахотка и с ней новых болезней полк
 Вдруг на землю напал, и вот
 Смерти день роковой, прежде медлительный,
 Стал с тех пор ускорять свой шаг.
 Выход небес испытал хитрый Дедал¹, надев
 Крылья — дар не людей, а птиц.
 Путь себе Геркулес через Ахеронт пробил.
 Нет для смертного трудных дел.
 Нас к самим небесам гонит безумье, — так,
 40 наших ради деяний злых,
 Бог Юпитер не мог молний ослабить гнев.

I, 8

Лидия², о, скажи мне
 Ради всех богов, для чего ты Сибариса губишь
 Страстью своей? Зачем он
 Стал чуждаться игр, не терпя пыли арены знойной,
 И не гарцует больше
 Он среди других молодцов, галльских коней смиряя
 Прочной уздой зубчатой?
 И зачем он стал желтых вод Тибра бояться, точно
 Яда змеи, елея
 10 Избегать, и рук, к синякам прежде привычных, ныне
 Не упражняет боем
 Тот, кто ловко диск и копье раньше метал за знаки?
 Что ж? Он укрыться хочет,
 Как Фетиды сын³, говорят, скрыт был под женским
 платьем,
 Чтобы не пасть, с ликийцев⁴
 Ратями сойдясь, средь борьбы у обреченной Трои?⁵

I, 9

Смотри: глубоким снегом засыпанный,
 Соракт⁶ белеет, и отягченные

¹ Мифический создатель, который вместе с сыном Икаром полетел на сделанных им крыльях. Миф рассказывается Овидием в «Метаморфозах», VIII, 183—235 (см. ниже).

² Имя, по-видимому, вымышленное, как и имя юноши Сибариса.

³ Ахиллес.

⁴ Союзники троянцев; здесь вместо троянцев.

⁵ По мифу, Фетида переодела Ахиллеса в женское платье и скрывала его среди дочерей царя Ликомеда, чтобы он не попал на войну, где ему суждено было погибнуть.

⁶ Гора в Италии (теперь Монте-де-Сильвестро); ее видно из Рима.

Леса с трудом стоят, а реки
 Скованы прочно морозом лютым.
 Прогоним холод; нового топлива
 В очаг подбрось и полною чашею
 Черпни из амфоры сабинской,
 О Талиарх¹, нам вина постарше!
 Богам оставь на волю все прочее:
 10 Лишь захотят — и ветер бушующий
 В морях спадет, и не качнутся
 Ни кипарисы, ни старый ясень.
 О том, что ждет нас, брось ты раздумывать,
 Прими, как прибыль, день, нам дарованный
 Судьбой, и не чуждайся, друг мой,
 Ни хороводов, ни ласк любовных,
 Пока далеко старость угрюмая
 И ты цветешь. Пусть ныне влекут тебя
 И состязанья и в урочный
 Вечера час нежный лепет страсти;
 И пусть порою слышится девичий
 Предатель-смех, где милая спряталась,
 И будет у тебя запястье
 Или колечко любви залогом.

I, 11

Не спрашивай ты, — ведать грешно, — мне и тебе какой,
 Левконой, пошлют боги конец, и вавилонские
 Числа² ты не пытай. Лучше терпеть, что бы ни ждало нас,
 Дая Юпитер в удел много ль вам зим иль ту последнюю,
 Что в скалистых брегах ныне разит море Тирренское³
 Бурей. Будь же мудра, вина цеди. Долгой надежды нить
 Кратким сроком урежь. Мы говорим, время ж завистное
 Мчится: день ты лови⁴, меньше всего веря грядущему.

I, 14

О корабль⁵, отнесут в море опять тебя
 Волны. Что ты? Постой! Гавань займи скорей!

¹ Лицо вымышленное.

² Т. е. гадания.

³ У западного берега Италии.

⁴ «Лови день» (carpe diem) — эпикурейский принцип Горация, основа его философии.

⁵ В образе корабля Гораций в этой оде изображает Римское государство. Такая аллегория появилась, возможно, под влиянием греческой лирики: мы ее видим у Феогнида и Алкяя (см. «Хрестоматию», т. I). Римский ритор I в. н. э. Квинтилиан раскрывает эту аллегорическую («Образование оратора», VIII, 6, 44) следующим образом: «Гораций называет корабль вместо государства, волны и бури — вместо гражданских войн, гавань — вместо мира и согласия». Ода написана, очевидно, до окончания гражданских войн.

Неужели ты не видишь,
 Что твой борт потерял уже
 Весла, бурей твоя мачта надломлена,
 Снасти стон издают, скрепы все сорваны,
 И едва уже днище

10 Может выдержать властную
 Силу воли? У тебя нет уж ни паруса,
 Ни богов на корме — в бедах прибежища.
 Хоть сосною понтийской,
 Леса знатного дочерью,
 Ты, как матерью, горд, — род бесполезен твой:
 На твой борт расписной можно ль надеяться
 Моряку? Ведь ты будешь
 Только ветра игралищем,
 О недавний предмет помысла горького,
 Пробудивший теперь чувства сыновние,
 Не пускайся ты в море,
 Что шумит меж Цикладами!

I, 19

Мать страстей беспощадная¹,
 Сын Семелы из Фив², с резвою Вольностью³,
 Душу вы повелели мне
 Вновь доверить любви, было забытой мной.

Распален я Гликерою⁴,
 Что сияет светлей мрамора Пароса⁵,
 Распален и задором я,
 И опасной для глаз прелестью личика.

10 И бессилен пред натиском
 Я Венеры: она с Кипром рассталась⁶,
 Про парфян ли, про скифов ли —
 Все, что чуждо любви, петь возбраняет мне.

Так подайте ж, прислужники,
 Дерна мне, и ветвей свежих, и ладана,
 И вина с чашей жертвенной;
 Да богиня грядет, жертвой смягченная!

¹ Венера.² Дионис.³ Licentia — божество, сопутствующее Венере.⁴ Это имя женщины встречается и в 30-м стихе книги I.⁵ Мрамор с острова Пароса считался в древности лучшим.⁶ Остров Кипр считался родиной богини Венеры и был главным местом ее культа.

Ты, чей Паф¹ и Книд², о покинь, богиня,
 Свой любимый Кипр, и на зов Гликеры
 К ней ты в дом явись, где курильниц ладан
 Густо дымится.

Пусть примчится сын³, что огнем пылает,
 Нимф и граций хор, пояса откинув,
 Младость пусть спешит, лишь тобой пригрета,
 Пусть и Меркурий.

I, 23

Ты бежишь от меня, Хлоя, как юная
 Лань, которая мать ищет в горах крутых
 И напрасно страшится
 Леса легкого лепета.

Куст ли зашелестит ветра дыханием,
 Шелохнет ли слегка быстрый бег ящериц
 Веточку ежевики, —

Вся она уже в трепете.
 Ведь не тигр я, не лев, Гетулов⁴ сын земель,
 Чтобы тебя растерзать, хищно набросившись.
 Брось за матерью бегать:
 Ты в поре уж супружества.

I, 37

Нам пить пора, пора нам свободно
 Стопою в землю бить, сотрапезники.
 Пора для пышных яств салийских⁵
 Ложа богов разубрать богаче.

Грехом доселе было цекубское⁶
 Из погребов нам черпать из дедовских,
 Пока царица⁷ Капитолий
 Мнила в безумье своем разрушить.

¹ Город на берегу острова Кипра.² Город в Кarii (в Малой Азии), где был культ Венеры.³ Купидон.⁴ Жители северо-западной Африки.⁵ С а л и й с к и й — от слова «салии» — прыгуны; так называлась древняя жреческая коллегия в Риме, отсюда «салийский» — веселый, а яства «пышные».⁶ Название вина.⁷ Клеопатра.

Грозь с толпой уродливых евнухов
Державе нашей смертью позорною,
Не зная для надежд предела,
Счастьем она опьянялась сладким.

Но спал задор, — всего лишь один корабль
Ушел огня, и ум, затуманенный
Вином у ней мареотийским¹,
В ужас неложный повергнул Цезарь²,

За ней, бегущей вспять от Италии,
Гонясь на веслах... Как за голубкою
Несется коршун³, иль за зайцем
Ловчий проворный по ниве снежной, —

Так мчался Цезарь вслед за чудовищем,
Чтоб цепь накинута. Но, хоть и женщина,
Меча она не убоилась,
Чуждых краев не искала с флотом, —

Нет, умереть желая царицею,
На павший дом взглянула с улыбкою
И злобных змей к груди прижала,
Чтобы всем телом впитать отраву:

Она решилась твердо на смерть идти
Из страха, что царицей развенчанной
Ее позорно для триумфа
Гордого вражья умчит либурна⁴.

II, 3

Хранить старайся духа спокойствие
Во дни напасти; в дни же счастливые
Не опьяняйся ликованием,
Смерти подвластный, как все мы, Деллий⁵,

Печально ль жизни будет течение,
Иль часто будешь ты услаждать себя
Вином Фалерна лучшей марки,
Праздник на мягкой траве встречая.

¹ Из лоз, росших в Марее (в Африке).

² Октавиан.

³ В трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» для бегства Антония взято другое сравнение: Антоний бросился за Клеопатрой, «как селезень за уткой».

⁴ Т. е. ее на либурнских посылках доставят в Рим. Либурн — житель Либурнии на побережье Иллирии; либурны были носильщиками.

⁵ Несмотря на свой эпикуреизм, Гораций не может отделаться от страха смерти; мрачные мысли о смерти высказывает он и в оде II, 14-й.

Не для того ль тень сочетается
¹⁰ Сосны огромной с тополя белого
Отрадной тенью, не к тому ли
Резвой струей ручей играет,

Чтобы сюда ты вина подать велел,
Бальзам и розы, цвет кратковременный,
Пока судьба, года и Парок¹
Темная нить еще срок дают нам.

Ведь ты оставишь эти угодия,
Что Тибр волнами моет янтарными,
И дом с поместьем и богатством —
²⁰ Всем завладеет твоим наследник.

Не все ль равно, ты Инаха² ль древнего
Богатый отпрыск, рода ль низкого,
Влачащий дни под чистым небом, —
Ты беспощадного жертва Орка.

Нас всех сгоняют в царство подземное.
Вертится урна: рано ли, поздно ли —
Наш жребий выпадет, и вот он
В вечность изгнания челнок³ направит.

II, 7 [К ПОМПЕЮ ВАРУ⁴]

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

¹⁰ Ты помнишь час ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирит,

¹ Богини судьбы, ткущие нить жизни.

² Мифический царь Аргоса.

³ Лодка Харона, перевозившего тени мертвых через подземное озеро.

⁴ Товарищ Горация по военной службе, Помпей Вар, не ограничился участием в битве при Филиппах, а вместе с остатками армии республиканца Брута участвовал в новой войне Секста Помпея против Октавиана, тоже окончившейся поражением республиканцев. В этой оде Гораций поздравляет своего друга с благополучным возвращением после войны и приглашает его на радостный пир. Мы даем оду в великолепном переводе А. С. Пушкина, хотя и не передающем размер подлинника.

Бежал, нечестно броса щит¹,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий² сам внезапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал,
И спас от смерти неминуей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
²⁰ И ныне в Рим ты возвратился,
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов,
Давайте чаши. Не жалея
Ни вин моих, ни ароматов!
Венки готовы. Мальчик! Лей!
Теперь нехстати воздержанье:
Как дикий скиф, хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить³.

II, 10 [К Лицинию]

Будешь лучше жить, не стремясь, Лициний⁴,
В глубь широких вод и не жмясь вплотную
В страхе сильных бурь к берегам неверным
Чутко и зорко,

Кто златую взял середину мерой,
Тот без злых забот, и худого крова,
И палат больших, что рождают зависть,
Мудро избегнет;

Ветер чаще гнет вековые сосны;
Всех сильнее обвал величайших башен;
Стрелы молний бьют лишь в большие горы
С гордой вершиной.

¹ Вероятно, правильно понял это признание Горация Пушкин, который «не верит трусости Горация». «Хитрый стихотворец хотел рассмешить Августа и Мецената своею трусостью, чтобы не напомнить им о сподвижнике Кассия и Брута» («Цезарь путешествовал...»). Гораций, бывший в битве при Филиппах в должности военного трибуна, не носил щита.

² Бог Гермес.

³ В своем переводе Пушкин: 1) заменяет размер подлинника («алкеева строфа») ямбами, 2) старается избегать римских черт для облегчения понимания русским читателем. Перевод Пушкина вызвал зосторг Белинского: «Можно ли не слышать в них (т. е. в стихах) живого Горация!» — восклицает Белинский.

⁴ Луций Лициний Мурена — консул 25—24 гг. до н. э., шурий Мецената, друг Горация.

Кто обдумал жизнь, не боится горя,
Зорко вдаль глядит при безмерном счастье.
Злую зиму, к нам приведя, уводит
Тот же Юпитер.

Пусть теперь печаль — не всегда так будет,
Есть часы, когда Аполлон кифарой
Звонко будит муз, — не всегда он пружит
Лук для прицела.

Бодрым, твердым встретить все несчастья жизни,
Если ж будет дуть чересчур счастливый
Ветер, — ты сумей подобрать разумно
Вздувшийся парус.

II, 14

Увы, о Постум, Постум!¹ летучие
Года уходят, и благочестие
Морщин и старости грозящей
Не отдалит, ни всеильной смерти².

Хотя бы каждый день тремястами ты
Быками, друг мой, немилосердного
Плутона умягчал, который
Тития и Гериона³ держит

За мрачным током, где, без сомнения,
¹⁰ Мы все, дарами почвы живущие,
Проплыть обречены: цари ли
Будем мы иль бедняки колонны.

Вотще бежим мы Марса кровавого
И гулко в скалы бьющего Адрия;
Вотще беречься будем Австра,
Вредного телу порой осенней:

Должны Коцит⁴ мы видеть, блуждающий
Струею вялой, и обесславленный
Даная род⁵ и Эолида,
²⁰ Сисифа казнь — без конца работу,

¹ По-видимому, это имя нереального лица.

² Мысли о неизбежности смерти продолжают мучить Горация, как и в оде 3-й этой же книги.

³ Титий, Герион, так же как и Сисиф, — мифические преступники, казнимые в подземном царстве.

⁴ Река в подземном царстве.

⁵ Дочери царя Даная, убившие своих мужей в первую брачную ночь.

Покинуть землю, дом и любезную
Жену, и сколько ты ни растил дерев, —
За преходящим господином
Лишь кипарис¹ побредет постылый.

Вин самых тонких за ста запорами
Запас наследник выпьет достойнейший
И штучный пол окрасит соком
Гордым, какой и жрецы не пили.

II, 15

Земли уж мало плугу оставили
Дворцов громады², всюду виднеются
Пруды, Лукринских вод³ обширней,
И вытесняет платан безбрачный

Лозы подспорье — вязы; душистыми
Цветов коврами с миртовой порослью
Заменены маслины рощи,
Столько плодов приносившей прежде;

И лавр густою перенял зеленью
¹⁰ Весь жар лучей... Не то заповедали
Нам Ромул и Катон⁴ суровый,
Предки другой нам пример давали.

Немногим каждый лично владел тогда,
Но процветала общая собственность;
Не знали предки в жизни частной
Портиков длинных лицом на север⁵;

Не возбранялся прежде законами
Кирпич из дерна⁶, и одобрялся лишь
Расход общественный на мрамор
Для городов и величья храмов.

¹ Дерево, связанное с похоронами; им обсаживали могилы.

² Гораций жалуется на вытеснение мелких хозяйств крупными имениями богачей-рабовладельцев и вспоминает старый, простой, строгий Рим.

³ Лукринское озеро около местечка Байи (близ Неаполя).

⁴ Разумеется Марк Порций Катон Старший (234—149 гг. до н. э.) — консерватор и суровый цензор; он рисовался многим, и в частности Горацию, олицетворением старинной римской доблести и строгости нравов.

⁵ Во времена Горация римляне делали портики обращенными на север, для избежания солнечного жара.

⁶ Т. е. древние римляне сооружали частные постройки лишь из дернового кирпича.

II, 16 [ЭПИКУРЕЙСКИЙ ИДЕАЛ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ]

Молит дать покой, кто в Эгейском море
Слышит бури вой, когда тучи скроют
Лунный свет и с глаз исчезают хоры
Звезд путеводных.

Молит дать покой и фракиец ярый,
Молит мидян рать, что колчаны носит,
Но покоя, Гросф¹, не купить за пурпур,
Злато иль перлы.

Деньги, власть — тебе не помогут сбросить
Тяжесть горьких мук, что в душе гнездятся;
Вьется рой забот под резьбой плафона
В доме богатых.

Малым жить легко, кто хотя бы скудный
Стол украсит свой родовой солонкой;
Скупость, низких страсть, и боязнь там легких
Снов не уносят.

Жизнь кратка — к чему ж добиваться силой
Многих благ, бежать — где не наше солнце?
Нет, ведь сам себя избежать не сможешь,
Родину бросив.

Рой забот спешит и в корабль за нами,
В конном строе нас не оставит грозный;
Лани он быстрее и быстрее Эвра,
Тучи что носит.

Пусть отвергнет дух, настоящим полный,
То, что свыше нас, и пусть нашу горечь
Тихий смех смягчит, — не бывает вовсе
Полного счастья.

Рано смертью взят Ахиллес был славный,
Сморщился Тифон², долголетний старец...
В чем тебе отказ, — то судьба, быть может,
Мне предоставит.

¹ Богатый сицилийский землевладелец. Гораций считает его справедливым и разумным человеком («Послания», I, 12, 23).

² Мифический юноша; его любовница, богиня зари Аврора, даровала ему бессмертие; он иссох от продолжительной старости, так как вечной юности ему дано не было. В конце концов Тифон был превращен в кузнеца.

Сотни стад твоих в сицилийском поле
Блеют и мычат, годная в четверку
Кобылица ржет; африканской дважды
Крашен багрянкой

Яркий твой хитон. Ну, а мне нелживой
Парки суд послал небольшую виллу,
Музы скромный дар, да еще презренья
К черни злонравной¹.

II, 20 [ЛЕБЕДЬ]

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий², в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.

Я, чадо бедных, тот, кого дружески
Ты, Меценат, к себе, в свой чертог зовешь,
Я смерти непричастен, — волны
Стикса³ меня поглотить не могут.

Уже я чую, как утончаются
Под грубой кожей голени, по пояс
Я белой птицей стал, и перья
Руки и плечи мои одели.

Известный лучше сына Дедалова⁴,
Я, певчий лебедь, узрю шумящего
Босфора брег, гетулов Сирты⁵,
Гиперборейских⁶ полей безбрежность.

Меня узнают даки⁷, таящие
Свой страх перед строем марсов⁸, Колхиды сын,

¹ Первая ода книги III начинается с такого же презрения к «непросвещенной черни»: «Я ненавижу непросвещенную чернь» (vulgus). Гораций понимает, вероятно, не массу некультурного народа, а своих критиков, не понимавших новаторства и аристократической изысканности его поэзии.

² Т. е. в образе поэта и лебедя, в которого Гораций представляет себя обращенным после смерти.

³ По мифу, река в подземном царстве.

⁴ Икар, который летал на крыльях вместе со своим отцом Дедалом (см. ниже: Овидий, Метаморфозы, VIII, 183—235).

⁵ Песчаные отмели в Африке.

⁶ Гиперборейцы — мифический народ на севере.

⁷ Народ, живший на территории теперешней Румынии и Молдавии.

⁸ Храброе племя в средней Италии.

Гелон далекий¹, ибериец²,
Люди, что пьют из Родана³ воду⁴.

Не надо плача в дни мнимых похорон,
Ни причитаний жалких и горести.
Сдержи свой глас, не воздавая
Почестей лишних пустой гробнице.

III, 6

За грех отцов⁵ ответчиком, римлянин,
Безвинным будешь, храмов пока богам
Повергнутых не восстановишь,
Статуй, запятнанных черным дымом.

Пред властью вышних, помни, бессилен ты;
От них начало, к ним и конец веи.
Как много бед за небреженье
Боги наслали отчизне скорбной.

¹⁰ Монес⁶ и Пакор⁷ натиск отбили наш,
Осушенный с волей богов вразрез, —
Гордятся, пышную добычу
К скудным своим цепям⁸ прибавив.

Объятый смутой, чуть не погиб наш град:
Уж близко были дак⁹ и эфиоп¹⁰; один
Летучими стрелами сильный,
Флотом другой быстроходным грозный.

Злодейства полный век осквернил сперва
Святыню брака, род и семью; затем,
Отсюда исходя, потоком
Хлынули беды в отчизну римлян.

¹ Скиф.

² Испанец.

³ Река в Галлии (теперь Рона).

⁴ Эта ода перекликается с «Памятником» Горация (см. ниже, III, 30) — и там Гораций говорит о своем бессмертии поэта и о своей известности.

⁵ Разумеются гражданские войны I в. до н. э. Гораций, нашедший себе удовлетворение под эгидой Августа, обращается в 28 г. до н. э. с обычным своим морализующим призывом к римлянам вернуть старинное благочестие (стихи 1—8) и семейную нравственность их отцов, доблестных воинов-пахарей (стихи 17—37). В этой римской оде, угождая Августу, Гораций, «умный льстец», вместе с тем отдает дань и своим республиканским симпатиям.

⁶ Парфянский вождь; в 36 г. до н. э. он разбил римские войска.

⁷ Другой вождь парфян, разбивший римские войска в 40 г. до н. э.

⁸ К ожерельям.

⁹ См. выше оду II, 20, 17.

¹⁰ Египтяне.

Едва созревши, рада скорей плясать
Ионян танец¹ дева и с нежных лет
Искусна в хитростях, заране
Мысль устремляя к любви нечистой.

А там любовник, лишь бы моложе, ей
За пиром мужним сыщется²; нет нужды
Искать тайком, кому преступно
Ласки дарить, удалив светильник;

30 При всех открыто — тайны от мужа нет —
Идет, велит ли следовать ей купец,
Зовет ли мореход испанский —
Срама ее покупатель щедрый.

Иных отцов был юношей род, что встарь
Окрасил море кровью пунийской³, смерть
Принес лихому Антиоху⁴,
Пирру-царю⁵, Ганнибалу-зверю.

40 Сыны то были воинов-пахарей,
Они умели глыбы земли копать
Сабинскою мотыгой, строгой
Матери волю творя, из леса

Таскать вязанки в час, когда тени гор
Изменит солнце, с выи ярмо волам
Усталым снимет и, скрываясь,
Ночи желанную пору близит.

Чего не портит пагубный бег времени?
Отцы похуже дедов родились, — мы
Еще негодней; а все наше
Будет потомство еще порочней.

III, 9 [ДИАЛОГ-ДУЭТ]

— Был пока я любим тобой,
И руками никто больше из юношей
Шей не обвивал твоей,
Был счастливее я персов царя тогда!

¹ Отличавшийся особенной вольностью.

² Обман мужа на пиру — излюбленная ситуация античной любовной элегии (см., например, у Овидия «Песни любви», I, 4).

³ Карфагенской (во время войны с Ганнибалом).

⁴ Сирийский царь, разбитый в 190 г. до н. э. Сципионом,

⁵ Царь Эпира; воевал с римлянами в III в. до н. э.

— Ах, пока не пылал к другой
Страстью ты, не сменил Лидию Хлоєю,
Имя Лидии славилось,
Я счастливей была римлянки Илии¹!

— Я под властью Фракиянки²,
Нежны песни ее, сладок кифары звон;
За нее умереть готов,
Лишь бы только судьба милой продлила век!

— Мне взаимным огнем зажег
Кровь туриец³ Калай, Орнита юный сын:
За него дважды смерть приму,
Лишь бы только судьба друга продлила век!

— А вдруг прежняя страсть придет
И нас свяжет опять крепким, как медь, ярмом,
К русой Хлое остынет пыл,
И откроется дверь снова для Лидии?

Хоть звезды он⁴ красивее,
Ты коры на волнах легче и вспылчивей
Злого, мрачного Адрия,
Я с тобой хочу жить, я и умру с тобой!

III, 12 [К НЕОБУЛЕ⁵]

Дева бедная не может ни Амуру дать простора,
Ни вином прогнать кручину, но должна бояться дяди
Всебичующих упреков.

От тебя, о Необула, прочь уносят шерсть и прялку
Трудолюбницы Минервы⁶ сын крылатый Кифереи⁷
И блестящий Гебр Липарский⁸,

Лишь увидишь, как смывает масло с плеч он в водах Тибра,
Конник, что Беллерофонта⁹ краше, ни в бою кулачном
Не превзойденный, ни в беге.

¹ Иначе Рея Сильвия — мать легендарных Ромула и Рема, основателей Рима.

² Хлои.

³ Из области города Турий в южной Италии.

⁴ Калаид — один из Бореадов; участник похода аргонавтов.

⁵ Ода написана в подражание Алкею (см. «Хрестоматия», т. I). Это единственная ода, написанная «иониками» (— — — — —), которые, однако, в русском переводе представляются в виде трохеев (хореев).

⁶ Покровительницы рукоделий.

⁷ Сын Венеры — Амур.

⁸ Имя юноши.

⁹ Мифический герой, укротивший крылатого коня Пегаса; на нем он попытался взлететь на небо. У Еврипида была трагедия «Беллерофонт».

В ланей, по полю бегущих целым стадом, он умеет
Дрот метнуть и, быстр в движение, вепря, что таится в чаше,
На рогатину взять смело.

III, 30 [ПАМЯТНИК¹]

Памятник я воздвиг меди нетленнее;
Царственных пирамид выше строения,
Что ни едкость дождя, ни Аквилон пустой
Не разрушат вовек и ни бесчисленных
Ряд идущих годов, или бег времени.
Нет, не весь я умру; большая часть меня
Либитины² уйдет, и я посмертную
Славою снова возраду, сколь в Капитолии
Жрец верховный идет с девою безмолвною³.
Буду назван, где мчит Ауфид⁴ неистовый
И где бедный водой Давн⁵ над пастушеским
Племенем был царем: из ничего могуш
Первый я преклонил песни эольские⁶
К италийским ладам. Гордость заслуженно,
Мельпомена⁷, прими и мне дельфийскими⁸
Благостно увенчай голову лаврами.

IV, 5 [К АВГУСТУ]

Сын блаженных богов, рода ты римского
Охранитель благой, долго все нет тебя⁹!

¹ Эта ода вызвала многочисленные подражания. Уже Овидий отчасти подражает Горацию в заключении «Метаморфоз» (см. ниже). Далее идут подражания в западноевропейской поэзии (ср. Ронсар, Ода сеньору и др.). В русской поэзии эту оду творчески переработали М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин.

² Богиня похорон; здесь — в смысле смерти вообще.

³ Т. е. пока жрец (Великий понтифик) с непорочной жрицей, весталкой, будут приносить жертвы богине городского очага Весте и Юпитеру в храме на Капитолийском холме Рима, а это, по мнению Горация, должно быть вечно.

⁴ Река в Апулии, на родине Горация.

⁵ Мифический царь северной Апулии.

⁶ Из области Эолии в Малой Азии и эолийского острова Лесбоса. Гораций гордится тем, что он первый переложил греческую лирику, особенно песни Алкея и Сапфо, на итальянские лады. Правда, начало этому заимствованию отчасти положил Катюлл, например своим переводом стихотворения Сапфо (см. выше). Но по существу Гораций первый стал ориентироваться на греческие классические образцы.

⁷ У Горация — муза поэзии и песни.

⁸ Из дельфийского храма Аполлона, покровителя поэтов.

⁹ Ода написана в 14 г. до н. э. и обращена к Августу, который уехал в 16 г. на войну в Галлию и долго не возвращался. Эта льстивая ода отражает отношение к императору римских рабовладельцев, видевших в нем оплот гражданского мира.

Ты пред сонмом отцов¹ нам обещал возврат
Скорый, — о, воротись скорей!

Вождь наш добрый, верни свет своей родине!
Лишь блеснет, как весна, лик лучезарный твой
Пред народом, для нас дни веселей пойдут,
Солнце ярче светить начнет.

10 Как по сыну скорбит мать, если злобный Нот
По карпатским² волнам плыть не дает ему,
Не давая узреть дома родимого
Больше года; как мать, молясь,

Иль обеты творя, или гадаючи,
Не отводит очей от берегов крутых,
Так, тоской сражена, родина верная
Вся горюет о Цезаре.

Безопасно бредет ныне по пашне вол;
Сев Церера хранит и Изобилие;
20 Корабли по морям смело проносятся;
Ни пятна нет на честности;

Не бесчестит семьи любодееяние³,
Добрый нрав и закон — цепь для распутников;
Матери родовым сходством детей горды;
За виной кара следует.

Кто боится парфян, кто скифа дерзкого?
Кто германской страны, диких воителей
Породившей? На то Цезарь наш здравствует!
Кто войны с злой Иберней⁴?

30 На холмах у себя день свой проводят все,
Обвивая лозой дерево голое,
И, домой воротясь, пьет, на пиру к тебе,
Словно к богу, зываяочи.

Он, с мольбою к тебе и с возлиянием
Обращаясь, твое чтит имя божие,
Приобщая его к Ларам⁵, — так в Греции
Чтят Геракла и Кастора.

¹ Сенаторов.

² В Эгейском море, близ острова Крита (Mare, Carpathium).

³ Прославление законов Августа по укреплению семьи и нравственности.

⁴ Испанией.

⁵ Домашним богам.

«О, продли, добрый вождь, ты для Гесперии¹
Счастья дни!» — по утрам так мы и трезвые
Молим, молим мы так и за вином, когда
40 Солнце к морю склоняется.

ПЕСНЬ СТОЛЕТИЯ

(Carmen saeculare)²

(гимн Аполлону и Диане)

Феб и ты, царица лесов, Диана,
Ясный свет небес! Поклоненье вечно
Да воздастся вам! Снизойдите к просьбам
В день сей священный!

В день, когда Сивиллы велели книги³
Воспевать богов, — под покровом коих
Семихолмный град⁴, — хору дев избранных
И отрокам чистым.

Пусть, о Солнце, ты, что даешь и прячешь
10 День — иным и тем же рождаясь, — пусть же
Ты нигде не зришь ничего славнее
Города Рима!

Ты, что в срок рожать помогаешь женам,
Будь защитой им, Илития, кроткой,
Пусть Луциной ты предпочла бы зваться,
Пусть Генитальей⁵.

¹ Италии.

² Август, желая представить наступление при нем новой эры, того «золотого века», который предвещал Вергилий, решил освятить пышной церемонией свои реформы по реставрации старины. В 17 г. до н. э. он, как будто по указанию пророческих Сивиллиных книг, устраивает «вековое» всенародное празднество, которое совершалось каждые 110 лет в Риме в честь подземных и небесных богов. Найденная в 1890 г. надпись подтвердила данные об этом «вековом празднестве»; в ней говорится, что для празднества на Капитолии Гораций составил песнь. Этот торжественный гимн столетия («Carmen saeculare») в честь Аполлона и Дианы был исполнен в заключение на третий день праздника; его пел хор, состоявший из 27 мальчиков и 27 девочек, родители которых были живы.

³ Сборник прорицаний мифической пророчицы Сивиллы; о ней см. выше, в «Энеиде» Вергилия.

⁴ Рим.

⁵ Гораций обращается не только к Аполлону и Диане, но и к другим божествам, которым приносились жертвы в течение трех дней праздника, — к богине рожениц Илитии, к Паркам, к Земле.

О, умножь наш род, помоги указам,
Что издал сенат об идущих замуж,
Дай успех законам, поднять сулящим
20 Деторождение¹!

Круг в сто десять лет да вернет обычай
Многолюдных игр, да поются гимны
Трижды светлым днем, троекратно ночью
Благоприятной.

Парки! вы всегда предвещали правду, —
То, что рок судил, что хранит, незбылем,
Термин² бог, — к удаче бывлой прибавьте
Новое счастье.

Хлебом пусть полна и скотом, Церере
30 В дар земля венки из колосьев вяжет,
Ветром пусть плоды и живящей влагой
Вскормит Юпитер.

Благосклонно, лук отложив и стрелы,
Юношей внемли, Аполлон, молениям!
Ты, царица звезд, о Луна с рогами³,
Девушкам внемли.

Если вами Рим был когда-то создан
И этрусский брег дан в удел троянцам,
40 Чтобы отчий град заменить и Ларов
В бегстве успешном,

За святым Энеем⁴ уйдя, который
Указал им путь из горящей Трои,
Спасшись сам, и дать обещал им больше,
Чем потеряли, —

Боги! честный нрав вы внушите детям,
Боги! старцев вы успокойте кротких,
Роду римлян дав и приплод и блага
С вечною славой.

Все, о чем, быков принося вам белых,
50 Молит вас Анхиса, Венеры отпрыск⁵,

¹ Разумеются законы Августа против холостяков и прелюбодеяния — законы по укреплению семьи.

² Бог границ, незбылемости, устойчивости.

³ Диана в ее функции богини луны.

⁴ См. выше «Энеиду» Вергилия.

⁵ Октавиан Август.

Да получит он, ко врагам поправным
Милости полный.

Вот на суше, на море перс страшится
Ратей грозных, острых секир албанских¹,
Вот приказов ждут уже скиф и индус,
Гордый недавно.

Вот и Верность, Мир, вот Честь, и древний
Стыд, и доблесть вновь, из забвенья выйдя,
К нам назад идут, и Обилье с полным
Близится рогом.

Вещий Феб, чей лук на плечах сверкнет,
Бог — любимец Муз девяти, целящим
Ты искусством шлешь облегченье людям
В тяжких недугах.

Лишь узрит алтарь Палатинский оком
Добрым Феб, продлит он навеки Рима
Мошь, из года в год одаряя новым
Счастьем Лаций.

С Алгида² ль высот, с Авентина³ ль внемлет
Здесь мужей пятнадцати⁴ гласу Дева,
Всех детей молениям она любовно
Ухо преклонит.

Так решил Юпитер и сонм всевышних!
Верим и домой мы несем надежду,
Научившись петь, восхваляя хором
Феба с Дианой.

ПОСЛАНИЯ

(Epistolae)

II. I (поэзия и поэт)

Вот изменил уж народ неустойчивый мысли и пышет
Страстью одной — сочинять⁵: и отцы с строгим видом, и дети,

¹ Здесь — римских, так как римляне — выходцы из города Альбы-Лонги.

² Гора в Лациуме, место поклонения Диане.

³ Один из холмов Рима с храмом Дианы.

⁴ Разумеется ведавшая всем празднеством коллегия квиндецемвиров, председателем которой был Август.

⁵ Как видно из предыдущего, перемена мыслей народа состояла в том, что народ от сухих, практических денежных расчетов обратился к сочинительству. Гораций подтрунивает над страстью к творчеству, охватившей римлян с наступлением «гражданского мира».

Кудри венчая плющом, произносят стихи за обедом.
Сам я, хотя уверяю: «Стихов никаких не пишу я»,
Хуже парфян уж лгуном оказался: до солнца восхода
Встану лишь, требую тотчас перо и бумагу и ларчик.
Тот, кто не сведущ, корабль боится вести; и больному
Дать абротон¹ не дерзнет, кто тому не учился, лечение —
Дело врачей; и искусств творенья творит лишь художник;
Мы же — учен, не учен, безразлично — поэмы все пишем.
Но в увлеченье таком и в безумии легком какие
Есть добродетели, ты посмотри: едва ли поэты

Жадны, но только стихи они любят и к ним лишь
пристрастны;

Будят лишь смех в нем убытки, и бегство рабов,
и пожары;

Он не замыслит надуть компаньона, ребенка-сиротку;
Может он хлебом простым и стручьими только питаться;
Пусть до войны неохоч и негож, но полезен он граду,
Если согласен ты с ним, что большому и малое в помощь.
Нежных ребяческих уст лепетанье поэт исправляет,
Слух благовременно им от речей отвращает бесстыдных,
После же дух воспитает им дружеским он наставленьем,
Душу исправит, избавив от зависти, гнева, упрямства;
Доблести славит дела и благими примерами учит
Годы грядущие он; и больных утешает и бедных².
Чистые мальчики где с непорочными девами взяли б
Слов для молитвы, когда б не послала им муза поэта?
Молит о помощи хор и чует присутствие вышних.
Просит дождей он, богов ублажая мольбой, что усвоил;
Гонит опасности прочь, отвращает угрозы болезней,
Мирного он жития и плодов изобилья испросит:
Песня смягчает богов и вышних равно, и подземных.

ПОСЛАНИЕ К ПИСОНАМ ОБ ИСКУССТВЕ ПОЭЗИИ

[Послание обращено к аристократам Писонам, из которых один был начинающим драматургом. В этом послании Гораций дает главным образом поэтику драмы. Название «Об искусстве поэзии» («De arte poetica») было дано этому посланию ритором I в. н. э. Квинтилианом, который в качестве примера порочной композиции ссылается на фантастическую картину, изображенную в самом начале послания Горация («Образование оратора», VIII, 3, 60). В отличие от «Поэтики» Аристотеля, поэтика Горация нормативна. Подводя итог длительному и многообразному процессу литературного развития, Гораций желает дать твердые законы поэзии, достойные, по его мнению, эпохи цезаризма.]

¹ Лекарственное растение.

² Гораций признает идейное воздействие поэзии.

Если б художнику вдруг к голове человека приставить
Вздумалось шею коня, разукрасивши в пестрые перья,
Члены отвсюду собрав, чтоб уродливо черною рыбой
Кончилась женщина, сверху прекрасная, и довелось бы
Видеть вам это, друзья, вы могли б удержаться от смеха?
Верьте, Писоны, с такою картиной сходна будет книга,
Где, словно сны у больного, измышлены будут пустые
Призраки, где головы, как и ног, лишен будет образ

единый,

Цельный¹. Но скажут, пожалуй: «Художникам, как и поэтам,
10 Право дерзанья на все одинаково всем представлялось»².
Знаем и милость мы эту даем и просим взаимно,
Только не с тем, чтоб сливать свирепое с кротким,

не с тем, чтоб

Змеи и птицы в любви сочетались, ягнята и тигры.
К важному и обещавшему много началу, бывает,
Часто один за другим лоскут пришивают пурпурный,
Издали видный: алтарь рисуют и рошу Дианы
Иль по роскошным полям воды бегущей извивы,
20 Реку ли Рейн или радуги арку: но вовсе не к месту
Это сейчас. Может быть, кипарис рисовать ты умеешь?
Но для чего он, когда ты рисуешь за плату крушение
И безнадежных пловцов? Начинаешь лепить ты амфору,
Вот уж бежит колесо³: почему ж получается кружка?
Словом, что б ты ни начал, пусть будет едино и просто⁴.
Дети Писоны, почтенный отец! Большинство нас, поэтов,
Видимость с верных путей сбивает. Стараюсь быть кратким —
Делаюсь темным; гоняясь за мягкостью речи, иные
Силу теряют и страсть, за величию — станут надуты;
Кто слишком робок, внизу пресмыкается, бури боится;
Кто расцветить чудесами все тот же образ желает,
30 Пишет дельфина в лесу, в морском волнении вепря.
Страх пред ошибкой в порок нас влечет, если мало искусства.
Мастер один возле школы Эмилия⁵ может из меди
Сделать и ногти, и мягкие волосы он изваяет.
Жалкий в итоге творец! Ни за что он создать не сумеет

¹ Гораций имеет в виду стихотворцев своего времени, которые не заботились о стройной композиции произведения.

² Воображаемое возражение этих стихотворцев, которое дальше опровергает Гораций; такое построение «диатрибы», неразвитого философского диалога, применяет Гораций и в «Сатирах».

³ Колесо горшечника.

⁴ Единство, цельность, гармоничность и, далее, соразмерность — основы античной эстетики, выработанные в греческом искусстве V в. до н. э.

⁵ Находившаяся вблизи от цирка гладиаторская школа Луция Эмилия Лепида, около которой были мастерские литейщиков.

Целого. В деле искусства ему уподобиться, право,
Я бы настолько ж хотел, как при черных глазах и прекрасных
Черных кудрях получить безобразный нос от природы.
Всякий писатель бери предмет соответственно силам,
Взвешивай долго потом, что могут, чего не возьмется
40 Выдержать плечи. Кому посилен избранный образ,
Легкость в речах не оставит того, ни ясный порядок.
Сила ж порядка, его красота (или я ошибаюсь?)
В том, чтобы сразу сказать, что сразу сказать надлежало.

[СЛОВЕСНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ]

Далее, в меру слова создавая и с толком, прекрасно
Скажешь ты, если искусная связь известное слово
Сделает новым. Нужда ль придет в выражениях новых,
Чтоб обозначить дотоль неизвестные вещи, так можно
50 Новое слово создать, неизвестное древним Цетегам¹,
Лишь бы свободе такой применение огромное дал ты².
Новые эти слова будут приняты, если источник
Греческий их с небольшим изменением. Неужто дозволит
Плавту с Цецилием³ римлянин то, чего лишены им
Варий⁴, Вергилий? И мне почему мешать, если в силах
Кое-что дать я, меж тем как Энния речь и Катона⁵
Обогатила отцовский язык, имена для предметов
Новые дав? Допускалось всегда, допускаться и будет
Слово ввести, современной его отметив печатью.
60 Словно из году в год меняют леса свои листья,
Прежние падают, — слов поколение так старое гибнет,
Новорожденные ж юною силой цветут, укрепляясь.
Смерти подвластны и мы и все наше...
70 Много погибших имен возродится, и много погибнет
Тех, что в почете сейчас, если так пожелает обычай;
Он и верховный судья, и закон, и норма для речи...
80 Если описанный ритм соблюдать соответственно стилю
Я не могу, не учен, почему же мне зватьсь поэтом?
Ложный ли стыд понуждает меня не учиться, не зная?
Взять из трагедии стих не подходит к сюжетам комедий;
90 Все претит, вместе с тем, разговорным, почти подходящим
К стилю комедий стихом описывать ужин Тиеста⁶.

¹ Марк Корнелий Цетег — консул 204 г. до н. э.; здесь в общем смысле — древние римляне.

² Гораций полемизирует с поэтами-архаистами, которые считали возможным подражать в языке лишь старинным римским поэтам.

³ Римский драматург-комедиограф, младший современник Плавта.

⁴ Римский поэт-драматург, современник Горация.

⁵ Катон Старший — оратор и писатель III—II в. до н. э.

⁶ Частый мифический сюжет античной трагедии: Атрей угостил своего брата Тиеста мясом его собственных детей.

Каждый предмет пусть займет для него подходящее место.
Впрочем, иной раз и свой поднимает комедия голос:
В гневе и с пеной у рта Хремет¹ произносит укоры;
Также и трагик скорбит иногда прозаической речью.
Так вот Телеф и Пелей², бедняки изгнанники оба,
Высокопарную речь отвергают, надутое слово,
Если желают они сердце зрителя жалобой тронуть.
Мало прекрасными быть поэтам: пусть трогают душу
100 И за собою, куда им угодно, читателя тянут:
Ибо на смех и на плач отвечают и смехом и плачем
Лица людей. Если слез моих хочешь, ты должен сначала
Плакать и сам³, лишь тогда, о Телеф и Пелей, злополучьем
Тронусь твоим. Если данную роль неудачно исполнишь,
Или засну, или стану смеяться. Печальному виду
Грустные речи идут, а гневному — грозные речи;
Резвому шутка к лицу, а серьезному свойственна важность.
Дух наш природа сперва ко всем обстоятельствам жизни
Приспособляет: то радует нас, то доводит до гнева,
Или к земле принижает тяжелой печалью и мучит;
110 После ж движенья души выражает при помощи речи.
Если слова не сойдутся с судьбой говорящего, смехом
Римская публика, всадники, плебс ответят на это.
Разница будет сильна: божество говорит ли, герой ли,
Старец преклонный ли, юноша ль пылкий еще и цветущий,
Властной матроны ли речь, иль кормилицы ревностной
слово,
Странника речь ли, купца, иль владельца цветущего поля.
Колх⁴, ассириец ли, Фив уроженец или Аргоса.

[ХАРАКТЕРЫ]

Следуй преданию или сложи себе подходящий
120 Вымысел. Трагик! Ахилла ли славного вывести хочешь —
Гневен и бодр, неустанен, к мольбам неподатлив, свои пусть
Знает законы, всего пусть оружием он достигает.
Дикой, упрямой Медею представь, Иксиона коварным⁵,
Ио блуждающей⁶, жалкою — Ино⁷, печальным — Ореста...

¹ Имеется в виду персонаж комедии Теренция «Сам себе мстящий» (акт VI, сцена 4-я).

² Вызывавшие жалость трагические герои; их образы дал в своих драмах Еврипид.

³ И Аристотель в «Поэтике» (XVII) говорит: «Убеждают больше всего те поэты, которые сами переживают чувства того же характера; волнуется тот, кто волнуется сам, вызывает гнев тот, кто гневется сам».

⁴ Житель Колхиды.

⁵ Иксион — царь мифических лапифов, коварно убивший своего тестя.

⁶ См. трагедию Эсхила «Прометей Прикованный».

⁷ Дочь фиванского царя Кадма, по мифу, в отчаянии бросилась в море со своим сыном Меликертом.

128 Трудно об общем сказать по-своему; лучше, пожалуй,
Ты Илиаду разбить на акты сумеешь, чем первым
130 Выразить сможешь предмет незнакомый, не тронутый
словом.

Общий же станет предмет твоим достоянием полным,
Если не будешь в кругу вращаться избитом и плоском,
Если не будешь идти переводчиком верным другого,
Слово за словом, в тупик попадая, откуда обратно
Выбраться стыд не позволит тебе и закон сочиненья...
154 Если желаешь, чтоб зритель сидел до закрытия сцены,
Вплоть до того, пока корифей «Ну, хлопайте!» скажет,
Каждого возраста ты характер обязан отметить,
Должное дабы отдать текучей с годами природе.
Мальчик, умея слова говорить и твердой ногою
На землю ставши, со сверстником рад предаваться забавам;
160 Он и вспылить и утихнуть готов, ежечасно меняясь.
Юноша без бороды, наконец, расставшийся с дядькой,
Рад лошадям и собакам, и солнцу, и зелени Поля¹,
Мягок, как воск, к пороку, неподатлив к добрым советам,
Поздно он пользу предвидит свою, расточителен в средствах,
Страстен, возвышен, но быстро покинуть готов что полюбит.
Переменивши стремленья свои, дух и возраст мужчины
Ищет богатства, друзей, почету служит, боится
Сделать ошибочно то, что скоро менять не пришлось бы.
Много невзгод старика окружает: богатства ли ищет
170 Он, злополучный, найдя, его опасается тратить;
Робко и холодно он управляет всеми делами,
Вял, копотун, хочет жить с слядкой на то, что наступит;
Нравом тяжел и к нитью наклонен, прошедшее хвалит
Юности время своей, молодежь порицает и судит.
Многие блага с собой на подъеме годы приносят,
Много на спаде у нас отнимают: так чтоб молодому
Старческой роли не дать, а мальчику роли мужчины,
Будем всегда соблюдать мы каждого возраста свойства...
214 Фавны², лесные жильцы, я так думаю, пусть берегутся,
Словно питомцы дорог и к базару рожденные близко,
То, походя на юнцов, в слишком нежных стихах изъясняться,
То раздражаться всю непристойной и грязною бранью.
Всадников это, знатных людей, богачей оскорбляет;
Что одобряет вполне потребитель гороха, орехов,
250 Не принимают спокойно они и венком не венчают³.
...Творенья греков

¹ Разумеется Марсово поле, где происходили различные состязания.

² Римские боги лесов.

³ Гораций в условиях своего времени ориентируется в своей изящной поэзии лишь на знатных и богатых людей. О том же он еще говорит и в ст. 342 и в других «Посланиях» (I, 19, 37).

270 Днем почаще вращайте в руках, вращайте и ночью.
Прадеды ваши хвалили, однако, стихи и остроты
Плавта, дивясь и тому и другому с излишним терпением, —
Глупостью проще, пожалуй, сказать, если только мы с вами
Грубые шутки умеем вполне отличить от изящных,
Правильный звук уловить способны и счетом и слухом...

[ОБРАЗ ИСТИННОГО ПОЭТА]

295 Так как талант выше жалких искусств Демокритом¹
поставлен,
И с Геликона здоровых умом исключил он поэтов, —
Многие перестают остригать себе ногти, не бреют
Бороду, бань избегают, ища потаенных местечек;
Ибо достигнут они и цены и званья поэта,
300 Не предавая своей головы, даже в трех Антикирах²
Неизлечимой, Лицину цирюльнику. О, я безумец!
Желчь изливаю, когда наступает весеннее время!
Лучших стихов не сложил бы другой: не в этом, однако,
Ценность. Я камнем точильным являюсь, который железо
Делает острым, но сам рассечь его неспособен.
Сам не творя, научу и призванью и долгу поэта:
Где содержание взять, что творца создает, что подходит
Нам, а что нет, куда ум, куда ведет заблужденье³.
В здравом смысле исток работы творческой, верной:
310 Это тебе уяснят сократики⁴ в их сочиненьях.
Если известен предмет, то слова не замедлят явиться.
Кто изучил, чем друзьям он своим, чем отчизне обязан,
Как нам родителя надо любить, как брата и гостя,
В чем сенатора долг и судьи, в чем вождя назначение,
Ежели он на войну отправляется, — тот непременно
Личности каждой умеет воздать что ей подобает.
Я бы ученым творцам посоветовал в жизни и нравах
Высший понять образец и его оживлять в описаниях.
Мыслями если богата и правильно нравы рисует
320 Пьеса, хотя б красоты в ней не было, силы, искусства,
Часто сильнее увлекает народ и нравится больше

¹ Известный греческий философ-материалист.

² Город в Греции, около которого было много лекарственной травы — чемерицы.

³ В последних двух стихах дается расчлененная тематика остальной части «Послания».

⁴ Философы, последователи Сократа.

Бессодержательных строк, пустяков певучих и звучных¹.
Грекам врожденный талант округленной речи дарован
Музою, — грекам, к одной лишь славе стремившимся жадно.
Римские мальчишки с помощью длинных расчетов умеют
Асс² на сотню частей разделить. «Скажи, сын Альбина,
Если отнять из пяти двенадцатых унцию, сколько
Будет в остатке? А ну, говори». — «Третью асса». —

«Прекрасно,

Свой сохранишь капитал. А прибавь, — что тогда?» —

«Половина».

330 Ржавчиной раз уж такой и мукой о деньгах проникнут
Дух, как надеяться нам на создание творений, достойных
Масла кедрового и сохранения в ларце кипарисном³?
Пользу хотят приносить или радовать сердце поэты,
Или приятное вместе с полезным указывать жизни.
Если ты учишь чему, будь краток, чтоб слушатель быстро
Слово твое понимал и его бы удерживал крепко.
Лишнее все из души переполненной сразу уходит.
Вымысел, чтобы людей забавлять, пусть походит на правду.
Сказка к себе пусть не требует веры во всем; из желудка
Ламии⁴ не извлекай живым ребенка: он пожран.
Строгие старцы хулят творения, чуждые пользы;
Тот совершенства достиг, кто с пользой сливает приятность,
Кто, услаждая читателя, тут же его наставляет⁵;
Книга такая доход приносит Сосиям⁶, море
Переезжает, дает поэту известность надолго...
366 Старший из юношей! Голос отца хоть тебе указывает
Правильный путь и разумен ты сам, все же твердо запомни
Слово мое: в известных делах середина терпима
И допустима вполне. Правовед, выступающий в тяжбах,
370 Если в своем красноречии он не сравнится с Мессалой⁷,
Если и в знаниях он уступает Касцеллию Авлу⁸, —
Все-таки он в цене. А посредственным быть для поэта
Не допускают ни люди, ни боги, ни книжные лавки...

¹ Гораций имеет в виду увлечение красотой словесного выражения; это увлечение зарождалось уже в современной ему поэзии. Все это место (стихи 309—322) ясно показывает, что Гораций первым и основным считал содержание и утверждал, что только богатство содержания даст изящное словесное выражение. О соответствии языка содержанию говорится и раньше (стихи 92—98).

² Римская монета; она делилась на 12 унций.

³ Разумеется обычай римлян натирать книги кедровым маслом и хранить от гниения в кипарисных ларцах.

⁴ Страшные старухи-чудовища, вроде бабы-яги.

⁵ Гораций указывает на функцию поэзии — воспитывать людей.

⁶ Крупные книгопродавцы в Риме.

⁷ Известный римский оратор, современник Горация.

⁸ Римский юрист и консул 31 г. до н. э.

Как за прекрасным столом противны нескладные звуки
Музыки, горькое масло и мак вместе с медом сардинским
(Было бы можно вполне и без них обойтись за обедом),
Так и поэзия (дух чаровать ведь она создается),
Чуть лишь сойдет с высоты, упадет до самого низа.
Кто не умеет играть, не идет на Марсово поле;
389 Он, не учась, ни лапты, ни мяча, ни диска не тронет,
Чтобы густая толпа поделом смеяться не стала,
А неумелый стихи сочиняет! Чего опасаться?
Он родовит и свободен, к тому ж обладает для ценза
Всадника суммой довольной и чист от всяких упреков.
Ты ничего не создашь и не скажешь без воли Минервы;
Вкус и рассудок твои таковы; если все же напишешь
Что-либо, пусть тебя, как судья, послушает Меций¹,
Также отец, да и мы, да спрячь лет на девять после
Эти листочки свои: что не издано, править ты сможешь,
390 Если же выпустишь слово, назад его не воротишь...
408 Ценная вещь природой дается ли или искусством —
Ставят вопрос². Ни в искусстве без щедрого дара не вижу
410 Пользы, ни в грубом таланте. Взаимной поддержки

друг другу

Требуют оба они и тогда уже действуют дружно.
Тот, кто стремится бегом достигнуть меты³ желанной,
Многое в детстве стерпел и свершил: и потел он, и зябнул,
Страсти, вина избегал; поющий пифийский песни
Флейтщик учился сперва и боялся наставника сильно.
И не довольно сказать: «Я творю чудесные вещи!
Пусть остальных чесотка возьмет, отставать мне постыдно». —
Стыдно сознаться в незнание того, чему не учился!

[ПОЭТ И КРИТИКА]

Словно глашатай толпу покупать приглашает товары,
Так привлекает льстецов на наживу поэт, если только
Много земли у него, много денег дано под проценты.
Если, действительно, он в состоянии обед дать роскошный,
За бедняка поручиться и вырвать в тяжелую тяжбу
Впутанного, — удивляюсь, если он, счастливцев, сумеет
Разницу определить между ложным и истинным другом.
Ты — одарил ли кого чем-нибудь, одарить ли желаешь —
Слушать стихи не зови его к себе, пока полон
Радости он! Закричит: «Превосходно! прекрасно! отлично!»

¹ Один из членов цензурной коллегии, учрежденной Августом.

² Вопрос об отношении природного дара и искусства (*ingenium et ars*) обсуждался многими античными критиками, особенно теоретиками ораторского искусства.

³ Знак для колесниц, обозначающий повороты на беговой дорожке.

И побледнеет притом, из дружеских глаз и слезинку
430 Сронит, подскочит как раз, ударит о землю ногою.
Плакальщик так нанятой кричит и действует больше
На погребенье, чем тот, кто скорбит от души; точно так же
Больше ценителя с виду бывает тронут насмешник.
Так, говорят, богачи за бокалом бокал заставляют
Пить, истязуя вином, кого испытать им угодно,
Стоит ли дружбы их он. Если ты стихи сочиняешь,
Пусть не обманет тебя восхищенье под лисьею шкурой.
Если б Квинтилию¹, что читал ты, «Исправь, — говорил он, —
То-то и то». Ты в ответ, что лучше не можешь, что тщетно
440 Дважды и трижды пытался. «Тогда зачеркни, — говорил он, —
Плохо стихи удались, под молот их надобно снова».
Если ж отстаивать, не исправлять предпочтешь ты ошибку,
То он ни слова на то, — по-пустому старанья не тратил,
Дабы один ты собой, достоянием своим восторгался.
Верный и сведущий друг пожурит стих вялый и слабый,
Жесткий осудит, стихи неискусные четкой чертою,
Трость повернув, обведет, пустозвонные все украшенья
Выбросит, ясность придать заставит неясному месту,
Вскрывши двусмысленность, он отметит ее к исправленью.
450 Он — Аристарх²; он не скажет: «зачем из пустого обижу
Друга?» К серьезной беде пустяки эти после приводят:
Публикой будет уже он дурно встречен, осмеян.
Словно больного чесоткою злой, или «царской болезнью»,
Или безумием и лунатизмом от гнева Дианы³,
Все избегают, боясь сумасшедшего тронуть поэта,
Те, кто с умом; лишь глупые дразнят мальчишки вдогонку.

ТИБУЛЛ

(Около 51—19 гг. до н. э.)

Альбий Тибулл (Albius Tibullus) — представитель римской любовной элегии. Эта элегия выросла в обстановке развития индивидуалистических тенденций и эпикурейских настроений в среде рабовладельцев в период конца гражданской войны и начала цезаризма; своим эпикурейским уклоном в любовную тематику она становилась в оппозицию официальной идеологии эпохи Августа с ее призывом к старинной доблести и гражданским чувствам; она явилась как бы продолжением линии развития римской лирики «новых» поэтов — «неотериков» — первой половины I в. до н. э. (см. выше — Катулл). Перерабатывая мотивы эллинистической любовной поэзии, римская элегия передает личные переживания поэта, перипетии его отношений к любимой женщине, и в этом плане она связывается с греческой любовной элегией Мимнерма (VI в. до н. э.).

¹ Поэт Квинтилий Вар — друг Вергилия и Горация.

² Греческий критик александрийского времени, редактор текста гомеровских поэм.

³ В ее функции луны.

Тибулл происходил из сословия «всадников» и жил близ Педума (в Лациуме) в своем имении, часть которого была отдана ветеранам Октавиана. Эпикурейски настроенный, он был далек от того культа гражданских доблестей, которые стремился возродить в современном Риме император Август и которые так усердно культивировались в литературном кружке Мecenата. Тибулл примкнул к видному деятелю, полководцу и писателю Корвину Мессале, литературный кружок которого, в отличие от кружка Мecenата, не преклонялся перед цезаризмом. Тибулл сопровождал Мессалу в походах и прославлял его в своих стихах. Но главное место в его творчестве занимает любовь, природа и описание сельской жизни.

Испытав влияние Вергилия, Тибулл живописует не реальную современную ему деревню, а скорее страну деревенской идиллии, созданную его фантазией. Романтической мечтательностью веет и от образов его возлюбленных, которых Тибулл воспеваеет под именем Делии и Немесиды. Более других элeгиков поэт сумел отрешиться от александринизма (мифология, ученость), его язык прост и ясен, метрическая форма совершенна. Недаром Квинтилиан (I в. до н. э.) назвал его «отчищенным и в высшей степени изящным» (*tersus atque elegans maxime*). Сохранилась эпиграмма на смерть Тибулла поэта Доминция Марса:

Вот и тебя, Тибулл, за Вергилием несправедливо
В юных летах низвела смерть к Елисейским полям,
Чтоб было некому в песнях любви оплакивать нежность,
Или могучим стихом войны царей воспевать.

Влияние Тибулла сказалось в последующей элегии Проперция и Овидия. У нас элегиями Тибулла увлекался поэт Батюшков, переведший некоторые из них. Знал Тибулла и Пушкин, который в стихотворении к Батюшкову (1815) заявляет, что он «Тибуллом окрещен».

Полный перевод Тибулла сделан А. Фетом (СПб., 1898).

I

Пусть накапливает себе другой золотое богатство,
Югеров много земли вспаханной пусть соберет
Тот, кто измучен трудом постоянным в соседстве с врагами,
Сон разгоняют кому звуки военной трубы;
Бедность моя пусть меня приводит к жизни ленивой,
6 Лишь бы светил мой очаг малым хотя огоньком.
25 Жить наконец-то могу, довольствуясь малым достатком.
Не отправляясь уже вечно в далекий поход.
Нет, я от летней жары могу укрываться под тенью
Дерева, возле ручья мимо текущей воды.
Пусть же не будет мне в стыд иногда за кирку ухватиться
Или стрекалом пугнуть слишком ленивых волов,
Пусть не противно домой отнести ягненка ль, козленка ль,
Если забыла его, бросила мать, — на руках.
Вы ж пощадите ничтожное стадо, и воры и волки:
В стаде большем вам искать надо добычи себе.
35 Здесь я обычай храню пастуха освящать ежегодно
И возлиять молоко кроткой богине полей.
7 Пусть, как в деревне, я сам садить буду нежные лозы
В должное время, рукой легкой большие плоды;
Пусть и Надежда меня не обманет, всегда доставляя

10 Груды плодов и густым соком наполненный чан.
Ибо я чту и пенек, в полях заброшенный дальних,
И на распутии седой камень в цветущем венке¹.
Сколько бы новый мне год ни доставил плодов, я сначала
Сельскому богу из них лучшую жертвую часть.
15 С наших полей и тебе, золотая Церера, повесим
Мы из колосьев венки над храмовыми дверьми.
И во фруктовых садах пусть красного стража поставят,
Чтобы отпугивал птиц страшной косою Прнап.
Также и вы, сторожа когда-то счастливого, ныне
20 Бедного поля², свои, Лары, примите дары.
Был молодяк без числа, и тогда заклалась телка,
Ныне от малой земли малая жертва — овца.
В жертву падет вам овца, и воскликнет вокруг нее юность
Сельская: «Ах, нам подай жатву с хорошим вином!»
37 Боги! Подайте ж нам помощь свою! Не презрите наших
С трапезы бедных даров, с чистых глиняных чаш:
Делал из глины себе поселянин древний сначала
40 Чаши, из мягкой лепил глины сосуды свои.
Нет, не ищу я ничуть отцовских богатств и доходов,
Что приносил урожай древнему деду в амбар.
Малых довольно мне жатв, отдохнуть мне довольно на ложе
И на привычном одре тело свое подкрепить.
45 Как нам отрадно лежать, внимая безжалостным ветрам,
И госпожу прижимать нежно ко груди своей!
Или зимою, когда хлещет Австер холодной водою,
Сну предаваться под шум струй дождевых без забот.
Вот чего я бы хотел. Богатей по праву, кто может
50 Бешенство моря сносить или унылость дождей.
О, пусть погибнет скорей все золото, с ним и смарагды³,
Чем наш оплачет поход девушка хоть бы одна!
Это тебе воевать, Мессала, на суше и в море,
Чтобы на доме своем вражеский вешать доспех⁴.
55 Держит прекрасная дева меня, заковавши в оковы,
И как привратник служу я у жестоких дверей⁵.
Милая Делия! Я не гонюсь за хвалой, лишь с тобою
Быть бы, а там пусть зовут вялым, ленивым меня!
Лишь бы смотреть на тебя, когда час мой настанет
последний,

¹ Каменное изображение божества.

² При разделе земель ветеранам Октавиана Тибулл лишился части своего поместья.

³ Драгоценные камни вообще.

⁴ Здесь Тибулл отказывается следовать за Мессалой в поход. Впоследствии он все-таки участвовал в восточном походе Мессалы, но дорогой на острове Коркире заболел и свои чувства излил в целой элегии (3-я элегия книги I).

⁵ Излюбленная ситуация эллинистической и римской элегии.

И умирая, тебя слабой рукой обнимать.
 Так и оплачешь меня на ложе моем погребальном
 И к поцелуям своим горьких прибавишь ты слез.
 Да, ты оплачешь: твое не оковано твердым железом
 Сердце, не камень в твоей нежной тaitся груди.
 65 С тех похорон ни один молодой человек, ни девица
 Не возвратится домой, глаз не заплакав своих.
 Ты ж не печаль моих манов¹, волос не терзай, дорогая
 Делия, щеки свои нежные ты пощади.
 Ну, а покамест судьба позволяет, в любви мы сольемся:
 70 Скоро приблизится смерть, голову тьмою покрыв,
 Мигом подкрадутся годы бессилья; с головою седою
 Будет нельзя ни любить, ни говорить нежных слов.
 Так легкомысленной будем служить Венере, покамест
 Двери не стыдно ломать, в ссоры приятно входить.
 Здесь я и вождь, и воин хороший. Прочь, трубы, знамена!
 Ваши раненья и вред алчным несите мужам
 Вместе с богатством! А я на богатство, а также на голод,
 Жатву беспечно собрав, буду с презреньем смотреть.

1. 10 [ВОИНА И МИР]

Кто в первый раз изобрел мечи, наводящие ужас?
 Истинно был он жесток, был как железо он тверд!
 Тут родились для людей и резня и сражения; слишком
 Краткий открылся тогда к смерти мучительной путь.
 5 Но невинен бедняк! Мы себе на беду обратили
 То, что он² нам даровал против свирепых зверей.
 Золота эго вина и богатства; бокал деревянный
 Ставя на стол на пиру, люди не ведали войн.
 Не было ни крепостей, ни вала; в соседстве овечек
 10 Сон безмятежно вкушал пестрого стада вожак.
 Сладостна жизнь мне была бы тогда; доспехов печальных
 Я бы не знал; трепеща, звуков трубы не слышал.
 Ныне меня влекут на войну; враг уж некий, возможно,
 Носит копье, что в моем скоро застрянет боку.
 15 Но сохраните, о Лары родные! Меня вы хранили
 Нежным младенцем. Тогда бегал у ваших я ног.
 И не стыдитесь, что вы из старого сделаны дуба,
 Вы уж такими вошли к древнему дедушке в дом.
 Было и честности больше, когда в небогатом почете
 20 Средь небольшого жилья бог деревянный стоял.
 Был он доволен вполне, поднесет ли кто кисть винограда
 Иль из колосьев венки даст на святую главу.

¹ Души умерших.

² Изобретатель мечей.

А получив по молитве, иной подносил ему хлебец,
 Дочка-малютка за ним с чистыми сотами шла.
 25 Лары, молю, отклоните от нас медноострые копья:
 Даст поросенка вам в дар хлев переполненный мной.
 С жертвою в чистой одежде пойду, увенчавши корзину
 Миртой, из мирты венком сам увенчаю главу.
 Так я вам буду пусть мил: пусть другой будет храбрым
 в сражение,
 30 С помощью Марса вождей вражеских пусть поразит,
 Чтобы за чашею мог рассказать мне про подвиги воин,
 Мог начертить на столе лагерь свой виной струей!
 Что за безумие звать ненавистную смерть через войны?
 Вечно грозит нам она, крадется тихой стопой.
 35 Нет на том свете полей, виноградных садов; там свирепый
 Кербер живет и пловец мрачный стигийской воды.
 Там, растерзавши лицо, с опаленной огнем головою,
 Бродит у темных озер бледная мертвых толпа.
 Много счастливее тот, кто, вскормивши потомство, проводит
 40 В хижине малой своей старости дряхлой года!
 Сам охраняет овец, к ягнятам приставивши сына;
 Членам усталым его воду согреет жена.
 Участь такую б и мне с побелевшей седой головой!
 Жизни минувшей дела в старости мне б поминать.
 45 Мир между тем пусть питает поля. Мир светлый впервые
 Ввел под кривое ярмо пашущих поле волон;
 Мир возрастил виноград и соком наполнил сосуды,
 Чтоб отцовским вином сын мог кувшины налить;
 В мире сошник и кирка трудятся, доспех же прискорбный
 50 Грубого воина ест ржавчина в темных местах.
 Житель селенья, легонько подвыпив, из рощи священной
 Сам на телеге везет к дому жену и детей.
 Впрочем, и битвы тогда пылают — Венерины: стонет
 Женщина: смяты ее волосы, сломана дверь,
 55 Плачет, удар получив по нежным щекам; победитель
 Плачет и сам, что руке ярость прибавила сил,
 А шаловливый Амур подстрекает их к ссоре все пуше.
 Меж раздраженных людей он хладнокровно сидит.
 Ах, тот бесчувственной камня, железа, кто милую сердцу
 Бьет: это значит, что он с неба хватает богов.
 Тонкую пусть разорвать доведется одежду на теле,
 Пусть доведется с волос все украшенья сорвать,
 В слезы случится вогнать: четырежды счастлив, кто в гневе
 Видит, как слезы над ним нежная девушка льет.
 65 Но кто к расправе ручной наклонен, тот щит пусть и колья
 Носит, Венеры забыв кроткие ласки навек.
 Нас же, о благостный Мир, посети, принеси нам колосья,
 Пусть будут полны плодов складки одежды твоей.

ПРОПЕРЦИИ

(Середина I в. — приблизительно 15 г. до н. э.)

Секст Проперций (Sextus Propertius) — подобно Тибуллу, представитель римской любовной элегии. Он родился (как полагают) в городе Ассези (в Умбрии); как и Тибулл, при разделе земель ветеранам Октавиана лишился части своего имения; большую часть жизни провел в Риме, где был известен Мecenату и знаком с многими поэтами.

Хотя Овидий и называл Проперция «преемником Тибулла»¹, все же в творчестве обоих поэтов есть значительное различие.

Проперций — поэт города и откровенный «александриец», его кумиры — александрийские поэты Каллимах и Филет (см. ниже элегию III, 1); подобно «александрийцам», он часто обращается к мифологии. Но вместе с тем Проперций — поэт сильной страсти и непосредственного чувства: в его элегиях ярко обрисован образ любимой им женщины Кинфии, любовь к которой всецело поглощала поэта. Однако внимание, оказанное Проперцию Мecenатом, старавшимся всех поэтов включить в хор певцов цезаризма, заставило его в конце творчества обратиться к прославлению Августа и в духе его реставрационной политики возвеличить римскую старину; следуя «александрийцам», он пишет этиологические элегии (описывающие причины возникновения того или другого обычая, праздника, установления). Но и в этот период поэт часто возвращается к любовной тематике. Ряд элегий посвящен воспоминаниям о любви к умершей Кинфии.

Язык Проперция не так ясен и прост, как язык Тибулла; он отличается возвышенностью, а иногда лаконичностью и даже некоторой темнотой. Овидий называет Проперция нежным (tener)². Проперций был популярен в I в. н. э., стихи его встречаются на стенах в Помпеях. Гете использовал его в своих «Римских элегиях».

Полный стихотворный перевод сделан А. Фетом (СПб., 1898).

I, 15

Нет, Кинфия, ложью не сисься готовой
Свои вероломства прикрыть;
Богов не испытывай клятвою новой:
Дай прежние им позабыть³.
О дерзкая, знай, что грозит тебе кара
И с нею печаль для меня,
Когда рокового ты силу удара
Почуешь средь ясного дня.
Ведь раньше речные покатыся воды
Назад от пучины морской,
И прежде в годичном порядке природы
Обратный окажется строй,
Чем будет на миг мое сердце свободно
От страстной заботы о том,
Чтоб ты, если хочешь, жила, как угодно,
Лишь мне не чужою во всем,

¹ «Печальные элегии», IV, 10, 53—54.

² «Искусство любви», III, 333.

³ Элегический дистих подлинника передается в переводе Ф. Е. Корша русским стихом с рифмой, но смысл и художественность стихотворения Проперция выражены превосходно.

И чем хоть на каплю потерпят утраты
В любви моей глазки твои,
Которыми часто, когда мне лгала ты,
Сомненья смирялись мои...
И кто заставлял тебя щек твоих розы
На бледность менять столько раз,
И кто выжимать принуждал тебя слезы
Из холодно блещущих глаз?
От этих уловок и гибну я ныне,
И вот мой влюбленным совет:
«Не верьте вы нежного чувства личине:
В ней правды ни на волос нет».

II, 12

Кто бы впервые ни дал Амуру образ ребенка,
Можешь ли ты не назвать дивным его мастерство?¹
Первый ведь он увидел, что влюбленный живет безрассудно,
Ради пустейших забот блага большие губя.
Он не напрасно снабдил его крыльями, ветра быстрее,
И с человеческой душой бога заставил летать;
Право же, носимся мы всю жизнь по изменчивым волнам,
Завтра, сегодня, вчера — вечно бушуют ветра.
Он по заслугам вложил заостренные стрелы в ручонки
И за плечами стрелка критский колчан привязал;
Мальчик нас ранит в тот миг, как не видим беспечно врага мы.
Из-под ударов его цел не уходит никто.
Стрелы сидят уж во мне, во мне и ребяческий образ,
Только сдается, что он крылья свои потерял, —
Так как из груди моей, увы, никогда не умчится
И бесконечно ведет войны в крови у меня.
Молви, какая корысть селиться в сердцах иссушенных?
Стрелы в другого мечи, если ты стыд не забыл.
Яд этот лучше испытать тебе над новичками:
Муки терплю ведь не я — жалкая тень лишь моя.
Если погубишь ее, кто сложит такие напевы
(Резвою музыкой моей слава велика твоя),
Кто так прославит чело, и пальцы, и черные очи
Девушки, кто воспоет мягкую поступь ее?

II, 26 [СОН ПОЭТА]

Видел во сне я тебя, что корабль, моя жизнь, потопило...
Над ионийской волной руки устало трясешь

¹ В стихах 1—12 дается образ Амура, каким он сложился в эллинистическом и, позднее, в римском искусстве.

И сознаешься во всем, что раньше обманно скрывала,
 Косы не в силах поднять — от пропитавшей воды.
 Так по пурпурным волнам уносила когда-то и Гелла:
 Вез золотистый баран Геллу на мягкой спине...
 Как я дрожал, что имя твое передастся и морю!¹
 Слезно залетится моряк, в волнах качаясь твоих...
 Сколько обетов давал Нептуну и Поллуксу с братом²,
 И Левкотее³ самой (стала богиня она)...
 Ты ж поднимала из волн одни лишь кончики пальцев;
 Гибнуть готова, звала имя все время мое.
 Если б случайно тогда сам Главк⁴ увидал твои глазки,
 Волн ионийских красой сделаться ты бы могла.
 В зависти как бы тебя тогда nereиды⁵ бранили:
 Неса, блестя серебром, и Кимотоя — лазурь.
 Помощь неся, вдруг вижу — дельфин подплывает на помощь:
 Спасся — так мнитися — на нем с лирой своей Арион⁶...
 С верхней бросаться скалы к тебе уж намеренье было,
 Тут-то виденья мой страх за тебя оборвал.

III, 16 [ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ НЕТ ОПАСНОСТЕЙ]

Полночи час... От моей госпожи письмо получаю:
 В Тибу⁷, не медля, она мне приказала спешить,
 Где с белоснежных вершин два высоких смотрятся зданья,
 Падают в шири озер Анио воды с высот.
 Как поступить? Доверяться ли мне загустевшему мраку,
 Чтобы бояться потом — чьей-нибудь дерзкой руки?
 Если ж из страха теперь поручений ее не исполню,
 Злее ночного врага плач ожидает меня.
 Раз провинился я там, — на год на целый был изгнан.
 Да, для меня у нее будет ли кроткой рука.
 Нет, не найдется таких, кто б обидел священных влюбленных:
 Нам и Скирона⁸ путем можно свободно идти.
 Тот, кто будет влюблен, — проходи по берегу скифов:

¹ Описывая свой сон о гибели милой, поэт по своему обыкновению обращается к сравнению из мифологии: дочь орхоменского царя Гелла вместе с братом Фриксом, спасаясь от преследования мачехи, плыла на золоторунном баране по морю и утонула; отсюда море получило название «Геллеспонт» — море Геллы.

² Братья-близнецы Кастор и Поллукс — покровители моряков.

³ Дочь Кадма Ино, обращенная в морскую нимфу Левкотею.

⁴ Морское божество.

⁵ Морские нимфы.

⁶ Греческий поэт-лирик VII в. до н. э. Как рассказывает Геродот, он плыл из Италии с большим богатством; матросы намеревались его ограбить и выбросить в море, но его пение на корабле очаровало даже Дельфина, который спас его от матросов и доставил на берег.

⁷ Город в Лациуме.

⁸ Имя мифического разбойника.

Кто же найдется, дикарь, чтоб повредить захотел.
 В путь направит луна, и кочки укажут созвездья,
 Факелом будет трясти сам впереди бог Амур,
 Дикая ярость собак отвратит открытые пасти:
 Этому роду людей — путь безопасен всегда.
 Кто же, бесчестный, желал бы хоть капелькой крови
 влюбленных
 Брызгать себя... На пути — спутник Венера сама.
 Если уж день похорон непременно теперь мне назначен,
 Нужно бы деньги платить мне за подобную смерть...
 Мазей она принесет и могилу венками украсит,
 Сторожем будет сидеть с холмиком рядом моим.
 Боги, молю, чтобы кости мои погребла не на людном
 Месте, где валит толпа, плотно дорогу умая...
 Так-то бесчестят потом, по смерти, могилы влюбленных.
 Пусть же глухой уголок скроет в деревьях меня,
 Или песок защитит, неизвестный, где-нибудь тело:
 Нехорошо на пути имя свое выставить.

III, 1 [ПОЭЗИЯ БЕССМЕРТНА]

Тень Каллимаха¹, и ты, святыня косца Филета²!
 О дозвольте, молю, в рощу мне вашу вступить.
 Чистых источников жрец, я первый здесь выступаю —
 Танец Италии внести в эллинский ваш хоровод.
 Где же, в пещере какой вы песню свою изошрили?
 Как вступили туда, пили источник какой?
 Тот — прощай, кто песнью войны Аполлона задержит.
 Пусть мой выступит стих, тонкой отделкой блестя.
 Им-то слава меня вознесет над землей, и триумф свой
 Муза, рожденная мной, справит, коней увенчав.
 Вместе поедут со мной в колеснице малютки Амуры,
 А за колесами вслед пишущих хлынет толпа.
 Вам же, дав волю коням, напрасно со мной состязаться.
 Нет, не широкая нас к Музам дорога ведет.
 Многими слава твоя, о Рим, занесется в Анналы:
 Бактры³ — грядущий рубеж власти — они воспоют.
 В мирное ж время читать Муз горных это творенье
 Новой дорогой тебя книжка моя принесла.
 Вашему свейте певцу вы нежный венок, Пегасиды⁴.
 Жесткий венец не по мне, не для моей головы...

¹ Греческий александрийский поэт III в. до н. э. (см. «Хрестоматию», т. I).

² Александрийский поэт IV—III вв. до н. э.

³ Город на далеком востоке, в Средней Азии.

⁴ Музы: крылатый конь Пегас, по мифу, своим копытом вызвал к жизни посвященный музам источник Гиппокрену; отсюда музы — как бы потомки Пегаса.

В чем поэту при жизни народная зависть откажет,
 То вдвойне возместит после посмертный почет,
 Бóльшим по смерти людей становится все у потомства.
 Более громкий в уста имя войдет с похорон.
 Кто ж о твердых бы знал, деревянным конем сокрушенных,
 Знал, как Гемонский герой¹ бился с владыкою рек, —
 Враг его был Симоэнт со Скамандром, Зевесовым сыном², —
 Кто бы о Гекторе знал, трижды влаченном в крови?..
 И Дейфоб, и Елена, Полидам и Парис неотважный
 Вряд ли известны в своем были бы даже краю,
 Кто поминал бы тебя, Илион, поминал бы и Троию,
 Дважды взятую в плен богом Этейской горы³.
 Что ж! Ведь и славный Гомер, несчастий Трои рассказчик,
 Слышит: в потомстве растет слава созданий его.
 Вот и меня вознесет наш Рим в позднейшем потомстве...
 День этот после костра — сам я пророчу себе.
 Надпись на камне моем не презренными кости оставит:
 К этому сделано все — Ликий бог⁴ подтвердил.

ОВИДИЙ

(43 г. до н. э. — 18 г. н. э.)

Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso) — виднейший поэт в плее писателей «золотого века» римской литературы. Родился в 43 г. в городе Сульмоне (в средней Италии) и принадлежал к старинному роду «всадников». В Риме Овидий прошел ораторскую школу, где учился декламации у знаменитых риторов того времени Ареллия Фуска и Порция Латрона. По отзыву ритора Сенеки, Овидий считался «хорошим декламатором», но любил декламировать больше суасории («увещательные речи»), требующие больше чувства; «всякая аргументация была у него тяжела»⁵. Служебная карьера Овидию не удалась: ему с детства служить небожителям больше хотелось, как признается сам поэт в своей автобиографической элегии (см. ниже); его «тайно влекла к себе Муза» и «все, что он ни пытался писать, выходило стихом»⁶.

Подобно другим элегикам, настроенный эпикурейски и выступая в своих ранних произведениях «певцом любви» (по выражению Пушкина), Овидий, в отличие от Тибулла, а также Вергилия, не очень был склонен идеализировать прошлое; оно было, по его мнению, грубо. Овидий понимал, что повернуть назад колесо истории нельзя. «Мы живем как люди нашей современности»⁷, — заявляет поэт. «Я поздравляю себя, что я родился теперь»⁸, — пишет он. Овидий — сторонник изящества и культуры, которую нес современный ему «золотой Рим» — властитель богатств вселенной. Овидий не разделял

тенденций политики Августа, направленных на реставрацию старинной морали и гражданской доблести. В своих ранних «Песнях любви» («Amores») он выступал как изнеженный эпикуреец, самый яркий представитель римской любовной элегии. Воспевая любимую им женщину, он умел со свойственной ему игривостью мастерски на свой лад варьировать общие мотивы любовной элегии. В «Герониях» («Heroides»), или в «Письмах», он дает построенные в стиле риторической декламации поэтические письма мифологических героинь и героев к их возлюбленным, разрабатывая главным образом мотив ревности. В дополнение к этим ранним произведениям Овидий пишет «Искусство любви» («Ars amatoria»), где в игривых наставлениях молодым людям пародирует подчас то методы избирательной кампании, то риторическую теорию. «Лекарство от любви» («Remedia amoris») и отрывок сочинения «Медикаменты для лица» («De medicamine facie») заключают ранний период творчества поэта.

Овидий (так называемый). Рим. I в. н. э.

Но в атмосфере цезаризма с его реставрацией старинной религии и морали Овидий, подобно Проперцию, не мог не обратиться и к иным сюжетам. Он пишет «Фасты» («Fasti» — календарь) — этиологические элегии в духе alexandрийской поэзии, где дает календарное поэтическое описание происхождения римских праздников и обычаев, а затем «Метаморфозы» («Превращения»). Основываясь на сборниках alexandрийского времени и на римском материале, поэт описывает различные мифологические превращения, начиная от образования мира и кончая «метаморфозой» Юлия Цезаря в звезду. Это на вид религиозное произведение, отвечавшее политике Августа, по существу отразило те же особенности творчества раннего Овидия. В этой поэме, составленной из отдельных, лишь внешним образом искусственно связанных новелл, Овидий тот же эпикуреец, сводящий богов с их пьедестала и не оставляющий игривой любовной тематики. Отражая в мифах римскую современность, поэт вместе с тем старается поразить своего маловерующего читателя чудесами мифологии, которая обращается у него лишь в интересную сказку. А сказка эта у Овидия поистине прелестна; многие его рассказы захватывают своей драматичностью и силой чувства.

Направление творчества раннего Овидия, подрывающее реформы Августа в моральной, семейной и религиозной сфере, — его эпикурейство, яркая любовная тематика, а также показ развращенности римских матрон (например, в «Искусстве любви») — все это повлекло за собой ссылку поэта. В 8 г. н. э. Август, воспользовавшись каким-то не вполне ясным для нас предлогом, выслал его, уже пожилого человека, на берег Черного моря, в городок Томы, где Овидий прожил до своей смерти (18 г. н. э.). Здесь Овидий написал два больших произведения: «Печальные элегии» («Tristia») и «Письма с Понта» («Epistolae ex Ponto»). В них то изображаются страдания поэта (последняя ночь в Риме, описание бури и др.), то Овидий старается оправдать свое поведение и просит друзейхлопотать ему помилование.

Творчество Овидия уже развивает те элементы, которые станут ведущими в поэзии цезаризма, когда часто «фраза была выше содержания». Это увлечение красотой словесного выражения выливается у Овидия, ученика ораторской школы, в риторизацию его поэзии, особенно заметную в ранних произ-

¹ Фессалийский герой Ахилл. Гемония — Фессалия.

² Об этом рассказывается в песне XXI «Илиады».

³ Гераклом. Эта — горная цепь в Фессалии. Геракл, по мифу, сжег себя на горе Эте.

⁴ Аполлон.

⁵ Сенека-ритор, Контroversии, II, 2, 12.

⁶ Овидий, Печальные элегии, IV, 10, 19, сл. 25.

⁷ Овидий, Фасты, I, 226.

⁸ «Искусство любви», III, 121, сл.

ведениях (например, в «Героинях»). Произведения из ссылки гораздо менее риторизованы. Пушкин правильно отметил, что в «Понтийских элегиях» более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия... Сколько живописи в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!..¹ Овидий считался певцом любви в феодально-рыцарской поэзии трубадуров. В эпоху Ренессанса создавались новеллистические переработки мифов «Метаморфоз». Много трогательных стихов посвятил Овидию, «певцу любви, певцу богов», Пушкин, который находил в своей судьбе общее с участью римского поэта-изгнанника («К Овидию», в поэме «Цыганы» и др.).

«Песни любви» — стихотворный перевод А. Фета (1863). «Героини» — перевод в изд. Сабашниковых (Овидий, Баллады, Послания, М., 1913). «Метаморфозы» — перевод С. В. Шервинского, («Academia», 1937). «Скорби» — стихотворный перевод А. Фета (М., 1893).

ДЕКЛАМАЦИЯ ОВИДИЯ В ОРАТОРСКОЙ ШКОЛЕ²

[Тема. Муж и жена поклялись в том, что если что случится с одним из них, другой умрет. Муж отправился в дальнюю страну, а жене я послал вестника с сообщением, что ее муж умер. Жена бросилась в пропасть, но ее вернули к жизни. Она получает приказ от отца бросить мужа. Она не желает. Отец лишает ее наследства.]

Вся трудность дела именно в том, что ты (отец) позволил моей жене любить мужа, мужу — любить жену. Отсюда по необходимости вытекает, что, позволив им любить друг друга, ты позволил им связать себя клятвой. Какую же дали мы, думаешь, клятву? — Ты был у нас священным именем клятвы, тобой поклялись. В случае же обмана, она призвала на свою голову весь гнев отца, а я гнев тестя. Пощади же, отец, мы вовсе не клятвопреступники. Вот ты, человек, громко бранящий нас, — какой увлечен необузданной любовью! Он жалуется, что кто-то, кроме него, дорог для дочери. Есть ли такая сила, которая сможет отвлечь его от его чрезмерной привязанности к дочери? Боги милосердные! Как он любит (мою) жену! Но он любит свою дочь (мою жену) и — лишает ее наследства! Страдает за перенесенную ею опасность и в то же время удаляет ее — и от того именно человека, без которого она, по ее словам, существовать не может; он сетует на грозящую ей опасность, от коей сам почти застрахован, — он, приказывающий любить (мужа), но с осторожностью. Легче добыться в любви конца, нежели умеренности. Ты будешь оспаривать, что любящие должны соблюдать границы, одобренные лишь тобой, что должны вести себя во всем только обдуманно, что должны обещать лишь отвечающее твоей воле, взвешивая все свои слова и рассудком и природною честностью?

¹ Отзыв на «Фракийские элегии» («Стихотворения В. Тенякова», 1836).

² Сенека-ритор, Контroversии, II, 2 (10).

Только старики любят так! Слишком мало проступков любящих ты знаешь, отец: и тяжбы мы вели иногда, и проигрывали дело, и — что ты, возможно, совсем не представляешь себе — ложно клялись. А касается ли сколько-нибудь отца, что любящие клянутся в верности? И богов это не касается. Нечего хвалиться тебе, жена, что ты первая совершила такой поступок: одна жена погибла вместе с мужем, другая за мужа — и все же все поколения будут их чтить, всякий талант будет прославлять. Пользуйся, тесть, своим счастьем. На остальное время, согласно твоему приказанию, мы сделались более бдительными; в нашем заблуждении мы сознаемся; у нас совсем выпало из ума, когда мы клялись, что есть некто третий, который больше любит. Пусть, о боги! так будет всегда! Ты упорствуешь, тесть? Прими обратно дочь: я согрешил и достоин наказания. Зачем мне быть для жены причиной позора, а для тестя — сиротства? Я уйду из государства, убегу, буду жить в изгнании, как смогу, буду, несчастный, переносить свою тоску с жестким терпением. Я даже готов умереть, если бы мне только одному пришлось умереть.

ПЕСНИ ЛЮБВИ (Amores)

1, 2 [ТРИУМФ АМУРА]

- О, почему мне постель такую кажется жесткой,
И покрывало мое плохо лежит на софе?
И почему столь долгую ночь провел я бессонно,
И, беспокойно вертясь, тело устало, болит?
- ⁵ Я бы почувствовал, думаю, будь я терзаем Амуром,
Или подкрался хитрец, скрытым искусством вредит?
Да, это так. Уже в сердце сидят тонкоострые стрелы;
Душу мою покорив, лютый терзает Амур.
- ¹⁰ Сдаться мне или борьбою разжечь внезапное пламя?
Сдался. Спокойно неся, мы облегчаем свой груз.
Видывал я, как растет от движенья светильника пламя,
Если ж его не трясать, то угасает огонь.
- Меньше ударов быкам достается, ко плугу привычным,
Нежели тем, кто ярмо видит впервые свое;
- ¹⁵ Конь своенравный больше удары удил испытает;
Чувствует меньше узду, кто приспособился к ней!
Мучит сильнее Амур и свирепей терзает мятежных,
Нежели тех, что готов рабство свое выносить.
- Да, признаю, Купидон, я твоей стал новой добычей,
²⁰ Я побежден и себя власти твоей предаю.
Битва совсем не нужна. Милосердия, мира прошу я.
Нечем хвалиться тебе; я, безоружный, разбит.

¹ Ряд аналогий — обычный метод аргументации у Овидия и у других элегиков.

Миртом главу увенчай, запряги голубей материнских¹,
 А колесницу к крыльцу вотчим подарит тебе.
 25 Ставши тогда на нее, при приветственных криках народа,
 Птиц запряженных вперед двинешь искусной рукой.
 Юношей пленных вослед поведут и девушек нежных:
 Шествие это тебе будет триумфом большим².
 Свежий улов твой — я, получивши недавнюю рану,
 30 В пленной душе понесу груз непривычных оков.
 Ум здоровый сзади с руками в цепях поведут за тобой,
 Стыд, да и все, что вредить станет могучей Любви.
 Все убоятся тебя. Свои руки к тебе простирая,
 Громко воскликнет народ: «О триумфатор, ликуй!»
 35 Спутники будут твои Безумие, Ласки и Страсти;
 Будут упорно толпой все за тобою ходить.
 Этим-то войском людей и богов постоянно смиряешь,
 Этой поддержки лишись — станешь бессилен и наг.
 Рада триумфам твоим, с Олимпийских высот возликует
 40 Мать, и осыплет она розами сыну лицо.
 С перлами в крыльях своих, с испещренными перлом
 кудрями,
 На колеснице златой в золоте тронешься в путь.
 Даже тогда (мы знаем тебя) распалишь очень многих,
 Даже тогда, на ходу, множество ран нанесешь.
 Знай, ты не можешь и сам лишать могущества стрелы:
 Ведь уж соседством одним жгучее пламя палит.
 Вакх ликовал так, смирив пригангскую³ в Индии землю;
 Птицами ты всемогущ, мощь его в тиграх была.
 Так как в триумфе твоём и я принимаю участие,
 50 То, победитель, не трать силу твою на меня.
 Глянь на доспехи счастливые Цезаря⁴, брата по крови.
 Раз победивши, под щит он побежденных берет.

1, 9 [ЛЮБОВЬ — ВОЕННАЯ СЛУЖБА]

Каждый любовник — солдат, и есть у Амура свой лагерь;
 Мне, о Аттик⁵, поверь: каждый любовник — солдат⁶.

¹ Голубей Венеры, матери Амура. Выезд Венеры на колеснице, запряженной голубями, ярко описан Апулеем (см. ниже).

² Триумф Амура, изображенный Овидием, вдохновил Петрарку в его поэме «Триумфы»; он представил Амура, повелителя мира, за которым покорно следует в цепях плененное человечество.

³ Близ реки Ганга в Индии.

⁴ Августа; он считался потомком Энея, сына Венеры; таким образом, Амур (тоже сын Венеры) — брат Энея.

⁵ Друг Овидия.

⁶ Овидий искусно раскрывает этот тезис, напоминающий тему школьной риторической декларации, и, настроенный эпикурейски, издевается над военной службой, к которой он не был склонен.

Для войны и любви одинаковый возраст подходит:
 Стыдно служить старику — стыдно любить старику.
 5 Те года, что для службы военной вожди назначают,
 Требуется также она, милая дева твоя.
 Бодрствуют оба: и тот и другой на земле почивают;
 Этот вход к госпоже, тот к полководцу хранит.
 Служба солдата — походы. Отправь ты девицу подальше,
 10 Вслед за ней без конца будет любовник спешить;
 Он на горы крутые пойдет и в разлив через реки,
 И по сугробам снегов будет за нею идти.
 И, собираясь в море, не будет ссылаться на Эвры
 И созвездий искать в небе не будет тогда.
 15 Только солдат да любовник выносят холодные ночи
 И потоки дождя вместе со снегом густым.
 Смотрит один за врагом, лазутчиком будучи послан;
 Очи не сводит другой: это соперник его.
 Тот города осаждаст, а этот двери подруги;
 20 Ломит ворота один, в двери стучится другой.
 Часто служило на пользу напасть на врага, когда спит он,
 И безоружных людей сильной рукой избивать.
 Так суровые орды погибли фракийского Реса¹,
 И не стало коней, отнятых смелой рукой.
 25 Сон мужей любовникам также на пользу бывает,
 И для сонливых врагов много оружия у них —
 Через стражей отряды пройти и умело и ловко.
 Как искусен солдат, так и любовник всегда.
 Марс, как Венера, сомнителен; и побежденные часто
 30 Снова встают, а те, что побеждали, лежат.
 Значит, оставь называть любовное чувство ты праздным:
 Свойственно чувство любви и энергичным мужам,
 Страстью горит Ахиллес, лишившись Брисовой дщери²,
 Пусть сокрушают сыны Трои аргивян добро.
 35 Гектор в битву ходил после сладостных ласк Андромахи,
 И на главе у него шлем был женою надет.
 Даже ты, о Атрид³, прельстился дочерью Приама⁴,
 Как у менады⁵, у ней были красивы волосы.
 Также и Марс, попавшись, узнал художника сети⁶,

¹ Рес — фракийский царь, союзник троянцев, обладатель великолепных коней. Греческие герои Одиссей и Диомед хитростью увели ночью коней Реса, так как оракул предсказал, что если кони Реса поедят или напьются в осажденной Трое, город не будет взят греками (см. «Илиаду», II, X).

² Бриса — пленница, была отобрана у Ахиллеса Агамемноном, вследствие чего Ахиллес отказался участвовать в битвах (см. «Илиаду», II, 1).

³ Агамемнон.

⁴ Кассандрой.

⁵ У вакханки.

⁶ Миф о том, как бог Гефест опутал сделанными им тонкими сетями любовников — Марса и Венеру (см. «Одиссею», VIII, 266—366).

- 40 Там на небе рассказ этот известнее всех.
Я и сам был вял и для отдыха нежного создан:
Ложь и тихая жизнь сердце смягчили мое;
Но кручина по деве прогнала безумную лень
И приказала служить в лагере строгом ее,
45 Вот и подвижным я стал и войны ночные ведущим:
Кто от лени бежит, пусть тот полюбит скорей.

I, 15 [ПОЭЗИЯ БЕССМЕРТНА]

- Что ж ты глосешь меня, упрекая в беспечности, Зависть,
Будто напевы мои праздный талант породил?..
Брось твердить, что поэт не пошел в цвете сил за отцами
Лавры войны добывать, пыльные лавры войны,
Или закон изучать пышнословный, или на форуме
Неблагодарной толпе имя свое продавать¹.
Все, что ты ищешь, — умрет, мне же вечная слава мерцает,
Чтобы навеки везде песнь раздавалась моя.
Нет! Гомер не умрет, Тенедос² пока с Идою³ целы,
10 Быстрые воды пока в море стремит Симоэнт⁴..
Нет! не умрет Гесиод, пока гроздь наливается соком
Или изогнутый серп режет Цереры дары⁵..
Всюду по свету звучать будет вечная песнь Каллимаха..
Пусть и талантом он слаб, — сильно искусство его.
Нет! никогда не придет конец для трагедий Софокла.
С солнцем, с луной заодно будет в веках и Арат⁶.
Жив сварливый отец, раб-проныра, бесчестная сводня
Или гетера-краса, — жив будет также Менандр.
Эний, пусть плох мастерством, и в слове порывистый
20 Славное имя свое не затемнят никогда..
Кто ж про корабль не слышал тот первый, воспетый
Варроном,
Как золотое руно мчался Ясон добывать⁸.
С песнью высокой своей в тот день лишь погибнет Лукреций,
Миру который конец вместе с собой принесет.
Будут о Титире знать, о нивах, о войнах Энея,
Мир побежденный пока Рим, как столицу, хранит.

¹ Быть оратором.

² Остров у троянского берега в Малой Азии.

³ Гора в Троаде.

⁴ Река близ Трои.

⁵ Хлебные колосья.

⁶ Греческий поэт-эпик, представитель александрийской поэзии.

⁷ Римский драматург-трагик II—I в. до н. э.

⁸ Разумеется поэма «Аргонавты» Публия Теренция Варрона, римского поэта I в. до н. э.

- Там, где любовный огонь и лук, Купидона оружие,
Будут, о милый Тибулл, песни твои повторять.
Славен на западе Галл, восток тоже знает о Галле¹,
30 С Галлом же вместе живет имя Ликоры его..
Пусть бы и камень погиб — от времени, плуга железо
Пусть бы погибло, но песнь смерти не знает совсем.
В этом и царский триумф, и цари пусть песне уступят,
Пусть уступает и брег Тага² с песком золотым..
Чернь за презренным бежит, а мне, Аполлон златокудрий,
Полную чару, молю, влаги кастальской³ налей.
Дай мне на кудрях сдержать тот мирт, что от холода вянет,
Дай, чтоб с волненьем меня всякий влюбленный читал.
Зависти пища — живой; как умрешь, успокоится зависть;
40 Каждому будет тогда в меру заслуги почет..
Мне ли бояться чего? Пусть сгорю на костре без остатка,
Жив буду я — не умру лучшею частью своей.

III, 1 [ТРАГЕДИЯ И ЭЛЕГИЯ ПЕРЕД ПОЭТОМ]

- Старый тут тянется лес, не рубленный долгие годы.
Можно подумать: живет в этом лесу божество..
Грот... а в середине его, где скалы нависли, — источник
Льется священный, и птиц сладкое пенье кругом.
Здесь я ходил, под сенью укрыт зеленеющей роши,
Думал, куда поведет Муза мой творческий дар.
Вижу: Элегия вот — узлом благовоинные кудри —
Входит; нога у нее, мнится, короче другой⁴;
10 Формы чудесной красоты, ткань нежная, взоры влюбленной;
Самый порок ее ног был в ней особенно мил.
Грозная входит за ней Трагедия поступью тяжелой..
Кудри — на мрачном челе, вплоть до земли ее плащ.
Левой рукой простирала она свой скипетр владычный;
Ногу лидийский котурн⁵ ей высоко обвязал..
Молвила так: «Ну, когда же конец будет песне любовной,
Собственной слабости друг, преданный сердца поэт?
Громко кричат о распутстве твоём попойки с друзьями,
Все перекрестки кричат улиц, где носишься ты.
Видят нередко тебя и пальцами кажут иные:
20 «Вот он! глядите — поэт! жжет его дикая страсть!»

¹ Римский поэт-элегик I в. до н. э.

² Река в Луситании (Пиренейский полуостров).

³ Источник у подножия горы Парнаса в Фокиде, посвященный Аполлону.

⁴ Элегия рисуется хромой, так как в античном смысле элегия — стихотворение, состоящее из двустопных, в которых второй стих (пентаметр) короче первого (гекзаметра).

⁵ Обувь с высокой деревянной подошвой; ее надевали актеры в трагедии.

Или не чувствуешь ты, что по городу стал уже притчей,
Бросивши стыд и в стихах подвиги славы свои.
Время теперь перейти к твореньям высокого стиля.
Медлил довольно уж ты, — дело поглубже начни.
Дар содержаньем теснишь, — славы подвиги, славы ты
героев:

«Поприще вот для меня!» — смело ты можешь сказать.
Творчество Музы твоей — лишь песни для девушек нежных,
Только одну молодежь стих твой способен увлечь.
Нет! Вот задача тебе: трагедию сделай ты римской:
30 Смело законы мои может постигнуть твой дух!»
Молвила так — и, на шитый котурн опираясь, тряхнула
Трижды она головой, прядью густою волос.
Помню, что очи другой тут искоса мило сверкнули, —
В правой руке у нее ветка от мирта была.
Молвила так: «Меня ли коришь, Трагедия, грозно!
Бурная! Или невмочь быть и не грозной тебе?
К неравнословным стихам решилась ты нынче прибегнуть.
Против меня ты идешь, мой же использовав стих..
С песнью моей не сравню высокой поэзии дело:
40 Ваш подавляет чертог малых отверстие дверей..
Я же легка, и, забота моя, Купидон тоже легок:
Я не сильнее того, в чем содержание мое..
Все же моих больше заслуг! Стерплю я такое, что вряд ли,
Бровью не дрогнув своей, ты бы смогла потерпеть.
Грубой была б без меня игривого матерь Амура,
Ей я помощник большой, спутник всегда для нее.
Дверь, что никак распахнуть тяжелым котурном не сможешь,
Вот посмотри — отворю вкрадчивой лаской своей.
Сторожа введши в обман, со мной научилась Коринна¹
50 Ловко порог обойти, верный замок миновать, —
Быстро с постели вскочить и, рубашкой накрывшись широкой,
Тихо в ночной темноте легкой стопою пройти.
Много висела я раз на двери непреклонной прибитая:
Пусть и прохожий прочтет, — страшного нет для меня.
Помню я: как-то ушел от двери сторож суровый —
Ловко служанка меня в пазухе скрыла своей..
Помнишь, послал ты меня, в день рожденья, как дар,
а рабыня
Вскрыла, — и вот уж в воде быть мне жестоко пришлось.
Первый счастливый посев твоей мысли я насадила..
60 Дар это мой, что к тебе дева стремится душой...»
Кончила... Начал я тут: «О пусть же от вас от обеих
В жадные уши слова робкий воспримет поэт..
Скиптр и высокий котурн в украшение одна посылает —

¹ Женщина, которую воспевают Овидий в «Песнях любви».

Следом за нею уста громко готовы звучать.
Но увлеченьям моим посылает вечность другая —
Будь же со мною и стих длинный с коротким сплети.
Время, Трагедия, мне — о, позволь — хоть недолгое
выждать:
Дело твое — на века, ей же — так короток срок!..»
Милость любезно дана! — поспешите ж скорее, Амуры..
70 Ждет она, — там же, вдали, важная речь предстоит...

III, 9 [НА СМЕРТЬ ТИБУЛЛА]

Матерью был и Мемнон¹, и Ахилл в рыданиях оплакан.
Слезы несчастные их тронули мощных богинь..
В траур и ты облекись, Элегия, косы распутай:
Имя сегодня твое ты оправдала, увы!
Видишь, твой призванный жрец Тибулл, твоя громкая слава,
Здесь бездыханен лежит, с телом пылает костер!
Вот опрокинут колчан у Венера сына² в печали,
Лук свой — гляди — поломал, факел потух у него.
10 Вот он, печальный, идет, и крылья опущены книзу,
Бьет в обнаженную грудь он в исступление рукой,
Кудри его по плечам раскидались — и мочат их слезы,
Стоны уста издают, юноша плачет навзрыд..
Так и тогда он рыдал, как брата Энея в могилу,
Выйдя из дома с тобой, милый Иул, провожал.
Смертью певца смущена не меньше Венера, чем прежде
В день, как Адонису³ бок дикий кабан растерзал..
Святы поэты! Их дар заботой богов именуют..
Есть и такие, что в нас видят божественный дух..
Смерть беспощадная все — и святое — собой оскверняет,
20 Темные руки свои тянет она ко всему.
Чем помогли и отец и мать фракийцу Орфею,
Тому, что от пенья его даже и зверь цепенел?
Тот же в нагорных лесах отец оплакал и Лина⁴:
Лира, без воли его, пела плачевную песнь..
Вспомни, как славен Гомер, что будто извечный источник,
Всем нам, поэтам, в уста влагу Пиэрии⁵ льет..
Смерть и его увела во мрачные воды Аверна⁶, —
Жадного смерти костра песни избегнут одни!

¹ Герой Троянской войны, убитый Ахиллесом.

² У Амура.

³ Юноша, любимец Венеры, которая обратила его после гибели в цветок (см. Шекспир, Венера и Адонис).

⁴ Мифический Лин вместе с Орфеем считались первыми сочинителями гимнов богам.

⁵ Область в Македонии, близ Олимпа, местопребывание муз.

⁶ Озеро в Кампании, около которого, по представлению древних, был вход в подземное царство.

Слава троянских боев крепка, то создание поэтов;

30 Помнят, как ночью обман позднее дал торжество¹.
Так сохранится в веках Немесиды и Делии имя —

Цвет его поздних страстей, цвет его первой любви.
Чем вам поможет обряд? к чему вам гремушки Египта?
Ложке пустое к чему, где сиротливо лежать?

Если уносит судьба наилучших — простите признание, —
Страшно мне, будто и нет вовсе богов никаких².

Свято живи — все ж умрешь; соблюдай все святое — но
смертью

Будешь от храма ты взят, к темной могиле влеком.
Вверься ты песням благим — но вот тебе тело Тибулла.

40 Что уцелело? Лишь то, в малой что урне лежит.

О, наш священный поэт, тебя ли похитило пламя,

Сердце твое не боясь пищию своею избрать?!

Пусть бы чертог золотой священных богов истребило, —
Там беззаконие идет — сносят и эту там смерть!

Взор отвращает назад и Венера, что Эриком³ правит;

Кажется, слезы она больше не в силах сдержать,

Все ж это лучшая смерть, чем если в стране феакийской

Скроет неведомый труп холмик невзрачной земли.

Мать сомкнула рукой уходящего влажные очи,

50 Мать на могилу несла в жизни последний свой дар...

С матерью вместе сестра в печали делила несчастье,

Волосы все разбросав, свой растерзавши убор...

И в поцелуе с тобой Немесида и Делия слились,

Смертное ложе твое бросить не могут они...

Делия молвит, сходя: «О, меня ты любил посчастливей!

Я пока страстью была — жил ты, ведь жил ты, Тибулл».

Ей Немесида в ответ: «Что тебе до чужого несчастья?

Слабой рукой меня он перед смертью держал!..»

О, если только от нас что-нибудь, кроме имени, тени,

Может остаться, — Тибулл, ты в Елисейских полях!

Выйди, младое чело венком плющевым украсив,

Выйди навстречу ему — с Кальвом⁴, о мудрый Катулл!

Выйди и Галл, если ложь, будто другу нанес оскорбление,

Ты, не щадивший себя, крови и жизни своей.

С ними пойдет твоя тень! Если тени людей существуют,

Будешь, о милый Тибулл, вместе с блаженными ты!

Вы же, о кости, молю, безмятежно здесь в урне покойтесь!

Праху, Тибулл, твоему пусть будет легкой земля!

¹ Введение в Трою деревянного коня (см. «Энеиду»).

² Религиозный скептицизм проявляется у Овидия — поэта-эпикурейца.

³ Гора и город в Сицилии, посвященные Венере.

⁴ Римский поэт I в. до н. э. из кружка «новых» поэтов-лириков.

ГЕРОИНИ, или ПИСЬМА

ПИСЬМО VII. ДИДОНА — ЭНЕЮ

Так, пред концом роковым, меж влажною павши травой,
Возле Меандровых вод¹ белая лебедь поет.

Не потому, что смягчить тебя мольбою надеюсь,

Я говорю, и моим боги враждебны речам.

6 Но и заслуги, и честь, и тело, и чистое сердце —

Все потеряв до конца, речи терять не беда.

Так, ты решился бежать и бедную бросить Дидону;

Ветер один унесет парус и клятву твою.

Ты решился, Эней, союз свой расторгнуть и якорь

10 И к Италийским венцам мчаться в неизвестную даль.

Новый тебя Карфаген не манит, и растущие стены,

И под скипетр тебе препорученная власть.

Сделанных дел ты бежишь, к обещающим трудность

стремишься;

Новой уж хочешь искать: мало найденной земли!

15 Пусть обретишь ты страну — позволят ли в ней воцариться?

Кто незнакомцу свои нивы на волю предаст?

Новой любви предстоит добиться и новой Дидоны,

Новые клятвы давать, чтобы опять обмануть.

Скоро ли сможешь создать Карфагену равную крепость

20 И с недоступных твердынь царство свое озирать?

Пусть и успеешь во всем, и воля твоя совершится;

Где ты такую найдешь с страстной любовью жену?

Таю, как факела воск под серною тает свечей,

25 Ночью и днем предо мною образ Энея стоит.

Он же признательных чувств не знает, к дарам безразличен,

Будь не безумье мое, с ним бы рассталася я.

Но, хоть не мыслит о нас Эней, не могу ненавидеть,

30 Плача, неверного я жарче и жарче люблю.

Сжался, Венера-свекровь²! Смягчи жестокого брата,

Отрок Амур! Пусть в твоём воинстве бьется и он!

Я полюбила сперва, от любви отречься не стану,

Только б поддержку моим чувствам и он оказал.

35 Тщетный обман! Без пути мне этот мечтается образ,

И бесконечно он чужд матери сердцу своей.

Камень и горы тебя, и скал обитатели крайних —

Дубы — родили на свет, или безжалостный зверь,

Или же море, еще доселе гонимое ветром,

40 Море, в которое плыть рвешься по грозным валам.

Что ты бежишь? Ведь зима! Пусть помощь зима мне окажет!

¹ Река во Фригии (Малая Азия).

² Венера — мать Энея.

О, посмотри же, как Эвр роет и гонит валы!
 Тем, что желательно мне, без меня ты бурям обязан,
 Ветер и волны — и те сердца правей твоего.
 45 И не ничтожна ж я так, что ты трепещешь, неверный,
 Гибели, лишь бы от нас в дальнее море уйти!
 Ненависть, видно, в тебе сильна и навек неизменна,
 Если — подальше от нас — самая смерть ни во что!
 Скоро уляжется вихрь: последнее сгладив волнение,
 50 На голубых скакунах в море промчится Тритон.
 Если б, как ветры, и ты умел изменяться душою!
 И передумаешь ты, если дубов не грубей.
 Точно не ведаешь впрямь, что море безумное может?
 Как доверяться волне, столько испытанной раз?
 55 Даже когда разрешишь канаты при ласковом море,
 Много несчастий еще ширь голубая таит.
 Слово свое не сдержат опасно, пускаясь в море,
 Кару за низкий обман здесь вымогает волна,
 И особенно когда любовь оскорбляет: Амуров
 60 Матерь нагая из вод вышла Киферы¹ на свет.
 Как бы сгубившего мне не сгубить, зла не сделать злодею,
 Как бы в крушении враг влаги морской не испил!
 Нет же, живи! Так лучше тебя, чем смертью, сгублю я.
 Пусть за причину моей смерти тебя огласят.
 65 Только представь же, как вдруг — не будь предвещанием
 это! —
 Бурной ты схвачен волной: что тут подумаешь ты?
 Перед тобой пролетят и лживые клятвы, и речи,
 И Дидоны конец ради обмана того;
 И пред очами жены обманутой образ предстанет —
 70 Косы распущены, взор грустный и кровь на груди.
 Сколько воскликнешь ты раз: «Всего я достоин! Простите!»
 Молний сколько в тебя, брошенных с неба, падет!
 Дай же короткий ты срок жестокости моря и сердца,
 И за отсрочку в обмен путь безопасный открыт.
 75 Не за тебя я боюсь, над юным смилуйся Юлом²,
 Будет с него, что отец — смерти причина моей.
 Чем же Асканий и чем грешны родные Пенаты?
 Пламя ль стерпевшие их лики покроет волна?
 Но и не нес ты богов, и — полно, злодей, величаться! —
 80 Не бременили твоих плеч ни отец, ни Пенат³.
 Все и во всем ты налгал! Но речью твоей обмануться
 Мне уж не первой пришлось и пострадать от тебя.
 Если спросить, где же мать красавца осталась Юла:

¹ Остров, где родилась Венера.

² Сын Энея, иначе Иул.

³ См. песнь II «Энеиды».

Грубый покинул супруг на одинокую смерть¹.
 85 Это ты сам рассказал — и все ж я тобой увлеклся.
 Жги же: все меньше греха будет жестокая казнь.
 Нет и сомненья во мне, что боги тебя наказуют:
 По морю ты, по земле бродишь седьмую зиму.
 Выброшен морем ты был — тебе я приют даровала,
 90 Только слышав твое имя — престол отдала.
 Если бы этим одним довольна была я служеньем,
 Если б осталась мертва нашего брака молва!
 Тот был погибелен день, когда нас к глубокому гроту
 Вдруг неожиданный дождь черным потоком погнал².
 95 Голос слышала я: я думала, нимфы завывли —
 Нет, Евмениды к моей знак подавали беде.
 Требуй, поруганный стыд, отмщенья, и тени Сихея³,
 К коим, несчастная, я с горьким позором сойду.
 В мраморном храме стоит изваянье святое Сихея,
 100 В темную скрыто листву и в белоснежную шерсть.
 Здесь, мне послышалось, меня четырежды голос знакомый
 Кликал и томным звучал звуком: «Эллиса, приди!»
 Медлить не стану, иду, иду, мой суженый милый,
 Здесь задержало меня нашей сознание вины.
 105 Сжался над слабой душой! Коварный смутил обольститель,
 Всю преступность вины уничтожает моей.
 Мать-богиня, отец престарелый — отрадное бремя —
 Сына — надежду дают ложа законного мне.
 Если судьба — согрешить, причина ошибки почтения;
 110 Верность прибавь — и ни в чем жалкого нет уж греха.
 Так до последнего дня и крайние жизни пределы
 Тот же преследует рок с прежним упорством своим.
 Пал мой супруг — у родных алтарей закланная жертва,
 И за злодейство свое взял все сокровище брат.
 115 Я убегаю, и прах супруга, и родину бросив,
 И по суровым путям гонится враг по следам.
 Чуждой достигнув страны, от брата избавясь, от моря,
 Отданный ныне тебе берег купила тут я,
 Город поставила здесь и широко раздвинула стены,
 120 Всем порубежным местам ненависть, зависть и страх.
 Рспыхнули войны. Войной чужестранную женщину мучат,
 Чуть лишь оплот создала нового города я.
 Многим была по душе, и много, сходяся, просили.
 Уж и не знаю, кого в брачном чертоге принять.
 125 Что ж ты медлишь в цепях предать нас гетульскому Ярбе⁴?

¹ Подразумевается Креуса; любопытно, как Дидона обращает в вину Энею факт случайного исчезновения его жены (см. песнь II «Энеиды»).

² См. выше, песнь IV «Энеиды».

³ Первый муж Дидоны.

⁴ Царь африканских гетулов, один из женихов Дидоны.

Руки свои и сама я бы тебе предала.
 Есть и брат у него; могла б нечестивые руки
 Кровь и моя оросить вслед за супругом моим.
 Только богов и святыни оставь: не бесчесть их руками!
 130 Верь: неугоден богам от нечестивых почит.
 Если чтителем их, изъятых из пламени, будешь,
 Каяться будут они, что от пожара бегли.
 Может быть, тяжелой меня, жестокий злодей, покидаешь,
 И уже часть твоего тела скрывает мое.
 135 Матери смерть разделит тогда и несчастный ребенок,
 И нерожденного ты ж будешь виной похорон;
 С матерью вместе своей и брат у Иула погибнет¹,
 Сплетшихся вместе двоих гибель одна унесет.
 Бог повелел отплывать — ах, лучше б пристать не позволил,
 140 И не вступала нога Тевкрская на берег наш!
 Видно, что бог вас ведет, удручаемых злобною бурей,
 Видно же, в грозных волнах бог вас так долго кружит!
 Даже к Пергаму возврат такой бы не стоил тревоги,
 Если б стоял он таким, как и при Гекторе был.
 145 Не на родной Симоис² — на Тибрские волны стремишься,
 Пусть на желанный сойдешь берег — все будешь чужой.
 Все таится та даль, от своих кораблей ускользая;
 Старцем едва доплывешь к обетованной земле.
 Лучше с народом моим прими, позабывши коварство,
 150 Груды свезенных сюда Пигмалиона³ богатств.
 Перенеси Иллион счастливее в город Тирийский
 И заступи нам царя с скиптром священным в руках.
 Если ты жаждешь войны, когда пожелает Асканий
 В марсовой битве себе славу триумфа достать,
 155 Будет и враг, и врага ему предадим в одоление;
 Будет и мира закон, будут и битвы в стране.
 Матерью только молю и братским доспехом — стрелами,
 Отчих святыней богов, спутников бегства, молю:
 Побереги своего народа последний остаток,
 160 Марса жестокого гнев пусть уж Энея щадит;
 Сыну Асканию пусть счастливо исполнятся годы,
 И в тишине отдохнут кости Анхиса, отца!..
 Сжался над домом, молю, в твою предающимся волю!
 Есть ли за мною вина, кроме безумной любви?
 165 Я не Фтиотянка⁴, нет, родилась не в великих Микенах⁵,
 Против тебя не дрались муж и родитель мой.

¹ Дидона преувеличивает вину Энея, представляя его убийцей не только ее, но и ее будущего ребенка.

² Река под Троей, иначе Симоэнт.

³ Брат Дидоны, тирский царь.

⁴ Фтия — родина Ахилла.

⁵ Родина Агамемнона.

Если стыдишься жены, зови не женой, а хозяйкой:
 Только б остаться твоей, всем бы готова я быть.
 Ведомы воды мне здесь, в Африканский гремящие берег,
 170 В определенные дни путь открыт и закрыт.
 С ветром попутным сейчас распустишь ты парус по ветру;
 Ныне корабль — на земле, легкой травой повит.
 Время вели наблюдать Дидоне; поедешь позднее —
 Медлить сама не велю, хоть и захочешь, тебе.
 175 Ныне хотят моряки вздохнуть, и малой отсрочки
 Молит разбитый волной, полуисправленный флот.
 Я за услуги, за все, чем только Эней нам обязан,
 И за надежду на брак краткой отсрочки прошу:
 Море пока смягчится и страсть, и силой привычки
 180 Сердце свое приучу с твердостью горе сносить.
 Если же нет, то хочу с печальною жизнью проститься,
 И беспощаден ко мне долго не можешь ты быть.
 Если б тебе повидать, как это пишу я посланье:
 Пишет рука, на груди ж меч уж троянский лежит.
 185 Слезы, стекая с ланит, по стали бегут обнаженной;
 Вот-вот вместо тех слез кровью окрасится сталь!
 Как хорошо подошли дары твои к нашему року!
 Как без затрат громоздишь нам погребальный костер!
 И не впервые сейчас железо проникнет мне в сердце:
 190 В нем уж таится давно горькая рана любви.
 Анна, Анна, сестра, наперсница злого паденья,
 Скоро последний ты дар праху сестры принесешь!
 И по сожженью меня женой не пишите Сихей,
 Пусть на могильной плите эта останется песнь:
 195 «Смерти причину и меч Эней предоставил царице;
 Пала Дидона, своей сердце пронзивши рукой».

МЕТАМОРФОЗЫ (Metamorphoses)

I [ЧЕТЫРЕ ВЕКА]

89 Первым посеян был век золотой, не знавший возмездья,
 Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность.
 Не было страха тогда, ни кар, ни слов не читали
 Грозных на бронзе¹; толпа умолявшая не устрасалась
 Уст судьи своего, — без судей были все безопасны.
 И, не срублена, с тем, чтоб чужие увидеть пределы,
 95 С гор не спускалась своих сосна на прозрачные воды;
 Смертные, кроме родных, никаких берегов не знавали,
 Не окружали еще отвесные рвы укреплений;
 Труб не имелось прямых, ни медных рогов искривленных,
 Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,

¹ Законов и декретов.

100 Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.
 Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой,
 Плугом не ранена, все земля им сама приносила.
 Пищей довольны вполне, получаемой без принужденья,
 Рвали с деревьев плоды, земляничник нагорный собирали,
 105 Терн и на крепких ветвях висящие ягоды тут,
 Иль урожай желудей, что с деревьев Юпитера¹ пали.
 Вечно стояла весна; приятный прохладным дыханьем,
 Ласково нежил зефир цветы, не знавшие сева.
 Боле того; урожай без распашки земля приносила;
 110 Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,
 Реки текли молока, струились и нектара реки,
 Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.
 После того как Сатурн² был в мрачный Тартар низвергнут,
 Миром Юпитер владел, — серебряный век народился.
 115 Хуже он золота был, но желтой меди ценнее.
 Сроки древней весны сократил в то время Юпитер,
 Лето и зиму создав и неравномерную осень
 С краткой весной; разделил он четыре времени года.
 Тут-то, впервые, сожжен сухими зноями, воздух
 120 Стал раскаляться, и лед повис, замороженный ветром.
 Тут-то впервые вошли в дома. Домами пещеры
 Были, густые кусты и лыком скрепленные ветки.
 В первый раз семена Церерины³ в бороздах длинных
 Были зарыты, и вол застонал, ярмом удрученный.
 125 Третьим же после тех двух век медный явился на смену;
 Духом суровой он был, склонней к ужасающим браням,
 Но не преступный еще. Последний же весь из железа.
 Тотчас тогда ворвалось в тот век наклонностей худших
 Все нечестивое. Стыд убежал, и правда, и верность,
 130 И на их место тотчас появились обманы, коварство;
 Козни, насилие пришло и проклятая страсть к обладанью.
 Начали парус вверять ветрам, но еще мореходы
 Плохо их знали тогда, и на высях стоявшие горных
 По незнакомым волнам корабли заходили, качаясь.
 135 Общую собственность раньше, бывало, как солнце и воздух,
 Длинным поля рубежом землемер осторожный отметил.
 И от богатой земли не одних урожаяв, не должной
 Требовать стали еды, но вошли и в утробу земную;
 Те, что скрывала земля, отодвинув их к теням стигийским⁴,
 140 Стали богатства копать, — ко всякому злу побужденью!
 С вредным железом тогда железа вреднейшее злато

¹ С дубов — священных деревьев Юпитера.

² Греческий Кронос.

³ Хлебные семена.

⁴ Вглубь, к подземному царству; Стикс — река в преисподней.

Вышло на свет, и война, что и златом крушит и железом,
 В окровавленной руке потрясая со звоном оружие.
 Ныне живут грабежом; в хозяине гость не уверен,
 145 В зяте — тесть; редка и любовь меж братьями даже.
 Муж жену погубить готов, она же — супруга.
 Страшные мачехи, — вот аконит¹ подбавляют смертельный;
 Рансе времени сын о годах гадает отцовских.
 Вот побежденным лежит благочестье, — и дева Астрея²
 150 С влажной от крови земли ушла — из бессмертных
 последней.

I [ДЕВКАЛИОН И ПИРРА]

313 От Аонийских вершин³ отделяет Эту⁴ Фокида, —
 Тучные земли, пока они землями были, теперь же
 315 Моря частица, воды небывалой широкое поле⁵.
 Там крутая взнеслась гора двухвершинная к звездам,
 Именованьем — Парнас; облаков верха ее выше.
 Тут-то Девкалион⁶ — остальное вода покрывала —
 С брачной подругой своей пристал на маленькой лодке.
 820 Нимфам корикским⁷ они и гор божествам помолились,
 Вещей Фемиде, тогда прорицалищем⁸ этим владевшей.
 Не было лучше вовек, ни правдолюбивее мужа,
 Богобоязненна так ни одна не была из женщин.
 А как Юпитер узрел, что мир стал жидким болотом,
 825 И что остался там он из стольких тысяч единым,
 И что осталась она из стольких тысяч единой,
 Оба невинны душой, богов почитатели оба, —
 Он облака раскидал, аквилон⁹ туман отодвинул,
 Землю явил небесам и выси эфирные землям.
 830 Моря недолог был гнев: сложив о трех зубьях оружие,
 Воды владыка морской⁹ усмиряет и вставшего поверх
 Волн Тритона зовет, чьи плечи врожденной лазурью
 Крыты; ему он велит дышать в гудящую конху¹⁰;
 Этим он знак подает отозвать и потоки и волны.
 835 Выбрал из раковин тот пустую трубу завитую,
 Что расширяется вверх от низа крученого; если

¹ Ядовитое растение.

² Богиня справедливости.

³ Беотийских гор (в Беотии).

⁴ Гора на границе областей Греции — Фессалии и Фокиды.

⁵ Во время всемирного потопа, который послал громовержец Зевс на род людской (см. «Метаморфозы», I, 260—312).

⁶ Девкалион и Пирра — единственные люди, спасшиеся от потопа.

⁷ Из пещеры Корик на Парнасе.

⁸ В городе Дельфы.

⁹ Нептун.

¹⁰ Раковину.

В море такую трубу на просторе наполнить дыханьем,
Голосом полнит берега, где солнце встает и ложится.
И лишь коснулись трубы уста божества с бородой
340 В каплях, и стала отбой, надувшись, греметь по приказу, —
Тут услышали ее все воды — земные, морские —
И, услышавши ее, ей тотчас все покорились.
Реки спадают, уже завиднелись возникшие холмы;
Море опять в берегах, и в руслах полные реки.
345 Почва видна, с убавленьем воды прибавляется суша.
После длинного дня и лесов показались макушки
Голые, тина у них еще меж ветвей оставалась.
Мир возродился земной. И увидев, что так опустел он
И что в печали земля глубоким объята молчаньем,
350 Девкалион, зарывав, к своей обращается Пирре:
«О сестра¹, о жена, о единая женщина в мире,
Ты, с которой меня род общий, дед обоюдный,
После же брак сочетал, теперь сочетает опасность, —
Сколько ни видит земли восток и запад, всю землю
355 Мы населяем вдвоем. Остальное — досталось морю.
Но и поныне еще не вполне мы уверены в нашей
Жизни, еще облака наполняют нам ужасом душу.
Что если б ты без меня судьбы избежала, бедняжка,
Было бы в сердце твоём? И как бы могла одинокой
360 Ты этот страх пережить? И кто б твои муки утешил?
Я, о поверь, если б ты оказалась добычею моря,
Сам за тобою, жена, оказался б добычею моря.
О если б только я мог возродить народы искусством
Отчим² и души вливать я умел в изваянья из глины!
365 Ныне же в нас лишь двоих двоих сохраняется смертных порода;
Так уж угодно богам, чтоб людей образцом мы остались». Оба заплакали. Им захотелось молиться небесным
Силам и помощи их попросить, о судьбине гадая.
Медлить не стали они. Подходят к Кефиса³ водам,
370 Что не прозрачны еще, но знакомым руслом протекают.
Там, водяную струю возлиав, себе оросили
Платье и темя они, потом направиться оба
В храм богини спешат, которого кровля белела,
Грязным покрытая мхом, алтари ж без огня пребывали;
375 И лишь коснулись они храмовых ступеней, как упали
Наземь, устами прильнув к холодному — в трепете — камню.
И говорили вот так: «Коль Вышние правой мольбою
Могут смягчаться и гнев умилоустивляется божий,
Молви, Фемида, каким искусством убыток восполнить

¹ Пирра — двоюродная сестра Девкалиона.

² Девкалион, сын Прометея, который, по мифу, вылепил людей из глины.

³ Река в Фокиде.

380 Нашего рода, подай, кротчайшая, помощь в потопе!»
И умягчилась она и рекла: «Выходите из храма;
Головы ваши покрыв, пояса развяжите одежды
И через плечи свои мечите праматери кости». Остолбенели они, и нарушила первой молчанье
385 Пирра; богини она покориться веленьям не хочет;
Молит прощенья себе; уста оробели, боится
Матери тень оскорбить, назад ее кости кидая.
Но повторяют, меж тем, слепое, неясное слово
Жребия, данного им, и сами с собой размышляют.
390 Ласковой речью тогда Прометид¹ обращается мягко
К Эпиметиде². «Иль мы, — говорит, — ошиблись в догадке,
Иль благочестен и нам не внушит беззаконья оракул.
Наша праматерь — земля. В телесах ее скрытые кости,
Думаю, — камни. Кидать их за спину нам повеленье». 395
Хоть толкованьем таким супруг Титанию³ тронул,
Все же надежда смутна, — настолько к советам небесным
Мало доверья у них. Но что за беда попытаться?
Вот и сошли; покрывают главу, распоясали платье
И, по приказу, назад на следы свои камни бросают.
400 Камни... поверил бы кто, не будь свидетелем древность?
Вдруг они стали терять постепенно и твердость и грубость,
Мягкими стали, потом принимали, смягчившись, и облик.
После, когда возросли и стала нежней их природа,
Можно было уже, хоть неясственный, облик увидеть
405 В них человека, такой, как в мраморе виден початом, —
Точный еще не совсем, изваяниям грубым подобный.
Часть состава камней, что была земляною и влажный
Сок содержала в себе, пошла на потребу для тела;
Крепкая ж часть, что не гнулась совсем, в костяк
обратилась,
410 Жилы же в части камней под тем же остались названьем.
Времени мало прошло, и, по воле Всевышних, камень
Те, что мужчина кидал, и внешность мужчин обретали;
А из-под женских бросков творились женщины снова.
То-то и твердый мы род, во всяком труде закаленный,
415 И доказал он собой, каково было наше начало!

III [НАРЦИСС]

341 Опыт доверья и слов пророческих¹ первой случилось
Лириопее узнать голубой, которую обнял

¹ Сын Прометея — Девкалион.

² Дочь Эпиметей — Пирра.

³ Пирру — внучку титана Янета.

⁴ Предсказания Тиресия, которого Юпитер награждал даром пророчества.

Гибким теченьем Кефис¹ и, замкнув ее в воды, насилье
 Ей учинил. Понесла красавица и разродилась
 345 Неким ребенком, что мог в то время уж правиться нимфам;
 Назван же был он Нарцисс. Когда про него спросили,
 Что он, узнает иль нет срок долгий старости зрелой,
 Молвил правдивый пророк: «Коль сам он себя не увидит».
 Долго казалось пустым прорицанье; его разъяснила
 350 Отрока гибель и род его смерти, и новшество в страсти.
 Вот прибавить годок к пятнадцати мог уж Кефисий,
 Сразу и мальчиком он и юношей мог почитаться,
 Юноши часто его и девушки часто желали.
 Гордость большая была, однако ж, во внешности нежной, —
 355 Юноши вовсе его не касались и девушки вовсе.
 Видела, как загонял он трепетных в сети оленей,
 Звонкая нимфа, — она на слова не могла не ответить,
 Но не умела начать, — отраженно звучащая Эхо.
 Плоть Эхо была, не голосом только; однако
 360 Так же болтливой уста служили, так служат и ныне, —
 Крайние только слова повторять из многих умела.
 Сделала так с нею Юнона за то, что как только пыталась
 Нимф настичь, под горой с Юпитером часто лежавших,
 Бдительна, Эхо ее отвлекала предлинною речью, —
 365 Те ж успевали бежать. Сатурния², это постигнув:
 «Твой, — сказала, — язык, которым меня ты проводишь,
 Власть потеряет свою, и голос твой станет короток».
 Делом скрепляет слова; теперь она только и может
 Что удвоить голоса, повторяя лишь то, что услышит.
 370 Вот Нарцисса она, бродящего в чаще пустынной,
 Видит, и вот уж заглясь, и за юношей следует тайно;
 Следует дальше за ним и пылает, к огню приближаясь, —
 Так бывает, когда, горючею облиты серой,
 Факелов смольных концы принимают огонь поднесенный.
 375 О, как желала не раз приступить к нему с ласковой речью,
 Нежных прибавить и просьб! Но препятствием встала
 природа,
 Не позволяет начать; но — это дано ей! — готова
 Звуков сама ожидать, чтоб словом на слово ответить.
 Мальчик, отбившись меж тем от сонмища спутников верных,
 380 Крикнул: «Здесь кто-нибудь есть?» Тут «есть!» — ответила
 Эхо.
 Он изумился, кругом глазами обводит и громким
 Голосом кличет: «Сюда!» И зовет зовущего нимфа.
 Он огляделся и вновь, никого не приметя: «Зачем ты, —

¹ Река в Беотии.

² Дочь Сатурна Юнона.

Молвит, — бежишь?» И в ответ слов столько же вновь
 получает.
 385 Он же настойчив и вновь, обманутый звуком ответов,
 «Здесь мы сойдемся!» — кричит, и, охотней всего откликаясь
 Этому зову его, «Сойдемся!» — отвечает Эхо.
 Собственным нимфа словам покорна и, выйдя из леса,
 Вот уж руками обнять стремится желанную шею.
 390 Он бежит и, бежа: «От объятий удерживай руки!
 Лучше умру, — говорит, — чем тебе на потребу достанусь!»
 Та же в ответ лишь одно: «Тебе на потребу достанусь!»
 После, отвергнута им, в лесах затаилась, листовою
 Скрыла лицо от стыда и в пещерах живет одиноко.
 395 Все же осталась любовь, и растет от мучений обида.
 От постоянных забот истощается бедное тело;
 Кожу стянула у ней худоба, телесные соки
 В воздух ушли, и одни остались лишь голос да кости.
 Голос живет: говорят, что кости камнями стали.
 400 Скрылась в лесу, и никто уж ее на горах не встречает.
 Слышат же все: то — звук, что живым у нее сохранился.
 Так он ее и других, водой и горами рожденных
 Нимф, насмехаясь, отверг, как ранее толпы мужские.
 Каждый, отринутый им, к небесам протягивал руки:
 405 «Пусть же полюбит он сам, но владеть да не владеть
 любимым!»
 Молвили все, — и вняла справедливым Рамнусия¹ просьбам.
 Чистый ручей протекал, серебрящийся светлой струей, —
 Не прикасались к нему пастухи, ни козы с нагорных
 Пастбищ, ни скот никакой, никакая его не смущала
 410 Птица лесная, ни зверь, ни упавшая с дерева ветка.
 Вкруг зеленела трава, соседней впоена влагой;
 Лес же густой не давал водоему от солнца нагреться.
 Там, от охоты устав и от зноя, прилег утомленный
 Мальчик, мест красотой и потоком туда привлеченный;
 415 Жажду хотел утолить, но новая жажда возникла!
 Воду он пьет, а меж тем — захвачен лица красотой.
 Любит без плоти мечту и призрак за плоть принимает.
 Сам он собой поражен, над водою застыл, неподвижен,
 Юным похожий лицом на изваянный мрамор паросский.
 420 Лежа, глядит он на очи свои — созвездья двойные,
 Вакха достойные зрит, Аполлона достойные кудри;
 Щеки без пуха еще и шею из кости слоновой,
 Прелесть рта и в лице с белоснежностью вместе румянец.
 Всем изумляется он, чем впрямь изумителен отрок.
 425 Жаждет безумный себя; похваляя, себя похваляет,
 Рвением рвется к себе, зажигает и сам пламенеет.

¹ Богиня Немесиды, почитавшаяся в городе Рамнунте.

Сколько лукавой струе он обманчивых дал поцелуев!
 Сколько, желая обнять в струях им зримую шею,
 Руки в ручей погружал, но себя не улавливал в водах!
 430 Что увидал — не поймет, но к тому, что он видит, пылает;
 Юношу тот же обман возбуждает и вводит в ошибку.
 О легковёрный, зачем хватаешь ты призрак бегущий?
 Жаждешь того, чего нет; отвернись — и любимое гниет.
 Тень, которую зришь, — отраженный лишь образ, и только.
 435 В ней — ничего своего; с тобою пришла, пребывает,
 Вместе с тобой и уйдет, если только уйти ты способен.
 Но ни потребность в еде, ни желание покоя не могут
 С места его оторвать: на густой мураве распростершись,
 Взором несатым смотреть продолжает на лживый он образ,
 440 Сам от своих погибает огней. И, слегка приподнявшись,
 Руки с мольбой протянув к окружающим темным дубравам,
 «Кто, о дубравы, — сказал, — увы, так жестоко влюбился?
 Вам то известно; не раз для любви вы служили приютом.
 Ежели столько веков бытие продолжается ваше, —
 445 В жизни припомните ль вы, чтоб чах так сильно

влюбленный?

Вижу я то, что люблю; но то, что люблю я и вижу,
 Тем не могу обладать: заблужденье владеет влюбленным.
 Чтобы страдал я сильней, меж нас нет страшного моря,
 Нет ни дороги, ни гор, ни стен с закрытыми вратами.
 450 Струйка препятствует нам. И сам он отдаться желает!
 Сколько бы раз я уста ни протягивал к водам прозрачным,
 Столько же раз он ко мне поцелуем стремится ответным.
 Словно коснешься сейчас... препятствует любящим малость.
 Кто бы то ни был — ко мне! Что мучаешь, мальчик

бесценный?

455 Милый, уходишь куда? Не таков я красой и годами,
 Чтобы меня избегать, в меня ведь влюблялись нимфы.
 Некую ты мне сулишь надежду лицом дружелюбным,
 Руки к тебе протяну, и твои — протянуты тоже.
 Я улыбаюсь — и ты; не раз примечал я и слезы,
 460 Ежели плакал я сам; на привет отвечал ты поклоном
 И, как могу я судить по движениям этих прелестных
 Губ, произносишь слова, но до слуха они не доходят.
 Он — это я! Понимаю. Меня обмануло обличье!
 Страстью горю я к себе, возбуждаю огонь и лелею¹.

¹ В. И. Ленин использовал образ Нарцисса по отношению к меньшевику Мартову. Критикуя мнение Мартова, считавшего, что Крошштадтское восстание представляет собой «противобольшевистское движение, не служащее целиком белогвардейщине, капиталистам и помещикам», Ленин называет Мартова «образцом самовлюбленного мещанского Нарцисса». «О третьей силе» (кроме большевиков и буржуазии. — Н. Д.), — продолжает Ленин, — могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы.

465 Что же? Мне зова ли ждать? Иль звать? Но звать мне
 кого же?
 Все, чего жажду, — со мной. От богатства я стал неимущим.
 О, если только бы мог я с собственным телом расстаться!
 Странно желанье любви — чтоб любимое было далеко!
 Силы страданье уже отнимает, немного осталось
 470 Времени жизни моей, погасаю я в возрасте раннем.
 Не тяжела мне и смерть: умерев, от страданий избавлюсь.
 Тот же, кого я избрал, да будет меня долговечней!
 Ныне слиянны в одно, с душою умрем мы единой». —
 Молвил, и к образу вновь безрассудный вернулся тому же.
 475 И замутил слезами струю, и образ неясен
 Стал от движенья волны. И увидев, что тот исчезает,
 «Ты убегаешь? Постой! Жестокий! Влюбленного друга
 Не покидай! — он вскричал. — До чего не дано мне касаться,
 Стану хотя б созерцать, свой пыл несчастный питаю!»
 480 Так горевал и, раскрыв одежды у верхнего края,
 Мраморно-белыми стал в грудь голую бить он руками.
 И под ударами грудь подернулась алостью тонкой,
 Словно у яблок, когда с одной стороны они белы,
 485 Но заалели с другой, или как на кистях разноцветных
 У виноградин, еще не созревших, с багряным оттенком.
 Только увидел он грудь, отраженную влагой текучей,
 Дольше не мог утерпеть; как тает на пламени легком
 Желтый воск или туман поутру под действием солнца
 Знойного, так же и он, истощаем своею любовью,
 490 Чахнет и тайным огнем сжигается мало-помалу.
 Красок в нем более нет, уж нет с белизною румянца,
 Бодрости нету, ни сил, всего, что бывало пленяло.
 Тела не стало его, когда-то любимого нимфой.
 Видя все это, она, хоть будучи в гневе и помня,
 495 Сжалилась; лишь говорил несчастный мальчик: «Увы мне!»,
 Вторила тотчас она, на слова отзываясь: «Увы мне!»
 Если же он начинал ломать в отчаянье руки,
 Звуком таким же она отвечала унылому звуку.
 Вот что молвил в конце неизменно глядевший в воду:
 500 «Мальчик, напрасно, увы, мне желанный!» — И слов

возвратила

Столько же; и на «прости!» — «прости!» — ответила Эхо.
 И утомленным челом склонясь на зеленую траву,
 Он, не смыкая очей, любовался красой господина.
 Даже и после — уже в обиталище принят Анда,
 505 В воды он Стикса смотрел на себя. Рыдали наяды-
 Сестры и пряди волос поднесли в дар памятный брату.
 Плакали нимфы дерев — и плачущим вторила Эхо.
 И уж носилки, костер и факелы готовляли, —

Не было тела нигде. Но, вместо тела, шафранный
Ими найден был цветок с белоснежными вокруг лепестками.

IV [ПИРАМ И ТИСБА']

55 Тисба, прелестнее всех дочерей, на Востоке рожденных,
Вместе с Пирамом, прослывшим из юношей самым
прекрасным,
Жили в соседних домах, где высокой кирпичной стеною
Город кругом обнесла, по преданию, Семирамида².
Им облегчило начало любви и сближенья соседство,
60 Исподволь страсть возросла, и они б сочетались законно,
Но запретили отцы. И, однако, никак не сумели
Им запретить загореться великой взаимной любовью.
Нет между ними посредников, знаками речь заменили,
Но тем сильнее горит, чем усердней скрывается, пламя.
65 Тонкая щелка сквозила в стене, что дома разделяла,
Там появилась она уж давно, когда строили стену.
Щелочки этой никто не заметил за долгое время;
Все замечает любовь! О влюбленные, вы увидали
Первые этот изъян и речам проложили дорогу.
70 Шепотом тихим они посылали неслышные ласки;
Часто бывало, что Тисба с Пирамом стояли напротив,
Поочередно пытаясь уст уловить трепетанье.
«Злая стена, — говорили они, — не препятствуй влюбленным!
Что б тебе стоило только позволить нам слиться всецело?
75 Если же много, по-твоему, мы пожелали, то дай нам
Слить поцелуем уста! Мы тебе и за то благодарны,
Что до любимых ушей ты речам открываешь дорогу».
Кончивши речи свои безутешные, с мест одиноких
К ночи прощались они и с обеих сторон целовали
80 Стену: но через нее не могли проникать поцелуи.
После того как заря удалила светила ночные,
Солнце же влажные травы лучами насквозь просушило,
Оба сошлись к обычному месту и, шепотом тихим
Вдоволь сперва поболтав, порешили, что ночью безмолвной
85 Стражу обманут они, постараются за двери выйти,
Выйдя же из дому, город им также покинуть удастся.
Но, чтобы им не блуждать по широкому полю, решили
Перед гробницу Нина сойти и укрыться под тенью
Дерева: там шелковичное выросло древо с плодами
90 Белого цвета. А рядом ручей протекал ледянистый.
Рады решению оба; и день утомительно длинный

¹ Эта восточная новелла была мало известна римским читателям. Овидий ее излагает, чтобы поразить читателя прелестью новизны.

² Вавилонская царица.

Падает в глубь океана, и ночь выплывает оттуда.
 Дверь осторожно открыл в темноте, хитроумная Тисба
 Вышла, своих обманув, укрывая лицо покрывалом,
 И, до кургана дойдя, под условленным деревом села:
 Храбрость любовью дается. Но вот появляется львица
 С пеной у пасти, обрызганной свежеею кровью бычачьей;
 Хочет в соседнем ручье утолить свою жажду водою.
 Львицу при свете луны увидав, вавилонянка Тисба
 Тотчас же в сумрак пещеры, от страха дрожа, убежала,
 Но убегая, свое покрывало она уронила.
 Львица свирепая, жажду обильной волной утоливши,
 В лес уходя, покрывало нашла, позабытое Тисбой,
 И растерзала его на куски окровавленной пастью.
 Вскоре выходит Пирам и следы от жестокого зверя
 Явственно видит в глубоком песке и бледнеет смертельно.
 Вдруг он заметил кровавую ткань и воскликнул: «Погибнут
 Оба влюбленные этою ночью, и Тисба меж ними,
 Та, что безмерно достойна была продолжительной жизни.
 Я пред тобой виноват: я тебя умертвил, о бедняжка,
 В полные страха места приходите среди ночи заставил,
 Первым же сам не пришел. О жестокие львы, соберитесь
 Все, что живете под этой скалою, и жадно терзайте
 Пастями тело мое. Но одно лишь желание смерти
 Свойственно только трусливым». Пирам, покрывало
 поднявши,
 С ним под условленным деревом скрылся в тени, и на ткани
 Слезы излил и, в слезах покрывало целуя, промолвил:
 «Время настало тебе захлебнуться и кровью моею!»
 Вынул из ножен кинжал и железом ударил по сердцу,
 И незамедля из раны горячей он лезвие вырвал.
 Навзничь на землю упал, и высоко струя кровавая
 Брызнула вверх. Так точно бывает, когда поврежденный
 Лопнет свинец на трубе, и из тоненькой щели шумливо
 Кверху стремится вода, рассекая ударами воздух.
 И окропленные кровью плоды на ветвях получили
 Черного цвета окраску, и корень, смоченный струею,
 Также свисавшие ягоды цветом пурпурным окрасил.
 Страхом охвачена, но, обмануть не желая Пирама,
 Тисба приходит и юношу ищет глазами и сердцем,
 Хочет ему рассказать об опасностях, ей угрожавших.
 Но узнавая и место и форму плодов белоснежных,
 Тисба, смущенная цветом, не знает, где дерево было.
 Так сомневаясь, она замечает, что трепетно бьется
 Тело о красную землю. Назад, испугавшись, отходит,
 Смотрит, бледнее самшита лицом, содрогаясь, как море,
 Тихим задетое ветром, дрожащее легкою зыбью.
 Но, приглядевшись, скоро признала любимца Пирама.

Громко рыдая, ломала ни в чем неповинные руки,
В ужасе волосы рвала, обнявши любимое тело,
140 Рану слезами наполнила, слезы смешались с кровью,
И поцелуй она расточала глазам охладевшим.
«О, отвечай мне, Пирам, — восклицала она, — расскажи мне:
Что оторвало тебя от меня? Незабвенная Тисба
Имя твоё называет! Раскрой наклоненные вежды!»
145 Поднял Пирам отягченные веки при имени Тисбы
И, увидавши ее, он закрыл свои очи безмолвно.
Вскоре, заметив свое покрывало и ножны пустые,
Так возгласила она: «Погубили тебя, о несчастный,
Руки твои и любовь! Одинаково смелой рукою
150 Я обладаю: любовь же моя меня сделает сильной.
Я за тобою пойду и, несчастная, буду считаться
Смерти Пирама причиной и спутницей. Только кончина
Нас бы могла разлучить, но останемся мы неразлучны.
Вас же, родители наши, великим убитые горем,
155 Оба мы просим исполнить последнее наше желание:
Вместе накройте землею, единым накройте курганом
Тех, кто был связан любовью и жизни последним
мгновеньем.

Ты же, о древо, ветвями покрывшее тело Пирама,
Вскоре покроешь меня, и да будут же знаком печали
160 Черного цвета плоды; сохраняй их отныне навеки
В память о дважды пролившейся крови: Пирама и Тисбы».
Только сказала, не медля, на меч, не остывший от крови,
Храбро она устремилась и лезвием сердце пронзила.
Просьба, однако, достигла богов и родителей, ибо
165 Плод, созревая, чернеет, останки ж Пирама и Тисбы,
Что от костра уцелели, покоятся в урне единой.

VI [НИОБА]

146 Лидия в трепете вся. О случившемся слух по фригийским
Градам идет, и широко молва разливается всюду¹.
Раньше, до свадьбы своей, Ниоба² знавала Арахну,
В те времена, как жила у себя в мсенийском Сипиле³.
150 Не научило ее наказание землячки Арахны
Вышним богам уступать и быть в выраженьях скромнее.
Многим гордиться могла. Однако ни мужа искусство,
Ни высота их родов, ни мощность обширного царства
Любы так не были ей — хоть было и это ей любо, —

¹ В предыдущем рассказывалось, как лидийская ткачиха Арахна задумала превзойти в искусстве тканья даже богиню ремесел Афину Палладу. За это высокомерие богиня наказала ее, превратив в паука (VI, 5—145).

² Царица Фив, дочь Тантала, по мифу, внука Зевса.

³ Гора в малоазийской Лидии.

155 Сколь все дети ее. Счастливейшей матерью можно
Было б Ниобу назвать, коль себя не сочла б таковою.
Как-то Тиресия дочь, владевшая даром прозренья,
Манта по улицам шла и, божественной движима силой,
Провозглашала: «Толпой, Исмениды¹, ступайте, несите
160 Ладан Латоне² скорей и обоим, Латоной рожденным,
С благочестивой мольбой! Вплетите в волосы лавры!
Ибо Латона сама моими глаголет устами!»
Внемлют ей женщины Фив, чело украшают листвою
И на священный алтарь моления приносят и ладан.
165 Вот горделиво идет с толпой приближенных Ниоба,
Золотом пышно блестя, во фригийские ткани вплетенным,
И, несмотря на свой гнев, прекрасна лицом. Величавой
Поколебав головой по плечам разделенные кудри,
Остановилась и, всех обведя своим взором надменным,
170 «Что за безумье? — кричит, — предпочесть понаслышке
известных —

Зримым воочью богам? Почему алтарями Латону
Чтут, а мое божество — без курений? Родитель мой —
Тантал,

Он же единственным был допущен до трапезы вышних.
Матерь — Плеядам сестра; мне дед — Атлант величайший,
175 Что на могучем хребте равновесье небесное держит;
Дед мне Юпитер другой, но им я горжусь и как свекром.
Фригии всей племена предо мною трепещут; держава
Кадма под властью моей; возведенная струнами³ крепость
Мужа, с народом ее — в его и моем управленье.
180 В доме, куда бы я взор ни направила, всюду встречаю
Всяких обилье богатств. К тому же достойна богини
Прелесть лица моего. Семерых дочерей ты причисли,
Юношей столько ж, а там и зятьев и невесток не меньше.
Ну, вопрошайте ж, на чем моя утверждается гордость!
185 Не понимаю, как вы порожденную Кеем-титаном
Смеете мне предпочесть — Латону, которой для родов
Даже великой землей в ничтожном отказано месте.
Небо, земля и вода — все вашу отвергло богиню.
В мире скиталась, пока над блуждавшей не сжалился
Делос⁴:

190 «Странницей ты по земле блуждаешь, я же — по водам», —
Остров сказал и приют неустойчивый ей предоставил.
Стала там матерью двух: то детей моих часть лишь
седьмая!

Счастлива я: кто бы стал отрицать? И счастливой останусь.

¹ И с м е н — река в Беотии; Исмениды (потомки Исмена) — фиванцы.

² Богине, матери Аполлона и Дианы.

³ Под звуки струн.

⁴ Остров, который представлялся плавучим.

- Кто усомнится? Меня обеспечило чад изобилье.
 195 Так я могуча, что мне повредить не в силах Фортуна.
 Если и много возьмет, то более все же оставит.
 Так я богата, что страх мне уже неизвестен. Представьте,
 Что из толпы моих чад кого-нибудь я и лишилась;
 Но, обездолена так, до двоих я все же не снижусь;
 200 Это ж — Латоны толпа: не почти ли бездетна Латона?
 Так разойдитесь! Жертв довольно! С волос снимайте
 Лавры!» Снимают венки, покидают жертвы, не кончив,
 И — то дозволено им! — небожителей шепотом славят.
 Возмущена тут богиня была — и на кинфской вершине!
 205 Речи такие вела, к своим близнецам обращаясь...

[Стихи 206—215. Латона жалуется детям на Ниобу, и они решают пока-
 рать ее.]

- 216 ...Быстро по воздуху спрянув,
 Кадмова града они, под облаком скрыты, достигли.
 Гладкое было у стен широкое поле. Всечасно
 Кони топтали его, колесницы во множестве, также
 220 Твердых удары копыт размягчали на поприще почву.
 Вот из семи сыновей Амфиона² иные садятся
 На горделивых коней, верхом, на пополах, от тирской
 Краски багряных, берут тяжелый от золота повод.
 Вот между ними Исмен — что первую матери мукой
 225 Некогда был; меж тем, как он правит по кругу привычным
 Бегом коня своего и смиряет вспененную морду,
 «Горе мне!» — вскрикнул, уже впиалась стрела в середину
 Груды его, и, рукой умирающей повод покинув,
 Сник постепенно Исмен с плеча лошадиного набок.
 230 Рядом с ним ехавший, стрел услышав бряцанье в колчане,
 Бросил поводья Сипил: так кормчий, предчувствуя бурю,
 Тучу завидя, спешит: распускает полотна, отсюда
 Свисшие, чтобы поймать и малейшие воздуха струи.
 Бросил поводья; но вот, хоть и бросил поводья, настигнут
 235 Он неизбежной стрелой; трепеща, она сзади вонзилась
 В шею ему, и торчит наконечник железный из горла.
 Он же, как был, наклонясь через шею крутую и гриву,
 Наземь скатился, и кровь запятнала горячая землю.
 Вот и несчастный Федим, и названный именем деда
 240 Тантал, обычный свой труд завершив и тело натерши
 Маслом, вступили в борьбу — подходящее юности дело.
 И уж сплетались они, борясь друг с другом, грудь с грудью,
 Тесным узлом; меж тем, с натянутой пущена жилы,
 Братьев пронзила стрела — сплетенными, так, как стояли.

¹ Гора на острове Делосе.

² Муж Ниобы.

Голова Ниобы. Мрамор I в.
 до н. э. Рим. (Часть большой
 статуи.)

- 245 И застонали зараз и зараз согбенные мукой
 Наземь сложили тела; зараз и последние взоры
 Вскинули, лежа уже, и вместе дух испустили.
 То увидал Алфенор; и, до крови в грудь ударяя,
 К ним подлетает — обняв, оживить ледяное их тело,
 250 Но упадет и сам при свершении долга: Делиец¹
 В грудь глубоко его смертоносным пронзает железом.
 А как стрелу изылекли, на конце крючковатом достали
 Легкого часть, и с душой кровь вместе брызнула в воздух.
 Так же, отрок еще, Дамасихтон был раною ранен
 255 Необычайной. Удар, над самой икрою, пришелся
 В место, где мягким узлом под коленом сплетаются жилы²,
 И меж тем как стрелу он пытается смертную вынуть,
 В горло другая ему вонзилась по самые перья.
 Вытолкнул крови напор стрелу, и кверху из раны
 260 Прянула и, далеко полетев, прорезала воздух.
 Илионей, оставшись один, понапрасну с мольбою
 Руки свои подымал: «О боги, о все без различья!»
 Молвил, не зная о том, что молиться не всем надлежало:
 «Сжальтесь!» — и тронут был Феб-луконосец, хотя
 невозможно

¹ Аполлен.

² В этом описании различной смерти сыновей Ниобы чувствуется подра-
 жание гомеровскому эпосу: в стихе 256 дается, например, совершенно в духе
 Гомера, точное описание места ранения.

265 Было стрелу возвратить. Погиб он, однако, от раны
 Легкой: в сердце его стрела неглубоко вонзилась.
 Слух о беде, и народная скорбь, и домашних рыданья
 Вскоре уверили мать в нежданно постигшем крушении.
 Да, удивляться могла и гневиться, что боги решились
 270 Так поступить — что столь велико их над смертными право!
 Вот и отец Амфион, грудь острым железом пронзивши,
 Умер, горе свое одновременно с жизнью окончив.
 О, как Ниоба теперь отличалась от прежней Ниобы,
 Что от Латониных жертв недавно народ отвращала
 275 Или по городу шла, по улице главной, падменна,
 Всем на зависть своим! А теперь ее враг пожалел бы.
 К хладным припала телам; без порядка она расточала
 Всем семерым сыновьям в последний раз поцелуи.
 К небу от них подняла посиневшие руки и молвит:
 280 «Горем питайся моим, Латона жестокая, ныне,
 Горем питайся и грудь насыть слезами моими,
 Зверское сердце насыть! На семи погребеньях сама я
 Погребена. Возликуй! Победив, торжествуй же, богиня!
 Но почему — победив? У несчастной осталось больше,
 285 Чем у счастливой тебя. Семерых схоронив — побеждаю».
 Молвила, но уж звенит тетива на натянутом луке:
 Кроме Ниобы одной, окружающих всех устарила.
 Та же от горя смела. Стояли в одеждах печали
 Около братских одров волоса распустившие сестры.
 290 Вот из толпы их одна, стрелу извлекая из тела,
 К брату своим побелевшим лицом, умирая, склонилась.
 Вот, несчастливцу-мать пытаюсь утешить, другая
 Смолкла внезапно и смерть приняла от невидимой раны,
 Губы тогда лишь сомкнув, как душу из них испустила.
 295 Эта, напрасно бежав, вдруг падает; та умирает,
 Пав на сестру; та бежит, а эта стоит и трепещет.
 Смерть шестерых отняла, — все от разных погибли ранений.
 Лишь оставалась одна: и мать ее всем своим телом,
 Всею одеждой прикрыв, «Одну мне оставь ты, меньшую!
 300 Только меньшую из всех я прошу! — восклицает, — одну
 лишь!»

Молвит она; а уж та, о ком она молит, — погибла...
 Сирой сидит между тел сыновей, дочерей и супруга,
 Оцепенела от бед. Волос не шевелит ей ветер,
 Нет ни кровинки в щеках; на лице ее скорбно недвижно
 305 Очи стоят; ничего не осталось в Ниобе живого.
 Вот у нее и язык уже с твердым смерзается небом;
 Вот уж и мышцы ее потеряли способность движенья;
 Шея не может уже нагибаться, не движутся руки,
 Ноги не могут ступать, и внутренность каменной стала.
 310 Плачет, однако, и вот, окутана вихрем могучим,

Унесена в свой отеческий край. На горной вершине
 Плачет: поныне еще источаются мрамором слезы¹.

VII [ДЕДАЛ И ИКАР]

183 Дедал, наскучив меж тем изгнанием долгим на Крите²,
 Страстно влекомый назад любовью к родимым пределам,
 Замкнутый морем, сказал: «Пусть земли и воды преградой
 Встали — зато небеса свободны, по ним понесемся!
 Всем пусть владеет Минос, но воздухом он не владеет!»
 Молвил — и всею душой предался незнакомому делу.
 Стал он природу менять: полагает он перья рядами,
 190 С малых начав, чтоб за каждым пером шло другое, длиннее;
 Словно по склону росли: одно — подлиннее, чем рядом, —
 Так друг за другом торчат стволы деревенской цевницы.
 Ниткой — средину у их основания — воском скрепляет,
 Соединенные, их незаметною гнет кривизною.
 195 Так, чтоб были они, как у птицы. Присутствовал рядом
 Мальчик Икар; он не знал, что касается гибели верной, —
 То, улыбаясь лицом, относимые веющим ветром
 Перья рукою хватал, то пальцем большим размягчал он
 Желтого воска куски, своею мешая забавой
 200 Дивному делу отца. Когда ж до конца довершили
 Руки затею его, привесил к крылам их создатель
 Тело свое, и его удержал взволновавшийся воздух.
 Дедал и сына учил: «Полетишь серединой пространства!
 Будь мне послушен, Икар: коль ниже свой путь ты
 205 Крылья вода отягчит, коль выше — огонь обожжет их.
 Посередине лети! Запрещаю тебе на Бота³
 Или Гелику⁴ смотреть и на вынутый меч Ориона.
 Следуй за мною в пути». Его он летать обучает,
 Крылья, их не издевав, к юным плечам прикрепляет.
 210 Между советов и дел — старика увлажнялись ланиты.
 Руки дрожали отца: осыпал поцелуями сына, —
 Их повторить уж ему не пришлось! На крыльях поднявшись,

¹ В XVI в. в Риме были найдены четырнадцать фигур, принадлежащих к «группе Ниобид» (теперь во Флоренции). Это, вероятно, копии с пропавшей знаменитой группы Ниобид работы греческого скульптора Скопаса (конец V—IV в. до н. э.), изобразившего Ниобу, ее четырнадцать детей и, вероятно, еще их педагога и служанку.

² Дедал — мифический скульптор и зодчий, построил царю Миносу на острове Крите лабиринт, куда Минос поместил чудовищного быка Минотавра. Афинский герой Тесей убил Минотавра и выбрался из лабиринта при помощи дочери Миноса Ариадны. Минос заподозрил и Дедала в оказании помощи Тесею и в наказание удержал его на острове Крите.

³ Созвездие Волопаса, находящееся близ Большой Медведицы.

⁴ Большая Медведица.

- Сам впереди полетел и боится за спутника, словно
Птица, что **малых птенцов** из гнезда выпускает на волю.
215 Следовать сыну велит, наставляет в опасном искусстве.
Крыльями машет и сам и на крылья сына взирает.
Каждый, увидевший их, **рыбак ли с дрожащей удою,**
Или с дубиной пастух, или пахарь, на **плуг приналегший**, —
220 Все столбенели и их, проносящихся вольно по небу,
За неземных принимали богов. По левую руку
Самос Юноны уже, и Делос остался, и Парос;
Справа остался Лебинт и обильная медом Калимпа¹.
Начал тут отрок Икар веселиться отважным полетом
И от вождя отлетел; стремлением к небу влекомый,
225 Выше все правит свой путь. Соседство палящего Солнца
Крыльев скрепление — воск духовитый — огнем размягчило;
Воск, растопившись, потек, — и голыми машет руками
Юноша, крыльев лишен, не может захватывать воздух.
Приняты были уста, повторявшие имя отцово,
230 Морем лазурным, с тех пор от него получившим название².
В горе отец — уже не отец — повторяет: «Икар мой,
Где ты, Икар? — говорит, — в каком я найду тебя крае?»
Все повторял он: «Икар!» — но перья увидел на водах;
Проклял искусство свое, погребенью сыновнее тело
235 Предал; отсюда и край сохранил погребенного имя.

VIII [ФИЛЕМОН И БАВКИДА]

- 611 Бог речной³ замолчал. Удивленья достойное дело
Тронуло всех⁴. Но один над доверием их посмеялся —
Иксионид⁵ — презритель богов, необузданный мыслью:
«Выдумки — весь твой рассказ, Ахелой, ты не в меру могучей»
615 Силу считаешь богов, — будто вид и дают и отъемлют!»
И поразились все, и не приняли слов дерзновенных.
Первым меж ними Лелег, созревший умом и годами,
Так говорит: «Велико всемогущество неба, пределов
Нет ему: что захотят небожители, то и свершится.
620 Чтобы сомненья прошли, расскажу: дуб с липою рядом
Есть на фригийских⁶ холмах, обнесенные скромной стеною.
Сам те места я видал: на равнины Пелоповы⁷ послан
Был я Питфеем⁸, туда, где отец его ранее правил.

¹ Острова в Эгейском море.

² Икарыйское море.

³ Ахелой.

⁴ Ахелой удивил всех рассказом о том, как дочь Гипподама обратилась в остров (VIII, 591—611).

⁵ Иксионид — сын Иксиона, друг Тесея — Перифой, царь лапифов.

⁶ В Малой Азии.

⁷ Пелопоннес.

⁸ Сын Пелопа.

- Есть там болото вблизи — обитаемый прежде участок;
625 Ныне — желанный приют для нырка да для куры болотной.
В смертном обличье туда раз Юпитер пришел, при отце же
Крылья сложивший свои жезлоносец, Атлантов потомок¹.
Сотни домов обошли, о приюте прося и покое,
Сотни домов ворота призакрыли, единственный принял;
630 Малый, однако же, дом, тростником и соломой крытый.
Благочестивая в нем Бавкида жила с Филемоном,
Два старика: тут они сочетались в юности браком,
В хижине той же вдвоем и состарились. Легкою стала
Бедность смиренная им, и сносили ее безмятежно.
635 Было б напрасно искать в доме том господ и прислугу,
Все здесь хозяйство — в двонх; все сами: прикажут —
исполняют.

- Так, коснулись едва небожители скромных Пенатов,
Только, погнувши главы, ступили под низкие двери,
Старец подставил скамью, отдохнуть предлагая пришельцам.
640 Грубую ткань на нее поспешила накинуть Бавкида.
Теплую тотчас золу в очаге отгребла и вчерашний
Вновь оживила огонь, листья ему с сохлой корою
В пищу дала и вздывать его старческим стала дыханьем.
Связки из прутьев она и сухие сучки собирает
645 С кровли, ломает в куски, — котелочек поставила медный.
Вот с овощей, что супруг в орошенном собрал огороде,
Листья счищает ножом; старик же двузубою вилой
Спину свиньи достает, что, на балке вися, закоптилась.
Долго хранилась там, — от нее отрезает кусочек
650 Тонкий; отрезав, его в закипевшей воде размягчает.
Длинное время меж тем коротают они в разговорах, —
Времени и не видать. Находилась кленовая шайка
В хижине их, на гвозде за кривую повешена ручку.
Теплой водой наполняют ее; утомленные ноги
655 Греются в ней. Посредине — кровать, у нее ивные
Рама и ножки, на ней — камышовое мягкое ложе.
Тканью покрыли его, которую разве лишь в праздник
Им приводилось стелить, но была и стара и потерта
Ткань, — не могла бы она ивной погнущаться кроватью.
660 И возлегли божества. Подоткнувшись, дрожащая, ставит
Столик старуха, но он покороче на третью был ногу.
Выровнял их черепок. Лишь быть перестал он покатым,
Доску прямую его они свежее мятой натерли.
Ставят плоды, двух разных цветов, непорочной Минервы²,
665 Осенью сорванный терн, заготовленный в винном отстое,
Редьку, индивий — салат, молоко, загустевшее в творог,

¹ Бог Меркурий.

² Маслины.

Яйца, легко на нежарком огне испеченные, ставят.
 В утвари глиняной все. После этого ставят узорный,
 Тоже из глины, кратер и простые из бука резного
 670 Чаши, которых нутро желтоватым промазано воском.
 Тотчас за этим очаг предлагает горячие блюда.
 Вскоре приносят еще, хоть не больно-то старые, вина;
 Их отодвинув, дают местечко второй перемене.
 Тут и орехи, и пальм сушеные ягоды, смоквы,
 675 Сливы, плоды благовонные тут в широких корзинах,
 И золотой виноград, на багряных оборванных лозах.
 Светлый сотовый мед в середине; над всем же — радушие
 Лиц, и к приему гостей не вялая, слабая воля.
 А между тем, вот не раз, опорожненный, вновь сам собою,—
 680 Видят, — наполнен кратер, подливаются сами и вина.
 Диву дивятся они, устрашились и, руки подъявля,
 Стали молитву творить Филемон оробелый с Бавкидой.
 Молят простить их за стол, за убогое пира убранство.
 Гусь был в хозяйстве один, поместья их малого сторож, —
 685 Гостеприимным богам принести его в жертву решили.
 Резвый крылом, он уже притомил отягченных летами, —
 Все ускользает от них; наконец, случилось, к самим он
 Подбегает богам. Те птицу убить запретили.
 «Боги мы оба. Пускай упадет на безбожных соседей
 690 Кара, — сказали они, — но даруется, в бедствии этом,
 Быть невредимыми вам; свое лишь покиньте жилище.
 Следом за нами теперь отправляйтесь. На горные кручи
 Вместе идите». Они повинуются, с помощью палок
 Силятся оба ступить, подымаясь по длинному склону.
 695 Были они от вершины горы в расстоянье полета
 Пущенной с лука стрелы, — назад обернулись и видят:
 Всё затопила вода, — один выдается их домик.
 И между тем как дивятся они и скорбят о соседях,
 700 Ветхая хижина их, для двоих тесноватая даже,
 Вдруг превращается в храм; на месте подпорок — колонны,
 Золотом крыша блестит, земля одевается в мрамор,
 Двери резные висят, золоченым становится зданье.
 Ласковой речью тогда говорит им потомок Сатурна¹:
 «Праведный, молви, старик, и достойная мужа супруга,
 705 Молви, что хочется вам!» И, сказав два слова Бавкиде,
 Общее их пожеланье открыл Филемон Всемогущим:
 «Вашими быть мы жрецами хотим, при святилищах ваших
 Службу нести, и, поскольку ведем мы в согласии годы,
 Час пусть один унесет нас обоих, чтоб мне не увидеть,
 710 Как сожигают жену, и не быть похороненным сю».
 Их пожеланья сбылись; оставались стражами храма

¹ Юпитер.

Жизнь остальную свою. Отягченные годами, как-то
 Став у святых ступеней, вспоминать они стали события.
 Вдруг увидал Филемон: одевается в зелень Бавкида;
 715 Видит Бавкида: старик Филемон одевается в зелень.
 Похолодевшие их увенчались вершинами лица.
 Тихо успели они обменяться приветом: «Прощай же,
 Муж мой!» — «Прощай, о жена!» — так вместе сказали,
 и сразу

Рот им покрыла листва. И теперь обитатель Кибиры
 720 Два вам покажет ствола, от единого корня возросших.
 Этот не вздорный рассказ, веденный не с целью обмана,
 От стариков я слыхал, да и сам я всяческие видел
 Также на ветках венки; сам свежих принес и промолвил:
 «Праведных боги хранят: почитающий — сам почитаем»¹.

IX [ОРФЕЙ И ЕВРИДИКА]

- 1 После², шафранным плащом облеченный, по бездне
 воздушной
 Вновь отлетел Гименей, к берегам отдаленным кикон³
 Мчится, — его не к добру призывает там голос Орфея.
 Все-таки бог прилетел; но с собой ни торжественных гимнов
 5 Он не принес, ни ликующих лиц, ни счастливых предвестий.
 Даже и светоч в руке Гименя трещит лишь и дымом
 Едим чадит и, колеблем, никак разгореться не может.
 Но тяжелей был конец, чем начало. Жена молодая,
 В сопровожденьи наяд⁴ по зеленому лугу блуждая,
 10 Мертвою пала, в пяди уязвленная зубом змеинным.
 Вещий родопский певец⁵ перед слухом всевышних супругу
 Долго оплакивал. Он обратиться пытался и к теням,
 К Стиксу дерзнул он сойти за врата Тенарийские⁶. Сонмы
 Легких племен миновав, замогильные призраки мертвых,
 15 Он к Персефоне⁷ проник и к тому, кто безрадостным
 царством
 Теней владеет; и так, для запева ударив по струнам,

¹ Через 18 столетий Гете в своем «Фаусте» в двух сценах воспроизвел образы античных Филемона и Бавкиды, желая показать отрицательную сторону буржуазного прогресса, разрушавшего прежнюю патриархальную жизнь и старую идиллическую семью.

² В конце предыдущей книги рассказывалось, как девушка Ифис в день своей свадьбы превратилась в мужчину; бог брака Гименей песется в другие страны.

³ Племя во Фракии, где жил мифический певец Орфей.

⁴ Водяные нимфы.

⁵ Орфей; гора Родоп во Фракии.

⁶ Тенар — мыс в Лаконии (в Пелопоннесе); там предполагали спуск в преисподнюю.

⁷ Жена царя подземного царства Плутона.

Молвил: «О вы, божества, чья вовек под землею обитель,
Здесь, где окажемся все, сотворенные смертными! Если
Можно, отбросив речей извороты лукавых, сказать вам
20 Правду дозвольте. Сюда я сошел не с тем, чтобы мрачный
Тартар увидеть, не с тем, чтоб чудовищу, внуку Медузы¹,
Шею тройную связать, с головами, где вьются гадюки.
Ради супруги пришел. В стопу укусивши, в жилы
Яд ей змея разлила и похитила юные годы.
25 Горе хотел я стерпеть. Я пробовал, но побежден был
Богом Любви: хорошо он в пределах известен надземных, —
Так же ль и здесь, не скажу; уповаю, однако, что так же,
Если не лжива молва о былом похищении, — вас² тоже
Соединила Любовь! Сей ужаса полной юдолью,
30 Хаоса бездной молю и безмолвьем пустынного царства:
Вновь Евридке моей расплетите короткую участь³!
Все мы у вас должники; помедлив недолгое время,
Раньше ли, позже ли, все в приют поспешаем единый.
Все мы стремимся сюда, здесь дом наш последний; вы двое
35 Рода людского отсель управляете царством обширным.
Так и она: лишь ее положенные годы созреют,
Будет под властью у вас: ее лишь на время прошу я.
Если же милость судеб в жене мне откажет, возврата
Не захочу и себе: порадуйтесь смерти обоим».
40 Внемля, как он говорит, как струны в согласии движет,
Души бескровные — слез проливая потоки...
45 Стали тогда Евменид, побежденных музыкой, щеки
Влажны впервые от слез, — говорят. Ни царица-супруга,
Ни властелин пренеподней мольбы не исполнить не могут.
Вот Евридику зовут; меж недавних теней пребывала,
И выступала еще от раненья замедленным шагом.
50 Вместе родопский герой и ее получил и условие:
Не обращать своих взоров назад, доколе не выйдет
Он из Авернских долин⁴, иль отыметя дар обретенный.
Вот уж в молчанье немом по наклонной взбираются оба
Темной тропинке, крутой, беспросветною мглой сокрытой.
55 И уже были они от границы земной недалеко, —
Но, убоясь, чтоб она не отстала, и, жадный увидеть,
Взор обратил он, любя: и тотчас супруга исчезла.
Руки простер он вперед, объятья взаимного ищет, —
Нет ничего, лишь одно дуновение хватает несчастный.
60 Смерть вторично приняв, не пеняла она на супруга.

¹ Церберу — адскому псу.

² Плутону и Персефону.

³ Парки плетут нить жизни человека. Орфей просит расплести короткую нить жизни Евриды.

⁴ Авернское озеро в Италии, где, как думали, был спуск в подземное царство (см. «Энеиду», II, 6).

Да и на что ей пенять? Иль разве на то, что любима?
Голос последним «прости» зазвучал, но почти не достиг он
Слуха его; и она воротилась в жилище умерших.
Смертью двойною жены Орфей столбенеет, — как древле
65 Тот, утраившийся пса с головами тремя¹, из которых
Средняя с цепью была, кто не раньше со страхом расстался,
Нежель с природой своей, — обратилась плоть его в камень!..
Он умолял и вотще переплыть порывался обратно, —
Лодочник² не разрешил; однако семь дней неотступно,
Грязью покрыт, он на бреге сидел, без Церерина дара³.
75 Горем, страданьем души и слезами несчастный питался.
Вот, бессердечьем богов попрекая подземных, ушел он
В горы Родовы, на Гем⁴, поражаемый северным ветром.

Х [ПИГМАЛИОН]

243 Видел их Пигмалион, как они в преступленье влачили
Годы свои⁵. Оскорбясь на пороки, которых природа
245 Женской душе в изобилье дала, холостой, одинокий
Жил он, и ложе его лишено было долго подруги.
А между тем белоснежную он с неизменным искусством
Резал слоновую кость. И создал он образ — подобной
Женщины свет не видал — и свое полюбил он создание!
250 Девушки было лицо у нее; совсем — как живая,
Будто бы с места сойти она хочет, да только страшится.
Вот до чего было скрыто самим же искусством искусство!
Диву дивится творец и пылает к подобию тела.
Часто протягивал он к изваянию руки, пытая,
255 Тело ли это иль кость? Нет, это не кость! — признается,
Деву целует и мнит, что взаимно; к ней речь обращает.
Держит — и верит, что в плоть при касании пальцы уходят,
Страшно ему, что синяк на тронутom выступит теле.
То он ласкает ее, то для девушек милые вещи
260 Дарит: иль раковин ей принесет, иль камешков мелких,
Маленьких птиц иль цветов с лепестками о тысяче красок,
Лилий, иль пестрых шаров, иль с дерева павших слезинок
Дев Гелиад⁶. Он ее украшает одеждой. В камень
Ей убирает персты, в ожерелья — длинную шею.
265 Легкие серьги в ушах, на грудь упадают подвески.
Все ей к лицу. Но не меньше она и нагая красива.

¹ Цербера.

² Харон.

³ Без хлеба.

⁴ Гора во Фракии.

⁵ Разумеются женщины Пропетриды, сначала обращенные Венерой в быков, а потом за разврат превращенные в камень.

⁶ Дочери Солнца, обращенные в тополя; их слезы капали янтарем.

На покрывала кладет, что от раковин алы сидонских,
 Ложа, подругой ее называет, склоненную шею
 Нежит на мягком пуху, как будто та чувствовать может!
 270 Праздник Венеры настал, по всему прославляемый Кипру.
 Возле святых алтарей с наведенными златом рогами
 Падали туши телиц, в белоснежную закланы шею.
 Ладан курился. И вот, на алтарь совершив приношение,
 Робко ваятель сказал: «Коль все вам доступно, о боги,
 275 Дайте, молю, мне жену (не решился ту деву из кости
 Упомянуть), чтоб была на мою, что из кости, похожа!»
 На торжествах золотая сама находилась Венера
 И поняла, что таится в мольбе; и, являя богини
 Дружество, трижды огонь запылал и взвился языками.
 280 В дом возвратившись, бежит он к желанному образу дэвы
 И, над постелью склоняясь, целует, — тепла она будто...
 Снова целует ее и руками касается грудей, —
 И под рукой умягчается кость; утрачена твердость,
 Вот поддается перстам, уступает... Гиметтский¹ на солнце
 285 Так размягчается воск, под пальцем большим получает
 Разные формы и, так примененный, пригоден для дела.
 Стал он и, робости полн и веселья, ошибки боится;
 Снова, любя, он к желаньям своим прикасается, снова
 Тело пред ним, — под перстом нажимающим жилы трепещут.
 290 Тут лишь пафосский² герой полноценные речи находит,
 Чтоб Венере излить благодарность. Уста прижимает
 Он, наконец, к неподдельным устам, — и чует лобзанья
 Дева; краснеет она и, подняв свои робкие очи
 Светлые к свету, зараз небеса и любимого видит.
 295 Гостьей богиня сидит на устроенной ею же свадьбе.
 Девять уж раз сочетавши рога, круг полнился лунный, —
 Паф тогда родился, — по нему же и остров был назван.

[КЕИК И АЛЬЦИОНА]

410 Чудом с братом своим и вторично свершившимся чудом
 В сердце смущен и встревожен Кеик³ и готовится, с целью
 Божьи вещанья узнать — утешенье всегдашнее смертных, —
 В Клар⁴ к Аполлону идти. Форбант⁵ в это время безбожный
 С шайкой флегийцев пути отрезал к святыням дельфийским,
 415 И о решение тебя, Альциона вернейшая, нежный
 Предупреждает супруг. А ее, лишь об этом узнала,

¹ С горы Гиметт в Аттике.

² Кипрский.

³ Кеик, трахинский царь, был поражен превращением своего брата Девкалиона в ястреба.

⁴ Город в Малой Азии, где был храм Аполлона.

⁵ Предводитель разбойничьего племени флегийцев.

Холод пронзил до костей. Лицо ее стало бледнее
 Бледного букса, и слезы струей увлажнили ей щеки.
 Трижды хотела сказать, и трижды струились слезы.
 420 И, прерывая свои задушевные жалобы всхлипом,
 Молвит: «Какую вину допустила я, милый, что мыслью
 Ты отвергнулся? Куда твоя прежняя делась забота?
 Ныне ты можешь уйти, Альциону спокойно покинув.
 Люб тебе длительный путь, — я издали стала милее!
 425 Лишь бы по суше ты шел, — печалиться буду я также, —
 Страха не будет зато; тосковать мне тогда без боязни:
 Сердце страшит мне вода, унылое зрелище моря.
 На побережье на днях я разбитые видела доски
 И на холмах погребальных без тел имена прочитала.
 430 Да не обманет души уверенность ложная, друг мой,
 Что Гиппотад тебе тесть¹, который могучие ветры
 Держит в темнине и зыбь по желанью смиряет морскую.
 Если он выпустит их, они овладеют зыбями.
 Им не запретно ничто; перед ними земля беззащитна
 435 Вся, беззащитны моря; прогоняют и по небу тучи,
 И высекают огонь багряный, сшибаясь дико.
 Знала я их хорошо, да, знала: я маленькой часто
 Видела их у отца и тем более знаю опасность.
 Если решение твое никакими нельзя уж мольбами,
 440 Милый супруг, изменить и отправишься ты непременно, —
 В путь возьми и меня. Все мы подвергнемся вместе.
 Не устрашусь я ничем, все сама испытаю. Снесем мы,
 Что б ни случилось, вдвоем и над морем вдвоем понесемся!»
 Молвит Эолова дочь. Словами ее и слезами
 445 Тронут был звездный² супруг. Он не меньше любовью
 пылает,

Но отложить путешествия все ж не желает морского
 И, чтоб опасности с ним Альциона делила, — не хочет.
 Много он ей говорил в утешение робкому сердцу, —
 Тщетно: ничем убедить он не может ее. Добавляет
 450 Ей в облегчение так — и лишь этим склонил он супругу:
 «Длительно всякое мне промедленье; тебе обещаю
 Отчим огнем: я вернусь — коль будет судеб изволение —
 Ранее, нежели луна стать полной дважды успеет».
 При обещанье таком на возврат в ней возникла надежда.
 455 Тотчас велит он сосновый корабль из гавани вывести,
 В море спустить и его оборудовать всем снаряжением.
 И, увидавши корабль, как будто грядущее видя,
 В ужас пришла Альциона, и слез заструились потоки.
 Мужа она обняла и устами печальными, в горе,

¹ Отец Альционы Эол, бог ветров.

² Кеик — сын Люцифера, утренней звезды.

460 Молвит «прости», наконец, и падает, чувства лишившись.
 Но уж торопит Кеик, и юноши, сдвоенным рядом,
 К груди могучей уже придвигают гребущие весла,
 Ровными волны они разрезают ударами. Очи
 Влажные тут подняла Альциона и видит супруга,
 Как он на гнutoй корме стоит и машет рукою;
 Знакам его отвечает она. Земля уж отходит
 Дальше, и черт лица распознать уже очи не в силах;
 Все ж, пока можно, следит она взором за судном бегущим:
 А как уже и корабль не могла в отдалении видеть,
 Стала на парус смотреть, высоко трепетавший на мачте.
 А как и парус исчез, ушла, опечалена, в спальню
 И на пустую постель прилегла; вновь вызваны слезы
 Ложам и местом; ей все говорит об утраченном друге!
 Вышли из порта они. Дуновенье гребцов заменило.
 Боком уже мореход обращает висающие весла;
 Реи на самом верху помещают он мачт и полотна
 Все наставляет и в них принимает поднявшийся ветер.
 Вот полдороги уже — но, конечно, не больше — по водам
 Судно проплыло, и был еще берег противный далеко, —
 Вдруг перед ночью белеть набухавшими волнами море
 Начало, сразу сильней стал дуть неожиданный ветер.
 «Верхние реи живей поснимать! — восклицает в тревоге
 Кормчий, — тотчас же все привязать полотнища к мачтам!»
 Так он велит, но мешает уж им встречная буря.
 Голоса слышать уже не дают грохотанием волны;
 Сами спешат моряки тем не менее вытащить весла;
 Те — укрепляют борта, паруса отнимают у ветра;
 Черпает влагу иной, льет в воду же воду морскую;
 Этот схватился за снасть; пока действуют так без приказа,
 Грозная буря растет; отовсюду жестокие ветры
 В битву идут и мешают зыбей возмущенные глубины.
 Кормчий в ужасе сам, признается себе, что не знает,
 Как поступать ему, что запрещать, что приказывать

должно, —

Тяжесть беды такова, настолько сильнее искусства!
 495 Вправду, и крик моряков раздаётся и весел скрипенье,
 Воды набегом воды угрожают и громами — небо.
 Волнами все поднялось, с небесами как будто бы вровень
 Море и брызгами волн окропляет нашедшие тучи;
 То, поднимая со дна золотистый песок, принимает
 500 Краску его, то черней становится стиксовой влаги!
 То расстилается вдруг и шумящею пеной белеет.
 Вслед измененьям его и трахинское мечется судно:
 То, высоко вознесясь, как будто бы с горной вершины,

¹ Воды реки Стикса в преисподней.

Смотрит оно на долину внизу и на глубь Ахеронта;
 505 То, как обстанут корабль опустившийся волны крутые,
 Будто бы на небо вверх из аидовой смотрит пучины.
 Борт судна, под ударом волны, громыаает ужасно, —
 Он не слабее гремит, чем железный таран иль баллиста¹,
 Чей потрясает удар крепостную разбитую стену.

[Стихи 510—529. Буря усиливается.]

530 Все же могучее всех был приступ девятого вала!
 И лишь тогда штурмовать перестал усталый корабль он,
 Как погрузился вовнутрь, за стены плененного судна.
 Все же часть моря еще кораблем овладеть устремляясь,
 Часть наполняла корабль. И не менее все трепетали,
 535 Нежели в граде, когда пробивают одни крепостную
 Стену, другие меж тем ее изнутри занимают.
 Слабо искусство. Дух пал. И сколько валов ни нахлынет,
 Кажется — что ни волна, то мчатся и рушатся смерти!
 Этот расплакался, тот отупел, другой называет
 540 Счастьем обряд похорон иль богов почитает обетом, —
 Руки напрасно воздев к небесам, невидимым взору,
 Молит о помощи; тот — отца вспоминает и братьев, —
 Этот — с имуществом дом, что каждый на берегу оставил.
 Но к Альционе Кеик устремлен. На устах у Кеика
 545 Лишь Альциона одна. Ее хоть увидеть желает, —
 Рад, что не с ним она. Он жаждет родные пределы
 Видеть опять, обратиться на дом свой последние взоры.
 Только не знает, где он, — столь сильным море вскипает
 Водоворотом, а тень, наведенная черною тучей,
 550 Небо окутала все, и образ удвоился ночи.
 Сломлена буйным смерчем, закрутившимся проливнем,

мачта.

Сломлен и руль, и, добычей гордясь, высоко подымаясь,
 Как победитель, волна на узорные волны взирает
 И тяжело, как будто весь Пинд с Афоном с их места
 555 Кто-то спихнул и стремглав опрокинул в открытое море,
 Рушится в бездну сама и силой удара и веса
 Вглубь погружает корабль. Немалая часть мореходов
 Тяжкой пучиной взята, на воздух уже не вернувшись,
 В море погибель нашла. Другие схватились за части
 560 И за остатки судна. Рукою, державшею скипетр,
 Взялся Кеик за обломок весла. К отцу он и к тестю
 Тщетно взывает, увы! Но жена Альциона не сходит
 С уст пловца; он ее вспоминает, о ней говорит он.
 Чтобы пред очи ее был мертвый он выброшен морем,
 565 Молит; чтоб руки друзей возвели ему холм надмогильный.

¹ Военные стенобитные орудия.

Только позволит волна уста разомкнуть, он далекой
Имя супруги твердит, под водою — и то его шепчет.
Но над волнами меж тем вдруг черная водная арка
Рушится, пеною вод погруженную голову кроя.

- 570 И Светопосец¹ в ту ночь был темен; его невозможно
Было признать; поскольку с высот отлучиться Олимпа
Было нельзя, свой лик он густыми покрыл облаками.
Дочь Эола² меж тем, о стольких не зная несчастьях,
Ночи считает; уже разбирает поспешно, какие
575 Платья наденет Кеик; в какие, когда он вернется,
Ей нарядиться самой: о возврате мечтает напрасно!
Всем между тем божествам приносила она воскуренья.
Более все же других почитала святыню Юноны:
Ради супруга — уже неживого! — алтарь посещала,
580 Чтобы супруг ее был невредим, чтобы он возвратился.
В сердце молила, чтоб ей предпочесть не подумал другую, —
Этого лишь одного из стольких достигла желаний!

[Стихи 583—591. Богиня Юнона посылает вестницу Ириду к богу Сна попросить его, чтобы Альциона увидала во сне тень своего мужа и узнала о его смерти.]

- Близ Киммерийской земли³, в отдаленье немалом, пещера
Есть, углубленье в горе, — ленивого Сна там покой.
Не достигает туда, ни всходя, ни взойдя, ни спускаясь,
585 Солнце лучом никогда: облака и туманы в смешенье
Там испаряет земля, там смутные сумерки вечно.
Песней своей никогда там птица дозорная с гребнем
Не вызывает Зарю; тишины не смущает там голос
Ни беспокойных собак, ни гусей, что собак прозорливей.
600 Там ни скотина, ни зверь, ни колышима ветрами ветки
Звука не могут издать, людских там не слышится споров.
Полный покой там царит. Лишь внизу из скалы вытекает
Влаги летейской⁴ родник; спадает он с рокотом тихим,
И приглашают ко сну журчащие в камешках струи.
605 Возле дверей у пещеры цветут в изобилии маки;
Травы растут без числа, в молоке у которых собирает
Дрему росистая ночь и кропит потемневшие земли.
Двери, которая скрип издавала б, на петлях вращаясь,
В доме во всем не найти; и сторожа нет у порога.
610 Посередине кровать на роскошных ножках с пуховым
Ложем, — само одноцветно оно, и покров его темный.
Там почивает сам бог, распростертый в томлении тела.

¹ Утренняя звезда — Люцифер.

² Альциона.

³ На дальнем севере.

⁴ Наводящей забвение; Лета — река забвения в преисподней.

- И, окружив божество, подражая образам разным,
Все сновиденья лежат, и столько их, сколько колосьев
615 На поле, листьев в лесу иль песка, нанесенного морем.

[Стихи 616—649. На просьбу Ириды Сон посылает Альционе Морфея, принимающего образ Кеика.]

- 650 Вот Морфей полетел, крылами не делая шума,
Сквозь темноту и, в пути лишь мало промедлив, явился
В град гемонийский и там отложил свои крылья и принял
Облик Кеика-царя и отправился, в облике этом,
Иссиния-желт, без кровинки в лице, без всякой одежды,
655 К ложу несчастной жены и стал там; мокрой казалась
Вся борода, и с волос стекали тяжелые струи.
Так, над постелью склонясь и лицо заливая слезами,

молвил:

[Стихи 658—670. Морфей в образе Кеика сообщает супруге печальную весть.]

- Голос прибавил Морфей, который она за супружний
Голос могла бы принять; и казалось, поистине слезы
Он проливает; в руках — движения были Кеика.
И застонала в слезах Альциона; все время руками
675 Движет во сне; но, к телу стремясь, лишь воздух объемлет;
И восклицает: «Постой... Куда ж ты? Отправимся вместе!»
Голосом, видом его смущена, отряхает, однако,
Дрему и прежде всего озирается, все ли стоит он
Там, где виден был ей. Но, встревожены голосом, слуги
680 Свет внесли; и когда не нашла его, как ни искала,
Бить себя стала в лицо, на груди разрывая одежды,
Ранит и грудь. Волос распустить не успела, но рвет их,
И на вопрос, отчего этот плач, кормилице молвит:
«Нет, Альционы уж нет больше! Мертвою пала
685 Вместе с Кеиком своим. Прекратите слова утешенья!
В море супруг мой погиб: я видела, я распознала;
Руки его задержать, как стал удаляться, простерла, —
Тенью он был! Все ж тень очевидна была; то супруга
690 Подлинно тень моего. Но ежели спросишь, — другой был
Вид у него, необычный; лицом не сиял он, как прежде,
Бледный он был и нагой, со струящимися волосами
Перед несчастною мною! Вот в этом месте стоял он
В образе жалком, — искать тут стала, следов не видать ли, —
Здесь было то, чего я в душе прозорливой боялась.
695 Чтобы за ветром вослед он не плыл, я его умоляла;
Как я хотела, чтоб он, коль уже отправлялся на гибель,
Взял бы с собой и меня! С тобою бы надо, с тобою
Плыть мне. Поскольку во всю мою жизнь ничего не свершила
Я не совместно с тобой, пусть были б и в смерти мы вместе!
700 Я погибаю одна. Одну меня бурю носит;

Нет меня в море, но мною все ж море владеет; и моря
Мысль та да будет суровой, что буду я рваться продолжить
Долее жизнь, пережить столь великую муку стараясь!
Не постараюсь я, нет, тебя не оставляю, мой бедный!

- 705 Спутницей тотчас к тебе я отправлюсь, — и если не урна
Свяжет в могиле двоих, но надпись надгробная. Если
Кости к костям не прильнут, то хоть имени имя коснется».
Больше сказано не могла от страдания. Прервал ее слово
Плач, и жалобный стон из убитого сердца исторгся.
710 Утро уж было. В тоске Альциона выходит на берег
К месту, откуда она на отплывшего мужа глядела.
Молвит: «Медлил он здесь, здесь, — молвит, — парус он

поднял,
Здесь на морском берегу он меня целовал...» — повторяет.
Все, что свершилось тогда, пред очами встает; и на море
715 Бросила взор: в волнах, на большом расстоянии, что-то
Видится ей, — будто тело плывет. Сначала не может,
Что там такое, решить. Но лишь малость приблизились

волны,

Явственно тело она признает, хоть оно и далеко.

- Пусть не знала, кто он, но видя, что жертва он моря,
720 Знаком дурным смущена, льет слезы над ним, незнакомым:
«Горе тебе, о бедняк, и твоей — коль женат ты — супруге!»
Тело меж тем на волнах приближалось. Чем долее смотрит,
Меньше и меньше она сомневается: вот уже близко,
Около самой земли; уже распознать его можно.
725 Смотрит, — то был ее муж! «Он, он!» — восклицает и сразу
Волосы, платье, лицо раздирает; дрожащие руки
Тянет к Кеику она: «Ах, так-то, супруг мой любезный,
Так-то, мой бедный, ко мне возвращаешься?» — молвит.

У моря

Есть там плотина, людьми возведенная; первое буйство

- 730 Волн разбивает она и напор водяной ослабляет.
Вот вскочила туда, и — не чудо ли? — вдруг полетела.
Вот, ударяя крылом, появившимся только что, воздух,
Стала поверхность волны задевать злополучная птица,
И на лету издавали уста ее жалобы полный
735 Скорбный как будто бы звук трещанием тонкого клюва.
Вот прикоснулась она к немоу бескровному телу,
Милые члены его обняла молодыми крылами,
Тщетно лобзания ему расточает холодные клювом.
То ли почувствовал он, иль почудилось ей, что приподнял
740 Он от прибоя лицо, толкуют по-разному; только
Чувствовал он. Наконец пожалели их боги, и оба
В птиц превратились они; меж ними такую ж осталась,
Року покорна, любовь; у птиц не расторгся их прежний
Брачный союз: сочетают тела и детей производят.

- 745 Зимней порою семь дней безмятежных сидит Альциона
Смирно на яйцах в гнезде, пад волнами свисающем к морю¹.
По морю путь безопасен тогда: сторожит свои ветры,
Не выпуская, Эол, предоставивши море внучатам.

XV [ПАМЯТНИК ОВИДИЯ]

- 871 Вот завершился мой труд; его ни Юпитера злоба
Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчная старость.
Пусть же тот день прилетит, что над плотью одной возымеет
Власть, для меня завершить неверной течение жизни, —
875 Лучшее частью своей, вековечен, к светилам высоким
Я вознесусь, и мое нерушимо останется имя.
Всюду меня на земле, где бы власть ни раскинулась Рима,
Будут народы читать, и на вечные веки во славе —
Ежели только певцов предчувствиям верить — пребуду.

ФАСТЫ

(КН. II)

[24 февраля — праздник «бегство царя» (Regifugium). Самоубийство Лукреции, жены Коллатина, обесчещенной Секстом Тарквинием, послужило поводом для изгнания царей.]

- 885 Должно теперь рассказать о «бегстве царя»; это имя
Носит шестой от конца нашего² месяца день...
721 Римское войско меж тем держало в осаде Ардею³;
Враг не сдавался, терпя; медленно дело велось;
Битвы боялись враги; спокойно тянулась осада.
В стане ж веселье царит; много свободы бойцам.
Пир и попойка идут; молодой угощает Тарквиний⁴
Ближних друзей. Среди них так царевич сказал:
«Держит упорно пока затяжную осадой Ардею,
К отчим нашим богам нам не давая уйти;
Брачное ложе у нас все так же ли чисто? И женам
Нашим все так же ль мила общая наша любовь?»
731 Каждый хвалит свою. Настойчивость споры рождает.
Бурно кипят от вина их языки и сердца.
Вдруг поднимается тот, Коллатин кому славное имя:
«Нечего тратить слова! Верьте, — сказал, — лишь делам.
Долгая ночь впереди. На коней! И в город помчимся».
По сердцу эти слова. Тотчас взнуздали коней.

¹ Кеик и Альциона превращаются в птиц (зимородок по-гречески алуон). Они выют гнезда в скалах над морем около времени зимнего солнцестояния, когда море бывает спокойно. Тогда Эол, по Овидию, отдает море своим внучатам — детям Альционы.

² Февраля; за шесть дней до Календ (1 числа) марта — 24 февраля.

³ Город к югу от Рима, столица рутулов.

⁴ Сын Тарквиния Гордого, — последнего, седьмого царя Рима.

Быстро домчались верхом. К царю во дворец они прямо
Прибыли. Видят: совсем нет сторожей у ворот.
Царских невесток нашли проводящих ночь за попойкой;
Пышных гирлянд цветов падают с пьяных голов.
741 Быстрым шагом идут оттуда к Лукреции: пряла
Около ложа она, с шерстью корзины стоят.
Скудно светильник горел; служанки, урок выполняя,
Пряли; хозяйка же им ласково так говорит:
«Девушки! Ну, поспешайте! Нам нужно послать господину
Плащ возможно скорей, сделанный нашей рукой.
Слухи какие? Ведь больше, чем мне, вам приходится
слышать.

Сколько еще, говорят, времени будет война?
Рано иль поздно падешь — твой противник сильнее —
о Ардея,

Ты, что от нас отняла так уж надолго мужей!
751 Лишь бы вернулись они! Но храбр до безумья супруг мой:
Меч обнажив, он готов тотчас же броситься в бой.
В страхе сознание теряю, почти умираю, представив,
Как он рискует в бою; сердце стын timer в груди».
Речь прерывает от слез, выпадают из рук ее нити;
Низко склонилось лицо, грудь орошает слеза;
Стала прекраснее тем; ведь женские слезы стыдливость
Так украшают: лицо было достойно души.
«Страх отложи, — восклицает супруг, — я здесь!»

Встрепенулась,
Мужу повисла на грудь — сладкое бремя ему.
761 Страстью преступной меж тем в безумье охвачен царевич,
Скрыта любовь; тем сильней скрытой любовью горит.
Нравится внешность ему, волоса золотистые, нежной
Кожи ее белизна, милых манер простота.
Нравятся речи ее и ее чистоты неприступность.
Чем ему меньше надежд, тем он желает сильней.
Вестник крылатой зари, петух уж пропел свои песни:
Юноши, быстро несясь, в лагерь вернулись назад.
Мучит Тарквиния страсть; перед ним стоит образ далекий.
Вспомнит ли, нравится в ней все тем сильнее ему:
771 «Так сидела, одета была так, сплетала так нити,
Волосы вольной волной падали на спину ей.
Были черты лица таковы, таковы были речи,
Цвет лица таков был, облик изящен был весь».
Так после бури жестокой как будто утихнет волнение,
Но хоть прошел ураган, все же вздымается вал.
Пусть далека красота, что любовь при встрече внушила,
К той, что внушила любовь, страсть остается все та же.
Мучит к супруге чужой нечистая страсть; весь в огне он.
Хитростью, силой — он всем чистому ложу грозит.

781 Но под сомненьем успех: «Рискнем, — говорит, — а там
видно.

Случай счастливый и бог — смелому в помощь всегда:
Так мы и Габии взяли». Сказал — и меч надевает
На бок, садится верхом, быстро пускается в путь.
Солнце уже заходило, когда через медные двери
В дом Коллатина вошел юноша смелой стопой.
Недруг в обличии друга проник к Коллатину в покои.
Ласково принят он был, — связан ведь кровным родством!
Как ошибаться возможно всегда! Всегда, не зная коварства,
Бедная жертва сама яства готовит врагу.
791 Ужин окончен. Уж время ночное ко сну призывает.
Полночь была, и весь дом тьмою ночью объят.
Он поднялся, из ножен обнажил свой меч золоченый,
Входит в спальню твою, в спальню стыдливой жены.
Стал он коленом на ложе. «Со мною, Лукреция, меч мой;
Сын я царя, — говорит. — Сам я Тарквиний зовусь!»
Молча смотрит она; не в силах сказать хоть бы слово;
Замерло сердце, в уме мысли мешаются все.
Трепет ее охватил. В одинокой овчарне трепещет
Так вот овечка, когда волк ее подомнет.
801 Как поступить ей? Бороться? Слабей ведь в борьбе сила
женщин.

Будет кричать? Но в руке — меч, он кричать не велит.
Броситься в бегство скорей? Сжаты сильной рукой ее груди,
Грудь... чужая рука их не касалась досель.
Пущены в ход врагом его просьбы, подарки, угрозы.
Просьбы, угрозы, дары тронуть ее не могли.
«Выхода нет для тебя; твою смерть объясню преступленьем;
Ложный свидетель вины, сам я тебя ж обвиню.
Будет убит мною раб, с которым застал тебя, скажут».
Страх пред молвой победил; воле преступной сдалась.
811 Что ж, победитель, ты рад? От победы ты этой погибнешь!
Ночь эта стоит тебе царства потери всего.
День уж настал. Распустив волоса, печально сидела:
Сына неся на костер, мать так обычно идет.
Старца отца вызывает к себе; зовет верного мужа
Лагерь покинуть скорей; оба явились тотчас.
Видя такую ее, рассказать велят, что за причина
Горести — умер ли кто, горем каким сражена?
Долго она молчит, лицо от стыда закрывая.
Слезы бегут, как ручей вечно текущей воды.
821 Муж и отец в слезах и волнение ее утешают,
Что за причина, сказать просят. В страхе слепом
Трижды напрасно пыталась она говорить; на четвертый
Все рассказала, но глаз все же не решилась поднять.
«Это я тоже должна претерпеть от Тарквиния? Пусть так!

Правду — о горе! — скажу, свой я открою позор!»
Все, что могла, рассказала. Осталось последнее: плача,
Смолкла, стыд краской покрыл щеки честной жены.
Грех подневольный готовы простить и муж и родитель.
«Я не приму, — говорит, — то, что даете вы мне»,
831 Тотчас же скрытый кинжал в свое сердце вонзила;

к отцовским

Тотчас упала ногам, кровью залитая вся.
Даже тогда, умирая, возлечь она хочет достойно,
Даже и в смертный свой час вся ей забота о том.
Муж и отец, забыв о внешнем приличье, в печали
Общей, на землю упав, плакали горько над ней.
Был тут и Брут: он заставил забыть свое прозвище славным
Делом теперь; не боясь, вырвал из тела кинжал,
841 Поднял высоко его, благородной политый кровью.
Грозно его слова тут прозвучали царям:
«Чистою кровью твоей и смелой душою клянуся,
Тенью твоею клянуся — святы они для меня, —
Кару Тарквиния род понесет: изгоним злодеев!
Нечего больше скрывать смелый замысел мой!»
Слышит обет, и дрогнули очи потухшие жертвы.
Будто кивнув головой, их одобряет она.
Вот на сожжение несут жену с душою мужчины,
Вслед за собою несет слезы и гнев на царей.
Рана открыта ее. Крик Брута римлян сзывает,
Подлое дело царя все он народу открыл.
Изгнан Тарквиний, и вот берет власть ежегодную консул.
День тот для власти царей был роковым навсегда.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ЭЛЕГИИ (Tristia)

1, 3 [ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ В РИМЕ]

Чуть лишь представится мне картина печальная ночи —
В Риме последняя ночь это была для меня,
Вспомню ли время, когда дорогого я столько покинул,
Даже сейчас у меня катится капля из глаз.
5 Был уже близок рассвет. В наступающий день из пределов
Милой Авсонии мне Цезарь уйти повелел.
Не было времени в путь снарядиться, расстроился ум мой,
В долгих отсрочках совсем оцепенела душа,
10 Ни провожатых собрать, ни рабов, ни одежды для ссылки,
Ни даже средств для пути сил не хватало во мне,
Весь онемел я, точь-в-точь как сраженный перунами бога:
Жив он, а жизни в себе больше не чувствует сам.
Все же, когда прогнала помрачение духа такое
Скорбь и когда, наконец, чувства окрепли мои,

15 Перед уходом к друзьям опечаленным я обращаюсь:
Их из толпы налицо были один да другой.
Крепко меня обнимала супруга, мы плакали оба,
Ливнем лились по щекам слезы безвинной жены.
Дочь в отдаленном краю находилась, в пределах ливийских,
20 И о несчастье моем весть не могла получить.
Всюду, куда ни взгляни, раздавались рыдания и стоны:
Вид все имело кругом шумных внутри похорон,
На погребенье моем плачут жены, мужа, даже дети,
В доме любой уголок горя исполнен и слез.
25 Если великий пример для ничтожных подходит событий,
Вид точно тот же могло взятие Трои иметь.
Псов уже лай замолкал, голоса затихали людские,
Бегом упряжки ночной правила в небе луна.
Взгляд на нее устремив и потом бросив взгляд
в Капитолий —

30 Нашему дому в беде этот сосед не помог, —
Я говорю: «Божества, живущие в ближних жилищах!
Храмы, которых моим больше не видеть глазам!
Боги высокого града Квирина¹ (покинуть обязан
Вас навсегда я), навек шлю вам прощальный привет!
35 Правда, хвататься за щит опоздал я, уж будучи ранен:
От неприязни молю ссылку очистить мою
И об ошибке моей сказать небесному мужу²,
Чтобы в вину не вменял он преступление мне.
То, что знаете вы, пусть знает также каратель:
40 Умилосердится бог — с горем расстанусь и я». —
Так умолял я богов, еще больше молила супруга
И прерывала слова звуком рыданий своих.
Волосы вот уж она распустив, перед Ларами пала
Наземь, трепещущим ртом тронув угасший очаг.
45 Много за мужа сказала она враждебным Пенатам,
Горько оплакав его: не было силы в словах!
Ночь подходила к концу, не давая дальнейшей отсрочки;
Круто дала поворот в небе Медведицы ось.
Что было делать? Я с родиной связан был нежной любовью:
50 Строгий приказ мне давал эту последнюю ночь.
Ах! Сколько раз говорил я иным провожавшим: «Что
гонишь?
Вспомни, куда ты спешишь! Вспомни, откуда идешь!»
Ах! Сколько раз сам себя я обманывал, будто другой час
Лучше подходит к тому, чтобы отправиться в путь!
55 Трижды ступал на порог, был трижды оторван, и шаг мой
Вдруг замедлялся: душа мне не давала уйти.

¹ Посмертное прозвание Ромула.

² Августу.

Часто, сказавши «прости», говорил я многое снова,
 Словно, уже уходя, всех начинал целовать.
 Часто все те же давал поручения в самообмане,
 60 Милых, родных мне людей взором вокруг обводя.
 И, наконец: «Что спешу? Ведь в Скифию нас отправляют!
 Должен покинуть я Рим! Медлить законно вдвойне.
 Жив — и при жизни навек я теряю живую супругу,
 Дом свой и с ним дорогих верного дома друзей.
 65 И сотоварищей всех, которых люблю я по-братски, —
 Дружбой Тесея со мной связаны эти сердца.
 Есть еще время обнять! Никогда, может быть, не удастся
 В будущем! Выгоден мне каждый даруемый час!»
 Но уже медлить нельзя. Замолкаю, не кончивши слова,
 70 И обнимаю в душе смелых мне близких людей.
 Так говорил я. Мы плачем: А на небе тою порою
 Грозным светилом для нас яркий взшел Люцифер.
 Я отрываюсь, точь-в-точь будто члены свои оставляю;
 Кажется, тело мое рвется на части само...
 75 Тут поднимается крик и рыдания моих домочадцев,
 Руки с печалью, с тоской бьют в обнаженную грудь.
 Тут и супруга, прильнув к плечам уходящего мужа,
 80 Грустные речи к моим так примешала слезам:
 «Ты не уйдешь от меня! Вместе, вместе пойдем! За тобою
 В ссылку последую я, ссыльному буду женой!
 Путь приготовлен и мне, и меня примет край отдаленный,
 Грузом прибавлюсь судну ссыльного я небольшим.
 85 Цезаря гнев тебя из отечества гонит, меня же
 Верность жены: для меня Цезарем будет она»¹.
 Вот чего добивалась она, добивалась и раньше
 И уступила с трудом: польза склоняла к тому.
 Я выхожу — это был словно вынос живого в могилу —
 90 Грязно одет и космат, с гущей волос на лице.
 А у нее, говорят, от скорби в глазах потемнело,
 И среди дома она навзничь упала без чувств.
 После ж, когда поднялась, запачкав гадкою пылью
 Волосы, оторвала тело с холодной земли,
 95 Плакала то о себе, то о брошенных наших Пенатах
 И беспрерывно звала мужа, отнятого вдруг.
 Так-то рыдала, точь-в-точь как будто видя глазами
 Мой или дочери труп на возведенных кострах.
 Смерти хотела она и со смертью утратить все чувства,
 100 Но не погибла тогда из-за вниманья ко мне.
 Да, пусть живет, если так повелела судьба, и своею
 Помощью ссыльному жизнь пусть облегчает она!

¹ Стремление к изысканному заключительному афоризму не покидает Овидия и в этих полных волнения и грусти стихах.

Низко глядит в океан Эриманфской Медведицы¹ сторож,
 Воды пучины морской мутит светилом своим.
 Все-таки мы бороздим не своей Ионийское море
 Волею; смелыми быть мы из-за страха должны.
 Горе! Как силой ветров нарастает морская поверхность!
 Как закипает песок, взрытый из самых глубин!
 Валом не ниже горы на кривую корму налетают
 Волны и на нос и бьют в изображенья богов.
 Связки из сосен звенят под ударом, канаты скрежещут,
 10 Стоит о наших бедах самый и остов судна.
 Вот уж моряк, побледнев, не тая леденящего страха,
 Сдался: судна не ведет, следует сам за судном.
 Как малосильный ездок отпускает поводья на шею
 Рвущему буйно коню (пользы от них никакой), —
 Так, вижу я, не туда, куда бы хотел, направляет
 Кормчий судно, а куда нас увлекает волной.
 Если не выйдет Эол дуновение встречного ветра,
 То унесет нас в места, где нам являться нельзя.
 С левой от нас стороны далеко остались иллирийцы.
 20 Прямо — Италии вид, нам возбраненной страны.
 Пусть перестанет нас влечь к воспрещенному берегу ветер!
 Пусть покорится, как я, богу² великому он.
 Так говорю — и боюсь и хочу в то же время вернуться,
 С силой какою в борта вдруг нам ударился вал!
 Боги синеющих вод! Пощадите, молю, пощадите!
 Гонит Юпитер меня: хватит с меня и того!
 Мой истомившийся дух от безжалостной смерти избавьте!
 Впрочем, тому, кто погиб, гибели как избежать?

1, 9

5 В счастье покуда живешь, ты много друзей сосчитаешь,
 А как туманные дни явятся, будешь один.
 К белым, видишь ли, как несутся голуби кровлям,
 Грязные башни в себя птиц не приемлют совсем.
 К опустелым ларям муравьи никогда не стремятся,
 10 После утраты добра друг ни один не придет.
 Так сопутствует тень идущим в сиянии солнца,
 Но как покроют его тучи, она убежит,
 Так подвижная толпа следит за блесками счастья:
 Лишь в набежавшей они скроются туче, уйдет.
 15 Я бы желал, чтоб тебе навсегда это ложным казалось,
 Но по судьбе моей то правдой признать надлежит.

¹ Созвездие Малой Медведицы. Сторож ее — Арктур.

² Обожествленному императору Августу.